

ТОМ ХАРПЕР

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Эта блестяще выстроенная история связывает восдино наши дни и древнюю историю, современных мафиози и византийские придворные интриги.

The Times

СЕКРЕТ ПОКОЙНИКА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ТОМ ХАРПЕР

СЕКРЕТ
ПОКОЙНИКА

ЭКСМО
МОСКВА

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Tom Harper

SECRETS OF THE DEAD

Copyright © Tom Harper 2011

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Харпер, Том.

Х21 Секрет покойника / Том Харпер ; [пер. с англ. А.В. Бушуева]. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-79364-8

Святой равноапостольный император Константин навсегда изменил мир, сделав христианство господствующей религией Римской империи. Но даже у святых есть секреты, особенно у тех, кто наделен неограниченной властью. Спустя столетия тайны мертвых возвращаются из тьмы забвения, чтобы преследовать живых. Современным грешникам и святым, убийцам и миротворцам предстоит выяснить правду о злодеянии, вычеркнутом из истории, об убийстве, оставшемся неотмщенным, и о реликвии, казавшейся утерянной навсегда...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-79364-8

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Посвящается памяти
Дасты и Нэнси Роудс, а также
Патрика и Мэри Томас*

Ведя войну, всякий добивается мира; но никто, заключая мир, не добивается войны.

Августин Блаженный
«О граде Божием»

Мертвые хранят свои тайны, и довольно скоро мы станем такими же мудрыми, как и они.

Александр Смит

Глава 1

Приштина, Косово, наши дни

Смотаться с работы в пятницу днем — для Эбби это было роскошью, к которой она еще не привыкла.

В течение десяти лет работа означала для нее долгие дни в самых мрачных, самых зловещих уголках мира, где ей часами приходилось выслушивать несчастных людей, которые заново переживали выпавшие на их долю страдания. Вечером, сидя с ноутбуком в бывшем грузовом контейнере, холодном от стужи или раскаленном от зноя, — в зависимости от времени года, — она выжимала из их рассказов кровь и слезы, пока эти страшные повести не превращались в сухие и бесстрастные листы бумаги, которым предстояло стать свидетельствами для Международного трибунала в Гааге. Эбби никогда не увиливала от этой малоприятной работы. Она давно потеряла счет и ночным кошмарам, и бессонным ночам, когда, согнувшись пополам над биотуалетом, пыталась извергнуть из себя кровавые картины. Среди личных потерь последних лет числилось несколько многообещающих любовных романов, неудачный брак и наконец способность сострадать людям. Но всегда, несмотря ни на что, на следующее утро она вновь бралась за работу.

Впрочем, теперь все это в прошлом. Ее перевели в EULEX¹ — представительство Евросоюза в Косово, призванное помочь ко-

¹EULEX — от «EU» (первые буквы слова «Европа») и «Lex» («закон» — лат.) — специальная гражданская миссия Евросоюза, состоящая из свыше трех тысяч полицейских, судей, таможенников и прокуроров, направленных в Косово в 2008 году (*здесь и далее: прим. пер.*).

соварам стать образцовыми европейскими гражданами. Нет, конечно, в Косове имели место военные преступления, но это была головная боль уже для других. Эбби работала с гражданскими судами, помогая разрешить запутанные вопросы, кому и что принадлежит в этих краях после войны. «Бюро находок» — так называл ее работу Майкл. Эти насмешки ее не задевали. Главное, теперь она могла спокойно спать по ночам.

Женщина сложила папки и заперла их в шкаф. Затем убрала все со стола, чтобы в выходные дни уборщики могли навести здесь порядок. Осталось сделать пару дел: погасить свет и закрыть дверь. Тогда можно уходить. Она уже собралась выключить компьютер, когда обнаружила новое электронное письмо от директора. Читать его она не стала — еще одна роскошь, которую теперь она может себе позволить. Письмо потерпит до понедельника. Сейчас два часа дня, пятница. Ее рабочая неделя закончилась.

На улице Эбби ждал автомобиль Майкла — красный «Порше», кабриолет, винтажный образец 1968 года выпуска, по всей видимости, единственный в своем роде на Балканах.

Несмотря на повисшие над городом грозовые облака, верх был спущен. Это было совершенно в духе Майкла! Как только Эбби показалась в дверях, он завел мотор. Она наверняка недовольно поморщилась бы, услышав тарахтение двигателя, не будь она так счастлива. Она скользнула на пассажирское сиденье и поцеловала его в небритую щеку. Губы тотчас ощутили легкий укол щетины. Несколько людей, вышедших вслед за ней из офиса, остановились, чтобы поглазеть. Интересно, подумала Эбби, на что они смотрят — на машину или на нее? Майкл был на двадцать лет ее старше и выглядел на свой возраст, хотя годы были ему к лицу. На его лице залегли морщины, но они лишь подчеркивали его обаяние: вечную улыбку, лукавые чертики в глазах, уверенность в себе и спокойную силу.

Когда его волосы начали седеть, он не стал стричься коротко, а лишь добавил в ухо золотую серьгу. Чтобы не выглядеть излишне респектабельным, пояснил он. Эбби поддразнивала его, говоря, что он похож на пирата.

Майкл приподнял ей подбородок и слегка повернул ее голову, чтобы посмотреть на шею.

— Ага, я смотрю, ты носишь мое ожерелье.

Было видно, что он доволен. Ожерелье он подарил Эбби неделю назад. Ажурная золотая паутина с тонкой квадратной пластиной, украшенной пятью бисеринками красного стекла. В центре — монограмма, раннехристианский символ «Хи-Ро»¹, хотя Майкл никогда не отличался особой религиозностью. Само по себе ожерелье дышало древностью. Золото потемнело и приобрело медовый блеск, красные бусинки подернулись патиной времени. Когда Эбби спросила, откуда оно у него, Майкл лишь лукаво улыбнулся: мол, ожерелье дала ему одна цыганка.

Краем глаза Эбби заметила на заднем сиденье «Порше», рядом с «дипломатом» Майкла, свою черную косметичку.

— Ты куда-то собрался?

— В Которскую бухту, в Черногорию.

Эбби построила гримаску.

— Это ведь шесть часов езды!

— Ничего страшного.

С этими словами он вывел машину со стоянки и проехал мимо охранника в синем блейзере и бейсболке. Тот отсалютовал и проводил автомобиль восхищенным взглядом. На фоне служебных седанов служащих Евросоюза «Порше» выглядел чем-то вроде вымирающего вида фауны, таким шикарным и благородным мастодонтом автомобилестроения.

Держа руль одной рукой, Майкл пошарил на полу и вытащил фляжку, лежавшую возле ручного тормоза. При этом его рука как бы невзначай коснулась ее бедра там, где платье слегка задралось. Сделав глоток, Майкл протянул фляжку Эбби.

— Вот увидишь, оно того стоит.

Что ж, может быть, он прав. С Майклом всегда так: какой бы безумной ни была его идея, ему всегда хотелось верить. Как только они, отчаянно сигналив и лавируя в потоке машин, — на

¹ Монограмма имени Христа, состоящая из двух начальных букв («хи» и «ро») греческого имени ХРИСТОС.

это не осмелились бы даже местные лихачи, а они самые безбашенные во всей Европе, — выехали из Приштины, Майкл нажал на газ. «Порше» рванул вперед, и они на бешеной скорости полетели по шоссе. Эбби вжалась в сиденье и только наблюдала за тем, как мимо пролетали мили.

Они мчались с опущенным верхом навстречу ветру, обгоняя грозу, которая надвигалась все ближе, но так и не коснулась их. Они летели через все Косово, сначала по равнине, затем среди пологих холмов в направлении гор, будто сжимавших заходящее солнце, пока оно не сделалось кроваво-красным. Несколько слов, произнесенных Майклом на черногорской границе, и они беспрепятственно проскочили таможеню.

Вскоре они въехали в горы. Сразу сделалось зябко. Даже в августе на горных вершинах лежал снег.

Майкл не стал поднимать верх, а лишь включил на полную мощность обогреватель. Эбби нашла на полу одеяло и прикрыла им колени.

Еще несколько минут, и они оказались у цели. Дорога обогнула каменистое дефиле и теперь змеилась над бухтой, расположенной далеко внизу в тени гор. В сумерках виднелись лишь огни яхт и прогулочных катеров, что лениво покачивались на воде, окаймляя морской берег наподобие светящихся водорослей.

Майкл сбросил скорость и свернул влево. У Эбби от волнения перехватило дыхание — казалось, еще мгновение, и они слетят с края утеса. Но нет, за поворотом оказалась грунтовая подъездная дорога, упиравшаяся в чугунные ворота в белой оштукатуренной стене. Майкл вытащил из бардачка пульт дистанционного управления. Ворота открылись.

Эбби удивленно выгнула брови.

— И часто ты сюда приезжаешь?

— В первый раз.

За открытыми воротами Эбби разглядела плоскую крышу виллы, призрачно белевшей в сгущающихся сумерках. Сама вилла примостилась прямо посередине нависшего над морем выступа, пожалуй, в единственном месте на этой стороне бухты, где можно было построить дом. Противоположный берег

светился ночными огнями города и его окрестностей, расползшихся по горному склону. На этой стороне, кроме виллы, ничего не было. Майкл остановил машину на гравийной площадке рядом с домом. Затем вытащил незнакомый ключ и открыл массивную дубовую дверь.

— Прощу!

Снаружи вилла выглядела довольно скромно, и Эбби не была готова к тому, что ждало ее внутри. Работая в Приштине и получая жалованье Евросоюза, она привыкла жить в комфорте, однако это была роскошь совершенно иного уровня. Ее с порога поразил мраморный пол: зеленые и розовые плиты образовывали сложный геометрический узор. Все здесь, казалось, было сделано для сказочных великанов. В креслах и диванах можно утонуть, за обеденным столом из красного дерева способны разместиться человек двадцать. Огромная плазменная панель едва ли не во всю стену. Эбби такой ни разу не видела. С противоположной стены с иконы-триптиха в золотом окладе смотрели огромные лики трех православных святых.

— И во сколько, если не секрет, тебе все это обошлось?

— Ни пенса. Это не мое. Дом принадлежит моему другу, итальянскому судье. Он позволил мне провести здесь выходные.

— Мы ждем еще кого-нибудь?

Майкл усмехнулся:

— Дом в нашем полном распоряжении.

Она показала на «дипломат», который Майкл захватил с собой:

— Надеюсь, ты не взял работу на выходной?

— Подожди, вот когда ты увидишь бассейн...

С этими словами он распахнул стеклянную дверь. Эбби шагнула за порог и ахнула от восхищения. Позади виллы, на самом краю утеса раскинулась площадка с бассейном. С трех сторон ее обрамляла колоннада в псевдоклассическом стиле. Хотя, сказать по правде, колонны с коринфскими капителями не слишком гармонировали с ультрасовременной архитектурой дома. Четвертая сторона площадки была обращена к заливу. В сумерках казалось, будто вода бассейна стекает прямо в море. Никаких перил не было. Эбби услышала за спиной не-

громкий щелчок — это Майкл включил подсветку. Бассейн тотчас превратился в сказочное зрелище. Взгляду Эбби предстал подводный мир: нимфы и дельфины, русалки и морские звезды, морской бог с волосами-водорослями на колеснице, запряженной четверкой морских коньков. Картины были выложены на дне бассейна черно-белой мозаикой, на которой подрагивали дорожки света, отчего казалось, будто фигурки пляшут под водой.

Тем временем за колоннадой вспыхнуло освещение. Стало видно, что в каждой нише стоит мраморная статуя. Геракл в львиной шкуре отдыхает, опираясь на дубину. Афродита с обнаженной грудью пытается удержать соскользнувшую ниже бедер тунику. Медea с клубком змей на голове. Все изваяния казались незбылемыми, но когда Эбби не удержалась и легонько прикоснулась к одной из статуй, та слегка качнулась на пьедестале, как будто ее грозило опрокинуть порывом ветра. Эбби испуганно ойкнула.

— Осторожно! — предупредил ее Майкл. — Таких больше не делают.

Эбби рассмеялась.

— Это не оригиналы. Быть того не может.

— Оригиналы, все до единой. По крайней мере, мне так сказали.

Ошеломленная, Эбби прошла мимо безмолвных статуй и, приблизившись к краю террасы, заглянула вниз. Утес был отвесным, и она не смогла разглядеть его основание, лишь серебристую пену разбивавшихся о скалы волн. Она невольно поежилась. С моря тянуло прохладой. Летнее платье оказалось не слишком удачным нарядом для августовского вечера.

Внезапно за спиной Эбби раздался хлопок, и что-то пронеслось мимо ее лица, едва не задев щеку. На мгновение ей показалось, что она где-нибудь во Фритауне, Могадишо или Киншасе. Негромко вскрикнув, она резко развернулась и едва не потеряла равновесие. Поскольку перил не было, ей ничего не оставалось, как, спасая драгоценную жизнь, судорожно вцепиться в ближайшую колонну.

— С тобой все в порядке?

Майкл стоял рядом с бассейном, держа в одной руке два высоких бокала для шампанского и открытую бутылку — в другой.

— Прости, я не хотел тебя напугать. Почему бы нам не отпраздновать?

Отпраздновать? Но что именно? Эбби прижалась спиной к колонне. Сердце в груди колотилось как бешеное. Ночной ветерок прижал ожерелье ей к горлу. В голову закралась безумная мысль. Неужели Майкл хочет сделать ей предложение?

Майкл разлил шампанское и сунул бокал в ее дрожащую руку. Пена побежала через край и намочила ей пальцы. Майкл обнял ее за плечи и притянул к себе. Эбби сделала глоток. Майкл устремил взгляд на море, как будто что-то выглядывал на его просторах. Последний солнечный луч окрасил тонкой полоской линию горизонта и исчез.

— Я проголодался.

С этими словами Майкл принес из машины портативный холодильник. Вскоре дом наполнился запахами жареного чеснока, креветок и приправ. Эбби допила шампанское и принялась наблюдать за тем, как Майкл готовит ужин. Шампанское закончилось быстро. Однако из портативного холодильника появилась бутылка «Sancerre», которая тоже вскоре опустела.

Эбби нашла кнопку подогрева, и они сели ужинать на краю бассейна. Эбби опустила голые ноги в теплую воду, любуясь игрой света на дрожащей поверхности и россыпью звезд на черном бархате неба.

От еды и алкоголя она потихоньку расслабилась. Когда стало прохладнее, Майкл растопил в гостинной камин, и они устроились на диване, любуясь звездами в небе над бухтой. Эбби свернулась в комочек как котенок и, положив голову Майклу на колени, прикрыла глаза, чувствуя, как его рука скользит по ее волосам. Тебе уже тридцать два, пропищал тоненький голосок в ее голове, а не семнадцать. Эбби это ничуть не смутило. Ей это нравилось. С Майклом она чувствовала себя так, словно ничего никому не должна. Он облегчал ей жизнь. Позднее — когда опустела вторая бутылка вина и город на противоположной стороне бухты погрузился во тьму, а от огня в камине остались лишь тлеющие угли — Эбби заставила себя встать

с дивана. Ее покачивало. Майкл встал, чтобы поддержать ее. Сам он держался на ногах на удивление стойко, особенно если учесть количество выпитого спиртного.

Эбби обняла его и поцеловала в шею.

— Пойдем в постель? — спросила она, понимая, что пьяна, однако чувствуя себя на редкость хорошо. Ей хотелось поскорее оказаться в его объятиях, и она принялась расстегивать ему рубашку. Но Майкл выскользнул из ее объятий и развернул спиной к себе.

— Какая ты ненасытная, — пошутил он.

С этими словами он отвел ее в спальню, где расстегнул застежку ожерелья, и уложил ее на кровать. Эбби попыталась притянуть его к себе, но он высвободился.

— Куда ты собрался?

— Я еще не хочу спать.

— И я не хочу, — запротестовала Эбби. Впрочем, это была ложь. Как только Майкл, поцеловав ее и пожелав спокойной ночи, закрыл за собой дверь, она моментально уснула.

Проснувшись она от холода. Она лежала на кровати одетая, все в том же летнем платье, чувствуя на коже ледяное дыхание работающего кондиционера. Она перевернулась, в надежде ощутить теплый бок Майкла, но его рядом не оказалось. Эбби перекатилась к другому краю широкой кровати и пошарила в темноте рукой. Никого.

Какое-то мгновение она лежала тихо, всматриваясь в темноту незнакомой комнаты. Затем искала глазами лампу или торшер, но ничего подходящего не увидела. Ночную тишину нарушало лишь гудение кондиционера и тиканье будильника. Светящиеся стрелки показывали без четверти четыре утра.

Затем ее ухо уловило другие звуки — бормотание, чьи-то голоса. Она прислушалась, пытаясь распознать звуки этого странного дома. Голосов как будто бы два. Что это, чей-то разговор? Или всего лишь плеск волн?

Нет, скорее всего, это телевизор. Майкл, по всей видимости, смотрел его и уснул, забыв выключить. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, она разглядела в коридоре призрачный

голубоватый свет. Все еще ослотившаяся от сна и шампанского, Эбби задумалась. Что же ей делать? Одна часть сознания подсказывала, что лучше оставить Майкла спать одного в неудобной позе перед телевизором. С другой стороны, в огромной кровати одной было жалко.

Эбби встала и босиком прошлепала по коридору в гостиную. Огромный экран на стене действительно был включен, наполняя комнату голубым сиянием. В серебряной пепельнице лежало с полдюжину окурков. На кожаном диване осталась глубокая вмятина — должно быть, здесь до этого лежал Майкл.

Однако самого его не было. Звук телевизора был приглушен.

Что же я слышала?

Порыв ветра принес ночные ароматы жасмина, инжира и хлорки в бассейне. Снаружи, во дворике, свет все еще горел. Дверь оставалась открытой. В дверном проеме она увидела Майкла: он стоял возле бассейна и курил очередную сигарету. На металлическом столике рядом с ним лежал открытый «дипломат», который он принес в дом из машины. Над «дипломатом» склонился какой-то человек в белой рубашке и черных брюках, изучавший его содержимое.

Пошатываясь на ватных ногах, Эбби вышла во дворик. Давал о себе знать выпитый алкоголь. Перешагивая порог, она больно ударилась обо что-то босой ногой и от неожиданности негромко вскрикнула. Пустая бутылка из-под шампанского пролетела по полу и со шлепком свалилась в воду.

Две головы моментально повернулись в ее сторону.

— Надеюсь, я не помешала?

— Ступай обратно! — крикнул Майкл. В его голосе прозвучал не то испуг, не то приказ, но Эбби, вместо того чтобы прислушаться, сделала два шага вперед, к бассейну. Человек в белой рубашке быстро убрал руку за спину. Впрочем, в следующее мгновение рука появилась снова. На этот раз с зажатым в ней пистолетом.

Это было последнее, что Эбби запомнила отчетливо. Все, что произошло потом, превратилось в размытую, отрывочную картину. Майкл толкнул незнакомца в грудь, так что пуля полетела неизвестно куда. Столик опрокинулся. Содержимое «дипло-

мата» разлетелось по плиткам пола. Даже если Эбби увидела, что там было, то все равно не запомнила. От испуга она отскочила в сторону, поскользнулась и упала в бассейн.

Больно ударившись о воду, она принялась бить руками, но все-таки нахлебалась воды. В горле тотчас заципало от хлорки, и она закашлялась. Платье, облепив ее, как саван, тянуло вниз.

Вынырнув наконец на поверхность, она метнулась к краю бассейна. С подсвеченного дна ее манили к себе мозаичные нимфы. Вцепившись в бортик, Эбби подтянулась и вылезла из воды.

Несколько мгновений она безвольно лежала на краю бассейна. Глазам предстала следующая картина. Раскрытый «дипломат» и перевернутый столик. Мраморные изваяния античных богов, бесстрастно смотрящие на нее сверху вниз. В дальнем конце террасы, над бездной, в схватке сцепились двое мужчин. Майкл нанес противнику удар, но не достиг цели. Человек в белой рубашке схватил его за руку и вывернул ее за спину, подталкивая его самого к самому обрыву. На мгновение оба застыли на месте, словно возлюбленные, любующиеся закатом. Затем незнакомец одним резким движением сбил Майкла с ног и толкнул вперед. Майкл покачнулся и попытался сохранить равновесие. Это ему почти удалось — как птица со сломанным крылом, он на миг застыл на краю утеса. Но соперник явно задался целью покончить с ним. Впрочем, похоже, в этом не было необходимости. Без звука, как будто жизнь уже покинула его, Майкл перелетел через край и исчез из вида.

Эбби вскрикнула. Незнакомец тотчас обернулся на ее крик. Его движения были точными и плавными. Пока нападавший боролся с Майклом, он уронил пистолет, и вот теперь оружие снова было в его руке. Он проверил затвор и магазин. Выбросил отстреленную обойму, перезарядил.

Чувствуя, как мокрое платье липнет к телу, Эбби поднялась на ноги. Что делать? Куда бежать? К машине?

Но она не знает, где Майкл оставил ключи. Времени, чтобы вернуться в дом и искать их там, у нее нет. Зажав в руке пистолет, незнакомец двинулся вдоль края бассейна. Эбби нырнула за колоннаду, и в следующее мгновение грянул выстрел. Хрустнул камень, что-то упало. Эбби пригнулась, ища спасе-

ние между колонн и за постаментами статуй. Она как будто превратилась в движущуюся мишень в тире, правда, незнакомец больше не стрелял. Неужели у него закончились патроны?

Добравшись до конца колоннады, она остановилась. Над ней, сжимая в кулаке молнию, возвышался мраморный Юпитер. Эбби услышала размеренный звук шагов и с тошнотворной отчетливостью поняла, почему незнакомец больше не стреляет. Она сама загнала себя в угол, из которого ей некуда бежать. Девушка юркнула за постамент статуи. Звук шагов смолк.

Хуже всего была полная тишина.

— Что вам надо? — не выдержала Эбби.

Молчание. Вода стекала с ее мокрого платья, собираясь лужицами возле ног. Чего ждет этот тип?

Она считала, что знает, что такое столкнуться со смертью. Она тысячи раз слышала рассказы о случаях вроде этого и прилежно их записывала. Но те люди были свидетелями, которым посчастливилось остаться в живых. Один сумел убежать от убийц, другой, притворившись мертвым, в течение долгих часов лежал среди неподвижных тел, пока вокруг него умирали родственники и соседи. Эти люди не сдались, не уступили смерти.

Эбби поняла: у нее остался один-единственный шанс. Навалившись всем телом на массивную статую, она из последних сил толкнула ее. Та качнулась и полетела на пол. Божество разбилось, разлетелось на множество осколков. Убийца отскочил назад и потерял равновесие.

Она бросилась наутек. Пробежав последние несколько ярдов террасы, она снова устремилась в дом. Гигантский экран телевизора на стене показывал эпизоды войны и мщения, равнодушный к реальному ужасу, с которым вживую столкнулась Эбби.

Куда теперь?

Увы, убийца пришел в себя слишком быстро. Первая пуля разнесла вдребезги окно за ее спиной. Вторая впиалась ей в плечо. Ее мгновенно развернуло вокруг своей оси. Эбби увидела, как убийца шагнул в разбитое окно. Дуло смотрело прямо на нее.

— Прощу вас! — взмолилась она. — Не надо! Что вам от меня нужно?

Незнакомец пожал плечами. Взгляд Эбби выхватил черные усы и родинку на правой щеке, из которой торчали волосы. И еще глаза — темные и безжалостные.

Перед ее мысленным взором всплыло лицо свидетельницы, с которой она разговаривала несколько лет назад, седоволосой женщины из племени хуту, готовившей еду в лагере для беженцев, в джунглях на границе между Конго и Руандой.

— Вы не сдались, — с восхищением сказала ей тогда Эбби, но женщина покачала головой.

— Мне повезло. Остальным нет. Только в этом и разница. Незнакомец поднял пистолет и выстрелил.

Глава 2

Римская провинция Мёзия, август 337 года

На дворе все еще август, но осень уже пришла. Как и любой старик, я боюсь этого времени года. Падают тени, ночи становятся длиннее, в руках появляются ножи. По вечерам вроде сегодняшнего, когда от холода начинают ныть старые раны, я отправляюсь в баню и приказываю рабам хорошенько ее прогреть. Бассейн пуст, но я сижу на его краю, на раскаленных камнях. От них поднимается пар, размягчая и согревая мою плоть. Возможно, это облегчит задачу моих убийц, когда они придут за моей жизнью. Я готов умереть, смерть больше не страшит меня. Я и так прожил дольше, чем заслужил. Я был солдатом, придворным, политиком. Ни одна из этих профессий не обещает долгой жизни. Когда мои убийцы придут — а они непременно придут, — я знаю, что они не станут мешкать. В наши дни у них слишком много работы. Я не последний, кого они собираются лишить жизни. Пытать меня они не станут: они просто не знают, какие вопросы мне задавать. Они не имеют ни малейшего представления о том, что я мог бы им рассказать.

По спине пробегают мурашки. Я не стал раздеваться — не хочу умереть голым, — и моя одежда намокла. Плеснув на горячие камни бассейна еще воды, я наклоняюсь ближе к пару. В его туманной пелене мне видны черно-белые морские боги,

выложенные мозаикой на дне бассейна. Умирующие боги из умирающего мира. Знают ли о том, какую роль я сыграл в их исчезновении?

И вновь по моему телу пробегает дрожь. Я готов умереть. Но смерть пугает меня. И то, что будет потом. Боги, которые умрут весной, иногда возвращаются к жизни. Старики, которых убивают осенью, — никогда. Но куда же они исчезают?..

Пар сгущается.

Всю свою жизнь я спорил с богами — с богом, который стал человеком, и с человеком, который стал богом. Теперь, в самом конце, глядя в туманную, клубящуюся паром бездну, я знаю о том, что же именно уготовили мне боги, не больше, чем когда я впервые посмотрел на мир из детской колыбели. Или даже четыре месяца назад, пыльным апрельским днем в Константинополе, когда я услышал о мертвеце, которому было суждено изменить мою жизнь. Вернее, ту ее часть, которую мне еще осталось прожить.

Воспоминания облаками клубятся передо мной и оседают бисеринками пота на моей коже. Мой разум напоминает причудливую страну с многочисленными стенами, но без расстояний. Я уже не в бане, а где-то в другом месте, в другом времени, и мой старый друг говорит...

— ...ты мне нужен.

Мы с ним во дворце, в зале для аудиенций. Правда, кроме нас двоих здесь никого нет. Мы — два старика, сгорбленные тяжестью прожитых лет. Но, насколько мне помнится, так было всегда: он выступает, я рукоплещу.

Правда, сейчас я не рукоплещу. Я слушаю, что он рассказывает о смерти одного человека, и стараюсь сделать соответствующее лицо. После стольких лет, проведенных при дворе, я извлекаю свои чувства, как маски из шкафа с хорошо смазанными петлями. Но сегодня я не уверен, что именно требуется от меня в данный момент. Мне хочется выглядеть уважительным по отношению к мертвецу. Но не слишком. Я не намерен изображать скорбь, хотя, наверно, именно этого от меня ждут. Значит ли это, что я толстокожий и черствый?

— Его нашли два часа назад в библиотеке академии. Как только там поняли, кто это, то сразу сообщили во дворец.

Он пытается вовлечь меня в разговор, разжечь мое любопытство. Я же храню молчание. На этом свете не слишком много осталось людей, которые молчат, когда он хочет, чтобы они говорили. Пожалуй даже, я последний из них. Мы с ним росли как родные братья, неразлучные сыновья командиров одного легиона. Его мать была трактирщицей, моя — прачкой. Сейчас же титулы украшают моего собеседника как драгоценные камни, которыми расшито его тяжелое одеяние. Флавий Валерий Константин, император, цезарь и август, консул и проконсул, первосвященник Константин, благословенный и благочестивый хранитель веры, Константин, несокрушимый победитель врагов и заботливый покровитель подданных. Словом, Константин Великий.

И даже сейчас, когда в свои преклонные годы он стал дедом, от него по-прежнему исходит величие. Я до сих пор ощущаю его едва ли не кожей. Его круглое лицо, симпатичное и обольстительное в юности, сейчас оплыло и обвисло. Мускулы, благодаря которым он собрал империю, сделались дряблыми. Однако величие никуда не исчезло. Художники, изображающие его с золотым нимбом над головой, всего лишь раскрашивают тот лик, что известен всем. Власть все так же живет в его теле — непоколебимая уверенность, которую могут дать только боги.

— Имя убитого — Александр. Он был епископ — важная персона в сообществе христиан. Насколько мне помнится, в свое время он учил одного из моих сыновей.

Насколько мне помнится. Меня как будто обволакивает холодное морское течение, хотя я даже не поежился. Мое лицо ничего не выражает.

Так же, как и его.

Без предупреждения он что-то кидает мне в руки. Мое тело давно сделалось медлительным и неповоротливым, но реакция в нем еще сохранилась. Я ловлю брошенное одной рукой и разжимаю кулак.

— Рядом с телом нашли вот это.

Ожерелье. Оно легко поместилось на моей ладони. Ажурная паутина из блестящего нового золота, в центре Константинова

монограмма Хи-Ро в окружении бусинок красного стекла. Судя по разорванным звеньям цепочки, его сорвали с чьей-то шеи.

— Оно принадлежало епископу?

— Слуга утверждает, что нет.

— Значит, убийце?

— Или же его туда намеренно подбросили. — Он издает нетерпеливый вздох. — Это вопросы, Гай, на которые я хочу получить ответы.

Ожерелье холодное на ощупь — амулет мертвеца, который мне вручили вопреки моему желанию. Я продолжаю сопротивляться.

— Я ничего не знаю о христианах.

— Неправда, — возражает Константин и прикасается к моему плечу. Когда-то это был естественный, дружеский жест. Сейчас его рука равнодушно тверда. — Ты знаешь достаточно, чтобы понимать, что они враждуют как коты, зашитые в одном мешке. Если я отправлю выяснять случившееся одного из них, половина их тут же объявит его схизматиком и еретиком. Тогда вторая половина поспешит обвинить в том же самом первую.

Император качает головой. Хотя он и бог, даже он не в состоянии постичь тайны церкви.

— Ты думаешь, что его убил христианин?

Похоже, мой вопрос застает его врасплох. Константин растерян. Я почти верю в его искренность.

— Помилуй бог. Они плюются и царапаются, но зубы в ход не пускают.

Я не спорю с ним. Я ничего не знаю о христианах.

— Но люди начнут строить догадки. Кто-то скажет, что убийство Александра — это преступление против всех христиан, которое совершили их ненавистники. Эти раны еще не зарубцевались, Гай. Мы пятнадцать лет вели гражданскую войну, чтобы объединить империю и восстановить мир. Нельзя допустить, чтобы сейчас она распалась.

Константин прав в своем беспокойстве. Он построил город в спешке. Цемент еще не затвердел, но уже пошел трещинами.

— Через две недели я уйду в поход. Через два месяца я буду далеко отсюда, в Персии. Я не могу оставить это дело не-

решенным. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять и кто может быстро разрешить эту загадку. Прошу тебя, Гай. Ради нашей давней дружбы.

Неужели он думает, что способен повлиять на меня? Ради нашей дружбы я делал такие вещи, за которые даже бог по имени Христос при всей его снисходительности не простил бы меня.

— На следующей неделе я собирался домой, в Мёзию. Все уже готово к отъезду.

На его лице появляется выражение, подобное тоске по прекрасному прошлому. Его глаза туманятся воспоминаниями.

— Ты помнишь те дни, Гай? Как мы играли в полях на окраине Наисса¹? Как забирались в курятники, где воровали яйца? Нас ведь тогда никто не поймал, верно?

Нас не ловили, потому что твой отец был трибуном. Но я не говорю этого вслух. Не стоит рисковать.

— Я должен побывать там, хочу вновь почувствовать под ногами родную землю. Я сделаю это, когда вернусь из Персии.

— Всегда буду рад видеть тебя в своем доме.

— Я загляну к тебе. Но ты окажешься дома раньше меня. Как только выполнишь мое задание.

Вот и все. У бога нет времени для долгих разговоров. Мы могли бы обсуждать этот вопрос часами, днями, он же свел свои доводы к одному предложению. Все мои уловки, все мое нежелание впутываться в это дело пошли прахом от мгновенно принятого решения.

— Тебе просто нужен виновник, или ты действительно хочешь, чтобы я нашел настоящего убийцу?

Это очень важный вопрос. В этом городе не все убийства являются преступлениями. И не все преступники — виновны. И Константин лучше, чем кто-либо другой, понимает это.

— Я хочу, чтобы ты выяснил, чьих это рук дело. Очень осторожно.

Ему нужна правда. Тогда он решит, что ему делать.

— Если я стану стучаться в двери христиан, откроют ли они мне?

¹ Наисс — ныне сербский город Ниш.

— Они будут знать, что такова моя воля, что ты выполняешь мое поручение.

Я здесь ради тебя. Всю свою жизнь я выполнял твои поручения. Твой советник и друг. Твоя правая рука, когда требовалось действовать, но тебе нужно было сидеть тихо. Твоя аудитория, твоя публика. Ты играешь, я рукоплещу. И подчиняюсь.

Он хлопает в ладоши, и откуда-то из тени появляется раб. Обо мне сразу забыли: в этом городе всегда есть другая публика. Раб принес диптих из слоновой кости — две таблички, соединенные кожаными полосками. Передняя украшена резным изображением императора. Его глаза обращены к небу, на голове солнечная корона. Рядом — знакомая монограмма Хи-Ро, та самая, что и на ожерелье. Несколько строк текста на внутренней стороне перечисляют полномочия, дарованные мне Константином.

— Спасибо, что берешься за это дело, Гай. — Он обнимает меня, и на сей раз между двумя старыми телами возникает что-то похожее на теплоту. Он шепчет мне на ухо: — Мне нужен тот, кому я могу доверять. Тот, кто знает, где зарыты тела.

Я смеюсь, мне больше ничего не остается. Конечно, я знаю, где зарыты тела. Большую часть могил я выкопал сам.

Глава 3

Наши дни

Стена была серой и выщербленной. Потолок белый. Деревянная дверь с застекленным окошком, над ней распятие. Слышен монотонный гул и время от времени какое-то пиканье, похожее на случайные выстрелы в старой компьютерной игре. Каждая клетка ее тела кричала и стонала от боли.

Она лежала на спине, рассматривая детали. Так было легче побороть боль. Оказывается, стена никакая не выщербленная, это всего лишь иллюзия: просто краска на бетоне слегка облупилась. Серая краска. Интересно, кому это пришла в голову мысль красить бетонную стенку серой краской? Пиканье было неритмичным и доносилось из двух источников, которые

звучали немного не в такт. Один отставал от другого на пару секунд. Затем пару мгновений звуки доносились почти синхронно, после чего второй вырывался вперед.

Потолок не был полностью белым. На плитках темнели бурые пятна, как будто от пролитого вина.

Пятно на окошке шевельнулось. Оно было не на окне, а по ту сторону стекла. Кто-то стоял там, спиной к двери. Она стала ждать, когда человек отойдет, но тот оставался на месте.

Где я? — подумала она. Затем возник новый, куда более страшный вопрос: *Кто я?*

Ее охватила паника. Она попыталась встать, но обнаружила, что не может. Паника усилилась, дыхание перехватило. Сердце стучало так часто, как будто было готово выскочить из груди. Все вокруг неожиданно потемнело. Она заметалась на кровати, пытаясь скинуть с себя одеяло. Из горла вырвался истошный крик. Дверь тотчас же распахнулась. В комнату ворвался мужчина в тесном костюме. Он что-то громко крикнул на незнакомом языке. Пиджак распахнулся, открыв взгляду пистолет в коричневой подмышечной кобуре.

Она вновь провалилась в темноту.

— Эбигейл! Вы меня слышите?

Паника никуда не делась, теперь она дремала в ней, подобно медленному запалу, постепенно прожигая дыру в ее животе. Дыхание сделалось поверхностным. Она попыталась пошевелить рукой, но не смогла. Дыхание участилось. Успокойся!

Внезапно она поняла, откуда доносится пиканье. Она тотчас прислушалась, заставляя себя сосредоточиться на его ритме, выделяя его среди прочих звуков. Затем попыталась дышать ему в такт. Это помогло ей немного расслабиться. Наконец, она осмелилась открыть глаза.

И увидела перед собой лицо. Карие глаза, каштановые волосы, рыжеватая борода. Неужели это лицо реально? Или оно ей привиделось, и этот образ родился из бурых пятен на потолке?

Лицо немного сместилось. Потолок остался на месте.

— Эбигейл Кормак? — произнес незнакомец.

— Я не знаю...

— Вы не помните?..

Паника усилилась. *Разве я должна что-то помнить? Что именно? Неужели это так важно?* Ее разум был столь же слаб, как и тело. Он отчаянно барахтался в незримых путах.

— Не помню.

— Ничего не помните?

Невероятно. Это повергло ее в еще большее отчаяние.

Лицо отодвинулось куда-то в сторону. Она слышала скрежет отодвигаемого стула. Когда лицо появилось снова, оно было ниже, но дальше от нее, этакое солнце над горизонтом ее плоского мира.

— Ваше имя Эбигейл Кормак. Вы работаете в министерстве иностранных дел и по линии миссии Евросоюза EULEX находились в командировке в Косове. В выходные с вами кое-что случилось.

В целом это соответствовало истине. Она словно видела это в кино или читала в книге. Какие-то вещи ускользнули из ее памяти, какие-то нет, третьи по непонятной причине изменились. Она внимательно посмотрела на обладателя рыжеватой бородки.

— Кто вы?

— Меня зовут Норрис. Я из британского посольства в Подгорице. Это...

— ...столица Черногории. — Слова как будто всплыли из ниоткуда, что удивило ее не меньше, чем мужчину с бородкой. *Откуда я это знаю?*

Карие глаза прищурились.

— Значит, вы помните.

— Да. Нет. Я не... — Она изо всех сил попыталась произнести эти слова. — Я что-то знаю. Когда вы произносите слова вроде «британское посольство» или «Косово» или «выходные», они мне знакомы. Я понимаю вас. Но когда задаете вопрос, я ничего не понимаю.

— Ничего?

Она задумалась, но даже эта попытка ее утомила.

— Был человек с пистолетом, — осторожно произнесла она, примеряя слова словно платье, чей размер вызывает сомнения.

— Вы запомнили его?

Она закрыла глаза, пытаясь воскресить в памяти образ.

— Синий костюм. Он вошел через дверь.

— На вилле?

— Сюда вошел. В эту комнату.

Норрис со вздохом сел обратно на стул.

— Это было сегодня утром. Возле вашей двери поставили полицейского, чтобы он охранял вас. Он услышал ваш крик и вошел, чтобы убедиться, что с вами все в порядке.

Охранник? Полицейский?

— Я в опасности?

— Вы действительно ничего не помните?

Ну сколько можно повторять одно и то же! Эбби бессильно опустила голову на подушку.

— Расскажите мне.

Он бросил взгляд на дверь, как будто искал подтверждения каким-то своим действиям. Она тотчас испытала новый приступ паники. *Неужели там есть кто-то еще?*

Она попробовала поднять голову, но ничего не увидела.

— В вас стреляли. Нам известно лишь то, что когда пришла полиция, вы лежали там, на вилле, полумертвая. Всюду кровь. В вас попала пуля. Медики нашли ваш паспорт и позвонили нам. Что касается вашего мужа...

Внутри у нее тотчас что-то напряглось.

— Что с ним?

— Вы не помните?

Она покачала головой. Норрис бросил еще один косой взгляд в угол.

— Мне трудно говорить об этом. Извините, что сообщаю вам эту печальную весть, но ваш муж мертв.

— Гектор?

Настала очередь Норриса удивиться.

— Кто такой Гектор?

«Не знаю!» — хотела она закричать в голос. Имя пришло ей на ум неожиданно, появилось как призрак, непрошенное и нежданное.

— Разве не он мой муж?

Но даже когда эти слова слетели с ее губ, Эбби поняла, что ошибается. *Я не замужем*, подумала она. Затем, с легкой улыбкой, подумала, что уж такого-то она бы не забыла.

Норрис посмотрел на какой-то листок.

— Согласно найденному паспорту, его имя Майкл Ласкарис.

Это имя что-то для нее значило. Улыбка погасла. Она откинулась на подушку. Воспоминания полетели мимо со скоростью миллион миль в час.

Пик-пик. Красный спортивный автомобиль, мчащийся среди гор. *Пик.* Темная бухта, ярко подсвеченный бассейн и мертвые лица статуй. *Пик-пик.* Просыпаюсь среди ночи. Человек с пистолетом. Схватка. Крик Майкла, слетающего с утеса. Ее крик. *Пик-пик-пик-пик...*

Кто-то стукнул в дверь... не человек с пистолетом, а женщина в зеленом халате со шприцем в руке.

— Подождите! — услышала она голос Норриса. — Дайте ей возможности!..

Но они не дали ей возможности. Сильные пальцы взяли ее за руку, и в кожу вонзилась тонкая игла. Воспоминания замедлили бег.

Затем наступила тишина.

— Так вы помните Майкла Ласкариса?

Картинки в памяти сделались стабильнее, теперь сменяя друг друга в нежном анданте¹.

Эбби усадили в постели. Это все, на что она была способна в своем состоянии. Ее левая рука и плечо были в гипсе, так же как грудь и часть живота. Ей объяснили, что где-то под ним находится пулевое ранение. В вас стреляли, сказали врачи. Это показалось ей абсолютно невероятным. Стреляли в других людей, в жертв. На своей старой работе Эбби повидала достаточно ранений, чтобы понимать: подобное бывает не только в кино или на экране телевизора. Но все равно это происходило не с ней. *Вы страдаете, я соболезную.*

¹ Анданте (итал. Andante) — умеренно медленный темп музыкального исполнения.

— Вы помните Майкла?

— Он водил «Порше».

Листок в руке Норриса превратился в папку. Он принялся деловито перелистывать страницы.

— «Порше Тарга», 1968 года выпуска, красная, зарегистрирована в Объединенном королевстве, верно?

Эбби пожала здоровым плечом.

— Была красная.

У нее и в мыслях не было шутить. Разве что чуть-чуть. Однако Норрис явно воспринял ее слова как личное оскорбление. Он резко встал и захлопнул папку.

— Я понимаю, вы в неважном состоянии. Господи, вам повезло, что вы вообще остались в живых! Но вы должны понимать, насколько все серьезно. Кто-то врывается в дом и нападает на двух дипломатов из Европы. Такие вещи нельзя спускать на тормозах.

Он не врывался, подумала Эбби. Он уже был в доме, возле бассейна вместе с Майклом.

— Черногорцы мечутся туда-сюда как ужаленные. Они боятся, что дело вызовет бурю в Брюсселе и это затормозит их прием в Евросоюз. Боятся, что их внесут в списки террористов или что-то в этом роде. На мой взгляд, они, конечно, все сильно преувеличивают. — С этими словами Норрис строго посмотрел на нее, как будто это была ее вина. — Вы не настолько важная персона.

— Спасибо.

— Но мы не спешим поднимать скандал. Нам он тоже ни к чему. Ситуация слишком щекотливая, если говорить честно.

Картинки поплыли чуть быстрее.

— Извините, если доставила вам неприятности.

— Ничего, справимся, — ответил Норрис. Он явно не уловил сарказм в ее словах. — Но нам необходимо знать, что случилось.

— Мне тоже.

Это она тянет время. Были кое-какие фрагменты, которые ожидали, когда их перевернут и внимательно изучат. Она не вполне знала, что при этом выяснится, но понимала, что ей заранее страшно.

— Давайте начнем с Майкла Ласкариса.

В голове всплыл фрагмент из начала их беседы.

— Он не мой муж.

— Теперь мы это знаем. По вашим документам, имеющимся в Лондоне, мы узнали, что вы были замужем. Вас и Майкла нашли вдвоем. Мы сделали предположение. Получается, что мы ошибались.

— То есть я в разводе? — И снова она поняла, что это было ей известно еще до того, как Норрис подтвердил этот факт. Слово «развод» показалось ей правильным и каким-то кислым.

— Майкл Ласкарис упал со скалы, — продолжил Норрис. — Три дня спустя полиция выловила его тело в Которской бухте.

Эбби заставила себя еще немного выпрямиться. Боль острием кинжала пронзила ребра. Эбби поморщилась, однако удержала себя в новой позе.

— Он не упал с утеса. Его сбросили.

— Значит, вы это помните.

— Память начинает возвращаться.

Норрис достал ручку.

— Давайте начнем с самого начала. Это была ваша идея поехать туда?

— Нет, не думаю.

— Майкла?

— Вилла принадлежала его другу.

— Он сказал вам, кто этот друг?

Теперь память возвращалась к ней намного легче.

— Какой-то итальянский судья.

Норрис сделал запись.

— Он был там? Этот судья?

— Нет, мы были вдвоем.

— Романтическое убежище.

На этот раз его тон не понравился Эбби. Она откинулась на спину.

— Вечер закончился отнюдь не романтически.

Она по возможности быстро сообщила ему те клочки воспоминаний, которые возвращались к ней: проснулась среди ночи, услышала шум, вышла на террасу с бассейном.

— Майкл дрался с каким-то незнакомым мужчиной. — Эбби сделала паузу. К ней вернулись лишь крошечные обрывки воспоминаний, смутные образы и моменты. Норрису же требовался связный четкий рассказ. — Дом был полон антиквариата. Я предположила, что это грабитель. Майкл, должно быть, услышал, как он забрался в дом, и застал его врасплох. Я попыталась помочь. Он...

Эбби замолчала. Из всего, что она отчаянно пыталась вспомнить, этот образ ей хотелось забыть навсегда.

— Он столкнул Майкла с обрыва, после чего набросился на меня.

— Вы его разглядели?

Она напряглась и попыталась вспомнить, но чувствовала себя как во сне. Чем сильнее Норрис нажимал на нее, тем дальше отступали воспоминания. Она вглядывалась в лица, но видела лишь размытые очертания.

— Извините.

— Вы уверены, что там больше никого не было?

— Я никого больше не помню. — В глазах собеседника Эбби прочла недоверие. — А что, кто-то был?

— Кто-то позвонил в полицию.

— Может, соседи? — спросила она, зная, что это не так. Ей вспомнилась темнота — никаких огней на несколько миль вокруг.

Норрис покачал головой:

— Звонили с виллы. Лишь поэтому стало известно, что вы там. — Норрис отложил ручку. — Должно быть, это сделали вы. Вы были слишком слабы, чтобы говорить. Вы ничего не сказали. Просто оставили трубку на полу и отползли в сторону.

Попытка вспомнить случившееся обернулась для Эбби головной болью. Она зажмурила глаза и потеряла виски.

— Нет, такого я точно не помню.

Она открыла глаза, в надежде, что Норрис ушел. Тот, напротив, остался и занялся виниловым карманом на задней обложке папки. Вытащив из него запечатанный пластиковый пакетик с чем-то плотным внутри, он поднес его к глазам Эбби, чтобы та могла рассмотреть содержимое. Это оказалось ожере-

лье: причудливое переплетение, как бы сотканный из золотых нитей узор вокруг монограммы в форме буквы «Р» с петелькой, которая, продолжаясь влево, пересекала вертикальную черту. Вещь явно была старой.

— Узнаете?

— Да, это мое ожерелье, — ответила она. — Оно было на мне в ту ночь.

— Что оно означает?

Неужели он проверяет ее? *Что, если это ловушка? А если да, что он хочет доказать? Я с трудом вспоминаю собственное имя.* Эбби обвела взглядом комнату. Монитор, похожий на допотопный радиоприемник. Капельница. Облупившаяся краска. Распятие над дверью... и что-то связанное с ним. Ей показалось, будто между ожерельем и распятием пробежала какая-то искра. Искра эта на миг перекинула мостки через пропасть беспамятства, породив столь яркие озарения, что Эбби ощутила едва ли не физическую боль.

— Его подарил мне Майкл. Это древний христианский символ.

Она протянула было руку, как будто кусочек старинного металла хранил в себе память о Майкле, к которой она могла прикоснуться. Увы, ей помешали повязка и гипс.

Норрис сунул ожерелье обратно в папку. Эбби тотчас ощутила боль утраты: последняя связь с Майклом ускользала от нее. Неужели все так и будет до конца ее жизни? И ей ничего не остается, как тосковать о том, что больше к ней никогда не вернется?

— Полицейские нашли его в бассейне. Они решили, что оно имеет какое-то отношение к нападавшему.

Норрис захлопнул папку и встал.

— Думаю, что на сегодня хватит. Если вы, разумеется, не вспомните что-нибудь еще.

С этими словами он направился к двери.

— Подождите! — позвала его Эбби, чувствуя, что ей снова становится страшно. — Что теперь будет со мной?

Норрис на мгновение задержался на пороге.

— Вы вернетесь домой.

Глава 4

Константинополь, апрель 337 года

Каждый раз, когда я открываю в этом городе дверь, у меня возникает ощущение, будто я вхожу в забытую кладовую огромного дома. Здесь все покрыто пылью. Каждый шаг оставляет след, каждое прикосновение — отпечатки пальцев. Можно подумать, будто город вот уже несколько столетий заброшен. Но это не пыль древности, это пыль мастерской ремесленника, пыль созидания. И она все еще оседает. Каждый день она облаком нависает над городом. Я чувствую ее на языке, когда вхожу в библиотеку: острый привкус сколотого камня, сладость спиленной древесины, кислота негашеной извести, которую строители добавляют в раствор. Еще немного, и я стану знатком, научусь распознавать в воздухе нотку афинского мрамора, египетского порфира или итальянского гранита.

Но пыль никогда не осаждается на воспоминаниях. Чем дольше я живу, тем чище они становятся. Каждое воспоминание соскабливается и затесывается до совершенства. Лишние подробности скалываются и полируются до блеска. Все что остается — вот этот рассказ.

Я знаю библиотеку академии, хотя внутри никогда не был. Два черных сфинкса по обе стороны входа загадочно смотрят на прохожих. Это место люди называют Египетской библиотекой. Сфинксы не новые: даже Константин, и тот не смог скроить новый город из цельного куска материи. Когда торопишься, приходится использовать то, что есть под руками. Он ограбил империю, чтобы заполнить этот город сокровищами. Свез сюда статуи, колонны, камни, даже черепицу для крыш.

И книги. Я толкаю дверь и, пройдя мимо столпившихся на лестнице людей, вижу перед собой сотни, если не тысячи рукописей, аккуратно перевязанных свитков, расставленных по полкам, подобно древним костям, хранящимся в ossuaries. Незнакомый запах достигает моего обоняния секундой позже: плесень старых пергаментов, исходящий от папиру-

сов гнилостный дух болотной тины. Все это разбавлено жаром чего-то настолько перезревшего, что к моему горлу подступает тошнота.

Комната круглая и широкая. Галерея балконов под куполообразным сводом украшена цикламеном и розами. Это место создавалось как сад знаний, и его архитектура призвана способствовать размышлениям. Но полки, протянувшиеся по всей ротонде, разрослись и стали дикими, как тернии, перепутанные и темные, порой даже роняющие свои плоды на землю. Все окна застеклены. Комната, как ловушка, удерживает запахи и солнечное тепло. Кажется, будто библиотека источает миазмы.

С десяток оживленных разговоров обрывается, стоило мне войти в дверь. Я могу определять тех, кто узнал меня, по тому, как меняется выражение на лицах людей. Я давно перестал обращать на это внимание. Помнится, когда-то я даже получал от этого удовольствие.

Меня уже ждут. Этот человек выглядит старше меня годами, хотя на самом деле, скорее всего, моложе. Он щурится, вытягивает шею, как перепелка, клюющая зерно. На нем серая туника, длинная, до самых лодыжек, но, в отличие от других присутствующих, на его пальцах или рукавах нет чернильных пятен. Из чего я делаю вывод, что он зарабатывает на хлеб переноской книг, а не их переписыванием.

— Это ты библиотекарь?

Он едва находит силы, чтобы кивнуть. У него плоское, как будто раздавленное лицо. Он прожил жизнь среди свитков, аккуратно свернутых и перевязанных. Он не ожидал такого в своей библиотеке.

— Тело все еще там?

Мой вопрос приводит его в ужас.

— Могильщики приходили час назад.

Убийство без трупа.

— Ты можешь показать мне, где его нашли?

Он ведет меня по узкому проходу среди полок, то и дело сворачивая в стороны, пока мы не оказываемся у стены с окном. Сквозь него в помещение проникает желтоватый свет и пада-

ет на стол, заваленный бумагами и свитками. Стул отставлен в сторону. Легко представить себе читателя, который отошел, чтобы облегчиться, и может в любую минуту вернуться и заставить нас за тем, как мы просматриваем его книги.

— Ты знаешь, кто это сделал?

Это очевидный вопрос, но его необходимо задать. Обескураженный библиотекарь яростно трясет головой. Он указывает на ряды полок, уставленных рукописями.

— Никто ничего не видел.

— Кто нашел убитого?

— Его помощник, дьякон по имени Симеон. Епископ лежал лицом вниз на столе. Дьякон решил, что он заснул.

— Дьякон здесь?

Не ответив — или вместо ответа, — библиотекарь отходит в сторону. По-птичьи, словно крыло, подняв руку, он на ходу проводит ею по полкам. От постоянного чтения книг он, должно быть, почти ослеп. Как от свидетеля толку от него не будет. А что вижу я? Чернильницу и тростниковое стило на столе, нож с рукояткой из слоновой кости и небольшой кувшин рядом с ними. Кучка тоненьких стружек там, где епископ заострил стило.

Что мешало тебе воспользоваться для защиты от убийцы ножом? — мысленно спрашиваю я убитого.

Затем вытаскиваю пробку из кувшина и нюхаю белую пасту. Пахнет клеем. Ставлю кувшин на место и рассматриваю грудку лежащих рядом бумаг. Епископ Александр был заядлым читателем: половина его стола завалена свитками, часть из них нетронута, другие наполовину прочитаны.

Из нескольких вылетели стержни, на которые они были намотаны, и свитки раскатались. Это произошло, видимо, тогда, когда голова убитого ударилась о столешницу.

В центре возлежит книга иного рода. Это кодекс, отдельные пергаментные страницы переплетены и образуют том. Лично я нахожу это крайне неудобным, отрывочным способом чтения, но я знаю, что христианам он нравится. Я пытаюсь разобраться, что именно он читал в момент смерти. Определить это невозможно. Его разбитое лицо упало прямо на книгу и залило сло-

ва кровью. Левая страница нечитаемая, правая — не написана. Его прошлое затерто, будущее — пусто. Я пытаюсь вытереть написанную страницу, однако кровь уже запеклась, и я лишь размазываю ее. Тени слов плывут под пятном как рыбы подо льдом — близкие, но недостижимые.

— Ты думаешь, что найдешь здесь ответы?

Я поднимаю голову. Библиотекарь вернулся вместе с каким-то молодым человеком. Высокий, с красивым лицом и взъерошенными черными волосами, одет в простую тунику и сандалии. Его руки так сильно испачканы, что мне в первое мгновение кажется, будто он в перчатках. Но потом я понимаю, что это чернила. Впрочем, только ли они?

Я показываю на пустой стол.

— Это ты нашел тело?

Юноша кивает. Я ищу на его лице признаки вины, но оно одновременно выражает самые разные оттенки чувств. Тут и печаль, и гнев, и беспокойство, и даже легкий вызов. Если до этого он не знал, кто я такой, то теперь библиотекарь, похоже, ему сказал. Но он не намерен дать себя запугать.

— Тебя зовут Симеон?

— Я... я был... секретарем епископа Александра.

Его темные глаза внимательно изучают меня, он явно пытается понять мои мысли. Неужели ему действительно хочется это знать? *Ты мне подходишь*, думаю я. Если Константину нужен быстрый ответ, то он его получит. Вот молодой слуга с чернилами или кровью на руках, который нашел тело, который вполне мог питать зло к своему хозяину. Если он священник, Константин не станет его пытаться или казнить. Просто отправит убийцу на какой-нибудь крошечный островок, и правосудие свершится. Но Константину нужно отнюдь не это. Пока.

— Как он умер?

— У него было разбито лицо, — безжалостно произносит дьякон. Он явно хочет потрясти меня. Если это так, то ему придется изрядно постараться.

— Как?

Он не понимает.

— Ему разбили лицо, — повторил дьякон. — Он был весь в крови.

— На лице?

Симеон прикасается ко лбу.

— Рана была вот здесь.

— Чистая рана, вроде той, что остается после ножа?

Видимо, он думает, что я тупой.

— Я сказал вам, что у него было разбито лицо. Раскроен лоб.

Нет, здесь явно что-то не так. Если епископ сидел лицом к окну, спиной к комнате, то очевидной целью убийцы мог быть только затылок. Однако кровь на книге свидетельствует в пользу слов дьякона. Я достаю ожерелье с монограммой, которое мне дал Константин.

— Это ты его нашел?

— Да, на полу, рядом с телом.

— Ты узнал эту вещь?

— У Александра такой не было

— Тебе известно, кто убил его?

Вопрос вызывает у него удивление. Это настолько очевидно. Он думает, что это, должно быть, уловка. Он смотрит на меня, ожидая ловушки, затем понимает, что молчание идет ему не на пользу.

— Он был мертв, когда я нашел его.

Намеренно проявляю нетерпение, чтобы поиграть у него на нервах.

— Я знаю, что он был мертв. Но тот, кто это сделал, не мог уйти и не оставить следов. На его одежде или руках должны были остаться пятна крови.

Я позволяю моему взгляду скользнуть по испачканным чернилами рукам Симеона. Он сжимает пальцы в кулаки.

— Я никого не видел.

— Может, в таком случае, ты что-то слышал? — Этот вопрос в большей степени обращен к библиотекарю, возможно, слух восполнил то, что уже не под силу его слабым глазам. Но тот спешит покачать головой.

— Рядом с нами возводят новую церковь. Каждый день мы слышим шум и голоса рабочих, занятых на ее строительстве.

Это очень мешает читать. «*Eripient somnum Druso vitulisque marinis*»¹, — как говорит Ювенал.

Меня не интересуют его познания. Константин как-то сказал, что люди, когда им больше нечего сказать о себе, показывают свою ученость. Я перевожу взгляд и кое-что замечаю. Брызги крови на стоящих на полке свитках, в стороне от того места, где было найдено тело. Прохожу мимо библиотекаря и, задев плечом, почти толкаю на его любимые рукописи.

Сам я при этом ногой задеваю нечто, лежащее на полу. Предмет откатывается еще дальше, в тень полка. Симеон собирается его поднять, но я жестом останавливаю его и сам опускаюсь на колени. Пол весь в пыли, каплях застывшего воска и тонких нитях папируса. Шарю рукой в темноте и наконец нащупываю что-то холодное и гладкое. Подняв находку, я вижу, что это небольшой бюст, высеченный из черного мрамора, размером с кулак взрослого человека. Мраморное лицо имеет благородные черты и незрячие глаза мудреца, правда, плохо различимые под коркой засохшей крови. Наверно, это лицо было последним из того, что Александр увидел за миг до смерти.

— Кто это?

— Имя начертано внизу, — говорит библиотекарь. Он не осмеливается посмотреть на мою находку.

Я переворачиваю бюст.

— Иерокл.

Это имя мне незнакомо. Даже если я когда-то его и слышал, то не обратил внимания и не запомнил.

А вот другим оно знакомо. Особенно Симеону.

— Иерокл был великим ненавистником христиан, — говорит он, хотя я вижу, что он чего-то недоговаривает.

— Ты знаешь, откуда здесь эта вещь?

— Из библиотеки, — отвечает библиотекарь. — У нас таких несколько десятков.

¹ «Сон улетит, если спишь ты как Друз, как морская корова» (пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского). Ювенал, сатира III — в этом фрагменте автор жалуется на то, как шумно в столице. Друз — император Клавдий (правил в 41–54 н. э.), отличавшийся сонливостью.

Поднимаю глаза, и мне все ставится ясно. Посередине каждой полки, примерно на уровне плеч, охраняя рукописи, на деревянной подставке стоит каменная голова. За исключением той из полок, которая забрызгана кровью. Здесь постамент пуст. История раскрывается как свиток.

Картина: Александр стоит возле полки и ищет какой-то документ.

Картина: появляется убийца. Заподозрил ли Александр его намерение? Возможно, что нет. Иначе бы он закричал, и, хотя рядом идут строительные работы, кто-то мог его услышать. Возможно, между убийцей и жертвой даже состоялся короткий разговор.

Картина: убийца хватается с полки бюст и убивает Александра, размоzzжив ему лоб.

И, пока я пытаюсь все это представить, в голове возникает финал.

Картина: убийца подтаскивает труп к столу, чтобы со стороны показалось, будто тот спит, а затем скрывается.

Или же идет к другим людям и сообщает, что нашел мертвое тело.

Я снова посмотрел на Симеона. Он наверняка понимает, о чем я думаю. Лицо у него напряженное и бесстрастное, гнев спрятан глубоко внутри. Он ждет, когда я обвиню его в убийстве.

Я небрежно поворачиваюсь к библиотекарю.

— Сколько человек было здесь сегодня?

— Примерно два десятка.

— Можешь назвать их имена?

— Их всех видел привратник.

— Пусть он составит список.

— Там был Аврелий Симмах.

Симеон выпаливает эту фразу настолько быстро, что я едва успеваю уловить имя. Симеон проиграл поединок с собственным гневом — его глаза с вызовом смотрят на меня. Наверно, он думает, что для него это единственная возможность высказаться.

— Аврелий Симмах — один из самых знатных людей города, — замечаю я. Аврелий Симмах — старый римлянин, патриций до мозга костей, человек, с которым до сих пор вы-

нуждены считаться, хотя он безнадежно устарел для этого города с новыми домами и новыми людьми. Впрочем, то же самое можно сказать и обо мне.

— Он был здесь, — стоит на своем Симеон. — Я видел, как он говорил с епископом Александром. Он ушел как раз перед тем, как я нашел тело.

Я вопросительно смотрю на библиотекаря. Он вертит в пальцах стило, которое носит на цепочке, обернутой вокруг запястья, и избегает моего взгляда.

Симеон показывает пальцем на бюст в моей руке.

— Иерокл был философом, известным ненавистью к христианам. Так же, как и Симмах.

Старый римлянин со старыми богами — это меня не удивляет. Но это еще не делает его убийцей.

— Возможно, тем самым он хотел заявить о себе, — упорствует Симеон.

Может быть. Я помню, что сказал по этому поводу Константин: кто-то скажет, что убийство Александра — это нападение на всех христиан со стороны тех, кто их ненавидит.

— Я подумаю над этим, — отвечаю я и собираюсь уйти. Но замечаю, что Симеон хочет сказать что-то еще.

— Когда мы пришли сюда этим утром, у Александра был футляр для документов. Обтянутый кожей ящичек с медными застежками. Он не позволил мне взглянуть, что там внутри... не разрешил даже нести.

— И?

— Он пропал.

Глава 5

Лондон, наши дни

Англию всегда легко узнать с воздуха. Другие страны выглядят неряшливо: поля и дома разбросаны по всему ландшафту без всякой логики. Отдельные квадраты полей среди бесхозной земли. В Англии все линии соединены. Пока они шли на посадку в Гатвике, Эбби разглядывала проплывавшие под

крылом самолета шахматные квадраты полей и поместий. Все было серым и влажным, как полы в темнице.

Эбби переправили домой, как только дела ее пошли на поправку. Она полетела, одетая в мешковатую куртку и юбку. Не иначе как их купили для нее в магазине для беременных, чтобы не слишком бросалось в глаза то, что она обмотана бинтами, словно покойник саваном. По крайней мере, она могла кое-как передвигаться сама. В аэропорту ее ожидало кресло-коляска, но Эбби помахала рукой, мол, как-нибудь обойдусь. Каждый шаг отзывался в плече острой болью. Легкие саднило так, будто она пробежала марафонскую дистанцию. Тем не менее Эбби заставила себя войти в дверь без посторонней помощи.

Что, впрочем, потребовало немалых усилий. Неудивительно, что она не заметила табличку со своим именем. Лишь почувствовав, что кто-то потянул ее за рукав, она подняла голову. Перед ней стоял молодой мужчина в костюме и рубашке с расстегнутым воротничком. В одной руке он сжимал мобильник, а во второй — табличку со словом «КОРМАК».

— Марк, — представился он со слегка виноватой улыбкой. — Руководство послало меня встретить вас. По их словам, было бы некрасиво бросить вас здесь одну.

— Спасибо, — поблагодарила Эбби, правда, без энтузиазма. В облике встречавшего все отчаянно кричало о его юном возрасте: золотистые волосы, взъерошенные без всякого притворства, нежный жирок на щеках, энергичная самоуверенность недавнего выпускника Кембриджа, или Лондонской школы экономики, или где там еще сегодня готовят госчиновников. Она не чувствовала себя такой старой со дня развода.

— У вас есть чемодан?

Эбби приподняла косметичку, которую с трудом смогла вынести из самолета.

— Только это. Я не готовилась к долгому перелету.

— Верно, — согласился он и добавил, как будто она сказала что-то другое: — Досадненько.

Неужели я попала в прошлое? Неужели в наше время кто-то еще употребляет слово «досадненько»?

Глупая мысль, но сейчас ей было трудно оставаться умной. Один слабый намек на неуверенность, и Эбби начала бить дрожь — верный признак того, что она готова поддаться панике. Она ощущала на себе взгляд Марка, озабоченный, непонимающий. Он даже взял ее за руку.

— С вами все в порядке?

— Голова немного кружится, — призналась Эбби. На ее счастье, поблизости оказался ряд пластмассовых стульев, и она села. — Это из-за перелета.

— Схожу, поймаю такси.

Как только Марк повернулся к ней спиной, она открыла крышечку желтого флакона, который ей дали в больнице, и вытряхнула из него две таблетки. В самолете у нее конфисковали бутылку с водой. Пришлось глотать таблетки всухую, давясь и чувствуя, как они царапают горло.

Возьми себя в руки, приказала она себе. Не позволяй им проявлять к тебе жалость.

Снова появился Марк. Эбби не обратила внимания, как долго он отсутствовал. Возможно, сказывалось действие таблеток.

— Куда едем?

У Эбби была квартира в Клэпеме, на северной стороне от главной торговой улицы. Когда начались слушания по разводу, адвокаты сказали, что с квартирой придется расстаться, но она удвоила ипотечные платежи, чтобы выкупить принадлежащую Гектору часть. Это было глупостью с ее стороны, поскольку за два года она в общей сложности провела в ней не более трех месяцев. В квартире до сих пор обитали некоторые приятные воспоминания об их браке, однако куда больше было неприятных, и в любом случае предполагалось, что она забудет их все, и хорошие, и не очень. Но, как оказалось, ее якоря в этом мире были еще довольно цепкими. Мысль о жизни без постоянного жилья пугала ее. Перед тем как уехать в Косово, Эбби сдала квартиру паре врачей-пакистанцев, работавших в госпитале Святого Фомы. Риелтор заверил ее, что это прекрасные жильцы, и, вероятно, так оно и было, но у них возникли проблемы с визой, и они в спешке съехали. С тех пор квартира пустовала.

Это было сродни возвращению в детство, когда общая картина узнаваема, но детали незнакомы. Жильцы передвинули мебель, но так и не удосужились вернуть ее на прежнее место. В кухонном шкафу остались кое-какие их вещи. На стене висел плакат с репродукцией картины Магритта, которого раньше здесь не было. Все это оставляло в душе неприятный осадок, как будто кто-то попытался воссоздать ее жизнь по старым фотографиям и допустил нелепые ошибки.

Или это мои ошибки? Большая часть воспоминаний вернулась, но кое-какие лакуны остались. Вроде старой запиленной пластинки, которая заикается или без предупреждения сталкивает иглу.

— Прекрасный вид.

Марк стоял возле огромного, в человеческий рост, окна, глядя на Куинстаун-роуд, кирпичные дома и дешевые магазинчики, Баттерси-парк и мосты через Темзу. Он настоял на том, что проводит ее до дома. После таблеток, которые успели начать действовать, Эбби не смогла отказать ему.

— Я разговаривал о вас с начальством, — продолжил он с тем же воодушевлением, что и прежде. — Меня попросили передать вам, чтобы вы не беспокоились и не торопились на работу. Вам разрешено оставаться в отпуске столько, сколько вам нужно

Стоя в кухне, Эбби посмотрела на него сверху вниз. Верхний этаж имел свободную планировку: три комнаты уместались на пространстве одной, кухня была приподнята над жилой частью на пару ступенек. Эбби казалось, будто она парит над ним.

Только не заставляйте меня оставаться здесь, подумала она.

Ее новый знакомый сунул руку в карман и протянул визитную карточку с гербом министерства иностранных дел. *Марк Уилсон. Балканский отдел.*

— Если вам что-то понадобится, смело звоните.

Она не знала, как ей пережить выходные.

В пятницу она заставила себя дойти до торговой улицы, чтобы купить кое-что из одежды. День был серым и пасмурным, но не очень холодным, и от ходьбы Эбби сильно вспотела под бинтами и гипсом. Она надеялась, что прогулка пойдет ей на поль-

зу, но, оказавшись в оживленной уличной толпе, почувствовала себя одинокой. Так много людей, не имеющих с ней ничего общего. Придя домой, она попыталась позвонить по телефону, но гудка не было. По всей видимости, телефонная станция его отключила. У нее оставался телевизор, однако, судя по все более и более агрессивным письмам из офиса кабельного телевидения, скопившимся на коврике перед дверью, посмотреть телевизор ей не удастся. В субботу она с трудом перенесла поездку на автобусе до Слоун-сквер, где купила дешевенький ноутбук и мобильный телефон с заранее внесенной оплатой. Толпа была гуще, чем за день до этого, но сегодня люди раздражали гораздо меньше. Эбби брела среди них, как никем не замечаемый призрак. Вечером она перебрала грудку рекламных листовок, валявшихся в холле, и, отыскав ту, что рекламировала нечто похожее на съедобные блюда, заказала себе домой еды. Затем просмотрела несколько скверных фильмов подряд, пока ее не начало от скуки клонить в сон.

В воскресенье Эбби примерно три часа возилась с компьютером и телефоном и испытала щенячий восторг, когда телефон наконец отправил несколько текстовых сообщений, а на экране ноутбука появился значок поисковой системы. Как только Интернет заработал, она попыталась подключиться к электронному почтовому ящику, но пароль, как назло, вылетел из головы.

Не сумев вспомнить пароль, она почитала новости и большую их часть почти сразу же забыла. Затем искала сообщения о нападении на виллу, но их, к великому ее удивлению, оказалось крайне мало. И лишь в одном содержались более или менее подробные факты. Это была заметка из черногорского журнала «Монитор». Внимание Эбби мгновенно привлекла одна строка.

Полиция категорически отрицает версию о том, что к этому делу причастна какая-либо крупная преступная группировка.

Версия? Чья версия? Как она ни пыталась, отыскать что-то еще на эту тему не удалось.

В ту ночь кошмары снова вернули ее на виллу. Она бежала по колоннаде. Вокруг нее падали и разбивались статуи. Убийца возвышался над ней, вскинув пистолет. Эбби заглянула в безжалостное лицо преступника, и внезапно его сменило лицо Майкла. Его губы шевелились, произнося слова, но она их не

слышала. Затем грохнул выстрел. Она проснулась в холодном поту. Кожа под бинтами отчаянно чесалась. Эбби была готова сорвать повязки и расцарапать себя до крови. Схватив с прикроватного столика новый телефон, она со злостью посмотрела на часы. Минуты, как назло, ползли черепашьям шагом.

В понедельник утром она первым делом набрала номер с визитной карточки Марка.

— Привет, Марк, это Эбби Кормак, та, что из Косова.

— Отлично. Как поживаете?

— Прекрасно. Действительно, хорошо. — *Только не позволяй им жалеть тебя*, подумала она и тут же не удержалась: — Могу я приехать и увидеться с вами? К вам на работу?

Пауза. *Он не хочет меня видеть*, подумала Эбби. *Вся их забота — не что иное, как обычное дипломатическое лицемерие. Ему ведь за это платят.*

— Конечно.

— Когда?

Марк, должно быть, уловил нотку отчаяния в ее голосе.

— Приезжайте сегодня днем.

Мрачные стены дворца Уайтхолл подавляли собой Кингс-Чарльз-стрит. И пусть современные небоскребы в десятки раз выше, им все равно не хватает масштаба, умения зодчих эпохи Стюартов строить так, чтобы по сравнению с их творениями человек ощущал себя карликом. Эбби прошла через тройные ворота министерства иностранных дел, предъявила охране содержимое сумочки и назвала имя дежурному. Видеокамера на стене развернулась и сфотографировала ее. Автомат выплюнул разовый пропуск. Эбби заперла в ячейке камеры хранения мобильник и села в коридоре вместе с другими посетителями, ожидая, когда к ней спустится Марк.

— Извините. — Почему-то он всегда говорил виноватым тоном, хотя явно не проявлял раскаяния.

Мужчина провел Эбби на третий этаж, где оставил в застекленном конференц-зале, а сам отправился за чаем. Когда он закрыл за собой дверь, Эбби услышала щелчок замка. На панели рядом с замком вспыхнул красный огонек.

На стекло двери были нанесены матовые полосы, похожие на изморозь. Эбби заглянула в промежуток между ними. За время ее отсутствия их отдел переехал, и в новой планировке места для нее не нашлось. Минус еще одна частичка ее старой жизни. Эбби не отпускало ощущение, будто весь мир — это мозаика, и кто-то разбирает ее, удаляя фрагмент за фрагментом, швыряя кусочки в ящик. Эбби поискала взглядом начальницу, но не нашла.

— А где Франческа? — спросила она Марка, когда тот вернулся с двумя чашками служебного чая.

— На конференции в Бухаресте. Она просила меня передать вам, чтобы вы смело обращались за всем, что вам понадобится.

— Когда я смогу вернуться на работу?

Марк вытащил чайный пакетик и бросил его в мусорницу.

— Извините. Не в курсе. Не моя компетенция.

Какова же твоя компетенция? На твоей визитке было написано только два слова: Балканский отдел. Раньше Эбби о таком не слышала.

— Я хочу приступить к работе, — стояла она на своем. — Врачи говорят, что это ускорит мое выздоровление.

Марк посмотрел на нее так, будто поверил в ее слова или, по крайней мере, хотел, чтобы она так подумала.

— Вы полтора года были в командировке, а до этого не работали в Лондоне целых пять лет. Не волнуйтесь, вам непременно что-нибудь подыщут.

С этими словами он снисходительно улыбнулся. Черт, он на восемь лет ее моложе, а разговаривает с ней как с девочкой. Эбби ответила ему безжизненной улыбкой.

— Есть какие-нибудь новости из Черногории? Как дела у полиции, добились они каких-то успехов?

— Они держат нас в курсе расследования.

— Но они выяснили, кто напал на меня?

— Пока что местная полиция никого не арестовала.

— Какие-нибудь ключи к разгадке есть?

— Пожалуй, пока нет, — ответил Марк и вытянул ноги, как будто любуясь мысками туфель. — Вы понимаете, как это бывает. Там масса непростых моментов. Черногорцы только что получили независимость и очень болезненно относятся к

подобным делам. Мы на них нажимаем, ну, разумеется, очень деликатно. Думаю, они сообщат нам, как только им что-то станет известно.

— Я кое-что прочитала в Интернете. Ходят слухи, будто к этому могут быть причастны местные преступные группировки.

— Вы не хуже меня знаете, что Балканы — огромная фабрика слухов. Прибавьте к этому Интернет, и скоро услышите, что в этом деле замешан Санта-Клаус. — Заметив выражение ее лица, он покраснел. — Простите. Я не хотел обидеть вас. Я понимаю, что для вас это весьма болезненная тема.

Весьма болезненная. Эбби закрыла глаза, чувствуя приближение мигрени. Пульсирующая боль в плече напомнила, что пора принять еще одну таблетку.

Она открыла глаза. Марк оторвал взгляд от часов и снова сделал озабоченное лицо.

— У вас есть что-то еще?

— Вы знаете, что случилось с Майклом?

Марк чуть растерянно посмотрел на нее.

— Я думал, вы в курсе. Говорят, что он упал...

— Я знаю. Я имела в виду... — Эбби с трудом выдавила из себя это слово. — Тело.

— У него есть сестра, которая живет в Йорке. Очевидно, она летала в Черногорию и забрала его... домой для похорон.

— У вас есть ее адрес? Я хотела бы ей написать.

— Думаю, в отделе кадров его знают. А если нет, то смогут выяснить.

С этими словами Марк встал и одарил ее слабенькой улыбкой. У него был такой вид, как будто он хотел погладить ее по плечу, но передумал.

— Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Как тяжело смириться с утратой. Вам сейчас лучше отсидеться дома и набраться сил.

Прошу вас, хотелось крикнуть Эбби, не отправляйте меня домой! Однако она открыла дверь и шагнула за порог. Она подумала, что Марк проводит ее только до лифта, однако он стоял на том, что дойдет с ней до самого выхода.

— Удачи вам! — пожелал он. — Если будут новости, мы с вами немедленно созвонимся.

— Кстати, мне отключили телефон, — сообщила Эбби и, вытащив из сумочки мобильный, продиктовала номер. — Так будет надежнее.

Впрочем, она знала, что никаких звонков не будет.

По пути домой Эбби купила карри и поужинала, сжавшись в комочек на диване. Она уже начала набирать вес. Впрочем, в больнице она сбросила несколько килограммов, так что парой фунтов больше, парой фунтов меньше, не велика разница. Она выглянула в окно, на простиравшийся внизу пригород. Затем представила себе стеклянный купол, накрывающий целый город и его обитателей с их повседневными заботами, как она отчаянно стучит в стекло, требуя, чтобы ее впустили внутрь.

Час, проведенный во Всемирной паутине, выявил, что никого под фамилией Ласкарис в Йорке нет. Пройдясь по аккаунтам социальных сетей, она попыталась отыскать кого-нибудь из старых знакомых. Увы, номера, которые ей удалось найти, уже устарели или на них никто не отвечал. Эбби предположила, что ее подруги разъехались из страны. Только сейчас до нее дошло, что подруг у нее не так-то много, причем довольно давно. Она даже подумала, а не позвонить ли Гектору — искушение было сильным, — однако решила, что лучше не стоит.

Сколько же это будет продолжаться?

Каким-то чудом ей удалось продержаться еще три дня. Эбби заставляла себя совершать прогулки по местному парку, утром и днем, всякий раз устанавливая себе какую-то цель: эстрада для оркестра, пруд для рыбной ловли, станция метро. Она бросала в урны рекламные листовки, которые ей совали в руки на улице, покупала в супермаркете наборы полуфабрикатов, что, по ее мнению, было прогрессом. Она выискивала в Интернете новости, связанные с ее делом, но так ничего и не нашла. Она принимала таблетки. А потом неожиданно пришло письмо.

Она едва не выбросила его. Адрес и штемпель почтовой оплаты были напечатаны на конверте. Неудивительно, что она приняла его за очередное напоминание из компании кабельного телевидения. Однако на конверте стояло ее имя, и она почув-

ствовала благодарность за то, что кто-то все еще помнит о ее существовании.

Какой же жалкой я стала, подумала Эбби и надорвала конверт.

Нет, это не было очередным грозным предупреждением от компании кабельного телевидения. Внутри оказался листок бумаги, а посередине его три строчки текста.

Дженни Рош
Бартл Гарт, дом 36
Йорк

Глава 6

Константинополь, апрель 337 года

Жизнь, прожитая рядом с Константином, дает мне право иметь некоторые мнения. Одно из них: секрет величия — это бегство от прошлого. Прошлое туманно и всегда пытается удушить тебя. Хор лстивых голосов нашептывает, советуя проявлять осторожность, выдержку, умеренность. Укоризненное «нет», сопровождаемое бременем истории.

Великий человек не удовлетворен миром и нетерпеливо жаждет его улучшить. Прошлое — это неудобное препятствие. Великий человек стремится упорядочить мир, переделать его согласно своему видению.

Вот почему Константин никогда не любил Рим. В нем слишком много истории. Слишком много беспорядка. Храмы, построенные из глины и тростника, дворцы, превращенные в доходные дома. В дни нашей юности, когда нам рассказывали о том, как Юлий Цезарь рос среди плебса в Субуре, я видел, что это смешение естественного порядка повергает Константина в ужас. Величие и болезнь, божественность и нищета сплелись в один плотный клубок. Слишком много истории, слишком много призраков прошлого. Я тоже не люблю Рим.

Константинополь дал Константину чистый холст, с которого можно было начать все заново. Нет, не в буквальном смысле —

город, Византий, существовал там уже тысячу лет, но другая сторона величия — это способность видеть только то, что тебя устраивает. И поэтому новый город, город Константина, вполне соответствует его видению того, каким должен быть мир. В отличие от Рима, новая столица стоит в бухте, а не в заболоченном речном устье. И постепенно разрастается вдоль всего полуострова. Плебеи за земляными стенами. Затем, если двигаться на восток в сторону Филадельфия, средний класс, торговцы и куриалы. Далее следует класс сенаторов и прочей знати, чьи величественные дома протянулись до самого ипподрома. И наконец на самой крайней точке берегового мыса императорский дворец. Его единственным соседом является море.

Во всяком случае, такова теория. На практике городу всего пять лет, но он уже начинает отклоняться от замысла Константина. В его упорядоченном саду пробиваются сорняки. На пространстве между двумя виллами разрастаются кварталы доходных домов. Огромный дом продан и поделен на отдельные жилища; среди сенаторов обосновался разбогатевший купец. Я подозреваю, что Константину это приносит больше огорчений, чем набеги варваров или прежних узурпаторов.

Я иду по Виа Мези в направлении дворца. В руках у меня свиток со списком людей, бывших в тот день в библиотеке — те, кого смог вспомнить привратник. Последние два часа я занимался тем, что допрашивал посетителей, которые еще оставались там, но ничего не знали о случившемся.

Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Никто не узнает монограмму на ожерелье. Какая-то часть моего сознания нашептывает мне, что все это, может стать, изощренный обман.

Но кровь на столе была вполне настоящей, как и имена в списке, который я еще не весь просмотрел. Начиная с пресловутого ненавистника христиан Аврелия Симмаха.

«Там был Аврелий Симмах. Он ушел как раз перед тем, как я нашел тело».

На мое счастье, Аврелий Симмах живет рядом с дворцом, как и подобает его высокому положению. Привратник с недо-

верием смотрит на меня, когда я называю свое имя — он не может поверить, что я пришел один. Он так тянет шею, пытаюсь разглядеть мою свиту, что едва не вываливается на улицу. Разумеется, слуга слишком хорошо вышколен, чтобы что-то сказать. Он проводит меня через сад перистилия, окруженного колоннадой. Белый карп неподвижно застыл в воде прямоугольного бассейна. С бортика на него смотрят четыре нимфы. В тени колоннады я замечаю фрески с изображениями сцен отдыха древних богов. Их темные головы наблюдают за мной из ниш. Все изысканно и странным образом безжизненно.

Аврелий Симмах появляется из дверей, оглядываясь через плечо, как будто его прервали прямо посередине разговора. Он низкоросл, коренаст и ходит, опираясь на палку. Он почти полностью лыс, правда, редкие пряди седых волос заложены за уши. На нем просторная тога. Должно быть, Аврелий собирался куда-то пойти, хотя, если сказать по правде, в своей тоге он являет собой ходячий анахронизм. Впрочем, у него волевой подбородок, а глаза, буравящие меня, ясны и прозрачны как драгоценные камни.

Мы обмениваемся любезностями и присматриваемся друг к другу. Я подозреваю, что в его глазах я всего лишь выслужившийся до высоких чинов солдат, который незаслуженно возвысился благодаря милости великого человека. Он же, по всей видимости, думает, что в моих глазах являет собой осколок того порядка, который отошел в прошлое еще сто лет назад. В известной степени, мы с ним оба правы. Но ни он, ни я не прожили бы так долго, не умей мы смотреть на вещи широко.

— Ты был сегодня в Египетской библиотеке? — спрашиваю я. Он царапает палкой землю, оставляя в пыли змеящийся след.

— Был.

— С какой целью?

— Читал книги. — Он поднимает кустистую седую бровь, как будто хочет сказать: *я ожидал от тебя большего.*

— Кого же ты читал? Может быть, Иерокла?

— Не сегодня. Других. Сенеку. К нему я всегда возвращаюсь. Так же, как и к Марку Аврелию. Они обращаются к людям нашего возраста.

Его лицо напоминает маску. Так же, как и мое. Его палка чертит в пыли какие-то линии.

— И что же они говорят? — спрашиваю я.

— Как глупо удивляться вещам, которые происходят вокруг.

Палка останавливается.

— Представь себе то, что я видел в своей жизни. Гражданские войны и мир. Иногда один император, иногда сразу несколько, иногда ни одного. Причудливый культ, осуждаемый одним императором, возрождается другим, императором-триумфатором. Все меняется... даже боги.

Неужели он думает, что перед ним семнадцатилетний мальчишка? Я знаю все эти уловки и не допускаю, чтобы он отвлек меня от сути, изображая из себя глубокого старца.

— Сегодня в библиотеке умер один человек.

Его лицо даже не дрогнуло.

— Александр из Кирены. Ты знал его? — продолжаю я.

— Он был другом императора. Одно только это делает его достойным известности.

Меня восхищает двусмысленность его слов. Одно только это или же есть что-то другое? Мы оба знаем, какие вещи он может говорить обо мне за моей спиной.

— Ты видел его там?

— Библиотека — не общественные бани. Я не ищу там общества.

— Когда ты ушел из библиотеки?

— Когда от моего стола удалилось солнце. — Симмах проводит рукой по глазам. — Мое зрение уже не такое острое, как когда-то.

— Уходя, ты знал, что Александр мертв?

— Конечно, нет. Иначе я бы там задержался.

— Чтобы посмотреть, что произошло?

— Чтобы не выглядеть виновным.

Пауза. Взгляд на рыбу в бассейне, застывшую в неподвижности, как и отражения в воде. Дом Симмаха находится рядом с Виа Мези, главной дорогой Константинополя, однако стены в нем толстые и хорошо защищают от уличного шума. Я слышу, как в комнатах слуги доливают масло в светильники, как

ставят на столы посуду. День клонится к вечеру. Солнце повисло уже так низко, что заглядывает под край портика, заливая фрески и статуи жидким золотом. Мой взгляд скользит по ним и останавливается.

— Кто это?

Я делаю два шага к бюсту, привлечшему мое внимание, но голос Симмаха опережает меня.

— Иерокл.

Неужели я слышу удивление в его голосе? Или он ожидал, что я его замечу?

— Ты читал его? — спрашивает он. — Тебе следовало бы его почитать. Иерокл не был другом новых религий. Насколько мне известно, так же как и ты.

Я невинно повторяю старую банальность Константина.

— Каждый человек должен быть свободен в выборе религии и может молиться тем богам, какие ему нравятся.

— Наверно, поэтому ты и впал в немилость у императора, — поддразнивает меня Симмах. Я не поддаюсь на провокацию. Он должен знать, что это не так, но тем не менее продолжает в том же духе: — Говорят, что теперь тебя можно увидеть во дворце не так часто, как раньше.

Я вежливо перевожу разговор.

— В библиотеке был бюст Иерокла. Кто-то разбил им голову Александру.

Новая пауза. Наши взгляды пересекаются.

— Неужели Константин сделал тебя своим караульным? Ловцом воров, который затаскивает добрых людей в канаву? — Его голос звучит ровно, но лицо искажено гримасой гнева. — Наказание за необоснованные обвинения весьма сурово, Гай Валерий. Пусть даже за твоей спиной стоит сам император, я сомневаюсь, что ты вправе бросаться ими.

— Все знают о твоём отношении к христианам.

В дальнем конце сада, возле двери, я замечаю небольшое святилище, *ларарий*, где он поклоняется домашним богам. В наши дни лары¹ не в таком почете, как раньше. Во многих домах их

¹ Лары (lares — лат.) — древнеримские божества, покровители дома и семьи.

убрали подальше от чужих глаз, в какую-нибудь заднюю комнату, где на них можно не обращать внимания.

— Каждый человек должен быть свободен в выборе религии. — Он буквально выплевывает эти слова мне в лицо, едва ли не подпрыгивая при этом. Я пристально гляжу на него. Гнев слишком естественен — такое не сыграешь, в моем возрасте я прекрасно понимаю такие вещи. Но это вовсе не значит, что он не способен обуздывать гнев.

— Свободен до тех пор, пока это идет во благо обществу.

Симмах ударяет палкой о землю.

— Если ты хочешь обвинить меня в убийстве, то так и скажи! Скажи или убирайся вон из моего дома!

Однако в этот самый момент через дверь к ларарию подходит еще один актер, новый участник драмы. Должно быть, он старше меня годами, однако его повадки — юношеская грация и беззаботность — придают ему моложавость. Его лицо сохранило правильные черты. На волосах нет снега седины, улыбку отличает непринужденность. Он жует фигу, затем, проходя мимо бассейна, бросает кожуру в воду. Я в первый раз замечаю, как рыба приходит в движение.

Симмах заставляет себя побороть гнев.

— Это Гай Валерий, — представляет он меня. — А это мой друг, Публий Оптациан Порфирий.

Я никак не ожидал услышать это имя. Тем более что сегодня я слышу его не в первый раз. Оно значится в моем списке.

— Ты был сегодня в Египетской библиотеке?

Я стараюсь задать свой вопрос как можно более бесстрастным тоном, однако у Порфирия, похоже, достаточно хороший музыкальный слух, чтобы уловить нотку подозрения.

Он вопросительно смотрит в мою сторону.

— Разве это преступление?

— Там был убит человек, — поясняет Симмах, сопровождая эти слова тяжелым взглядом. Что в нем читается — предостережение?

Похоже, Порфирий этого не замечает. Он смеется, как будто старик отпустил забавную шутку. Заметив, что мы не поддерживали его смех, он умолкает и поочередно смотрит на нас.

— Но я тоже там был! — с нажимом восклицает он. — И ничего не слышал.

— Что ты там делал?

— Приходил встретиться с Александром из Кирены.

Я жду, когда он почувствует на себе мой пристальный взгляд. Долго ждать не приходится.

— Нет!

Порфирий явно растерян. Он отшатырывается от меня, как будто сам получил удар. Затем вскидывает руки. Каждое его движение нарочитое, преувеличенное, как у актера на сцене. Но даже если Порфирий и актер, видно, что он искренне опечален.

— Ему разбили голову, — добавляет Симмах.

Жизнь как будто тотчас покинула Порфирия. Он садится на край бассейна и прячет лицо в ладонях.

— Он был жив и здоров, когда мы с ним расстались.

— Почему ты там был?

— Август приказал ему написать какую-то хронику. Я дважды служил префектом Рима, может, вы помните? Он хотел проверить некоторые факты, касающиеся моей службы.

— Какие именно?

— Его интересовали памятники, которые воздвиг Константин. Арка, которую Сенат построил в его честь. Незначительные подробности.

— Он был чем-то напуган? Может, что-то указывало на его беспокойство?

— Конечно, нет.

— Секретарь Александра сказал, что у него был футляр для документов. Ты помнишь его?

— Да... нет... — Порфирий снова роняет голову. — Я не помню.

Я вытаскиваю полученное от Константина ожерелье.

— Кто-то из вас двоих узнает эту вещь?

Вопрос заставляет обоих посмотреть на меня, однако ни тот, ни другой не выдает истинных чувств. Оба прекрасно вышколены придворными нравами. С тем же успехом я мог бы оторвать головы их матерям, и они при этом не моргнули бы и глазом.

Порфирий встает и подходит ко мне, чтобы лучше рассмотреть ожерелье.

— Знак напоминает мне императорскую монограмму. Но я не уверен.

Он прав. Монограмма Константина это буква Хи, наложенная на букву Ро: **ΧΡ**. Монограмма этого ожерелья немного не такая, здесь две буквы слиты воедино: **ΡΧ**. Как я сам сразу этого не заметил.

— Ты не видел в библиотеке никого, кому оно могло бы принадлежать?

Порфирий качает головой. Симмах хмурится.

— Женщин в библиотеке не было, — говорит Порфирий.

— Но было много христиан. — Симмах стоит у черты, где солнце смыкается с тенью. Одна половина его лица светлая, как золото, вторая темная. — Евсевий из Никомедии. Софист Астерий. Какие-то священники и их прихлебатели.

— Мог ли христианин убить своего единоверца?

Я в первый раз слышу, как Симмах смеется. Звук не слишком приятный — как будто на каменоломне распиливают мрамор. Отсмеявшись, он отхаркивает из горла мокроту и произносит:

— Может ли сова ловить мышей? Философ Порфир очень точно сказал: «Христиане — это темная и злобная секта». Тридцать лет назад мы были готовы уничтожить их всех. Если бы я хотел убить Александра, то сделал бы это еще тогда, и меня назвали бы героем. Теперь же колесо истории повернулось. Они убили собственного бога — есть ли что-то такое, на что они не способны, лишь бы сохранить свои привилегии?

Еще один приступ смеха.

— Они же римляне.

Глава 7

Йорк, наши дни

Город стоял на горе в месте слияния двух рек. В самой высокой точке возвышаются квадратные башни кафедрального собора. Его окружают высокие стены. В свое время они вста-

ли мощным заслоном на пути пиктов, викингов, норманнов и шотландцев, но в наши дни не способны противостоять потоку уличного движения, что течет через городские ворота. На противоположном берегу, там, где когда-то были преуспевающие верфи и складские помещения, теперь тянутся ряды офисов и модных сетевых кафе и ресторанов.

Эбби сразу, как только сошла с поезда, прибывшего с вокзала Кингз-Кросс, почувствовала разительное отличие от Лондона. Лондон был теплым и тесным от постоянного соприкосновения десятка миллионов человек, живущих буквально бок о бок. Здесь же от холода у нее сразу покраснели щеки. Туман оставлял на лице капли влаги, а нависшие над головой облака обещали неминуемый ливень.

Она вышла из вокзала и под мелким дождем зашагала в город через проем в стене, пробитый для того, чтобы пропустить сквозь него участок объездной дороги. Снаружи притулились несколько надгробных памятников, словно пойманных в ловушку временем и кольцевой дорогой. Мост и гора привели Эбби к величественному памятнику Средневековья — кафедральному собору. Он был возведен для того, чтобы поражать воображение, и даже теперь возвышался над городом как некий гость из инопланетной цивилизации.

Туристический сезон уже заканчивался, но перед собором все равно толпилось немного зевак. Уличный музыкант играл на открытом пианино рэгтайм. Человек, одетый римским легионером, зазывал туристов, приглашая их сфотографироваться вместе с ним. Позади них, никем особо не замечаемый, задумчиво разглядывая сломанный меч, на троне восседал бронзовый император, слегка позеленевший от времени.

Дождь тем временем усилился. Эбби вытерла капли со лба и с удивлением отметила, что волосы сильно намокли. Ее тело как губка впитывало падающую с небес влагу.

Позади собора раскинулся лабиринт мощенных брусчаткой улочек, переулков и тупичков, вдоль которых тесно лепились друг к другу высокие, узкие дома. Здания из коричневого кирпича, по всей видимости, были построены лет сорок назад, однако каким-то образом все еще подчинялись древней планиров-

ке улиц. Некоторые из них имели узкие, заостренные дверные проемы, над которыми нависали причудливые оцинкованные козырьки. Эбби втиснулась в такой дверной проем дома под номером 36 и позвонила в звонок.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов, насколько позволяла цепочка, и в щель выглянула невысокая женщина. Розовая кофта. Морщинистое лицо. Темные волосы с проседью собраны в свободный узел.

— Вы Дженни Рош? — спросила Эбби и вздохнула: — Вы сестра Майкла Ласкариса?

Женщине не нужно было ничего отвечать. Эбби поняла это по ее глазам, таким же ярким и живым, как у Майкла, правда, немного угасшим. Сказывались прожитые годы и недавняя потеря.

— Меня зовут Эбби Кормак. Я была с Майклом... Я знала его в Косово. Я была с ним, когда... Извините, что пришла, не позвонив заранее, но я не могла...

Женщина не слушала ее, даже не смотрела на незваную гостью. Взгляд ее был устремлен за плечо Эбби, на улицу и на дождь.

— Вы пришли одна?

— Да, но почему вы?..

— Будет лучше, если вы войдете.

Было трудно представить Дженни сестрой Майкла. Майкл был смелым, бесшабашным экстравертом. Дженни казалась хрупкой и удручающе серьезной. Если Майкл был неисправимо склонен к хаосу, то Дженни содержала свой дом в образцовом порядке. Эбби села на розовый диван, накрытый полиэтиленовой пленкой, и принялась отпивать чай из тонкой фарфоровой чашки. Каждый квадратный сантиметр поверхности стен занимали фотографии в рамках. С них безмолвно смотрела целая конгрегация. Дети в шортах и цветастых платяцах, заснятые на летних каникулах. Патлатые подростки со смущенными улыбками. Гордые и счастливые взрослые с младенцами на руках. Интересно, кто это такие, подумала Эбби. В этом сверкающем чистотой доме ничто не говорило о присутствии детей,

да и Майкл никогда не рассказывал ей о родственниках. Он всегда производил впечатление человека, привыкшего жить на широкую ногу, хотя, судя по этому скромному жилищу, в подобное было трудно поверить.

Несколько рамок были пусты, подобно темным окнам домов. Из них совсем недавно вынули фотографии. История переписана заново.

— Полицейские сообщили мне, что вы тоже были там, — сказала Дженни. — Я хотела связаться с вами, но не знала как. Меня не пустили к вам в больницу. — Заметив на лице Эбби растерянность, она пояснила: — В Черногории. Я поехала туда, чтобы забрать тело.

— Да-да, мне говорили.

— Меня заставили его опознать, — сказала Дженни и вздрогнула. Чай в чашке угрожающе качнулся, но так и не выплеснулся через край. — Мой вам совет: никогда не позволяйте им делать это с вами. Он пробыл в воде три дня, прежде чем его выловили. Ужас. Мне было страшно на него даже взглянуть, но я не хотела, чтобы они подумали, будто я отказываюсь выполнить свой долг. Меня едва не стошнило.

— Они что-нибудь сказали вам? У них есть какие-то сообщения о том, кто это сделал?

Дженни поднесла руку к горлу. Длинные тонкие пальцы перебирали золотое сердечко на цепочке.

— Нет. Я думала, что вам что-то известно.

— Не совсем. — Эбби откусила от печенья, стараясь не рассыпать крошки. — Я слышала кое-что, так, слухи: мол, к этому делу причастна некая преступная группировка. Я не знаю, много ли вам известно о Косово и вообще о Балканах, но этот край — что-то вроде Дикого Запада в Штатах. Слабые правительства, не способные обуздать преступность. Такое ощущение, будто сами правительства — марионетки в руках преступников. Майкл работал на таможне. Вполне возможно, он нажил себе врагов, даже не осознавая этого.

— Он ничего не говорил вам? Перед тем, как...

— Вы же знаете, каким был Майкл. Ему все казалось пустяками.

Ее слова вызвали кривую улыбку хозяйки. Казалось, будто Дженни вот-вот расплачется.

— Он всегда во что-нибудь встревал. Даже меня, хотя я старшая сестра, он пытался втянуть в разные авантюры, а потом обвинял меня в том, что я не останавливала его, когда что-то шло не так. — Ее лицо исказила гримаса. — Всегда что-то шло не так.

Дрожащими руками Дженни налила в чашки свежего чая. Носик чайника стукнулся о фарфор.

— Я не удивилась, что все закончилось именно так. Он никогда не относился к числу тех, кто спасает мир, но всегда любил приключения.

— Поверьте, нам не до приключений, — осмелилась разуверить ее Эбби. — И мы не спасаем мир. Майкл обычно говорил, что мы лишь пытаемся сделать из Косова такое же скучное болото, как и Европа. Говорил, будто мы подаем не лучший пример.

— Да, скучать он не любил, даже если бы очень захотел.

— Верно.

Повисла тишина. Женщины обменялись взглядами: два незнакомых человека, объединенных общим горем. Для Эбби это было выражением их общей беспомощности, но Дженни как будто подтолкнуло к какому-то решению. Она неожиданно встала и подошла к шкафику из красного дерева, стоявшему в углу.

— Он знал, что с ним может что-то случиться.

С этими словами Дженни открыла ящик и, вытащив плотный желтый конверт, протянула его гостю. У Эбби екнуло сердце. На конверте стояла немецкая почтовая марка. Адрес был написан почерком Майкла. Сам конверт был вскрыт, аккуратно обрезан ножницами.

— Читайте, — сказала Дженни.

Эбби достала открытку, засунутую в сложенный пополам лист какого-то официального документа. Верх листа венчал герб с крестом и львом, под ним шло название учреждения: *Rheinisches Landesmuseum Trier — Institut Für Papyrologie*¹. Ниже — короткое письмо по-немецки. Внизу подпись — доктор Теодор Грубер.

¹ Институт папирологии в музее г. Трира в Рейнланде (Рейнской области, территории земель Рейнланд-Пфальц и Северный Рейн-Вестфалия).

— Вы знаете, что здесь написано? — спросила Эбби.

Дженни покачала головой.

— В церкви есть человек, который понимает по-немецки, но я не хотела давать ему письмо. Оно слишком личное, верно? Нечто вроде послания из могилы.

Эбби посмотрела на открытку с тремя разными картинками. На одной были старинные закопченные ворота в кольцо объездной дороги, как будто пострадавшие от огня. На второй — официального вида здание из красного кирпича на обсаженной деревьями аллее. На третьей — строгий бородач в скюртуке. Карл Маркс, как явствовало из нижней подписи.

На оборотной стороне открытки стояло всего два слова. «Моя любовь». Больше ничего. *Неужели это предназначалось мне?* — подумала Эбби.

Она положила открытку и письмо обратно в конверт и протянула его Дженни.

— Что вы будете делать?

— А что я могу сделать?

— На штемпеле стоит номер телефона. Вы можете позвонить по нему.

— Я не могла. — Дженни как будто уменьшилась в размерах и снова сунула конверт в руку Эбби. — Берите. Если это что-то значит, то вам это будет легче узнать.

Силы Дженни таяли прямо на глазах. Ее лицо выглядело осунувшимся. Эбби почувствовала, что пора уходить.

— Где сейчас Майкл?

Это была неудачная фраза. От взгляда Дженни ей захотелось превратиться в пластиковую пленку, которой был накрыт диван.

— Я имела в виду... я думала... всего лишь побывать на его могиле, пока я здесь.

Дженни взяла у Эбби чашку и поставила ее на бронзовый поднос. Руки ее дрожали, и Эбби испугалась, что она разобьет тонкий фарфор.

— Его кремировали. Мы развеяли его прах над бухтой Робин-Гуд-бэй. Он не хотел никаких памятников и всегда говорил: уходя уходи.

Эти слова прозвучали как намек, что встречу пора заканчивать. Она заторопилась к выходу. Дженни пробормотала что-то о том, что ей нужно забрать племянницу с заседания детской организации скаутов. Эбби призналась, что хочет успеть на поезд. Интимность, на короткое время сблизившая их, исчезла, но на пороге Дженни удивила ее, обняв одной рукой. Это был неловкий жест, как будто сестра Майкла не привыкла к подобным проявлениям чувств. *Наверно, ей тоже тяжело одной*, подумала Эбби. *Надо держаться*.

— Сообщите мне, если что-нибудь узнаете.

Пока она сидела у Дженни, дождь пошел еще сильнее. Юркнув в тесный проулок между двумя домами, где сверху не капало, она вытащила письмо Майкла и посмотрела на часы. Сейчас пять часов дня — в Германии шесть. Рабочий день там закончился. Но ждать она не может.

Эбби достала телефон и, моля бога, чтобы денег на счету хватило, набрала номер.

Ей ответили по-немецки.

— Доктора Грубера, пожалуйста.

— Момент, сейчас соединю.

Голос сменился негромким механическим сигналом, напомним ей больницу в Черногории. Эбби вздрогнула. А в следующий миг заметила, как на дальнем конце улицы от одного из домов отделилась какая-то тень и зашагала в ее направлении. Мужчина в длинном черном плаще и старомодной шляпе трильби. Сумеречное освещение и дождь затуманивали зрение. Бесформенный плащ делал его похожим на темное пятно.

— Алло! — раздался в трубке мужской голос.

— Доктор Грубер?

— Да¹.

Тень зашагала дальше по улице. Этот человек мог идти куда угодно, но что-то в его движениях подсказывало Эбби, что он направляется именно к ней. Она огляделась по сторонам в поисках возможной помощи, но улица была пуста. Даже дома

¹ Да (нем.).

как будто повернулись к ней спиной. Окна были завешаны белыми шторами и напоминали пустые рамки для фотографий в доме Дженни.

Вы пришли одна? Почему Дженни задала этот вопрос?

— Алло! — прозвучал в трубке нетерпеливый голос, возможно даже слегка раздраженный. Эбби развернулась и быстро зашагала вперед, продолжая разговор на ходу.

— Доктор Грубер? Вы говорите по-английски? Меня зовут Эбби Кормак, я подруга Майкла Ласкариса. Вы знали его? Осторожная пауза.

— Я знаком с мистером Ласкарисом.

— Он... — Эбби оглянулась через плечо. Человек в плаще все так же следовал за ней. — Он умер. Я перебирала его бумаги и нашла письмо, которые вы написали ему. Я подумала...

Если ты с ним знаком, то почему он никогда не упоминал твое имя? Если вы с ним знакомы, то с какой целью он приезжал в Трир? Может, ты подскажешь мне, кто мог убить его?

— ...что вы можете помнить его, — беспомощно закончила она фразу.

Эбби свернула за угол и оказалась на улице, вдоль которой тянулись бесконечные магазины. Мимо нее, разбрызгивая воду в лужах, проехала машина. Она ускорила шаг.

— Я помню его, — ответил доктор Груббер. — Мне жаль, что он умер. Не так давно он приезжал ко мне.

— Что он хотел?

Шум дождя затруднял разговор, но Эбби показалось, что в голосе собеседника прозвучала новая нотка.

— Я директор института папирологии. Знаете такое слово: папирология? Изучение папирусов. Древних документов.

— Да. Знаю. — Она снова помолчала. — Я не знала, что Майкл интересуется древними рукописями.

— Не знали?

Эбби снова оглянулась. Тень никуда не исчезла. Ее преследователь явно сократил расстояние между ними. Лицо незнакомца выделялось светлым пятном между полями шляпы и поднятым воротником плаща, однако в пелене дождя было невозможно что-то толком разглядеть.

— Вы слушаете меня? Вы сейчас можете разговаривать?

— Да. Все отлично. Я...

Она снова свернула за угол и неожиданно для себя оказалась прямо перед собором. Дождь разогнал туристов и уличного музыканта. Ей показалось, будто в дверях мелькнула фигура в доспехах римского легионера, но, скорее всего, это был обман зрения. За ее спиной по мостовой раздавались быстрые шаги.

— Где вы, фрау Кормак?

— В Англии.

— Вы можете приехать ко мне?

— В Германию?

— Да, в музей, в Трир. Я думаю, что при личной встрече мне будет проще вам кое-что объяснить.

Теперь она перешла на бег, молясь о том, чтобы собор был еще открыт. Разве храмы не служат прибежищем для тех, кому грозит опасность? Грудь под повязкой отчаянно чесалась. Честное слово, будь у нее такая возможность, она сорвала бы с себя бинты.

— Прошу вас, вы можете сказать мне?..

— При личной встрече будет лучше.

— Но все-таки...

— Герр Ласкарис оставил мне инструкции. Полная конфиденциальность. Я не могу...

Тень снова растворилась в сумерках среди дождя, однако Эбби чувствовала, что преследователь где-то рядом. Взбежав по ступенькам, она толкнула массивную дверь.

— Я приеду. Спасибо. До свидания.

По крайней мере, здесь были люди. Служители в красных мантиях и туристы в мокрых куртках. Задрав головы, посетители разглядывали своды древнего храма.

Откуда-то сверху доносились голоса невидимых хористов, исполнявших псалом. Эбби выключила телефон и остановилась, давая громаде собора возможность принять ее под свои своды.

К ней тотчас подошел один из служителей.

— Вы пришли на службу? Вечерня только что началась.

Эбби в замешательстве посмотрела на него и кивнула. Служитель провел ее на огороженные дубовыми панелями хоры,

своего рода церковь внутри церкви, и усадил на последнем ряду скамей с высокими спинками. Здесь было больше людей, больше тепла. В проходах мерцали свечи, а скрытые осветительные приборы отбрасывали на высокие своды и ниши мягкие круги света.

Хор запел «*Nunc Dimittis*»¹, и прихожане встали. «*Господь, позволь рабу твоему упокоиться с миром*». Эбби встала и закрыла глаза. По ее лицу текли слезы и капли дождя. Окружающие наверняка заметят ее заплаканное лицо, впрочем, какая разница. В ее памяти возникла маленькая беленная известью церквушка в Илинге и серьезный пожилой человек в белой сутане и золотистой stole, стоящий на кафедре. Ее отец.

«*Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут*».

— Что бы ты подумал обо мне сейчас? — прошептала она.

Псалом закончился. До Эбби донеслись приглушенные голоса, похожие на щебетание птиц. Это прихожане вновь сели на скамьи. Она открыла глаза и посмотрела на дверь хоров, массивные деревянные ворота под частоколом органных труб, чтобы убедиться, что ее преследователя там нет. Двери были закрыты, и войти внутрь никто не мог. За ними чернела непроглядная тьма.

Глава 8

Константинополь, апрель 337 года

Я изрядно устал. Я несколько часов ходил пешком по городу, по жаре и пыли, но не нашел никого, кто знал бы хоть что-нибудь об убийстве в библиотеке. Было время, когда я мог прошагать за день сорок миль, но дни эти остались в далеком прошлом. Я нашел фонтан и ополоснул лицо. Затем, подойдя к стене, облегчился и сел. Дети, игравшие на улице, не виде-

¹ «Ныне отпускаеши» (лат.) — песнь Симеона Богоприимца, входит в состав христианских (православных, католических, англиканских и др.) песнопений.

ли меня, их матери, спешившие сделать до наступления темноты нужные дела, не обращают на меня внимания. Они не знают, кто я такой.

Осталось последнее место, куда мне сегодня предстоит зайти. Это недалеко отсюда, однако я едва не пропускаю нужный мне поворот. Я ищу статую, стоящую на углу, прекрасное бронзовое изображение морского бога, мчащегося на колеснице. Только сейчас, когда я сделал около полусотни шагов, мне становится понятно, что я забрел слишком далеко. Я возвращаюсь обратно и снова едва не прохожу нужный мне поворот. Статуи нет.

В этом весь Константинополь — город блуждающих статуй. Они смотрят на вас со своих пьедесталов, помещенные в ниши домов или установленные на крышах. Они превращаются в ваших спутников, друзей, провожатых. Потом одним прекрасным утром просыпаешься и обнаруживаешь, что их нет. Они куда-то исчезли. Остался лишь пьедестал — надпись на нем сбита зубилом, — который ждет, когда на него установят новую статую. О старой, конечно же, никто больше не вспоминает.

Десять лет назад здесь было множество пустых пьедесталов. Теперь большая их часть занята новыми изваяниями, однако я до сих пор скучаю по старым знакомым лицам.

Александр обитал в скромных комнатах над таверной. Расположенная слева от входной двери лестница ведет на верхние этажи. Поднимаюсь по ступеням и оказываюсь на лестничной площадке. Узнать дверь Александра несложно: на ней единственной начертана монограмма Хи-Ро. Здесь же и замок, который, впрочем, безнадежно испорчен. Дверь стоит открытой настежь, как будто распахнутая порывом ветра. Однако день сегодня безветренный, а для того чтобы сорвать такой замок, должна бушевать настоящая буря, достойная неистового гнева Юпитера. Я слышу внутри какой-то звук.

Внутренний голос подсказывает, что мне здесь не место. И пусть жить мне осталось недолго, у меня нет желания расстаться с жизнью слишком рано. Александр для меня — лишь ненужная головная боль. Я могу вернуться сюда утром, и никто об этом не узнает.

Но я упрямый и никогда в жизни не убегал от опасности. Прижимаюсь спиной к стене и заглядываю в открытую дверь. В комнате темно и, судя по всему, в ней царит полный разгром. Занавески сорваны и разодраны в клочья, полка перевернута, а горшки и прочая посуда разбиты вдребезги. Посреди всего этого хаоса застыла одинокая человеческая фигура. Незнакомец стоит за столом, заваленным бумагами, и неторопливо их перебирает.

— Симеон?

Он удивленно вскидывает голову и смотрит в мою сторону. Я остаюсь на пороге: хочу убедиться, что Симеон один и мне удастся отскочить, если он вдруг выхватит нож. Однако по нему не похоже, что готов на меня наброситься. Я бы даже сказал, что он напуган еще больше, чем я.

— Это ты сделал? — строго спрашиваю я. — Зачем?..

— Нет, не я. — Он испуганно смотрит на меня. — Здесь уже так было, когда я пришел.

— Когда?

— Недавно. Хотел вернуть на место книги Александра. Из библиотеки. — В его глазах я замечаю слезы. — Ему бы не понравилось, если бы они пропали. Для него книги были как дети.

Я жестом показываю на разгром в комнате.

— А это?

— Когда я пришел сюда... — повторяет Симеон и неожиданно показывает на сорванный замок. — Должно быть, кто-то самовольно вломился сюда.

— У тебя был ключ? — спрашиваю я, но уже знаю, точнее, вижу ответ на свой вопрос. Ключ висит на шнурке на его шее. Я снимаю его и засовываю в замочную скважину. Ключ подходит.

— Замок был новый?

— Он установил его месяц назад.

— Что-нибудь пропало?

Я вижу его удивленный взгляд.

— Не знаю. Может быть, какие-то бумаги. У него не было ничего ценного.

— А как же футляр с документами, который он брал в собой в библиотеку? Что было в нем?

— Он никогда мне его не показывал.

— Александр дал тебе ключ от своего дома, но никогда не показывал, что было в фугляре?

Я наклоняюсь над столом и смотрю на беспорядочно разбросанные бумаги. Среди них выделяется кодекс, который Симеон принес из библиотеки. Некоторые страницы пропитались кровью и теперь как будто хранят какую-то частицу Александра. Я вспоминаю, что сказал мне Порфирий.

— Я слышал, что Александр писал некую хронику. Ее якобы заказал ему сам император.

У Симеона светлеет лицо.

— Да, «Хроникон». Историю всего сущего.

Он наугад открывает какую-то страницу и в очередной раз удивляет меня. Это так не похоже на сочинения Плиния или Тацита, которые мы изучали в школе. Скорее на счетную книгу. Я вижу параллельные колонки, состоящие из коротких параграфов. Поля испещрены греческими и римскими цифрами, цифры встречаются и в самом тексте.

Я наклоняюсь ниже и пытаюсь разобраться в написанном. Мне всегда плохо давался греческий, а здесь полным-полно варварских имен и экзотических географических названий.

— Александр придумал это, чтобы примирить историю евреев, греков, римлян и персов с начала времен, — пояснил Симеон. — Подробное разъяснение Божьего творения. Карта времен, призванная открыть его загадки.

Однако я не слышу его. Это книга времени, и каждая ее страница — дверь. Прочесть ее — значить войти внутрь.

В шестнадцатый год своего правления император Констанций умер в Британии, в Йорке.

Йорк, июль 306 года. Тридцать один год назад...

Когда мы въезжаем в Йорк, в воздухе висит кровь. Она сопровождает нас на каждом шагу нашего путешествия, на протяжении тысячи миль по всей империи. Кровь в конюшнях в ночь нашего отъезда. Наши длинные ножи испачканы кровью лошадей, которым мы перерезали сухожилия, чтобы не допустить погони. Наши колени, бедра, руки тоже истерты до кро-

ви; пятна крови на наших седлах. Тридцать семь дней тяжело-го конного похода. Лишь когда перед нами замаячили белые утесы Британии, я наконец поверил, что мы добрались до цели.

Константин вот уже год живет в постоянном напряжении. Ситуация в империи сложная, но сводится к следующему: он хотел бы кое-кого убрать. В данный момент империю делят два императора. Галерий правит восточной половиной, тогда как отец Константина, Констанций, — западной. Константин живет при дворе Галерия в Сирмии в качестве заложника их сделки. Галерий знает, что нет ничего опаснее, чем наследник империи, который пребывает не у дел, но не может убить Константина, пока Констанций является его западным соправителем. Вместо этого он пытается пристрастить Константина к охоте на диких зверей в глухих лесах либо отправляет его воевать с варварскими племенами, известными своей свирепостью.

Но теперь Констанций при смерти. Это известие пришло в обеденное время тридцать восемь дней назад. Приди оно утром, и мы давно уже были бы мертвы. Но Галерий горький пьяница: все, что происходит после полудня, может подождать до утра. К тому времени мы были в сотне миль от Сирмия, оставив после себя конюшню с покалеченными лошадьми. И вот теперь мы в Йорке. Крепость высится на горе меж двух рек; квадратная башня принципии — штаба — венчает ее самую высокую точку. На дальнем берегу к склону прилепился город, который разросся вверх и в стороны от пристани и складов, где разгружаются суда.

При нашем приближении стража у ворот настораживается, но, услышав имя Константина, почтительно вытягивается по стойке смирно. Это хороший признак.

— Мой отец жив? — властно спрашивает он. — Мы не опоздали?

Стражник кивает. Константин поднимает голову к солнцу и касается рукой лба, благодаря небеса.

Наконец мы достигаем принципии. Чьи-то руки отрывают от меня Константина и уводят в какую-то комнату. Я остаюсь в коридоре и наблюдаю за происходящим. Стражи тащат к расположенному прямо перед плацом портику тяжелые дубовые

лари; чиновники ведут им счет и заносят цифры в навощенные таблички. Похоже, здесь каждый точно знает, чем занимается.

Шум двора перекрывает поступь тяжелых шагов. Это из-за угла появляется Константин, в окружении генералов и вестовых в полной форме. Пока я стоял, он успел выкроить время, чтобы умыться и надеть позолоченную кирасу. Непривычно видеть его таким, как будто вернувшимся из прежней жизни. Последние месяцы мы прожили с ним бок о бок, сначала во дворце, а затем в дороге. Я оказался не готов к тому, что он переменится так быстро.

— Как твой отец? Он будет?.. — спрашиваю я, когда он приближается ко мне.

— Констанций умер два дня назад, — отвечает Константин, не глядя на меня и не замедляя шага. Свита окружает его плотным кольцом. — Префект преторианцев хранил это в тайне до моего прибытия.

Рядом с ним шагает и сам префект. Конский волос на плюмаже шлема столь же крепок, как и его тело. Лицо Константина непроницаемо. Невозможно понять, рад он или зол, что его так долго держали в неведении. С другой стороны, есть ли у него выбор?

Они проходят через двойные двери на плац. Я пристраиваюсь им вслед. Увидев Константина, легионеры приветствуют его радостным ревом. Он поднимает руку, призывая к тишине, но солдаты и не думают повиноваться. Они продолжают шуметь: выкрикивают его имя, топают ногами. Константин стоит, вскинув руки. Невозможно понять, кто над кем властвует. Я не помню точно, что сказал Константин, после того как наконец они уgomонились. Наверно, сообщил о том, что его отец скончался полчаса назад; солдаты издают горестные звуки. Он говорит им, что он, Константин, не имеет положения в империи и что Галерий в должное время назначит Констанцию преемника.

Солдатам это не нравится, по строю пробегает недовольный ропот. Неожиданно человеческая масса приходит в движение и устремляется вперед. Стоящие перед Константином телохранители безуспешно пытаются сдержать напор человеческих тел. Десяток легионеров взбирается на помост. Они что-то кричат

Константину. Это неслыханная дерзость, но он даже не шелохнулся. Даже тогда, когда его хватают за руки и тащат вниз, в толпу. Рев множества глоток подобен грому. Префект преторианцев берется за рукоятку меча, но не осмеливается даже пошевелиться.

Затем происходит удивительная вещь. Никто не видит Константина, но неким образом настроение толпы стремительно меняется. Лица проясняются, гнев испаряется. Злобные выкрики превращаются в триумфальные вопли. Голова Константина выныривает из толпы, как будто некая сила возносит его к небесам. Шум становится в два раза громче. Кто-то в толкотне умудряется набросить ему на плечи ярко-красный плащ. Его поднимают на щите. Щит раскачивается, пока его передают от человека к человеку, но Константин удерживает равновесие. Его воздетые к небу руки подрагивают, он улыбается, что-то кричит в ответ на ликующие восклицания своих солдат.

Не знаю почему, но в эти мгновения он напоминает мне Нептуна, мчащегося по волнам на морской колеснице. Константин выглядит величественно — этакое божество, неподвластное никаким стихиям. Но основание под ним зыбкое. Если он упадет, то наверняка утонет.

Константинополь, апрель 337 года

— Валерий?

Я не в Йорке. Я стою посреди разгромленной комнаты, пережившей своего хозяина. Дьякон Симеон ждет меня.

Я даже не заметил, как погрузился в воспоминания. Чтобы скрыть неловкость, я спрашиваю:

— Ты знаешь человека по имени Публий Порфирий? Бывшего префекта Рима?

— Он был другом Александра.

— Сегодня он был в библиотеке. Он сказал, что Александр просил его о встрече. Ты никогда не видел их вместе?

— Большую часть дня я провел, выполняя данные мне Александром поручения. В библиотеке меня, можно считать, не было.

— Что за поручения?

— Нужно было доставить из кладовой бумаги и чернил. Принести книги, которые он переписал, и кое-какие документы из императорского архива, которые были ему нужны для работы над хроникой. Передавал его записки. Так что в ту минуту, когда он умер, я находился в другом месте.

— Куда ты ходил?

— Александр отправил меня за епископом Евсевием из Ни-
комедии.

Вот уже второй раз за день я слышу имя Евсевия.

— Почему ты раньше не сказал о нем?

Мой вопрос повергает его в растерянность.

— Он так и не пришел.

— Симмах утверждал, что Евсевий там был.

Лицо Симеона говорит мне о том, что он думает по этому поводу.

— Евсевий — епископ.

Я не могу точно понять — он нарочно провоцирует меня или проявляет наивность? Я вспоминаю слова Симмаха. *Христиане — темная, злобная секта.*

Каков же ты? — думаю я. Темен или злобен?

Глава 9

Трир, наши дни

Эбби с трудом узнавала себя на фотокарточке паспорта. Посольство выдало его, чтобы переправить ее из Черногории домой. Как оказалось, ее старый паспорт бесследно исчез где-то на пути между виллой и больницей. Дело даже не в фото, которое, кстати сказать, было жутким, а в зияющих пустотой страницах. Ее предыдущий паспорт был выдан восемь лет назад, и в нем на всех страницах стояли визы или штампы пограничного контроля.

— Твоя жизнь — сплошная бюрократия, — часто поддразнивал ее Майкл. И вот теперь та жизнь осталась в прошлом.

С новым паспортом было все в порядке, и его оказалось достаточно, чтобы скусающий контролер на вокзале Сент-Панкрас жестом разрешил ей пройти через рамку металлоискателя.

Через шесть часов, сменив три поезда, Эбби оказалась в Трире, мучаясь мысленным вопросом, все ли в порядке с ее головой. Решился бы нормальный человек проехать половину Европы, следуя какой-то необъяснимой прихоти? От долгого сидения в поездах ныло плечо. Она весь день провела в дороге. С тем же успехом она могла пробежать марафонскую дистанцию.

В Трире Эбби сняла номер в отеле «Рёмише Кайзер», расположенном по другую сторону улицы от Порты Нигра, — тех самых Черных Ворот, которые были изображены на открытке Майкла.

Кстати, открытка до сих пор вызывала у нее массу вопросов.

Ты видел их? — мысленно спросила она Майкла, продолжая диалог, который вела с ним всю дорогу из Лондона. — *Скажи, ты останавливался в этом же отеле? Когда ты приезжал туда?*

По крайней мере, ответ на последний вопрос у нее был. Письмо из музея было датировано июлем, за месяц до смерти Майкла. Помнится, тогда Майкл неожиданно отбыл на конференцию пограничных агентств Евросоюза в Саарбрюккен. Эбби казалось, что она помнит тогдашний разговор: мол, неожиданно изменились планы: в последнюю минуту коллега не смог поехать, и вот теперь он был вынужден ехать вместо него. Майкл тогда привез ей немецкой колбасы и бутылку рислинга — по его рассказам, единственное, что было хорошего на конференции.

Но о поездке в Трир он не обмолвился даже словом.

По мнению Эбби, большая часть современных городов стоит на фундаментах прошлого. В Трире прошлое и настоящее уживались, причем вполне гармонично. Последнее тысячелетие показалось ей чем-то вроде протертого до дыр ковра, наброшенного на древнеримский город, который проглядывает в эти дыры почти на каждом углу. Черные Ворота — громадина высотой с четырехэтажный дом — остались в целости и сохранности. Современный автодорожный мост через Мозель стоит на опорах, первоначально сооруженных римскими фортификаторами. Высокие кирпичные стены базилики в романском стиле, рядом особняк из розоватого кирпича, выглядящий карликом на ее фоне. За ним, на другом берегу озера, расположился музей.

У нее была договоренность, но у стойки регистрации ей сказали, что доктор Грубер на совещании, которое слегка затянулось. Эбби купила входной билет и, чтобы скоротать время, прошлась по залам музея. В длинной полукруглой галерее выстроились ряды массивных скульптур. Прочитав подписи, она поняла, что это надгробные памятники.

— Чтобы достичь живых, плыви среди мертвых.

Эбби обернулась. К ней сзади подошел худощавый мужчина в синем костюме. У него были редущие волосы, открывающие массивный выпуклый лоб. Костистое лицо. Усы щеточкой, которые вышли из моды лет этак семьдесят назад.

— Миссис Кормак?

Его слова привели Эбби в замешательство. Даже в годы замужества она никогда не воспринимала себя как «миссис».

Она пожала протянутую руку.

— Доктор Грубер?

— Римляне считали, что мертвые оскверняют живых. И потому хоронили покойников за городскими стенами. Было невозможно попасть в римский город, не пройдя мимо склепов, которые порой тянулись на несколько километров. Именно это мы и пытаемся воссоздать здесь.

Грубер открыл дверь без таблички и по лестнице провел Эбби в свой кабинет. На столе у стены стоял какой-то аппарат бежевого цвета. Позади стола — высокие окна, в которых виднелся парк и высокое кирпичное здание на другой стороне озера.

— Вы знаете, что это? — спросил Грубер.

— Базилика императора Константина, — ответила Эбби. Она прочитала о ней в туристическом буклете, который нашла в отеле.

— Это был тронный зал дворца Константина Великого, когда тот правил империей отсюда, из Трира. Великий кайзер Константин, — пояснил Грубер, вертя в пальцах ручку. — Конечно, если сегодня спросить у людей, кто такой кайзер, они назовут вам футболиста Беккенбауэра.

Эбби улыбнулась, сделав вид, будто понимает его.

— А что это за здание рядом с вами?

— Там располагается местная администрация.

— Звучит не столь внушительно, как римский император.

— Но функционально — то же самое, разве нет? — Грубер прикоснулся к ушкам. — Есть места, которые будто магнитом притягивают к себе власть. Тысячу семьсот лет назад Константин построил здесь свой дворец. С тех пор кто только не занимал его: и франкские графы, и средневековые архиепископы, и курфюрсты, и прусские короли, и вот теперь наша нынешняя местная администрация. Каждое поколение власти непременно занимает это место. Неужели они думают, что история упрочит их легитимность? Или в нас живет некое животное чувство, и мы помимо нашей воли невольно реагируем на такие места? Что греха таить, в них есть своя притягательность.

Эбби не раз слышала рассуждения мужчин о животном чувстве. Правда, обычно они имели в виду нечто другое.

Она плотнее натянула на груди кардиган и заставила себя посмотреть в глаза собеседнику.

— Вы сказали, что Майкл приезжал сюда, чтобы встретиться с вами.

Ручка в пальцах доктора Грубера замерла.

— Верно.

— Вы сказали, что могли бы сообщить мне о том, что он хотел.

— Я сказал, что не могу сообщить вам об этом по телефону.

— Он вам что-то привозил... фрагмент папируса. Хотел, чтобы вы провели анализ текста. Я читала письмо, которое вы ему отправили.

Во время работы в Косово она выучила несколько десятков немецких фраз. Это, а также интернет-переводчик и англо-немецкий словарь позволили ей понять в целом содержание письма. Из него следовало, что фрагмент папируса неизвестного происхождения получен и будет проведено его микрокомпьютерное сканирование. Результаты будут храниться в строгой тайне и о них сообщат только владельцу названной вещи.

— Если вы читали письмо, то знаете, что оно носит конфиденциальный характер. Результаты исследования я могу передать только мистеру Ласкарису.

— Майкл умер.

— А вы его душеприказчик? Наследница? У вас есть документы, подтверждающие это?

— Я была его партнером.

— Извините. Он ничего не говорил о вас.

Эбби немного подалась вперед.

— Доктор Грубер, я вынуждена сообщить вам, что Майкл был убит при чрезвычайных обстоятельствах. Причем на моих глазах. Я не знаю, что он вам рассказывал обо мне.

Грубер вытащил пачку сигарет и закурил.

— Он очень скупое рассказывал даже о себе.

— Майкл работал на Европейский союз, и его убийство получило международный резонанс. Полиция продолжает расследование. Я уверена, что они проследят все передвижения Майкла за неделю до его смерти и выяснят, что он встречался с вами и передавал некий предмет. Какой именно, это они тоже выяснят.

— Вы говорите это так, будто мы здесь неким образом связаны с преступным сообществом, — нахмурился Грубер, дабы показать, что он не то чтобы оскорблен, а просто ожидал более справедливого к себе отношения. — Я представляю государственное учреждение с безупречной научной репутацией, самое известное в своей области. Если полиция придет сюда и будет задавать вопросы, мы, естественно, охотно на них ответим.

В свое время Эбби доводилось иметь дело с людьми куда более трудными в общении, нежели доктор Грубер, и она прекрасно знала, как вести себя с ними. Сигарета с невероятной быстротой догорала, превращаясь в столбик пепла. Судя по всему, Грубер сейчас лихорадочно соображает. В письме было сказано: фрагмент папируса неизвестного происхождения. Иными словами, если никто не предъявит на этот артефакт права, он останется у доктора Грубера. Который определенно не хочет с ним расставаться.

— Я всего лишь хочу посмотреть. Кстати, папирус был не единственным артефактом. Майкл оставил мне кое-что еще. Возможно, после того как я взгляну на рукопись, вы проконсультируете меня.

Покажи мне, что у тебя, и я покажу, что у меня.

Сигарета догорела до фильтра. Грубер затушил ее в бронзовой пепельнице, встал и вынул из кармана внушительную связку ключей. Открыв вместительный ящик шкафа позади письменного стола, он извлек из него металлический чемоданчик с кодовым замком. Палец немца застыл над колесиками с цифрами.

— Буду признателен вам, если вы сохраните нашу встречу в тайне. Анализ еще не завершен до конца. Мне бы не хотелось, чтобы недостоверная информация вызвала ложные суждения в прессе, прежде чем она будет опубликована в соответствующих научных изданиях.

— Разумеется.

Грубер открыл чемоданчик. Внутри оказалась мягкая подкладка из оберточной бумаги и ваты. В центре покоился короткий, темно-коричневый предмет, формой похожий на массивный клык животного. Он напомнил Эбби обломок окаменевшего дерева, виденный ею в каком-то музее. Грубер достал пару белых хлопчатобумажных перчаток и выложил загадочный предмет в белый контейнер, похожий на гипсовую форму-изложницу.

— Вы знакомы с работами, что ведутся в нашем институте?

— Читала на вашем сайте в Интернете.

— Микрокомпьютерное сканирование. Точнее, микрокомпьютерная томография. Многократное рентгеновское сканирование, позволяющее создать полную цифровую трехмерную модель исследуемого предмета с разрешением в двадцать пять микрон. — Заметив выражение ее лица, он добавил: — Очень точную модель.

— Понятно.

Грубер поставил изложницу в плексигласовый контейнер и, пройдя через всю комнату, подошел к стоявшей на столе машине, которую Эбби заметила сразу, как только вошла: нечто среднее между микроволновой печкой и допотопным компьютером образца 1980-х годов. Небольшой отсек с прозрачной дверцей между двумя угловатыми блоками из бежевого металла. В углу желтый значок, предостерегающий о радиоактивной опасности.

— Это и есть ваш аппарат?

— Майкл Ласкарис поступил необычно, привезя к нам папирус. Большая часть таких вещей должна сканироваться непосредственно в тех библиотеках, где они хранятся. Этот аппарат — портативный, его легко перевозить с места на место.

Грубер поставил контейнер с папирусом вертикально и закрыл дверцу. Затем нажал кнопку. Вспыхнул белый свет и осветил контейнер, который начал медленно вращаться.

— Простите мое невежество, но в чем тут смысл? Вы пытаетесь прочесть рукопись при помощи рентгеновских лучей?

— В конечном итоге, да. Но прежде всего мы должны, так сказать, развернуть папирус. Ведь этот свиток находился в свернутом состоянии в течение долгих столетий. Со временем папирус пропитывается влагой и сплющивается. Если его развернуть механическим способом, то он рассыплется в прах. Мы используем рентгеновские лучи для создания трехмерной модели свитка на микроскопическом уровне. Затем благодаря мощным алгоритмам компьютер выдает нам один лист в том виде, в каком он был когда-то написан человеческой рукой.

— И тогда его можно прочесть?

— Пожалуй. Примерно в трехсотых годах нашей эры чернила имели в своей основе углерод. Для получения черных чернил использовали сажу. Однако затем наши предки перешли на железистые чернила. Их получали путем взаимодействия кислоты и сульфата железа. Их главная особенность в том, что они дольше сохранялись. Поскольку в таких чернилах содержатся мельчайшие частички железа, они легче поглощают свет. Поэтому их следы проще выявить при сканировании.

На широком экране, установленном на стене над сканером, появилось монохромное изображение свитка, вращающегося в виртуальном пространстве. В черно-белом виде он напоминал кусок угля. Стоило Груберу прикоснуться к картинке, как она как будто полетела им навстречу и вскоре заняла весь экран. Затем она повернулась концом вперед, открыв взгляду крошечные concentрические завитки.

— Это спирали свитка, — пояснил доктор Грубер.

— Вы можете прочесть текст?

Грубер прикоснулся к углу экрана, и изображение померкло.

— Само по себе сканирование — несложный процесс. Но вот развертывание... — Немец вздохнул. — Представьте себе, что вы разрезаете луковицу на мельчайшие, насколько это возможно, частички. Затем представьте, каково это — заново соединить их, чтобы получить луковицу в ее первоизданном виде. Для этого требуются огромные аналитические мощносты. А это — неофициальный проект. Если я берусь за анализ, то должен заниматься им, когда наша компьютерная сеть не используется для обычных служебных нужд.

Надежда на успех тут же увяла в душе Эбби. *Но все таки зачем Майклу понадобился этот древний свиток?*

— Он говорил вам, откуда у него этот папирус?

Грубер сел и, предварительно предложив Эбби сигарету, закурил снова. Эбби не стала отказываться.

— Мистер Ласкарис был... как это поточнее сказать? — не слишком многословным, верно? Нет, он не сказал нам, где нашел эту вещь. Как не сказал и о том, как она попала к нему в руки. Ваш друг даже отказался сообщить род своих занятий, хотя было сразу видно, что он далек от мира науки. Я надеялся, что когда вы приедете, то дадите мне ответы на кое-какие вопросы. — Грубер стряхнул пепел в пепельницу. — По крайней мере, теперь я знаю, что мистер Ласкарис дипломат.

Эбби затянулась сигаретой. В эти минуты никотин был как нельзя кстати.

— Жаль, но я ничем не могу помочь вам.

Грубер прищурился.

— Вы сказали, что можете что-то показать взамен.

— Да, верно. — С этими словами она вынула из сумочки золотое ожерелье и передала его своему собеседнику. Тот, не снимая перчаток, взял его двумя пальцами и принялся рассматривать в увеличительное стекло, которое взял со стола. Эбби показалось, что его глаза сейчас вылезут из орбит.

— Он нашел это вместе со свитком?

Эбби выпустила длинную струйку дыма. Она не курила уже много лет, и теперь у нее слегка кружилась голова.

— Я узнала о свитке от вас. До этого я понятия не имела о его существовании.

— Вы знаете, что это?

— Старый христианский символ.

— Это разновидность христограммы — монограммы императора Константина. Вам известна эта история? Перед решающей битвой у Мульвиева моста ему приснился вещий сон. Он увидел ангела, который показал ему этот символ. Две греческие буквы: «Хи», «Ро». Это две первые буквы слова «Христос» на греческом языке. Константин велел изготовить ювелирное подобие этого символа, так называемый лабарум. Во время битвы император нес его как свой личный штандарт. Он победил в этом сражении, и с тех пор христианство распространилось по всей Европе. Таким образом все мы стали христианами.

— Ожерелье может иметь отношение к свитку?

— Христограммы широко использовались и после Константина. Вы можете пойти в любой собор в Трире и увидеть их там. Что касается ожерелья, то, на мой взгляд, оно изготовлено в период поздней Античности.

— А чернила? Вы сказали, что они содержат железо, которое стали использовать лишь начиная с четвертого века.

— Предварительный анализ дает основания полагать, что это разновидность железистых чернил. И, кроме того, язык. Большинство дошедших до наших дней свитков из папируса имеют тексты на греческом. Этот — на латыни, из чего явствует, что он написан в четвертом веке нашей эры. В это время Римская империя начинает меняться. — Грубер указал в окно на базилику. — К сожалению, Трир не пользовался любовью императора Константина. Он построил новую столицу, Константинополь, ныне Стамбул, своего рода новый Рим для новой христианской империи.

Впрочем, лекция доктора Грубера по истории была Эбби не интересна. Ее сердце было готово выскочить из груди от охватившего ее волнения.

— Откуда вы знаете, что текст на латыни?

— Простите?

— Вы сказали, что рукопись написана на латыни. Но в то же время признались, что не до конца проанализировали результат сканирования. Откуда у вас такая уверенность, что именно на этом языке написан текст?

Грубер встал.

— Благодарю вас за проявленный интерес, фрау Кормак, но мне кажется, что вам пора идти. Я занятой человек, я и так уделю вам достаточно времени. — С этими словами Грубер обошел стол и открыл дверь. Эбби встала у него на пути, загораживая ему подход к сканеру, и положила руку на прозрачную дверцу.

— Если выставляете меня за дверь, то я забираю с собой эту вещь.

Грубер подергал усиками.

— Это кража.

— Тогда прямо сейчас звоните в полицию.

— Но вы не сможете прочесть рукопись. И даже если попытаетесь это сделать, то уничтожите свиток.

— Ваш аппарат не единственный, я обращусь к кому-нибудь еще.

Когда она проходила профессиональные тренинги для дипломатов, такое поведение называли *манипулированием*, однако ее коллеги между собой называли это «прессовать уродов».

Грубер отошел назад и присел на край стола.

— Вы думаете, что кто-то согласится помогать вам? Какой-то женщине с улицы с древним свитком, который, скорее всего, был украден? Даже если вы принесете свою находку в какой-нибудь университет в Штатах, американцы тотчас же ее конфискуют. Затем они упрячут манускрипт в запасники, где нет устройств, контролирующих температуру и влажность, и лет через десять-двадцать, если кто-то и пожелает взглянуть на рукопись, то не увидит ничего, кроме горстки пыли.

Эбби взяла со стола пачку и предложила ее же хозяину сигарету. Тот со вздохом закурил от огонька зажигалки, которую Эбби услужливо поднесла ему.

— *Danke*.

Эбби последовала его примеру и, сделав глубокую затяжку, подумала: неужели это войдет в привычку?

— Почему бы нам не начать с правды?

— То, что я сказал, — правда, — ответил Грубер и, поймав на себе колючий взгляд собеседницы, сделал выразительный жест. — Для расшифровки действительно понадобится огромная компьютерная мощность. На это может уйти несколько недель

машинного времени. Даже если мы получим изображение, то все равно просто прочитатъ текст, как обычную книгу, нам не удастся. Каждую букву следует расшифровать, проверить, исправить.

Грубер опустил голову и выпустил струйку дыма себе под ноги.

— Признаюсь вам честно, документ без прошлого и без владельца вызвал у меня интерес. И я восстановил несколько строк.

С этими словами Грубер протянул руку к ящичку письменного стола и вытащил из него листок для заметок, плотно испещренный похожими на детские каракули буквами. Лишь наклонившись ближе, Эбби поняла, что это фрагменты текста, написанного и зачеркнутого, переписанного заново и снова перечеркнутого. Буквам было тесно. Словно не находя себе места, они выскакивали за строчки, то прыгая вниз, то подскакивая над строкой, пока их вновь не загоняли в строй. Все это сильно напоминало творчество душевнобольного.

— На обратной стороне. Читайте.

Здесь почерк был аккуратнее. Три абзаца по четыре строки в каждом. Один на латыни, другой на немецком, третий на английском.

Чтобы достичь живых, плыви средь мертвых.

За тьмою солнца свет горит лучистый.

Спасенья знак, что освещает путь вперед.

Сияет, негасимый, новой жизнью.

По спине Эбби невольно пробежал холодок. Она чувствовала, как от волнения под бинтами пульсирует кровь. Ей тотчас вспомнилось, что сказала Дженни: это слишком личное, верно? Что-то вроде послания из могилы.

— Вы знаете, что это?

— Судя по языку текста, стих написан примерно в четвертом веке нашей эры. Совокупность художественных приемов носит неоплатонический характер. Слово же «негасимый», точнее, в латинском тексте, «непобедимый» — *invictus* — стандартный эпитет императоров той эпохи.

— Вы можете сказать, кто это написал?

Грубер почесал шею в том месте, где оно соприкасалось с воротничком.

— Первые две строчки соответствуют надписи на могильной плите, которая некогда была выставлена в музее императорского форума в Риме. Вторые две, насколько мне известно, никогда не появлялись в основном корпусе других классических текстов. Насколько я могу судить, перед нами абсолютно новый, ранее никому не известный текст.

Неудивительно, что ты захотел оставить его у себя, подумала Эбби. Она сложила листок и сунула его в сумочку. Затем осмотрелась по сторонам, как будто собиралась что-то сказать, но промолчала.

— Это ваш собственный перевод?

— Герр Ласкарис пожелал, чтобы я полностью оправдал его затраты. — Заметив непонимание в ее глазах, немец улыбнулся. — Наверно, я обязан признаться вам кое в чем. За эту работу он пообещал мне сто тысяч евро.

Грубер с надеждой посмотрел на свою собеседницу.

— Надеюсь, вы сдержите данное им обещание?

Глава 10

Константинополь, апрель 337 года

Я пребываю в смятении. Мне следует думать о данном мне поручении, но каждый раз, когда пытаюсь сосредоточиться, мое сознание проваливается в прошлое. Я покоюсь на ложе в триклинии моего дома, разглядывая в свете бронзового светильника бумаги Александра. Даже рабы, и те уже легли спать. «Хроникон» Александра лежит открытым и ведет меня по моей же истории. Больше всего меня поражает обилие имен, особенно в первые годы после прихода Константина к власти: *Максений наречен августом... цезарь Север убит... Галерий объявил Лициния императором*. Имена, которые раньше означали безраздельную власть. Теперь их статуи убрали прочь, их имена преданы забвению. Разве что какой-нибудь чудак, читая книгу глубокой ночью, произнесет их вслух, да и то шепотом.

Трир, март 307 года, тридцать лет назад

Когда армия провозгласила Константина императором, Галерий повел себя, по обыкновению, неуклюже: занял выжидающую позицию. Он принял восшествие Константина на трон, ибо никак не мог противостоять этому, но дал ему младший титул цезаря, а не старший — августа, который Константин должен был унаследовать от отца. Если Галерий надеялся спровоцировать Константина на заговор, то ему это не удалось. Константин спокойно воспринял столь вопиющее неуважение к своей персоне. Более того, он отправил Галерию свои верительные грамоты, дабы показать, что готов служить под его началом.

Однако императоры теперь не такие, как раньше. В течение двухсот с лишним лет после первого Цезаря Августа brazды правления империей были сосредоточены в руках одного человека, императора. За последние же тридцать лет власть превратилась в некое совместное предприятие. Я до сих пор отказываюсь понять почему. Неужели империя стала такой огромной, такой разношерстной, что никто не в состоянии править ею единолично? Или люди настолько измельчали, что им велики башмаки гигантов, основавших некогда Рим? Как бы то ни было, последствия очевидны. Императоры подобны кроликам. Или он один, или их много. Диоклетиан расколол империю на две части, затем довел количество частей до четырех. Некоторые из этой четверки верховных правителей имели сыновей, которым требовалось наследство. Другие отреклись от власти, но потом передумали. В конечном итоге на титул непобедимого императора — *Imperator Invictus* — претендовали шестеро.

Шесть человек, каждый из которых завистливо поглядывал на других, не могут долго оставаться непобедимыми.

Двое из них — отец и сын, Максимиан и Максенций. Старого Максимиана пять лет назад уговорили отречься от престола, но отказ от императорского венца пришелся ему не по душе. Молодого Максенция, как и Константина, обошли повышением, однако в широких кругах преторианской гвардии Рима он имеет поддержку. Преторианцы хотят видеть его в пурпурной тоге императора. Это невозможная семейка, отец и сын стоят

друг друга. У обоих вечно красные щеки, как будто они чего-то смущаются, и большие женские глаза, повидавшие, однако, немало жестокостей.

Но сегодня они благодушны как никогда. Они прибыли в Константинову столицу, Трир, чтобы отпраздновать свадьбу Константина и Фаусты, сестры Максенция. Это второй брак Константина, но первый никак не может помешать второму. И он, разумеется, не помешал: быстрый развод позволит Константину обзавестись куда более выгодной супругой. Все делают вид, будто это в порядке вещей. Никто не осмеливается сказать о том, что этот счастливый день не что иное, как тщательно просчитанное предательство. Заключая союз с парочкой узурпаторов, отцом и сыном, Константин не оставляет Галерию иного выбора, как выступить против него.

— Максимиану с Максенцием ничего не стоило заключить мир с Галерием и, объединившись, сокрушить меня, — объяснил мне Константин, когда я предупредил его о возможных последствиях. — Если Галерий хочет напасть на меня сейчас, ему придется выступить также и против моего нового тестя и шурина.

— Но тогда тебе придется защищать их, — заметил я.

— Возможно, — улыбнулся Константин.

На какое-то время воцаряется гармония. Мы собрались в тронном зале Константинова дворца, увешанного гирляндами и освещенного светом сотни факелов. Брачное ложе возвышается в центре зала и завешано пурпурным пологом, вытканном золотом и украшенным сценами охоты и сражений. Ложе это — символическое. Настоящее действие произойдет в другом месте и позднее. Раздается пение, оповещающее о приближении невесты. Она идет, освещаемая факелами, откуда-то из задней комнаты. Рабы распахивают двери, и на пороге появляется Фауста. Ее лицо закрывает тончайшая шелковая вуаль. Платье почти под самой грудью перехвачено шнурком, завязанным изощренным узлом Геркулеса. Жених должен развязать его, однако, зная Константина, я предполагаю, что он просто его перережет кинжалом. Свита невесты осторожно приподнимает ее над порогом — вряд ли им хочется уронить будущую жену императора. Все внимательно наблюдают за проис-

ходящим. Я не раз становился свидетелем тому, как невесты съезживались под придирчивыми взглядами окружающих, но Фауста, похоже, наслаждается ритуалом. Ей всего лишь пятнадцать, но ничего от девственницы в ее позе нет. Согнутая в колене нога под платьем слегка выдвинута вперед, спина выгнута. Фауста как будто всем своим видом намекает на то, что произойдет этой ночью.

Сжимая в руке факел, Константин делает шаг вперед. Рядом его личный прорицатель-гаруспик, который обычно гадает на внутренностях животных. Однако кровавых жертвоприношений на свадьбе Константина не будет. Константин берет Фаусту за руку и согласно брачному ритуалу спрашивает ее имя.

— Если ты Гай, то я Гайя, — отвечает она, повторяя слова настолько привычные и древние, что никто не задумывается об их смысле.

Когда Константин женился в первый раз, я стоял рядом с ним, исполняя роль прорицателя. Теперь, когда он стал императором, гадать ему может только другой император. Я пытаюсь не принимать это близко к сердцу.

Константин вручает ей факел. Его шурин Максенций передает ему золотой кувшин, наполненный водой. В свою очередь, Константин передает его Фаусте. Затем приподнимает ее вуаль.

Каковы бы ни были политические мотивы этого брака, нельзя отрицать физических достоинств невесты. Семейное сходство прекрасно заметно в Фаусте. Длинные ресницы, гладкая кожа, женственность, не вполне подходящая ее отцу и брату, придают ей чувственную красоту. Она сейчас в том возрасте, когда тело наливается, как спелый плод, и под платьем хорошо различимы округлости груди и бедер. А вот лицо все еще сохраняет детскую невинность. Опасный возраст.

Константин подводит Фаусту к брачному ложу. Опустившись на него, они сливаются в нарочито страстном объятии, тогда как гости становятся в очередь, чтобы поздравить новобрачных. В этом зале находятся три императора, и право первенства — весьма болезненная вещь. И все же нет никаких сомнений в том, кто должен подойти к ложу первым. Мать Константина, вдовствующая императрица Елена. Ей шестьдесят, но она все

еще самая властная женщина в этом дворце: высокие скулы, строго поджатые губы, голубые глаза, которые не упускают из вида ни одной мелочи. Костлявые плечи горделиво развернуты и нисколько не сутулятся. По слухам, ее мать была хозяйкой публичного дома, но я знаю Елену всю жизнь и никогда не осмеливался спросить, так ли это. По ее лицу, покрытому толстым слоем пудры и румян из финикийского Тира, невозможно угадать, о чем она думает. Возможно, желает, чтобы брачная церемония была совершена по христианскому обряду. Или вспоминает о том, что уже видела нечто подобное раньше, когда отец Константина развелся с ней, чтобы заключить более выгодный брак. На самом деле параллель еще более очевидна. Отец Константина развелся с Еленой, чтобы взять в жены одну из старших дочерей Максимиана. Теперь Константин отказался от первой жены, чтобы жениться на другой, младшей дочери многодетного старика. Его тесть станет его же шурином. Даже женщины в этой семье — потомственные узурпаторши.

Позади Елены, цепляясь за ее юбку, в очереди стоит маленький мальчик. Никто не смеет прикасаться к ней, но Крисп ее единственный внук и потому имеет право на поблажки, на которые не может рассчитывать даже Константин. Возможно, он напоминает ей сына в детском возрасте. Если посмотреть на профиль Константина, отчеканенный на монетах, то видно, что Крисп его отпрыск. У него такое же круглое лицо, такой же лучистый взгляд. Елена поднимает мальчика и усаживает на ложе. Константин обнимает его и ерошит волосы. Фауста целует малыша в щеку. Она улыбается, правда, не вполне искренне. Взгляд, который Фауста бросает на Криспа, заставляет меня вспомнить о кукушке, оценивающей яйца другой птицы.

Наставник Криспа, худощавый мужчина с длинной бородой, подбегает к брачному ложу и стаскивает мальчика на пол. Толпа смеется.

— Что с ним станет, как ты думаешь? С юным Криспом?

У меня за спиной появляется какой-то придворный сановник, имени которого я не помню. Он протягивает новобрачным кубок, предлагая выпить за их счастье.

— Неужели император оттолкнет его, как ты думаешь?

Я терпеть не могу такие игры, в которых нужно что-то угадывать.

— Он все также остается сыном Константина, его первенцем, — твердо заявляю я. — Константин ни за что от него не откажется.

Константин сам знает, как больно ребенку видеть, как от его матери отказываются в пользу другой женщины, более выгодной партии. Что, однако, не помешало ему сделать то же самое, что и некогда его отец.

Слишком много жен, слишком много императоров и слишком много сыновей, повторяющих ошибки отцов. Неудивительно, что империя постоянно воюет сама с собой.

Глава 11

Скоростной поезд, район Реймса, наши дни

Зачем Майклу понадобился свиток, которому не менее тысячи семисот лет?

Почему он был готов заплатить сто тысяч евро за возможность прочитать написанное в нем, хотя даже не знал, о чем будет текст?

Откуда у него такие деньги?

Эти вопросы теснились в голове Эбби, пока она, сидя в поезде, смотрела в забрызганное дождем окно. На светящемся табло над дверью вагона была видна скорость поезда. 287 километров в час. Мчусь вперед, но куда?

Деньги у Майкла водились всегда. И незачем кривить душой: они были частью его привлекательности. Не сами деньги, а то, как он обходился с ними, его экстравагантные поступки. Для Эбби, дочери пастора, излишества были не просто исключены. Они были верхом безнравственности. Находиться рядом с тем, кто сорит деньгами без сомнений и сожалений, было глотком свободы. Его уникальный автомобиль, который в Приштине не осмеливались трогать даже местные гангстеры. Шампанское и дорогие вина, которые лились рекой каждый раз, когда они приходили в ресторан. Номера в дорогих отелях, когда они куда-нибудь выезжали. И всякий раз, когда Эбби начинало казаться, что

она привыкла к этому транжирству и ее уже ничем не удивить, Майкл находил новый, еще более шокирующий способ потратить презренный металл, что, однако, вызывало у нее неизменный восторг. В тех редких случаях, когда она что-то говорила по этому поводу, Майкл лишь пожимал плечами и целовал ее в лоб.

На тот свет деньги с собой не заберешь.

Зазвонил телефон. Эбби не узнала рингтон и, лишь почувствовав на себе взгляды других пассажиров, поняла, что звонят ей. Впрочем, чему удивляться. Она впервые услышала, как звонит ее новый телефон.

Она нажала кнопку приема.

— Эбби? Это Марк. — Ей потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, кто это. — Марк с работы. Вы сейчас не в Англии?

Эбби насторожилась. *Откуда он знает?* Должно быть, рингтон прозвучал иначе.

— У меня нет особых дел в Лондоне, — ответила она. — Я подумала, что перемена мест мне не повредит.

— Верно. Черт. Смотрю, вам не сидится на месте. Домой собираетесь возвращаться?

— Я как раз на пути домой.

— Прекрасно. Позвоните мне, когда вернетесь, и мы организуем для вас встречу.

— Нашли работу для меня?

— Поговорим об этом.

Лондон

Марк встретил ее в фойе и провел в свой кабинет. Эбби вновь прошла по огромным, пустым, слегка пугающим коридорам. Статуи государственных деятелей Викторианской эпохи, одетых как древнеримские полководцы, стояли в тени — одна империя по соседству с другой. С потолочного фризa на нее взирали классические античные грации: Доверие, Стойкость, Справедливость. Все, во что Эбби когда-то верила.

Марк вновь привел ее на третий этаж, все в тот же конференц-зал. Окна выходили на огромный мраморный атриум, где столетие назад хозяйка империи принимала знаки почтения от

своих заморских подданных. Теперь это место использовалось главным образом для проведения семинаров и вечерних приемов с коктейлями.

— Как поездка? Были в каком-то приятном месте?

— Я ездила в Париж.

— Ммм, замечательно. В это время года там просто прелестно. Надеюсь, вам удалось попасть на выставку Матисса? И как долго вы там были? Где останавливались? Сколько вам положить сахара?

Казалось бы, совершенно бессодержательный разговор, пока Марк готовил кофе, но у Эбби возникло ощущение, что ее собеседник весьма внимательно вслушивается в ее ответы.

— Когда я смогу вернуться на работу?

— Что, не терпится, да?

Это надо же какой наглец! Я пригibasь под пулями в зонах боевых действий, в то время как ты прятался за сараем для хранения велосипедов, пуская слюни над порнографическими журнальчиками, подумала Эбби.

— Отдел кадров обеспокоен состоянием вашего здоровья, — сказал Марк. Последние три слова он подчеркнул жестом, означающим кавычки. — Прежде чем определить вас на новую работу, они настаивают на вашем полном освидетельствовании — медицинском, психиатрическом, профессиональном.

Эбби сделала максимально осмысленное лицо.

— Психиатрическое освидетельствование?

— Вы перенесли серьезную психологическую травму, стресс, пережили настоящее горе. В вашем досье сказано, что у вас была частичная потеря памяти.

— Да, была. Верно. Кратковременная. Разве они никогда не слышали о том, что навыки восстанавливаются?

— Мы просто беспокоимся за вас. — Марк снял очки и смеялся ее взглядом типа «ничто не должно рассорить нас». Эбби захотелось отвесить ему звонкую пощечину.

— Тогда почему вы захотели увидеться со мной?

— Собственно, это не я, — ответил Марк и уничижительно улыбнулся. — Я всего лишь посредник, передаточное звено. Мальчик на побегушках.

— Привет!

В дверях вырос какой-то мужчина и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь. У него были пепельные, коротко — Эбби сказала бы даже, неудачно — подстриженные волосы и суровое лицо. Это, а также предельно экономные, точно рассчитанные движения напомнили Эбби солдат, с которыми ей доводилось встречаться.

— Миссис Кормак, позвольте представиться. Мое имя Джессоп.

— Джессоп — с Воксхолла, — коротко пояснил Марк.

Это означало, что ее новый знакомый из внешней разведки. Той самой, что известна как MI-6.

Джессоп сел за стол напротив нее, расстегнул принесенную сумку и вытащил из нее небольшой пластмассовый предмет в форме авторучки.

— Это ядовитые чернила или что-то другое? — На этот бестактный, почти хулиганский вопрос Эбби толкнули расшалившиеся нервы.

— Устройство для записи голоса, — ответил Джессоп и нажал на кнопку миниатюрного аппарата. Зажегся красный огонек.

— Эта беседа происходит в соответствии с положениями Закона о государственной тайне. Пожалуйста, назовите свое имя и подтвердите, что вам известно о том, что наша беседа записывается.

Беседа?

— При чем тут Закон о государственной тайне?

— Это всего лишь формальности, — поспешил заверить ее Марк. — Просто ставим точки над «i». Это необходимо для вашей же безопасности и защиты.

Ах, вот оно что! Оказывается, я под защитой. Что ж, приятно слышать.

— Чего вы хотите?

— Мы не верим в то, что смерть Майкла Ласкариса была случайной.

Эбби чуть не опрокинула на него чашку с кофе.

— Конечно, не случайной! Бандиты ворвались на виллу и убили его!

— Бывает так, что людей убивают случайно, — сказал Марк, пытаясь сгладить возникшую неловкость. — Просто человек оказался не в том месте, не в то время. Мистер Джессоп хочет сказать, что не думает, что это был именно такой сценарий.

— У нас есть все основания полагать, что мистер Ласкарис был убит намеренно, — повторил ту же мысль Джессоп.

Дыши глубже, мысленно велела себе Эбби. Спокойствие, только спокойствие

— И?

— Ранее вы заявили, что та вилла в Черногории якобы принадлежит некому итальянскому судье.

— Так мне сказал Майкл.

— На деле же она зарегистрирована как собственность некой фирмы в Венеции, организующей чартерные рейсы яхт. Которая, в свою очередь, является филиалом некой судоходной компании со штаб-квартирой в Загребе. Предполагается, что ее владелец — Золтан Драгович.

— Я обязана его знать?

— Вы работали на Балканах и никогда не слышали имени Золтана Драговича? — удивился Джессоп.

Марк оторвал голову от блокнота.

— У нее была потеря памяти, — произнес он, как будто в ее оправдание.

Но Эбби вспомнила и, положив руки на стол, бросила взгляд на Джессопа.

— Он гангстер.

Джессоп сухо усмехнулся.

— Можно сказать и так.

— Видите ли, это выглядит не слишком красиво, — вновь вмешался в разговор Марк. — Старший таможенный чиновник Евросоюза останавливается в доме, который принадлежит человеку, которого разыскивают по всей Европе.

— Майкл этого не знал, — стояла на своем Эбби.

— Он когда-нибудь упоминал имя Драговича?

— Никогда.

— Вы связывались с кем-либо из сообщников Майкла после того, как вернулись в Англию?

— Сообщников? — недоверчиво посмотрела на него Эбби. — Вы говорите таким тоном, будто он преступник.

— Коллег? Друзей? Родственников?

— Я навестила его сестру, живущую в Йорке. Хотела выразить ей соболезнования.

— Откуда вам известен ее адрес?

— Кто-то прислал мне его по почте. — Она в отчаянии посмотрела на Марка, но тот что-то писал в блокноте и не поднимал головы. — Разве не вы?

— Я не знаю, о чем вы.

Эй, выше нос, сказала она себе. *С тобой случались вещи и похуже*. Не ты ли сидела в хижине в какой-нибудь забытой богом дыре, и из всех присутствующих только у тебя одной не было оружия. Вспомни. Жуткий запах пота, крови и ружейной смазки. Боевики — некоторые из них совсем мальчишки — держат тебя на прицеле винтовок. Их ноздри раздуваются от кокаина, которого они нанюхались для храбрости. Тогда единственной защитой Эбби был листок бумаги из суда. Суда, до которого от тех мест было пять тысяч миль.

Но это было там — во «внешнем мраке». Кстати, фраза по-прежнему в ходу у старых сотрудников. Здесь же она дома. Все эти годы во всех этих адских точках планеты остаться в живых ей помогали — нет, не листки бумаги и не дипломатическая аккредитация. Отнюдь не они, а ее вера, непоколебимая вера в то, что, несмотря на все бессмысленные бюрократические ошибки, правительство ее страны пытается творить в мире добро. И вот теперь это же самое правительство заперло ее, Эбби Кормак, в комнате и искажает ее слова оскорбительными намеками и ложью.

— Что заставило вас поехать в Париж? — спросил Джессоп.

— Я решила устроить себе отдых.

— Менее двух месяцев назад в вас стреляли. Вы вернулись домой всего две недели назад. И вот теперь вы отправляетесь в другую страну на поиски приключений.

— Марк говорит, что в этом нет ничего удивительного. По его мнению, это часть процесса выздоровления.

Джессоп удивленно поднял брови и скептически посмотрел на нее. Эбби сочла это неким подобием комплимента. Марк взял папку и принялся листать лежавшие в ней бумаги.

— Согласно сведениям, полученным от нашего человека в Подгорице, на месте преступления полиция нашла золотое ожерелье. Вы сказали, что оно ваше, верно?

— Да, сказала.

— Подарок от Майкла?

— Да.

— Можно мне взглянуть на него?

Заметив, что Эбби собралась что-то сказать, Марк опередил ее возражения.

— Должен избавить вас от конфуза. Охранники на входе, досматривавшие вашу сумочку, сообщили, что видели лежавшее в ней ожерелье. Его вообще-то нельзя не заметить.

С этими словами он протянул руку.

— Прошу!

Эбби ужасно не понравился его приказной тон, начальственное выражение его лица. Будь это в ее в силах, она бы стерла с его физиономии эту самодовольную улыбочку. Вот только как это сделать? У нее возникло желание броситься прочь, сбежать отсюда, но красный огонек рядом с дверью даже не думал мигать. Вторым желанием было закричать в голос, но такой радости она им не подарит.

Она покопалась в сумочке и вытащила ожерелье. Марк расплылся в улыбке. Эбби тут же захотелось выбить ему все зубы.

— Думаю, мы на время оставим его у себя.

Конечно, устало подумала Эбби. Они хотят увидеть, как я сейчас поведу себя. Но они не дождутся моей истерики. Я сдержусь. По крайней мере, на это сил у меня хватит.

Взяв сумочку, Эбби встала.

— Думаю, мне пора.

Марк продолжал разглядывать ожерелье. Джессоп проводил ее до двери.

— Будьте осторожны! — предупредил он.

— Желаете, чтобы родное правительство в очередной раз не посадило меня под замок и не ограбило?

— Кто-то хотел убить Майкла. Вполне возможно, что они могут начать охоту и за вами.

С этими словами Джессоп провел карточкой-ключом по считывающему устройству замка. Зажегся зеленый огонек. Эбби молча шагнула за порог. Никто даже не попытался ее остановить.

Она не знала, куда пойти. У нее было такое чувство, будто она болтает ногами, уцепившись за конец веревки, уходящей куда-то в небеса. Каждое лицо, обращенное в ее сторону, каждый шаг за ее спиной, каждая рука, толкнувшая ее в уличной толпе на Трафальгарской площади, как будто обвиняли ее в чем-то ужасном, о чем нельзя говорить вслух. *А ведь именно этому мы якобы хотели положить конец*, подумала она. Вине без улик, обвинениям без доказательств. Чтобы никто не мог выставить человека за порог, отняв у него то, что принадлежит ему по праву.

Последнее показалось обиднее всего. Ожерелье было последней памятью о Майкле. Расстаться с ним было равносильно худшему из предательств.

Зачем тебе нужно знать? — устало спросил внутренний голос. Другой ответил, как и всегда, твердо и настойчиво: *потому что он заслуживает справедливости.*

Сначала Эбби брела, куда ее несли ноги, но постепенно в ее сознании сформировалась цель. Ее походка сделалась легче, шаг тверже, и она не без радости отметила, что шрам на боку дает о себе знать не так сильно, как раньше. Вскоре она оказалась на Саутгепмтон-роуд, миновала Рассел-сквер, прошла мимо Британского музея, после чего направила стопы на северо-восток, пока не оказалась на Юстон-роуд. Напротив высилось здание Британской библиотеки, огромная колоннада из красного кирпича, соседствующая с вокзалом Сент-Панкрас. Во двореке бронзовый гигант, изображающий Ньютона, склонился над свитком с записью математических законов. Вход в библиотеку, словно пара часовых, стерегли железные деревья

без листьев. Внутри охранник затянутой в резиновую перчатку рукой порывлся в ее сумочке. *Здесь ничего нет*, так и подмывало ее крикнуть во весь голос.

Да, она ушла из конторы без ожерелья, но из библиотеки с пустыми руками не уйдет. Марк с Джессопом проговорились, и теперь у нее было имя. А имена, в этом она убедилась за десять лет постоянных попыток биться в закрытые двери, — это ниточка, что способна вывести вас из лабиринта. Эбби вошла в читальный зал, села перед компьютером и взялась за поиски. Ответы не заставили себя ждать.

Золтан Драгович. Военный преступник, организатор работорговли, в том числе поставки на Запад секс-рабынь, наркобарон, шпион — в общем, полный джентльменский набор балканских «добродетелей». Определенно — миллионер, предположительно — миллиардер.

Место рождения точно неизвестно. Дата — по некоторым источникам, 1963 год. По слухам, сын отца-албанца и матери-сербки, однако, насколько известно, никто еще не признался в том, что Драгович их сын. Считается, что с середины 1980-х годов Золтан Драгович активно участвовал в жизни преступного мира итальянской столицы. Сначала — в качестве рядового бандита, затем сколотил свою собственную банду, соперничавшую с печально известной группировкой «Банда делла Мальяна». В результате кровавых разборок подмял под себя итальянцев. В 1991 году, когда его родная страна погрузилась в пучину хаоса, вернулся в Югославию и крупно нажил на кровавых событиях тех лет.

Эбби продолжила чтение. В 1991–1995 годах Драгович фактически организовал государство внутри государства. Силы НАТО пытались бомбардировками загнать страну в темное средневековье. Драгович их опередил, причем без всяких авиационных бомб. По сути дела он провозгласил себя — в духе варварских времен — вождем военизированного царства, основанного на грабежах, насилии и нескончаемых войнах. За это Драгович получил кличку Потрошитель. Его полувоенные формирования лишь слегка уступали по численности югославской национальной армии, а по свирепости превзошли все

противоборствующие силы. Но если другие убивали людей по политическим или религиозным мотивам, то для Драговича на первом месте стояли деньги. Когда сербов попытались прижать экономическими санкциями, цены в стране взлетели до небес. А с ценами и его доходы. Бензин, золото, сигареты, обувь — если где и торговали ими, рынок этот обязательно принадлежал Драговичу. Он присвоил себе награбленные сокровища из музея в Сараеве и продавал их коллекционерам по всей Европе.

Но вскоре Дейтонские соглашения положили конец войне в Югославии, и Драгович на время затаился. Пока его подручные и командиры других полувоенных формирований тратили в Белграде свои военные трофеи на оргии с алкоголем и наркотиками, он ушел в тень. По всей видимости, вообще исчез из страны. Поговаривали, что Драгович опасался репрессий со стороны государственных властей, которым его молчание было только на руку. «Неужели Потрошитель боится смерти?» — вопрошал заголовок в сербском журнале «Време». Впрочем, согласно другим данным, Драгович якобы отправился в путешествие по крупнейшим городам Европы. Лондон, Париж, Амстердам, Франкфурт, Рим, Стамбул. То есть туда, где торговля героином процветала особенно бойко. В прессе промелькнуло сообщение о том, что в качестве туриста он даже побывал в Международном уголовном суде в Гааге. Прошел мимо охраны и пятнадцать минут посидел на галерее, на которую пускают посетителей. Никто не обратил на него внимания.

В 1999 году его покровитель Слободан Милошевич решил повторить «гастрольный тур» со старым репертуаром, а именно, предпринял короткую, но кровопролитную попытку сделать с Косово то же самое, что в свое время с Боснией. НАТО терпело это безобразие три месяца, после чего подняло в воздух бомбардировщики. Все решили, что Потрошитель — как и прочие сербские полевые командиры — попытается в последний раз нажиться на человеческом горе в дни войны, однако Драгович вопреки ожиданиям остался в Европе.

Кое-кто утверждал, что Потрошитель якобы поставлял для армии албанских националистов — УЧК¹ — оружие, ранее принадлежавшее ирландской ИРА², закупками которого он занялся.

Возможно, свою роль сыграли его албанские корни, но нельзя было исключать и того, что он понял: Милошевич обречен. Возможно, поэтому он решил заранее приобрести благосклонность вчерашних врагов. Год спустя, если верить слухам, Драгович взялся помогать албанским террористам, пытавшимся разжечь огонь гражданской войны в соседней Македонии. На этот раз Драгович проиграл. НАТО вскоре вошло в Косово и Македонию и показало гангстерам, что такое настоящая военная власть.

Драгович больше не пытался свергать правительства, зато, как писала тогда пресса, взялся активно зарабатывать деньги. В то время как силы закона постепенно — стараниями либо гаагского суда, либо сербской полиции — отловили остальных его соучастников и «коллег», Драгович оставался в тени. Он стал последним гангстером прошлого, который еще не сложил оружия. Международный уголовный суд выдал ордер на арест Драговича, обвиняя его в военных преступлениях. Интерпол разыскивает его как активного участника наркоторговли и похищения людей. Однако со временем о нем постепенно начали забывать. Правоохранителям едва не повезло в 2008 году, когда турецкие власти задержали его в Стамбуле, однако Драговичу удалось бежать прежде, чем начались процедуры по его экстрадиции. Предположения о том, что к бегству Драговича — в награду за некие его услуги — приложили руку спецслужбы России, последними активно опровергались.

Чувствуя себя изрядно усталой, Эбби откинулась на спинку стула. Дело было не в Драговиче, не в его темных делах, а

¹ Армия национального освобождения (алб. *Ushtria Çlirimtare Kombëtare*).

² Ирландская республиканская армия (англ. *Irish Republican Army*) — ирландская национально-освободительная организация, добивающаяся полной независимости Северной Ирландии от Соединенного Королевства.

в ее болезненном копании в собственном прошлом. Драговича она ни разу не видела в глаза, а вот с некоторыми документами Международного трибунала по его делу работать ей приходилось. Однажды она отправилась вместе со взводом миротворцев НАТО в поездку в дальний уголок Боснии, где в заброшенном крестьянском доме якобы видели Драговича. Тогда они не нашли в том доме ничего, кроме кучи тряпья и дохлой вороны.

Она внимательно вглядывалась в фотографию на экране. В досье фотоснимков Драговича было крайне мало. Фото было маленькое и не очень резкое, как будто его вырезали из снимка бо́льших размеров. Узкое лицо, заостренная нижняя челюсть и черные глаза, буравящие объектив, как будто Драгович заметил фотографа.

Что у Майкла могло быть с ним общего? Драгович заправлял одной из крупнейших преступных группировок в Европе. Полем его деятельности было главным образом Косово. Скорее всего, Майкл столкнулся с ним по каким-то служебным делам.

Тогда почему ты отвез меня на эту виллу, если знал, кому она принадлежит?

Эбби нажала на кнопку мыши с такой силой, что пластмассовая штукавина едва не треснула. Окошко на экране закрылось, лицо исчезло.

В читальном зале было душно. Эбби срочно требовался глоток свежего воздуха. Она прошла мимо стопок старинных книг, запертых в стеклянных витринах в центральной части здания, и спустилась по лестнице вниз, во внутренний дворик. Ей нужно было принять таблетку, но она ограничилась сигаретой. Копаясь в сумочке, Эбби увидела, что на телефоне зажегся экран. На время работы в читальном зале она выключила звук, но кто-то прислал ей текстовое сообщение. Сердце тотчас упало. Единственным, кому она звонила по этому телефону, был Марк.

Чего еще они от меня хотят?

Дрожа на холодном вечернем воздухе, она вынула из сумочки телефон и открыла сообщение. Странно, но номер отправителя не определялся.

ARCUMTRIUMPHISINSIGNEMDICAVIT. Пятница 17.00. Могут помочь.

Глава 12

Константинополь, апрель 337 года

Я просыпаюсь на рассвете, сжимая лежащий под подушкой кинжал. Ночью кто-то унес масляный светильник. Меня тотчас охватывает паника. Что еще они могли забрать? Впрочем, обшарив постель, понимаю, что могу не беспокоиться. Книга Александра и ожерелье на месте. Должно быть, один из моих рабов бодрствовал, пока я спал. Он не осмелился накрыть меня одеялом. Мои рабы знают, что, когда я сплю, ко мне нельзя прикасаться.

Умываюсь, одеваюсь и совершаю поклоны моим предкам-богам. Этот дом — подарок самого Константина и построен с размахом: он слишком велик для старого одинокого человека. Большая часть комнат стоят закрытыми, подобно воспоминаниям далекого прошлого. Мой домоправитель приносит мне хлеб с медом и новости об утренних визитерах. Похоже, что призрак моей репутации все еще бродит по улицам этого города, коль редкие наивные души до сих пор полагают, будто я по-прежнему в фаворе у императора и чем-то могу им помочь. В основном я отсылаю их прочь, даже не выслушав. Когда вы далеко не молоды, бесцельно тратить драгоценное время — непозволительная роскошь.

Домоправитель просматривает список.

— И еще один жрец. Христианский священник.

У меня вырывается недовольный стон. До вчерашнего дня я был уверен, что больше никогда не буду иметь ничего общего с христианами. И вот теперь они не дают мне спокойно закончить завтрак.

— Он говорит, что его зовут Симеон.

Я не показываю истинных чувств и продолжаю жевать хлеб. Это прекрасная практика для тех, кто бывает в суде. Рабы знают тебя лучше, чем придворные, их трудно обмануть.

— Начну с христианина.

Домоправитель кивает, как будто именно этого и ожидал. Он усвоил эту игру даже лучше, чем я.

— Отведи его в комнату для приемов.

Спустя четверть часа я нахожу там Симеона. Это довольно невзрачная комната. На стенах простая штукатурка, которую я так и не удосужился покрыть краской. На полу одноцветная плитка. В редких случаях, когда я принимаю просителей, то делаю это здесь. Мне нравится наблюдать за тем, как при взгляде на бедность обстановки на их лицах появляется гримаса разочарования.

Но на Симеона комната не производит никакого впечатления. Он стоит посередине комнаты, держа руки за спиной, с улыбкой глядя на сырое пятно на потолке. Христиане хитры: любят выставлять напоказ скромность.

— Я так и не узнал, кто убил Александра, если ты пришел спросить меня именно об этом, — обращаюсь к нему я.

Мои слова лишают его самообладания. Он заливается краской. На какой-то миг его лицо искажает злость. Я наблюдаю и делаю выводы. До этого я встречался с ним дважды. Один раз в библиотеке, второй — в разгромленном жилище убитого. Либо Симеон наделен прискорбной способностью оказываться не в том месте не в то время, либо он виноват, как Ромул.

— Мне подумалось, ты мог бы пойти и встретиться сегодня с епископом Евсевием.

— Мог бы, — соглашаюсь я. Почему он говорит это? Чтобы перевести подозрения с себя на другого человека? — Ты сказал, что епископ не способен на такое.

— Я могу помочь тебе с ним.

— Разве я нуждаюсь в помощи?

— Разве ты знаешь, где его искать?

Наш словесный поединок меня смешит, хотя мой смех заставляет Симеона съежиться от гнева. Он очень непонятлив: Константинополь еще не превратил его манеры в острое оружие, которое мы выковываем, набираясь жизненного опыта. Жаль, если мне придется обвинить его в убийстве.

На мой взгляд, самое трудное в поисках епископа Евсевия — разглядеть этого человека в окружающей толпе. Он бывает в церкви, которую Константин возвел рядом со своим дворцом

на дальнем мысе полуострова. В приступе благодушия или же принимая желаемое за действительное, Константин посвятил эту церковь Священному Миру.

От моего дома до церкви недалеко, но жара дает о себе знать. Пока я туда добирался, я сильно вспотел, лицо испачкалось налипшей пылью. Флаги на домах изредка подрагивают при слабом дуновении ветра со стороны моря. Константинополь — это, по сути, два города: город, который уже существует, и город, который все еще растет. Город живых — это город торговцев и посетителей бань; адвокатов и их клиентов, спешащих в суды; женщин и детей, стоящих в очереди в ожидании раздачи зерна. Силуэт будущего города вырисовывается на горизонте. Его приближение слышится в стуке инструментов, отчего порой кажется, что из-за холма вот-вот покажется шагающий строй. Пока мы живем в одном городе, вокруг нас постепенно принимает очертания и растет город новый.

Еще относительно рано, но толпа в храме настолько велика, что даже выплеснулась на площадь. Высокие двери церкви распахнуты. Внутри за мраморной кафедрой стоит человек в расшитых золотом одеждах и что-то вещает. Я не собираюсь переступить порог, однако протискиваюсь сквозь толпу поближе к входу, чтобы разобрать слова. В круглое окно, заливая горящего золотистым светом, проникают солнечные лучи, отчего кажется, будто они выжигают монограмму прямо у него на лбу. Богато украшенная стена за его спиной отделяет святилище в дальней части храма. Христиане — мастера заинтриговать людей своими таинствами, но лишь посвященным дано узреть, как эти таинства совершаются.

Евсевий говорит о боге по имени Христос. Я силюсь понять его. Он вещает что-то о его сути и его сущности, разнице между вечным и бесконечным.

— Христос — глава церкви и спаситель тела ее, подобно тому, как муж — глава жены своей. Посему должно считаться оскорблением Богу то, что церковь наша здесь, в Константинополе, все еще взыскует о главе. Призываю вас, братья и сестры, решить сию задачу быстро и справедливо.

Я бросаю взгляд на Симеона, который внимательно слушает Евсевия.

— О чем он говорит?

— Разве ты не знаешь, что патриарх Константинопольский умер три месяца назад?

Я слышал об этом.

— В его смерти не было ничего подозрительного?

— Он был старый человек, проживший тяжелую жизнь. Ничего необычного в его смерти не было. Евсевий — один из тех, кто способен заменить его.

— Так вот о чем Александр хотел вчера поговорить с Евсеем в библиотеке?

— Он ничего об этом не говорил.

— Был ли Александр тем, кого прочили на пост патриарха? Являлся ли он его соперником?

— Он сказал, что слишком стар.

Произнося эти слова, Симеон как будто ощетиливается. Я пристально смотрю ему в глаза.

— Мы говорим с тобой о смерти твоего хозяина, — напоминаю я. — И ты главный подозреваемый.

— Александр был против избрания Евсевия.

— Получается, что, поскольку Александр мертв, Евсевий беспрепятственно становится верховным правителем церкви?

Евсевий закончил свою речь. Толпа устремляется внутрь, к святилищу, к получению таинства — те, кому это позволено.

Остальные потихоньку расходятся. Однако несколько человек задерживаются, заглядывая внутрь темной церкви, как собаки, собравшиеся у дверей кухни. В большинстве своем это молодые люди, опьяненные собственной силой. На отдалении от них — старик с растрепанными волосами. Подперев руками острый подбородок, он сидит на корточках на ступеньке колоннады, голодными глазами глядя внутрь церкви.

Есть в нем нечто притягательное. Я указываю на него Симеону.

— Ты знаешь, кто это?

Симеон опешил настолько, что дважды вертит головой, глядя сначала на меня, потом на старика. Он отказывается поверить, что я настолько невежествен.

— Да это же Астерий Софист!

Видя, как я реагирую на это имя, он кивает, обрадованный тем, что наконец-то нашел во мне единомышленника. Но это не так.

— Симмах сказал, что Астерий был вчера в библиотеке.

Астерий значится в моем списке.

— Я не видел его там.

— Симмах сказал, что Астерий христианин. Почему же он не заходит в церковь?

На лицо Симеона возвращается торжествующее выражение.

— Во время гонений его схватили. Гонители христианства предложили ему выбор: предать церковь или принести себя в жертву, приняв мученическую смерть за Христа.

— И он до сих пор жив.

Симеон сплюнул в пыль.

— Примерно с десятков христиан, пара семей, в которых были дети, прятались в пещере под его домом. Он выдал их императору Диоклетиану, по приказу которого их распяли. Поэтому его и прозвали Софистом — он готов сказать, что верит во что угодно. Ему запрещено входить в церковь.

— Но он все равно приходит сюда, — говорю я и вновь смотрю на Астерия. Глаза его прищурены, рот слегка приоткрыт. Тело напряжено, как будто терзаемое плотским желанием. — Как ты думаешь, знал ли он в годы гонений Симмаха? Или Александра?

— Спроси у него сам. Я в ту пору еще не родился.

Перехожу площадь и останавливаюсь перед стариком. Я нарочно загораживаю ему церковь. Он ждет, когда я отойду в сторону.

Я продолжаю стоять, и он вынужден поднять голову.

С высоты моего роста он кажется скрюченным карликом. Лицо у него серое, все в каких-то пятнах. Скрытые рукавами руки лежат на коленях. Я сажусь рядом с ним на ступеньку.

— Тебе должно быть очень трудно. Это все равно что смотреть на свою первую любовь, у которой муж и дети.

Старик молча продолжает смотреть на храм.

— Наверно, я должен назвать тебе мое имя. Меня зовут...

— Гай Валерий Максим. — Он буквально выплевывал эти слова, словно центурион, который вызывает людей на порку. — Твоя дурная слава бежит впереди тебя.

— Твоя тоже.

— Я покался в своих грехах. Ты можешь сказать о себе то же самое?

— Вообще-то я хорошо сплю.

Тогда он наконец смотрит на меня, и хотя возраст туманит его взор, глаза его как будто пронзают меня насквозь.

— Ты пришел расспросить меня про епископа?

— А у тебя есть что рассказать мне?

— Я был в библиотеке. Думаю, тебе уже сказали об этом. Не иначе как это Аврелий Симмах постарался тебе помочь.

— Ты знаешь его?

— Мы с ним старые друзья. — Мой собеседник спотыкается на последнем слове, как будто пытается разгрызть орех. — Во время гонений мы оба находились в тюрьме. Тебе это известно? Только один из нас был в цепях. Обрати на это внимание. Мы были не в равных условиях. У него было преимущество.

— Ты видел в библиотеке епископа Александра?

Астерий удивленно поднимает брови. Кожа вокруг глаз натягивается, отчего кажется, что они вот-вот вылезут из орбит.

— Я с трудом вижу то, что у меня перед носом.

Мне вспоминается его прозвище. Софист — это человек, способный извратить любой довод.

— Ты встречал его там?

— Нет.

Я указываю на церковь.

— Что ты скажешь о епископе Евсевии?

— Что я могу о нем сказать?

— Он тоже был там.

— Если и был, то обошел меня стороной. Он не любит, когда нас видят рядом. Церковники этого не любят... так же как

и твой юный друг, который стоит вон там. — Астерий кивает в сторону Симеона, который беспокойно топчется на месте, как будто по его ногам ползают муравьи. — Они боятся, что я утащу их вслед за собой в ад.

Симеон тянет меня за руку и что-то невнятно произносит о том, что служба в церкви заканчивается. Я встаю и смотрю на сгорбленного старика.

— Ты знаешь, кто убил епископа Александра?

Его лицо становится чистым и невинным, как дождь.

— Это известно лишь одному Богу.

— Ты не убивал его?

Астерий протягивает руки, словно нищий, просящий подаяния. Рукава закатываются до локтя. Симеон издает удивленный возглас и отворачивается. Я смотрю на руки старика с профессиональным интересом.

У него нет кистей, вместо них торчат морщинистые обрубки.

— Полуслепой старик, безрукий, не мог размозжить Александру голову.

Мы идем через площадь, вливаясь в толпу, покидающую храм. Симеон злится.

— Почему ты постоянно спрашиваешь людей о том, не убивали ли они Александра? Надеешься, что они честно ответят тебе?

Я замедляю шаг, чтобы Симеон смог меня догнать.

— Когда я был молодым армейским офицером, одного из моих солдат закололи в пьяной драке в таверне. С убитым было трое других воинов. Когда я спросил их, кто виноват, два из них дали мне один и тот же ответ. Третий назвал одного из этих двух.

— Он солгал?

— Он говорил правду. Двое других сговорились, чтобы вина пала на него.

Пока Симеон переваривает мое поучение, движение толпы внезапно меняется. Люди останавливаются, освобождая проход. Нас с Симеоном отталкивают назад.

Золотые носилки как будто плывут по воздуху. Восьмерых рабов-скифов, что обливаются потом под их тяжестью, почти

не видно. На красных занавесках вышита императорская монограмма. Рядом изображение павлина. Это эмблема Констанцианы, сестры Константина.

— У Евсевия знатная паства, — замечаю я.

Носилки проплывают мимо нас и исчезают в воротах дворца. Толпа снова приходит в движение. Мы с Симеоном обходим церковь кругом и заходим внутрь через небольшую дверь в восьмиугольной пристройке. У моего спутника озабоченный вид. Мне трудно сказать, кто или что тому причиной: Евсевий или мое присутствие в церкви. Однако на нас здесь никто не обращает внимания. Помещение заполнено людьми, они снимают с себя одежду и о чем-то бесечно разговаривают. На какое-то мгновение мне кажется, будто я попал в бани. Должно быть, это священники переодеваются после церковной службы.

Евсевий — немолодой коренастый мужчина. У него обвисшие щеки, редеющие волосы и тонкие красные губы, такие яркие, как будто он съел слишком много ягод. Он стоит в центре комнаты, окруженный помощниками, которые разматывают с его плеч длинную золотистую ткань. Я вижу, что он узнал меня. Жду и наблюдаю, пока он пытается вспомнить, кто я такой. Наши дорожки ранее уже пересекались, хотя я сомневаюсь, что и мне, и ему приятно вспоминать об этом.

— Гай Валерий, — напоминаю я ему.

— Гай Валерий Максим, — поправляет он меня, как будто я забыл собственное имя. Имя Максим он прокатывает во рту как концовку шутки. — Ты был в Никее. Стоял в тени и слушал, о чем мы говорили. Держал одну руку на рукоятке меча. Мы называли тебя Брутом. Ты это знал? Мы опасались получить кинжал в спину, если скажем что-то такое, что придется тебе не по нраву.

Я слышу об этом впервые.

— Нам, пожалуй, стоит пойти в какое-нибудь уединенное место, чтобы поговорить.

Евсевий одаривает меня хмурым взглядом.

— У меня нет секретов от моей паствы.

Отлично.

— Александр из Кирены умер вчера в Египетской библиотеке. Император... — я взвешиваю слово, присваивая себе его власть. — Император поручил мне расследовать его смерть.

— И?

Реакция Евсевия озадачивает меня. Сначала его явная неприязнь ко мне. Затем полное безразличие к тому, что подумают окружающие. Все, кто находится сейчас рядом, следят за нашим разговором, наблюдают, как за схваткой двух гладиаторов. И ни одного из них — всех до единого христиан, — похоже, нисколько не волнует смерть епископа.

— Последнее, что Александр успел сделать, — попросил о встрече с тобой. Вскоре после этого он был убит. Возле его тела нашли ожерелье с христианской монограммой.

Я показываю Евсевию ожерелье, которое вручил мне Константин.

— Узнаешь?

Евсевий поворачивается, вскинув руки как неуклюжее пугало, чтобы помощники сняли с него епископское облачение.

— Нет. Меня вчера в библиотеке не было.

— Аврелий Симмах говорит, что видел тебя там.

— Аврелий Симмах. — Он произносит это имя пришепывая, с явным отвращением, превращая его в бессмыслицу. — Ты знаешь его историю? Во времена Диоклетиана это был один из главных гонителей христиан. На нем столько жертв, что небеса вряд ли смогут принять их всех. Тридцать лет назад он едва не убил Александра. Теперь он, видимо, решил завершить то, что не успел сделать раньше.

Если бы я хотел убить Александра, то сделал бы это еще тогда, и меня назвали бы героем.

— Симмах сказал, что видел тебя в библиотеке, — стою я на своем. — Получается, он лжет?

Евсевий поворачивается ко мне лицом. Теперь, когда с него сняли церковное облачение, под туникой обнажились валики жира на его боках.

— Когда я пришел в библиотеку, Александр уже был мертв.

— Ты видел его тело?

— Когда я пришел, то услышал, что он мертв. У меня не было необходимости оставаться там.

— И ты не пожелал помочь?

— Христос говорит: оставьте мертвым хоронить своих мертвецов. Ни для кого не секрет, что у нас с Александром имелись расхождения. Останься я там лить крокодиловы слезы, кто поверил бы мне? — Затем, явно желая вынудить меня уйти, Евсений добавляет. — Я предпочел горевать в одиночку.

Здесь он не лжет. Если это лучшее изображение горя, на которое он способен, то едва ли он смог бы кого-то обмануть.

Глава 13

Лондон, наши дни

ARCUMTRIUMPHISINSIGNEMDICAVIT. Пятница 17.00.
Могу помочь.

Лишь на мгновение замедлив шаг, чтобы показать охраннику пропуск, Эбби бегом вернулась в читальный зал и, сев за компьютер, ввела в поисковую систему длинное слово.

По запросу «ARCUMTRIUMPHISINSIGNEMDICAVIT» ничего не найдено.

Она отказывалась верить глазам. Чтобы во всем Интернете подобный набор букв не встречался ни разу — быть такого не может! И все же, неким извращенным образом, неудача подарила ей надежду. *Кто бы ни послал это сообщение, он не хотел, чтобы посторонние поняли, что он имел в виду.* Из чего следует, что отправитель знал, что его может прочесть кто-то еще, кроме нее.

Судя по всему, послание составлено на латыни. Эбби написала его печатными буквами на бланке запроса и подошла к библиотекарю справочного отдела.

— Вы знаете, что это значит?

Библиотекарь, высокая чернокожая женщина в ярком цветастом платье, надела очки.

— «Он воздвиг арку в знак триумфа».

— Можете сказать, о чем здесь идет речь?

Библиотекарь сняла очки.

— Вы хотите, чтобы я угадала? Думаю, о триумфальной арке.

— Можно узнать, о какой именно?

— Попробуйте найти ответ в «*Corpus Inscriptionum Latinarum*». Это каталог всех латинских надписей, сохранившихся до наших дней со времен Римской империи. Если арка, конечно, древнеримская. Ведь это вполне может быть какой-нибудь мемориал Второй мировой войны.

Поймав на себе непонимающий взгляд Эбби, библиотекарь вздохнула.

— Надписи все еще делают на латыни.

С этими словами библиотекарь написала на бланке под латинской надписью номер книжной полки и указала Эбби на другую сторону читального зала. Найти книгу оказалось несложно. Тома корпуса латинских текстов занимали большую часть стеллажа. Вместе взятые, они тянули едва ли не на вес взрослого человека. Но они были идеально расставлены, и через пять минут Эбби нашла то, что искала. Полный текст надписи заканчивался строкой: «Он воздвиг арку в знак триумфа». Ниже было указано местонахождение арки.

Рим. Арка Константина

Рим, Италия, наши дни

В древности путешественники, державшие путь в Рим, высаживались на берег в Остии, некогда процветавшей гавани в устье Тибра. Однако много веков назад гавань начало заносить илом. Сначала ил утянул античный город на дно, а затем сохранил его для будущих поколений туристов и археологов. Теперь желающие оказаться в итальянской столице высаживаются в трех милях от порта, на другом берегу реки, в аэропорту Фьюмичино. Эбби села на электричку, следовавшую в Рим, а когда добралась до Вечного города, поселилась в отеле в квартале Трастевере. От волнения она не находила себе места.

Наступил полдень. Ей нужно было как-то убить несколько часов, остававшихся до встречи. Она купила путеводитель

по Риму и, сев в такси, попросила водителя отвезти ее к Форуму. Справа по другую сторону огромных размеров археологического раскопа на холме возвышалось внушительное кирпичное здание. Рынок Траяна, как указывалось в путеводителе. Войдя внутрь, Эбби с легкостью представила себе этот древний торговый центр. В Риме большинство античных развалин были либо плоскими фундаментами, либо пустыми стенами вроде Колизея. Рынок же, как ей показалось, сохранился идеально: открытый атрий, из которого открывался вид на три этажа верхних галерей. Правда, из путеводителя Эбби с огорчением узнала, что во времена цезарей здесь, скорее всего, размещались государственные учреждения, а не торговые ряды.

Пройдя по галереям, уставленным скульптурами и обломками древних развалин римского Форума, она вскоре нашла то, что искала. Погребальная архитектура. Экспонаты были выставлены в шкафах из поддельного камня, расставленных по всему помещению рядом с имитациями гробниц. Чтобы заглянуть внутрь, приходилось всякий раз наклоняться.

«Фрагмент надгробья IV века», — гласила табличка. Дыхание Эбби участилось, стоило ей прочесть приведенный ниже текст. «*Ut viventes adtigatis mortuos navigare*».

«Чтобы достичь живых, плыви среди мертвых». Она достала из кармана записи, сделанные Грубером, и сравнила их с надписью на табличке. Абсолютно то же самое. Однако гробница была пуста, одна лишь глухая черная стена. Одинокая табличка, прилепленная к ней, предлагала смиренное объяснение на трех языках. «Экспонат временно отсутствует».

В углу на стуле скучал молодой охранник. Эбби подошла к нему и изобразила улыбку.

— Вы говорите по-английски?

Кивок и ответная улыбка.

— Вы не знаете, что случилось с этим экспонатом?

Лицо охранника приняло серьезное выражение.

— Его украли. Однажды ночью два месяца тому назад. Банда грабителей проникла сюда и вынесла вон.

Эбби почувствовала, что внутри у нее все сжалось.

— Это ужасно. — Она огляделась по сторонам. В темных углах мигали красные огоньки. — Разве здесь нет сигнализации?

— Действовали профессионалы. Холм позади этого здания очень крутой. С него несложно забраться на крышу. Они влезли в вентиляционную шахту, перерезали сигнализацию, и чао!

— И много они унесли отсюда?

— Только эту плиту. Грабители, скорее всего, работали по заказу какого-то коллекционера, который точно знал, что ему нужно. — Охранник покачал головой. — Странно. Пробравшись в музей, они могли унести множество более ценных вещей. Почему они больше ничего не забрали?

— Полиция выяснила что-нибудь?

— Ничего.

Затрещала рация. Охранник встал.

— Извините. Желаю приятного просмотра, синьорина.

Ей все равно требовалось убить еще какое-то время. Рядом пролегла современная улица — ее в свое время по приказу Муссолини проложили в самом сердце античной части Рима, — однако Эбби выбрала старую, Виа Сакра, пролежавшую через Форум. Она медленно брела среди разрушенных храмов и обвалившихся колонн, пытаясь представить себе, как выглядело это место много веков назад, когда здесь кипела жизнь. Она прошла мимо Сената, где Брут заколол Юлия Цезаря, мимо барочной церкви Сан-Лоренцо, возведенной там, где раньше возвышался языческий храм Антонина и Фаусты.

Тем временем над монументом Виктору-Эммануилу начали сгущаться тучи. Слева от нее маячили пустые арки базилики Максенция. Архитектура подобных масштабов возродилась столетия спустя, в виде железнодорожных вокзалов девятнадцатого века. Впереди возвышалась самая внушительная достопримечательность былого величия Рима: громада Колизея. Даже сейчас, в конце туристического сезона, внизу змеилась очередь желающих попасть в него, как, наверно, и две тысячи лет назад. Эбби прошла мимо туристов дальше, к белой грязноватой арке, застрявшей, подобно запоздалой мысли, в углу большой

площади. За спиной тек нескончаемый шумный поток уличного движения. Эбби посмотрела на часы. 16.58.

«Арка Константина. Возведена в честь победы Константина над Максенцием в сражении при Мульвиевом мосту, сделавшей его бесспорным хозяином Западной Римской империи» — сообщалось в путеводителе.

Константин Великий. Эбби знала это имя, но не более того, что ей рассказал Грубер. Римский император, обративший своих подданных в христианство. Сделавший в результате христианской всю Европу и все края, куда Европа только могла дотянуться своими щупальцами. То, что говорилось в путеводителе, добавило не слишком многое к уже известным фактам, за исключением того, что император родился на территории современной Сербии, а его мать была дочерью содержателя публичного дома.

Увы, этого явно было недостаточно. После того как Эбби пришла в себя в больничной палате, Константин сделался ее незримым спутником. Он приветствовал ее почти на каждом важном повороте судьбы и тотчас же снова куда-то ускользал. Золотое ожерелье с монограммой. Рукопись четвертого века, нашедшая временный приют в тени императорского дворца в Трире. Отправленное по телефону текстовое сообщение с цитатой на латыни. *Неужели это совпадения? Или чья-то злая шутка? Неужели я схожу с ума?* Казалось, она никак не может вырваться из оков сна и бежит по лабиринту, где каждый поворот приводит ее в тупик, к одной и той же стене.

Эбби посмотрела на арку. Строгие бородатые мужчины в плащах глядели на нее сверху вниз, как будто пытаясь ей что-то сказать.

Но какое это имеет отношение к Майклу?

Услышав шаги у себя за спиной, Эбби обернулась. Гид, женщина с суровым лицом, держа над головой, словно военный штандарт, зонтик, вела группу туристов от Колизея. Эбби внимательно изучила лица и задалась вопросом, кого она, собственно, ждет. Никто не обратил на нее внимания. Туристы старательно наводили на арку видеоискатели фотоаппаратов, гид продолжала сообщать факты, которые никто не желал знать.

Говорила она по-английски. Эбби подошла ближе, чтобы послушать, ожидая, что кто-нибудь прикоснется к ее руке или перехватит ее взгляд.

— Современные ученые считают, что арка была сооружена врагом Константина Максенцием. Когда Константин разгромил его в этом сражении, то просто использовал ее в собственных нуждах.

Те туристы, кто все-таки слушали рассказ, явно удивились.

— Принято думать, будто римляне строили, так сказать, с чистого листа, — продолжала гид. — На самом деле это не так. Очень часто мраморные блоки брались из других памятников. Существует предположение, что большой рельеф взят с арки, воздвигнутой в честь Марка Аврелия. Фриз привезен с форума императора Траяна, который так же датируется вторым веком. Круглую *tondi* позаимствовали у памятника Адриану. Слышали про Адрианов вал? В каждом случае лица высекали. Или заново, или старым придавали сходство с Константином.

Заинтригованные туристы какое-то время разглядывали резные изображения сражающихся воинов, выискивая в их гуще императора с непокрытой головой. После чего, сделав снимки, направились к следующему историческому памятнику. Эбби осталась на месте, как юная девушка, которую так никто и не пригласил на танец и которая все-таки надеется, что к ней кто-то подойдет и избавит от неловкости. Однако никто так и не появился.

Она даже обошла вокруг арки, чтобы убедиться, что ничего не пропустила. На всякий случай проверила телефон: новых сообщений не было. В сотый раз перечитала старую эсэмэску, в надежде найти что-то новое в коротенькой фразе.

ARCUMTRIUMPHISINSIGNEMDICAUIT. Пятница 17.00.
Могу помочь.

Нет, она все поняла правильно. Буквы на экранчике телефона складывались в те же слова, что были высечены в мраморе над центральной аркой. Дочитав надпись до конца, она вновь сравнила ее с переводом, сделанным в Британской библиотеке. Затем уже в который раз посмотрела на часы. 17.19.

Он не придет, отчаявшись, подумала она. Мысль о том, что все усилия напрасны, ударила ее как обухом по голове. Руины далекого прошлого нависли над ней немым укором. Чем она думала, примчавшись сюда из-за какой-то анонимной эсэмэски? Эбби устало прислонилась к столбику ограждения. В эти минуты ей казалось, что если она не прикоснется к чему-то реальному и осязаемому, то навсегда утратит связь с окружающим миром.

До ее слуха вновь донеслись звуки шагов: это к арке подошла новая группа экскурсантов. На сей раз гидом был пожилой мужчина с седыми усами и в твидовом пиджаке. В руках у него был точно такой же, как у всех гидов, зонтик. Эбби снова внимательно изучила лица туристов. Теперь это были подростки на школьной экскурсии, которые совершенно не обращали на нее внимания.

— Арка Константина, — вещал гид, — была построена в 312 году в честь победы императора Константина в сражении при Мульвиевом мосту. Константин был христианином, его противник Максенций — язычником. Первый одержал победу, и с тех пор Европа стала христианской.

Юные экскурсанты играли своими мобильными телефонами и слушали музыку в плеерах. Несколько человек щелкали фотокамерами. Но Эбби будто приросла к месту. Ей в голову пришла безумная мысль.

— Простите, — перебила она гида. — А где находится Мульвиев мост? То есть я хотела бы знать, он сохранился?

Гид с благодарностью посмотрел на нее.

— Понте Мильвио, так он теперь называется. Да, он находится в Риме, в конце Виа Фламиния, недалеко от Виллы Боргезе. Этот мост очень нравится влюбленным парочкам, — добавил гид, обращаясь к подросткам.

— Благодарю вас.

Напротив станции метро «Колизей» Эбби поймала такси. В половине шестого в пятницу в Риме был час пик. Чтобы добраться до Виа Фламиния, потребовалось минут двадцать. Эбби сидела на заднем сиденье, вцепившись в дверную ручку, и смотрела вперед. По ветровому стеклу ползли струйки дождя.

Он возвел эту арку в честь победы. Текст сообщения указывал на арку, но та, сама по себе, являлась лишь символом, указателем на сражение, в честь которого была воздвигнута. Эбби понимала, что ее догадка построена на песке и, возможно, затея с поездкой к мосту бессмысленна, как бессмысленно и само полученное ею послание. Но попытаться все-таки стоит.

Мост высился на северной окраине Рима, там, где бетонные набережные Тибра уступали место дикой природе. Эбби расплатилась с таксистом и направилась к мосту. Берег реки густо порос деревьями, между которыми виднелись участки мелководья. Если же повернуться спиной к жилому кварталу и торговым рядам, нетрудно вообразить себе, как это место выглядело в дни императора Константина. Пустырь на дальней окраине города.

Этот мост построили древние римляне. Однако современные обитатели Вечного города предпочитали не рисковать транспортными средствами и не ездить по сооружению, возведенному более двух тысяч лет назад.

Эбби была здесь не одна, но людей на мосту в этот час все равно оказалось мало. Несколько клерков, которые возвращались домой с работы, да пара подростков, шагавших впереди ее и смеявшихся чему-то своему. Прямо на глазах у Эбби юноша и девушка опустились на колени возле перил на краю моста. Парень достал из кармана навесной замок и, зацепив дужку, закрыл. Затем что-то сказал, и спутница его поцеловала. Наконец оба встали, и юноша, обняв подругу за плечи, бросил через плечо ключ в реку.

Двигимая любопытством, Эбби подошла ближе к тому месту, где они только что стояли. Здесь к перилам были прищелкнуты сотни самых разных замков. На некоторых черным фломастером нарисованы сердечки и написаны какие-то слова. Признания в любви и страсти, обещания вечной верности.

Эбби оглянулась: хотелось убедиться, что за ней никто не следит.

В следующий миг на нее нахлынула волна одиночества. Она посмотрела на стену замков, стальным барьером вставшую на

ее пути. Вот люди, которые выразили таким способом свою любовь, и она, одинокая женщина, стоящая здесь потому, что анонимное текстовое послание пригнало ее сюда.

Марк прав, мрачно подумала Эбби. *Ей точно нужно показаться психиатру.*

С этими мыслями она зашагала назад, на другой берег реки, на полпути поймав себя на том, что все еще цепляется за надежду, что кто-то прикоснется к ее руке, утешит, как потерявшегося ребенка, вложит в руки долгожданный ключ. Идиотка. На мосту никого не было. Даже пара влюбленных подростков, и те куда-то ушли. Эбби ускорила шаг, спеша туда, где есть люди, где можно сесть в трамвай и вернуться в город.

Сойдя с моста, она заметила у тротуара черный седан «Альфа-Ромео» с работающим мотором. С пассажирского сиденья торопливо вылез какой-то мужчина.

— Эбигейл Кормак? — спросил он с сильным акцентом, явно не итальянским. На нем была черная водолазка, черные джинсы, черная длиннополая кожаная куртка и черные перчатки. — Мне нужно поговорить с вами о Майкле Ласкарисе.

Майкл. Это имя подействовало как наркотик. Забыв об осторожности, Эбби словно загипнотизированная шагнула к машине. Человек улыбнулся, сверкнув золотыми коронками, и мотнул головой, приглашая ее сесть в машину, словно кошку в клетку. За поясом у него торчала черная рукоятка пистолета.

В следующий миг до нее дошло: как глупо я угодила в ловушку. «Могу помочь». Прочтя эти слова в текстовом сообщении, она поверила в них, потому что была в отчаянии. Но люди, действительно желающие помочь, не посылают загадочных текстов, на которые невозможно ответить, не выманивают вас в чужие края, вынуждая проехать пол-Европы в поисках неведомых сокровищ.

Может, удастся сбежать? Увы, она стояла слишком близко к машине и опоздала на доли секунды. Незнакомец нагнал в два счета. Рука в черной перчатке обхватила ее, крепко прижав обе руки к телу. Вторая взяла сзади горло в замок. В следующее мгновение человек в черном затащил Эбби в машину.

— Будешь сопротивляться, уьем! — прямо в ухо произнес чей-то голос.

Глава 14

Италия, лето и осень 312 года.

Тридцать пять лет назад...

И тогда их осталось четверо.

Галерий умер в прошлом году. Это была недостойная смерть, Константин объявил о ней не сразу. Его кишки прогнили изнутри. В гениталиях возникла такая опухоль, что казалось — по слухам, — будто он пребывает в постоянном возбуждении. В теле поселились черви, и те, кто ему прислуживал, были вынуждены накладывать ему на раны куски сырого мяса, чтобы вытянуть их наружу.

Христиане были довольны. Но Константину еще предстояло выиграть ряд сражений. Брачный союз с Фаустой не принес ни детей, ни мира с ее родственниками-узурпаторами. В прошлом году старый Максимиан попытался настроить против новоявленного зятя армию. Константин благородно простил своего тестя. Тот же на это благородство ответил попыткой заколоть его во сне, однако коварный замысел не удался. В конце концов терпение Константина иссякло, и он предложил Максимиану выпить яд.

Максенций, непризнанный и нераскаявшийся шурин Константина, все еще занимает Рим и всю Италию. Со смертью Галерия Константин сможет позволить себе заняться югом.

Жрецы-гаруспики сказали, что нам не следует отправляться туда. Они совершили все необходимые ритуалы: надлежащим образом умертвили жертвенных животных, рассекли внутренние органы, опробовали их на вкус. Кишки животных сказали, что для военного похода время плохое. Константин изрек: что знают убитые животные о войне? Большую часть армии Максенций держал на северо-восточной границе, в Вероне, ожидая нападения с Балкан. Удар с северо-запада будет для него полной неожиданностью и застанет врасплох.

— Покажите мне, где в кишках говорится об этом, — шутит Константин.

— Мой брат всегда следует советам прорицателей, — замечает Фауста. Трудно понять ее слова — то ли это упрек, то ли предложение.

Со дня ее свадьбы прошло пять лет. За эти годы сочная свежесть юности заметно увяла, уподобившись оставленному на солнце финику. Когда ее отец пытался убить Константина, именно Фауста пришла в опочивальню мужа и предупредила о том, что над его жизнью нависла смертельная опасность. Сейчас мы готовимся напасть на ее брата, и ее глаза, окаймленные длинными ресницами, как всегда, ясны и невинны.

Чудо, что ты смог отравить старика, думаю я. У всей их семьи в жилах течет яд.

И поэтому мы переходим через Альпы, как это шесть веков назад сделал Ганнибал. Константин оказался лучшим прорицателем, чем его жрецы. В Сегузио, вратах Италии, мы поджигаем город с находящимся в нем гарнизоном. Это послужило уроком гарнизону Турина: тамошние солдаты не стали ждать, когда их окружат. Константин угадывает их намерение, охватывает с флангов, после чего наносит удар по их центру, прижимая к стенам своей кавалерией. Удар столь мощный и сильный, что человеческая масса выдавливает ворота.

Как победить Константина? Граждане Милана этого не знают. Они открывают городские ворота и сдаются. В Вероне жители сражаются мужественнее и почти прорывают наши позиции. Константин вынужден лично броситься в самую гущу боя, мечом прокладывая себе дорогу. Рядом с его головой пролетает копьё. На какой-то миг исход битвы оказывается под вопросом, так же как и весь ход истории.

Копьё проносится мимо. Мы выигрываем сражение. Путь на Рим свободен.

Это благословенное время. Сентябрь сменяется октябрём, солнце яркими лучами золотит на деревьях листву. Небо голубое, воздух свеж. Мы ясно видим окружающий мир. Вырвавшись на свободу из оков ритуальной придворной лести, Константин вновь становится прежним собой. Сейчас, когда я

думаю о нем, в моем сознании возникает тот его образ, который я хотел бы сохранить в своем сердце.

Вот он, в забрызганных грязью сапогах, шутит со стражей. В свете лампы склоняется над картой. Обрушивает лавину вопросов на генералов. Гарцует на белом коне во главе походной колонны, что змеится вдоль дороги. Старый мир вокруг нас может корчиться и издыхать, но мы знаем, что уверенной поступью движемся к новому миру, миру который мы создадим своими руками.

— Рим — это ничто, — однажды ночью после ужина заявляет Константин, отдыхая на ложе в своей палатке. За время похода он изрядно похудел. Нежного жирка на щеках и подбородке как не бывало. — Назови мне хотя бы одного императора за последние пятьдесят лет, который бы продержался там у власти более месяца.

Я потягиваю из чаши вино и улыбаюсь. Мы оба знаем, что он говорит правду и в то же время далек от нее. Рим расположен слишком далеко от границ, чтобы быть удобной столицей, мы же всю жизнь вынуждены отбиваться от варваров то в Никомедии, то в Трире, то в Йорке. Приливы истории отхлынули, оставив Рим лежать на ее обочине подобно выброшенному на берег киту. Рим такой же раздутый, обрюзгший и пока еще живой, правда, исключительно за счет былой славы. И все же он по-прежнему — царь городов, сердце нашей цивилизации, неиссякаемый источник имперских мечтаний. Обладать им — значит обрести власть большую, нежели иметь в своем распоряжении крепости и армии с обозами.

— У тебя есть другие замыслы? — поддразниваю я его.

— Мы захватим Рим. — Константин уверен в этом. Его уверенность заразительна, ему ничего не стоит убедить окружающих в том, что для него нет ничего невозможного. Однако в этом походе это ощущается явственнее, чем обычно. Это подобно тому, как если взрезать кокон и увидеть внутри бабочку. Когда-нибудь я посмотрю на него и пойму, что едва знаю этого человека.

Константин надкусывает яблоко.

— Помнишь дорогу на Аутун? Когда мы воевали с франками три года назад?

Мне требуется мгновение, чтобы вспомнить. Я воскрешаю в памяти те события. Дневной переход. Голубое небо. Легкая дымка. Мы поднимаем головы и замечаем идеальный круг света. В его центре слезинка солнца светится расплавленным золотом. Из его пылающего сердца вырываются четыре луча и образуют крест.

Вся армия, как один человек, опускается на колени и благодарит Непобедимое Солнце, небесного покровителя Константина. Весь следующий день нами владеет безумное настроение, как будто мы ощутили прикосновение рук бога. Но мы спали, ели, шли строем вперед, и постепенно ощущение это исчезло. В том походе нам везло на чудеса: то кроваво-красная луна в небе, то гроза с громом и молниями, которыми боги напоминали нам о своем величии.

— Я помню, что с франками у нас было нелегкое сражение, — говорю я.

— Ты всегда ожидаешь новую битву, — смеется Константин.

— Она уже не за горами.

Он опирается на локоть и крутит в руке огрызок яблока.

— Что будет, если мы сумеем создать новый мир? Мир, в котором лето означает время года, когда играешь с детьми и пьешь вино, а не натягиваешь сапоги и отправляешься на войну.

— Тогда ты станешь богом.

Мои слова погружают его в задумчивость.

— Ты знаешь, что говорят христиане? Они говорят, что их бог Христос пришел в мир, чтобы спасти его. Пришел ради его искупления. Чтобы принести мир вместо войны.

Если это так, то он явно потерпел неудачу. Я не произношу этих слов вслух. Это испортит наши отношения.

— Единственное, чего жаждет империя, — это мира. От скромного земледельца, обрабатывающего пашню, до высокомерного сенатора с Палатинского холма. Все хотят мира. Знаешь, что сделало небольшой город на Тибре величайшей на свете державой? Желание обрести мир, покой. Получить возможность шагать по дороге, не опасаясь, что кто-то спустится с гор и нападет на тебя. Мы раздвигали границы цивилизации до тех пор, пока они не растянулись настолько, что готовы лопнуть.

В щель между занавесками мне виден его сын Крисп, который вместе с учителем занимается греческим языком. Сам Константин неплохо говорит по-гречески, но писать на этом языке не умеет. Он решил, что в этом сын должен превзойти его.

— Крест в небе в тот день был посланием, Гай. Бог протянул руку и призвал меня к славе. Он пожелал, чтобы я стал его орудием, которое вернет нашему миру покой.

Он свешивает ноги с ложа и встает. Я следую за ним.

— Мы выиграем сражение против Максенция и победим так, что никто не усомнится в причине нашей победы. Хвала Господу, это будет последнее наше сражение!

— Хвала Господу, — послушно соглашаюсь я. И в ту ночь, когда лагерь спит, я и мои солдаты встречаемся в пещере, чтобы пролить кровь жертвенного быка: мы хотим, чтобы вышло так, как он говорит.

Холодным утром одного из дней в самом конце октября наша армия выстраивается для последней битвы. Впереди у нас вражеское войско, река и город. Порядок строя крайне важен. Вместо того чтобы укрываться за несокрушимыми стенами Рима, Максенций вывел свои легионы в чистое поле и перешел Тибр. По всей видимости, он посоветался со своими прорицателями, которые сказали ему, что если он победит на поле боя, то Рим будет освобожден от тирана. При этом сам он тираном себя не считает.

За час до рассвета Константин выводит маршем свое войско. Вдоль дороги тянутся усыпальницы. Он взбирается на кирпичный мавзолей, с которого уже давным-давно сбита мраморная облицовка, и обращается к своим воинам. Даже я не знаю, что он сейчас им скажет. В тусклом свете убывающей луны я стою в пропитанных влагой сапогах в плотной толпе солдат, чувствуя исходящее от них тепло; у меня возникает ощущение, будто мы находимся на заре времен.

— Всевышний наш Бог послал мне вещий сон, — объявляет Константин. Его доспехи блестят как звезды на фоне голубого неба. Вдали над линией горизонта медленно восходит дневное светило. — Вестник Господа нашего явил мне видение. Он

сказал, что если мы будем сражаться под Его знаком и от Его имени, то непременно победим тирана и одержим величайшую в истории победу.

У подножия мавзолея возникает какое-то движение. Какой-то солдат поднимается по лесенке и передает Константину копье, к которому прицеплена белая материя.

Константин берет его и когда поднимает вверх, становится видно, что это новый штандарт. Высокий позолоченный шест с императорским флагом, свисающим с золотой поперечины. Его верх венчает гирлянда из драгоценных камней на золотой проволоке, а в ней хорошо различимые на фоне рассветного неба перекрещенные буквы Хи и Ро.

— Это божий знак.

Момент для обращения к войску выбран удачно. Над мавзолеем восходит солнце. Его лучи играют на золоте и драгоценных камнях штандарта, освещают напряженные лица воинов. В эти мгновения даже я готов уверовать.

Войску Максенция не выдержать даже первого нашего натиска. Обычно на хорошо вооруженную пехоту не посылают в бой кавалерию, но Константин угадывает, что эти воины не имеют мужества вступить в сражение. Мы спускаемся вниз по склону, и стена человеческих тел обрушивается. Максенций пытается бежать по понтонному мосту, однако в возникшем хаосе веревки лопаются, и он падает в реку.

Мы вылавливаем его тело ниже по течению, в полумиле от этого места, когда его прибывает к быкам Мульвиева моста. Я отсекаю ему голову, чтобы Константин мог показать ее римлянам.

Константинополь, апрель 337 года

Я сижу на скамье во дворе своего дома. Мои пальцы машинально прикасаются к поясному ремню. Я поворачиваю его так, чтобы бронзовый лев на его пряжке поймал солнечные лучи. Большим пальцем нащупываю зазубрины и царапины. Это мой ремень для меча. Он был на мне в тот день, и я ношу его до сих пор. Неужели это тот самый? Кожа давно вытерлась, я три или

четыре раза менял ее и удлинял. Некоторые пластины выскочили и потерялись. На их место пришлось поставить новые.

Как и мы с Константином: все те же люди, что и в том сражении, и вместе с тем совершенно иные. Бронзовая шкура льва потерлась и потускнела.

У дверей слышится какой-то шум. Я жду, когда домоправитель сообщит мне, кто пришел, но он так и не соизволил доложить. Вместо него из моих грез врываются четыре солдата в забрызганных кровью туниках и начищенных до блеска доспехах.

— Пойдем с нами! — говорит покрытый шрамами центурион.

Глава 15

Рим, наши дни

— Будешь сопротивляться, убьем!

Незнакомец бесцеремонно затолкал Эбби на заднее сиденье. Ей тут же набросили на голову какую-то тряпку с неприятным запахом. Неужели хлороформ? Эбби попыталась затаить дыхание, но этому мешало учатившееся сердцебиение.

Впрочем, нет, это всего лишь лосьон после бритья. Повязка, которой ей завязали глаза, источала тошнотворно-сладкий запах лилий. Машина взяла с места. Чья-то рука крепко надавила Эбби на затылок и прижала лицом к кожаной обивке сиденья.

Вот как это происходит, в оцепенении подумала Эбби. Они приходят ночью и уводят тебя. Может быть, они тебя убьют, может быть, ограничатся тем, что обыщут и разобьют лицо или сломают руку. Но тебе уже никогда не быть прежней. Она слышала тысячи рассказов: карие глаза, голубые глаза и всегда те же мертвые слезы.

Машина покатила дальше. Эбби не оставалось ничего другого, как сосредоточиться на окружающих ее звуках. Ее темный мир наполняли шуршание ремня безопасности, что болтался рядом с ее лицом, рокот мотора, пощелкивания спидометра. Будь она героиней шпионского фильма, то сразу же принялась бы мысленно считать секунды, предшествующие очередному

повороту. Однако она была жутко напугана и не могла рассчитывать на чью-либо помощь. Ей оставалось лишь одно: попытаться держать себя в руках и не впасть в панику.

Где-то вдалеке слышались звуки автомобильной сирены. В душе тотчас шевельнулась надежда. Может, кто-то ее видел? Может, ее уже ищут? Сирена звывала громче, и теперь казалось, будто сигналит машина, едущая непосредственно за ними. Эбби почувствовала, что их автомобиль сбросил скорость и съезжает к бордюру. Может, стоит рискнуть и сорвать с глаз повязку? Выпрямиться на сиденье и, закричав во весь голос, позвать на помощь? Лежавшая на затылке рука придавила ей голову еще сильнее. Вскоре звук сирены прекратился, исчез вдали. Она снова осталась одна. В следующий миг ее вырвало прямо на сиденье.

Вскоре машина остановилась. Те же руки приподняли Эбби и выволокли наружу. Повязку с нее так и не сняли, но она поняла, что они включили свет. Было слышно, как похитители ругаются из-за того, что ее вырвало в салоне машины.

А ведь я понимаю, что они говорят! Еще пара секунд, и она окончательно убедилась в том, что это сербско-хорватский язык. Эбби закрыла глаза, хотя из-за повязки в этом не было необходимости.

Ее повели куда-то вверх по лестнице, бесцеремонно толкая и нисколько не заботясь о том, что она больно цепляется ногами за невидимые препятствия. Впрочем, вскоре она оказалась на ровной поверхности. Затем где-то рядом открылась и закрылась дверь. Наконец ее перестали тянуть за собой, и она остановилась. Чья-то рука сорвала с ее глаз повязку.

В первый миг ей показалось, что ее привезли в музей. Она стояла в центре черной комнаты без окон. Светильники на потолке. Серебристый свет, падающий на прикрепленные к стенам экспонаты. Плиты белого камня с высеченными на них изображениями богов, животных, растений или же украшенные одними надписями. Почти у всех были сколоты края, как будто их второпях вырубили из более крупных сооружений. Посередине комнаты стоял стол — мраморная плита на металличе-

ских ножках, голая, без единого предмета. В кожаном кресле за столом сидел худощавый мужчина с седеющими волосами. На нем был черный костюм и белая рубашка с расстегнутым воротником, как будто он собрался на светскую вечеринку. На коленях у него лежал пистолет с хромированной рукояткой. Стоило Эбби переступить порог, как он взял пистолет с колен и прицелился. Эбби резко отшатнулась. Незнакомец довольно улыбнулся.

— Эбигейл Кормак. Ты задумывалась о том, почему ты до сих пор жива?

Эбби не сводила с него растерянных глаз.

— Кто вы?

Незнакомец указал пистолетом на стены с мраморными плитами.

— Коллекционер. Арт-дилер. Покупаю и продаю антиквариат.

Эбби посмотрела на его лицо. Острые скулы, узкий подбородок, глубоко посаженные глаза. Из-за стола на нее смотрело реальное лицо реального человека, а не смазанная газетная фотография, которую она видела в Британской библиотеке. Правда, теперь он выглядел гораздо старше. У глаз залегли морщины, волосы поредели. Он отрастил небольшую бородку, в которой серебрились седые волоски. Однако кое-что в его облике никуда не делось — холодная безжалостность, которую не мог скрыть даже расплывчатый газетный снимок.

— Вы Золтан Драгович.

Мужчина на другом конце стола прищурился и, вновь наведя на нее пистолет, щелкнул предохранителем. Эбби услышала, как охранник за ее спиной сделал шаг в сторону.

— Собираетесь меня убить? — *Ну, давай, стреляй!* — хотелось крикнуть ей. — *Давай, чего медлишь!* — Зачем вы привезли меня сюда?

— Чтобы ты ответила на мои вопросы, — процедил Драгович. Дуло пистолета по-прежнему было направлено в ее сторону. В свете ламп хромированная рукоятка отбрасывала зловещие блики. — Например, почему ты до сих пор жива?

— Я не...

— Ты должна была умереть в Которской бухте. Я послал туда своего человека. Его звали Слоба. Хочу узнать, почему он не убил тебя?

— Я не помню, — прохрипела Эбби, едва ворочая пересохшим языком. Она не чувствовала под собой ног и поняла, что вот-вот свалится в обмороке. — Он стрелял в меня.

— Он так и не вернулся.

— Я не знаю, что с ним стало.

— Никто не знает. Ты еще скажи мне, что он сбежал. — Драгович поднял пистолет. Он как будто обращался к нему, а не к своей пленнице. — Невероятно. Мои люди никуда не убегают. Если они пытаются это сделать, я всегда могу их достать, хоть из-под земли. Его же я никак не могу найти.

Эбби потеряла глаза, в надежде, что проснется, пробудится от жуткого кошмара.

— Он убил Майкла. На моих глазах.

— Если я не могу найти Слобу, это значит, что он мертв. — Драгович небрежно развернулся в кресле, подобно лодке, вращающейся вокруг якоря. — Если ты не против, Эбигейл Кормак, я познакомлю тебя с кое-какими фактами. Слоба приехал на виллу на автомобиле. Когда туда прибыла полиция, его машина все еще была там.

Смотри на человека, а не на оружие. Так учили их много лет назад на курсах по основам поведения в экстремальных ситуациях. *Если смотреть на оружие, его применяют с наибольшей вероятностью.* Увы, при мысли об этом ей не стало легче.

— Ты лежала на полу, и в тебе были пули, которые выпустил Слоба. В твоём плече, а не в сердце или голове. Почему? Слоба не был сентиментален, и он не был плохим стрелком. Если он тебя не убил, значит, его самого убили.

Смотри на человека.

— Я не убивала его, если вы это хотите знать.

— Кто еще там был?

— Никого. Только я и Майкл.

Но действительно ли это было так? Она тотчас вспомнила, что ей тогда сказали в больнице. Кто-то позвонил в полицию. Впрочем, воспоминания были настолько путанными, что пола-

гаться на них просто невозможно. Вряд ли она сама могла позвонить куда-либо в том состоянии. Неужели там действительно был кто-то еще?

Драгович откатился в кресле назад, встал и, подойдя к стене, принялся разглядывать одну из каменных плит. Никаких изображений на ней высечено не было, зато она была раскрашена. Краски потускнели от времени, однако не выцвели полностью. Обернутый полосками ткани мертвец тянет руку из каменного саркофага. Бородатый Христос протягивает ему руку, помогая подняться. Возле его ног какая-то собачонка.

— Вот другой факт. Слоба умер, и Ласкарис умер. Но я видел отчеты полиции. Они нашли только одно тело.

Драгович развернулся и впился взглядом в Эбби. Она инстинктивно отшатнулась назад, и в следующую секунду чья-то рука уперлась ей в спину.

— Может, у вашего человека был помощник?

— Слоба работал один. — Драгович перешел к обнаженной мраморной женщине с высокой грудью, но без рук, и провел кончиком пальца по ее горлу. — Две смерти, один труп. Как ты это объяснишь?

— Не знаю.

Неожиданно Драгович оказался прямо перед ней. Он так стремительно пересек комнату, что Эбби не успела даже глазом моргнуть. Стоявший позади нее охранник словно тисками сжал ей руки и едва не оторвал ее от пола. К подбородку Эбби прижался холодный металл — это Драгович приставил к нему пистолет. Эбби едва не вырвало от мерзкого, тошнотворного запаха лилий.

— Пойми одну вещь, мисс Кормак. Ты уже мертва. Если я решаю, что кто-то должен умереть, так оно и происходит. Если я разрешаю тебе еще немного пожить, то лишь потому, что мне нужно кое-что от тебя услышать. Мне ничего не стоит тебя убить и выбросить в Тибр, и никто об этом не узнает. Тебя даже не смогут опознать.

Его лицо нависло над ее лицом так низко, что его щетина оцарапала ей кожу. По щекам Эбби скатились слезы и намочили бородку Драговича. Такая близость была сродни изнасилованию.

— Я ничего не знаю! — взмолилась она. Она слышала, как повторяет эти слова снова и снова, словно заигранная пластинка, которая никак не может остановиться.

Драгович с явным отвращением на лице сделал шаг назад. Охранник, стоявший у нее за спиной, ослабил хватку. Эбби безвольно, мешком навалилась на него, и охранник по-собачьи потерялся об нее всем телом.

— Достаточно! — щелкнул пальцами Драгович. Охранник моментально ее отпустил, и Эбби рухнула на четвереньки. — Твой любовник Ласкарис должен был мне кое-что отдать. По этой причине он и приехал ко мне на виллу.

— Чемоданчик. «Дипломат», — пробормотала Эбби. Охранник шагнул к ней и, схватив за волосы, задрал ей голову. Ей прямо в глаза смотрел зрачок пистолета, и она была вынуждена заглянуть в него.

— У Майкла был с собой чемоданчик. Я видела его.

— Когда прибыла полиция, его там не оказалось. Что с ним случилось?

— Я не знаю.

Еще один рывок за волосы заставил ее подняться. Охранник потащил ее следом за Драговичем, и она, спотыкаясь, проковыляла через всю комнату к залитому серебристым светом камню на стене. На нем не было ни резьбы, ни рисунков. Лишь две строчки текста, выцарапанные большими буквами, а над ними монограмма.

Эбби уперлась взглядом в камень.

— Узнаешь? — пистолетом указал на него Драгович.

Лгать не было смысла. Ее похититель прочел это по ее лицу.

— Я видела этот символ раньше. На вилле. Вернее, на золотом ожерелье.

— Что с ним случилось? Где оно?

— Полиция отдала его мне. Я забрала его с собой в Лондон. Мое правительство узнало о нем и конфисковало.

Драгович указал пистолетом на обломок камня.

— А текст? Ты узнаешь его?

— Я не знаю латыни.

В следующее мгновение челюсть ее онемела — это в подбородок с силой врезалась рукоятка пистолета. Она машинально отвернула лицо, но охранник схватил ее за волосы и вновь развернул лицом к Драговичу.

Ноги Эбби подкосились, и она упала на колени. Драгович встал над ней, тяжело дыша, как будто пробежал дистанцию.

— Сегодня днем ты была в Музее римского форума. Ты рассматривала то место, откуда взята эта табличка. Зачем?

Эбби сплюнула на пол сгусток крови. *Он не знает про свиток. Не знает про Трир и Грубера*, подумала она. И тут же с ужасом вспомнила, что сделанный Грубером перевод лежит у нее в кармане джинсов.

Она вновь посмотрела на каменную плиту, на похожий на крест знак над словами, которые не могла прочитать, и обратилась к Богу, в которого не верила, с мольбой о помощи.

— Символ, — пробормотала она и указала на табличку. — Здесь тот же символ, что и на ожерелье. Я хотела лучше его разглядеть.

— И поэтому ты приехала в Рим?

Вопрос Драговича поверг ее в замешательство.

— Но ведь сообщение...

— Какое сообщение? Кто сказал тебе приехать сюда?

Эбби растерянно посмотрела на своего истязателя. По подбородку струйкой стекала кровь, и было непонятно, откуда она сочится, изнутри рта или из раны снаружи.

— Разве не вы?

Драгович едва не ударил ее снова. Она видела, как напряглась его рука, почувствовала, как охранник еще крепче сжал ей волосы. Глаза Драговича пылали едва ли не животной яростью, и Эбби поняла: если он ударит ее еще раз, то уже не останется и будет избивать до тех пор, пока на ней не останется живого места.

Однако удара не последовало.

— Скажи мне, зачем ты приехала в Рим? — процедил он снова. Было видно, что он еле сдерживается.

— Мне пришло текстовое сообщение. Я не знаю от кого. С цитатой из надписи на арке Константина. Отправитель написал, что может мне помочь.

Драгович что-то сказал охраннику. Рука, сжимавшая ей волосы, ослабила хватку. Эбби снова рухнула на пол. Драгович отошел прочь, но вскоре вернулся. Эбби подняла голову. Главный похититель рылся в ее сумочке, которую кто-то принес из машины. Вытащив телефон, он щелкнул кнопкой и просмотрел сообщения. Написанное на его лице удивление было неподдельным.

— Видите? Разве не вы его послали? — спросила Эбби.

Охранник рывком поставил ее на ноги. Последнее, что ей запомнилось, был тяжелый запах лилий и смыкающаяся вокруг нее тьма.

Глава 16

Константинополь, апрель 337 года

Это солдаты, а не дворцовая гвардия. Значки на их плащах изображают борющихся близнецов. Четырнадцатый легион. Близнецы. По правде говоря, им положено находиться за тысячу миль отсюда, на Рейне, ожидать там наступления варваров.

— Полководец Валерий, прошу пройти с нами! — салютует мне центурион.

Меня уже давно никто не называл полководцем.

— Кто хочет меня видеть?

— Старый друг.

Скорее всего, это ложь. Все мои друзья давно отошли в мир иной тем или иным образом. Однако нет смысла сопротивляться. Набрасываю на плечи плащ, на голову надеваю широкополую шляпу и позволяю им увести меня. Мы обходим стороной очевидные места назначения — дворец, казармы схолариев, Влахернскую тюрьму — и вместо этого спускаемся вниз по склону холма к Золотому Рогу. Давно перевалило за полдень. Воскресенье. Город дремлет, как старый пес: рынки пусты, лавки закрыты, печи остыли. Даже кирки и молоты, и те ушли на по-

кой. Весь мир как будто замер, потому что Константин отдал такой приказ. Кто отвергнет бога, который дарит вам день отдыха раз в неделю?

Нас ожидает шлюпка. Она покачивается у причала среди мусора, которым забита бухта. Двенадцать сильных рабов налегают на весла. Я решаю, что они перевезут нас через бухту на другой берег, но вместо этого они выходят в открытые воды Босфора. Бросаю взгляд на дно лодки. Возле носа кучей лежит железная цепь с якорем, судя по его виду, тяжелым. Его веса хватит, чтобы утопить старика вроде меня. Ветер сорвет пену с барашков волн, и никто не увидит, как что-то ушло под воду.

Я плотнее закутываюсь в плащ и разглядываю азиатскую часть города — Хрисополис, золотой город. В последние годы он слегка утратил былой блеск — величие Константинова детища отбрасывает долгую тень на другую сторону пролива, однако некоторые люди до сих пор ценят его красоты. Дома просторны, воздух чист и прозрачен, завистливые взоры, которые зорко следят за каждой пядью Константинополя, бессильны достичь этих мест.

Лодка не заходит в городскую бухту, а плывет вдоль берега к частной каменной пристани. Длинные сады тянутся от воды к красивой вилле на вершине холма. Миндальные деревья в цвету. Над цикламенами и розами деловито жужжат пчелы. На полпути к дому на террасе ждут два человека. Один из них торопливо спускается вниз по лестнице, чтобы приветствовать меня.

— Полководец Валерий, сколько лет!

Требуется какое-то мгновение, чтобы узнать его, однако не потому, что я не могу вспомнить, кто он такой. Я просто не ожидал его здесь увидеть. Передо мной Флавий Урс, магистр армии¹, самый могущественный воин империи после Константина. Я знал его, когда он был трибуном восьмого легиона. Флавий Медведь, называли мы его. На поле боя он носил плащ из медвежьей шкуры и ожерелье из когтей и зубов. Урс невысок ростом, коренаст и широкоплеч. У него мощная, как

¹ Магистр армии (Magister militum) — высшая военная должность, введенная Константином Великим в ходе реформы армии.

бочонок, грудь и густая борода, скрывающая большую часть шрамов на его лице. Его отец был варваром-германцем. В хаосе событий до начала правления Диоклетиана он перебрался через Дунай, где поступил на службу в римское войско, чтобы соплеменники не добрались до него. Сын, по-моему, оказался в равной степени ловок.

Урс ведет меня на террасу.

— Я отправил за тобой моих людей, но думаю, что ты не обиделся. Уверен, что ты поймешь меня. — Мы преодолеваем последнюю ступеньку и выходим на широкую террасу. — А вот и еще одно знакомое лицо из былых времен.

Человек, который ожидает нас здесь, моложе меня и Урса, едва ли не раза в два. У него коротко стриженные волосы с челкой и самодовольное лицо патриция. Он явно рад видеть меня, хотя непонятно почему.

Он пожимает мне руку, но не называет своего имени. Ждет, надеясь, что я его вспомню.

— Марк Север? — Это наполовину догадка, наполовину утверждение. Судя по его улыбке, я угадал правильно. — Я не видел тебя с тех пор, как...

— Со времен Хрисопольского похода, — отвечает он. Теперь я окончательно узнал его, и он рад этому. — Я был в твоём штабе.

— А теперь ты в «Близнецах»? — высказываю я догадку. — Сейчас ты должен быть по меньшей мере трибуном.

Он краснеет.

— Я начальник штаба у цезаря Клавдия Константина.

— А, разумеется!

С момента нашего последнего похода прошло ровно двенадцать лет. Тогда это был горячий юный офицер, жаждавший любых приказаний, благодаря которым можно прославиться. Я машу рукой, как будто извиняясь за свой возраст.

— Старческая память... Знал, но забыл. Поздравляю с заслуженным повышением.

Между нами тремя возникает неловкое молчание. *Почему Север здесь?* Ему полагается быть за тысячу миль отсюда, в Трире.

И почему Урс дал ему приют?

Раб приносит нам на серебряном подносе кубки с вином, приправленным пряностями. Я делаю глоток и устремляю взгляд вдаль, на море. Над городом висит бурая пелена дыма и пыли.

— Это твой дом? — спрашиваю я Урса.

— Он принадлежит одному купцу, который снабжает армию. Время от времени, когда мне требуется уединенное место, он позволяет мне пользоваться его жилищем.

По всей видимости, этот купец неплохо нажился на поставках для армии.

— И ты велел своим людям доставить старика сюда с другого берега для того, чтобы вспомнить былые дни?

— В былые дни, полководец, ты всегда держал руку на пульсе, — отвечает Север.

— Я удалился от дел. У меня есть вилла в горах Мёзии, и через месяц я отправлюсь туда навсегда. Как только император меня отпустит.

Урс издает короткий, похожий на лай смешок.

— Ничего не меняется. Перед каждой битвой, в которой я сражался вместе с тобой, ты говорил, что она последняя. Кстати, я слышал, что ты выполняешь поручение императора. Смотрю, ты по-прежнему остаешься его правой рукой.

Когда я увидел солдат у своих дверей, меньше всего я ожидал этого разговора. Что такого сделал этот епископ, что все — от старого язычника до полководца императорской армии — так серьезно восприняли его судьбу?

— Это пустяк, — заверяю я своего собеседника. — Я не знаю, почему Август так обеспокоен случившимся.

Одно из достоинств моей репутации состоит в том, что люди всегда считают, будто я от них что-то утаиваю, когда ссылаюсь на незнание. Север лукаво улыбается мне.

— Ходят слухи, полководец. Должно быть, ты их слышал.

— Представь себе, не слышал.

— Говорят, что когда нашли этого твоего мертвого епископа, пропал футляр для документов.

С каких это пор он стал *моим* мертвым епископом?

— Епископ Александр писал для Константина книгу — краткое изложение событий его правления. Те бумаги, которые у него были, предназначались как раз для работы над ней.

Север наклоняется ближе ко мне.

— Нас не интересует прошлое.

Я ему верю. Константин воспитал новое поколение по своему образу и подобию: прошлое им мешает. Боги предков нашли пристанище на чердаках, а старые книги пошли на растопку. Я смотрю на Урса, в надежде увидеть какой-нибудь намек.

— Ты знаешь, что при дворе действуют разные группировки.

— Потому его и называют двором. Люди занимают ту или иную сторону и играют в свои игры.

Ни он, ни я не улыбаемся.

— Говорят, что у сестры Константина, Констанцианы, есть написанное им тайное завещание, — говорит Север.

— В чью пользу оно написано?

— Никто этого не знает.

— Тогда кто же распространяет слухи?

— Ты знаешь, как это бывает, — недовольным тоном отвечает Урс. — Шепот и взгляды, тени в дыму.

Я знаю, как это бывает.

— Нет никакого тайного завещания, — решительно заявляю я. — Даже если бы и было, зачем оно могло понадобиться Александру? Скажите мне, когда было так, чтобы вопрос престолонаследования решал священник? Армия сохраняет верность, — говорю я, пристально глядя в карие глаза Урса. — Разве не так?

— Армия верна Константину.

— Но после Константина... — Красное вино оставило на губах Севера багровые следы. — Важно, чтобы все сыновья получили равные доли наследства.

— Армия хочет правильного престолонаследования, — подтверждает Урс.

Я знаю, что он имеет в виду. Армия хочет, чтобы три сына Константина поделили империю. Три императора —

три армии. Это означает, что полководцев будет в три раза больше, в три раза больше прибыли для армейских поставщиков, которая будет поступать на их роскошные виллы на берегах Босфора.

— Один наследник предпочтительнее.

— При условии, что его права на трон никто не станет оспаривать.

— То время прошло, — заявляет Север. — Наступил новый век.

— Так думают в каждый век.

— Зато старики думают, что ничто не меняется.

Я пристально смотрю на него. На шее у него тонкий ремешок из плотной кожи. То, что к нему подвешено, скрыто краем туники. Но когда он откидывает голову, я замечаю чешуйчатую рыбью спину, сделанную из бронзы.

— Я помню, когда ты был вороной, а я был скорпионом, — говорю я. Север смотрит на меня так, будто я говорю что-то непонятное, как будто моя фраза не имеет никакого смысла и он не слышал ее, сидя на корточках вместе со своими товарищами в сыром погребке. Как будто он никогда не опускался на колени передо мной, чтобы я оставил на его лбу след крови Митры и посвятил в тайны, которые он так страстно желал постичь.

— Есть только один бог, Иисус Христос, — упрямо говорит он. Урс, стоявший тогда рядом с нами в пещерах, хранит молчание. Нет смысла спорить. Я мог бы обвинить Севера в вероломстве, в предательстве старых богов, но ему будет все равно. Прошлое его не интересует, даже собственное.

— Почему он здесь? — спрашиваю я Урса. — Константин знает об этом?

Их лица говорят о том, что не знает.

— Цезарь Клавдий обеспокоен здоровьем отца, — отвечает Север.

Перевожу на понятный язык: *Константин стар. Если с ним что-то случится, Клавдий хочет, чтобы его наследство охранял преданный ему человек.* Неудивительно, что Север скрывается здесь, наблюдая за дворцом с другого берега. Если

Константин узнает об этом, он отправит Севера до конца жизни считать чаек на каком-нибудь скалистом островке в Эгейском море.

Появляется адъютант и передает Урсу какой-то свиток. Тот отходит на несколько шагов, чтобы прочесть, что там написано. Мы с Севером остаемся одни.

— Я видел Августа два дня назад, — сообщаю я. — Ты можешь вернуться в Трир и доложить, что он здоров.

Север кивает с таким видом, будто мои слова представляют для него огромную важность. Мы оба знаем, что никуда он не отправится.

— Мне нужно знать о завещании, Валерий. — Обращаясь ко мне, он опускает титул «генерал». — При дворе есть группировки, и кто знает, как они поведут себя, чтобы отказать Клавдию в праве на наследство.

— Константин в своем уме более, чем любой из когда-либо живших.

— Ты же знаешь, как сильно его могут расстроить слухи.

Его слова подобны удару кинжала прямо в сердце. Мне хочется сбросить его в море и держать под водой до тех пор, пока рыбы не обглодают ему лицо.

— Ты все та же ворона, Север, даже если и забыл старые дни. Сидишь на дереве и ждешь, когда ветер донесет до тебя запах мертвечины.

Это мой последний выпад, но он остается к нему равнодушным. У меня никогда не было семьи, и мне неизвестно, как так получается, что отпрыски начинают относиться к родителям как к малым детям. Теперь я знаю, каково это.

Урс, который до этого стоял в сторонке, снова оказывается между нами.

— Моя лодка доставит тебя домой.

Он не провожает меня, но, когда я оказываюсь на причале, меня догоняет в спину последний вопрос.

— Тебя не удивило, что Константин поручил расследовать убийство епископа человеку, который ничего не знает о христианстве и христианах?

Глава 17

Рим, наши дни

Эбби до самой последней минуты не знала, что они с ней сделают. Ей завязали глаза, отвели вниз по лестнице к машине и куда-то повезли. Везли долго. Как ей показалось, целую вечность. Рука, прижимавшая ее голову к сиденью, так и не ослабила давления. Эбби лежала, свернувшись в комочек, уткнувшись лицом в собственную рвоту, один за другим заново переживая в мыслях старые кошмары. Вилла на побережье, черный музей и все жуткие места, в которых ей когда-либо довелось бывать. В голове, накладываясь друг на друга, раздавались голоса. Гектор: *Ты слишком долго гоняешься за мертвыми, не пора ли тебе выйти из могил на воздух.* Майкл (где-то на берегу моря во время отдыха): *Никогда не встревай в чужие дела!* Отчеты, которые она составляла, бесстрастные и правильные. *Свидетель увидел, как неизвестные затолкали жертву в автомобиль. Восемь часов спустя ее обнаружили в лесу мертвой.*

Правда, когда они набросились на меня, никаких свидетелей рядом не было.

Машина остановилась. Дверь распахнулась. Эбби почувствовала толчок в спину. В следующее мгновение она уже лежала на земле, корчась от боли. Над головой раздался стук — это кто-то захлопнул дверь. Затем раздался рев двигателя и скрежет шин. Прямо в лицо ударил бензиновый выхлоп, и она закашлялась. А потом наступила тишина.

Эбби стащила с глаз повязку и какое-то время, тяжело дыша, продолжала лежать на асфальте. Где-то впереди мелькнули и скрылись из вида задние огни машины.

Она была одна. Над головой шелестели листвой платаны. Сыпал мелкий дождь. Лицо было мокрым от дождевых капель и слез.

Эбби кое-как поднялась на ноги и, спотыкаясь, подошла к каменной стене, что протянулась в нескольких шагах от нее. Внизу с шумом нес свои воды закованный в бетонные берега

Тибр. Примерно в ста ярдах ниже по течению она разглядела мост, а на дальней его стороне — здание тюрьмы Трастевере. Где-то неподалеку находится ее отель.

Они привезли меня почти к самому дому. Эта мысль больно резанула ее, словно последний поворот кинжального лезвия.

Она доковыляла до моста и, перейдя реку, стучала в дверь отеля до тех пор, пока ей не открыли. А когда наконец оказалась в номере, рухнула в постель и кучей натянула на себя все одеяла, какие только нашла в стенном шкафу.

Заснула Эбби лишь под утро. Сны были жуткими.

Она проспала до полудня, когда на пороге появилась пришедшая убирать номер горничная. Увидев Эбби, женщина вскрикнула, причем так громко, что снизу ее услышал портье и примчался на второй этаж, чтобы узнать, что случилось.

Эбби встала, приняла душ и оделась. В кафе на углу она выпила три чашки эспresso. Сидя на высоком табурете за стойкой, она поймала на себе взгляды нескольких человек, явно не заигрывающие. Знакомиться с ней никто не спешил. В зеркале за барной стойкой отчетливо отражался огромный синяк, след, который оставил пистолет Драговича.

Эбби потрогала опухший подбородок и сморщилась от боли. Затем прокрутила в голове события минувшей ночи. Это было не менее болезненно. Нет, если их и перебирать, то осторожно, затаенной в перчатку рукой патологоанатома. Страшно хотелось курить, однако табличка над стойкой гласила, что здесь не курят.

Ты задумывалась о том, почему ты до сих пор жива?

Драгович сам толком не знает, подумала она. В тот вечер на вилле случилось нечто такое, чего он сам не в состоянии объяснить.

Нет, это просто невероятно! Еще два дня назад Драгович был для нее лишь фигурантом газетных заголовков и слухов, этаким страшилкой мировой закулисы... И вот теперь он стал реален, как и его борода, оцарапавшая ей кожу. Чашка кофе в ее руке дрогнула и звонко стукнулась о блюдо.

Две смерти, но только одно тело.

Там был кто-то еще. Кто-то, кто остановил убийцу и вызвал полицию. Кто отправил ей письмо с адресом сестры Майкла,

а затем текстовое сообщение, которое она получила в Британской библиотеке.

Могу помочь.

Неужели это была правда? Пока что особой помощи она не заметила. Она вспомнила фигуру в Йорке, преследовавшую ее под дождем. В Риме единственным, кого она видела, был Драгович. Вот и вся помощь.

Эбби была абсолютно уверена: эсэмэску ей отправил не Драгович. Она своими глазами видела, как он читал сообщение на ее телефоне. И оно повергло его в такое же недоумение, как и ее. Желай он заманить ее в ловушку, то наверняка придумал бы способ попроще, а не стал бы посылать ей по телефону загадки на латыни.

Чтобы достичь живых, плыви среди мертвых.

Стихотворение и крестообразный символ — что они означали? Символ на ожерелье и на камне, стихотворение на камне и на манускрипте. И как они попали Майклу в руки?

Майкл.

От этих мыслей раскалывалась голова. Может, выпить еще чашку кофе? Нет, лучше не стоит. Тем более что тело того гляди разлетится на части от дрожи.

Майкл. Он был отсутствующим звеном, пустотой, вокруг которой вращались ее мысли. Стоило ей приблизиться к нему, как она моментально отодвигалась назад, страшась того, что может найти. Он отвез ее на виллу, владельцем которой был человек, которого разыскивают по всем Балканам. Даже при самом большом желании она не смогла бы заставить себя поверить в то, что это случайное совпадение. У Драговича стихотворение и символ высечены в камне. У Майкла эти же стихотворение и символ были в виде свитка и ожерелья.

Но откуда у него это ожерелье? Помнится, Майкл, когда она спросила его об этом, ответил: *Мне его подарила цыганка.*

Значит, ей придется вернуться. Ей нужно вернуться. Что бы там ни делал Майкл, все началось в Косове. Эбби поставила чашку и шагнула к двери.

По крайней мере, я жива, сказала она себе, пытаясь думать беззаботно и не слышать язвительного голоса за своей спиной.

Пока что.

Приштина, Косово

Приштина раскинулась на пологих холмах, над которыми возвышается лесистый горный хребет. У их подножия денно и ночью изрыгает дым электростанция «Обилич». Между холмами раскинулся стандартного вида город эпохи социализма: кварталы приземистых домов, среди которых кое-где торчат бетонные высотные башни. Вернуться туда было все равно что облачиться в старую одежду, которая вам никогда не нравилась. Эбби села на заднее сиденье такси, которое повезло по проспекту Билла Клинтона, мимо позолоченной статуи бывшего американского президента, вскинувшего руку над местом постоянных уличных пробок. В США отношение к нему, мягко говоря, не слишком благостное, однако в Косове он оставался непререкаемым авторитетом. На каждом углу с афишных тумб смотрели суровые лица солдат НАТО, напоминая местным жителям о том, что им ничто не угрожает. Забор возле здания парламента был увешан фотографиями пропавших людей. Некоторые снимки были мутными, как будто порядком выцвели на солнце, другие — четкими. Последние, видимо, вывешены совсем недавно. Галерея призраков.

А что с теми, кто остался жив? — подумала Эбби. Что чувствуют матери, жены, дети этих людей? На фотографиях в основном были мужчины. Неужели их память выцвела, подобно фотографиям, неужели их душевная боль притупилась? Или же они выжили, невзирая на боль, стойкие и неувядающие, как те гирлянды пластиковых цветов, которыми увешан забор?

Неужели то же самое произойдет и с ее памятью о Майкле? Эбби прогнала от себя эту мысль.

Свернув налево, такси проехало мимо отеля, с крыши которого на город взидала копия статуи Свободы, мимо Дворца молодежи и Гранд-отеля. Если вам хочется увидеть символ Косове, то вот он — сорок четыре этажа ностальгии по социализму, половина из которых загорожена рекламными щитами, обещающими будущую роскошь, а вторая остается в первозданном виде вот уже пятнадцать лет.

Такси подвезло ее прямо к дому. Ключа у Эбби не было, но у Аннукки, симпатичной финки из квартиры напротив, работавшей в миссии ОБСЕ, имелся запасной.

Сегодня суббота, на часах давно за полдень. Из соседней квартиры доносилось пение. Аннукка открыла дверь одетая и с тюрбаном из полотенца на голове. По всей видимости, она куда-то собралась.

— О боже, Эбби! — финка обняла соседку и расцеловала в обе щеки.

Аннукка была так искренне рада ее видеть, что Эбби была вынуждена поднапрячься и вспомнить, действительно ли они с ней настолько дружны. Соседка всегда охотно ей помогала: поливала в ее отсутствие цветы, приветливо улыбалась, когда они встречались в коридоре. Но, возможно, этим дело не ограничивалось. Несмотря на все трудности работы на Балканах, было в пребывании в Косове нечто от летнего лагеря отдыха. Здесь быстро завязывалась дружба, люди делились друг с другом самым сокровенным. Но лето кончалось. Так же как и в летнем лагере, расставаясь, они обещали писать письма и не забывать про старых друзей. И конечно же, забывали.

Наверно, поэтому она так легко сблизилась с Майклом.

Правда, его больше нет, а я все еще помню о нем.

— Мы все переживали за тебя, — призналась Аннукка. — До нас дошли какие-то безумные истории про вас с Майклом. Даже в новостях был репортаж. Приезжали какие-то журналисты, но я им ничего не сказала. Собственно, что я могла им сказать? Seriously, скажи, с тобой все в порядке? — Аннукка посмотрела на ссадину на подбородке Эбби и опухшие губы. — Что случилось с твоим лицом?

Эбби положила руку на плечо соседки.

— Давай поговорим об этом позже, хорошо? Я только что приехала и мне нужно прийти в себя.

— Да, конечно. В любое время. Если тебе понадобится моя помощь, сразу скажи. Договорились?

Аннукка была такой искренней, а ее забота такой неподдельной, что Эбби едва сдержалась, чтобы не расплакаться.

— Я надеялась, что у тебя сохранился запасной ключ от моей квартиры.

— Да-да, был. — По лицу Аннукки промелькнула тень. — Но я отдала его полицейским. Приходили два человека из EULEX и местной полиции. Хотели осмотреть твою квартиру. Я подумала, у них что-то на тебя есть. Ключ они так и не вернули.

Эбби посмотрела на деревянную дверь, в центре которой на нее в упор смотрело циклопово око дверного глазка.

— Можешь пожить у меня, — предложила соседка, но тут же нахмурила брови. — Правда, сегодня я встречаюсь с Феликсом и, наверно, останусь у него. У нас здесь снова нет воды. Нам сказали, что ее не будет до завтра. Я могу оставить тебе ключ от своей квартиры, если хочешь.

— Не беспокойся, — заверила ее Эбби. — Я схожу в полицию и заберу свой ключ.

Она стала медленно спускаться по лестнице. Услышав, как щелкнул замок в соседской двери, она опустила на ступеньку и уткнулась лицом в ладони.

Я даже не могу попасть к себе домой! После всего того, что случилось с ней после той ночи на вилле, это показалось ей верхом несправедливости. Мир как будто повернулся к ней спиной, и ее настойчиво выпихивают в сторону выхода. Сейчас ее дом — эта холодная ступенька. Правда, дом временный. Даже когда Аннукка обняла ее, Эбби ощутила себя утопленницей, которая вот-вот соскользнет обратно в воду.

У нас здесь снова нет воды. В Приштине это было в порядке вещей.

Десять лет международного присутствия, миллиарды долларов, вбуханных в реконструкцию, но, щелкая выключателем или поворачивая водопроводный кран, никогда не знаешь, будут ли свет и вода.

Слава богу, что Англия унаследовала канализацию у викторианцев, обычно шутил Майкл. *Полагайся мы на ООН и ЕС, мы бы до сих пор бегали вокруг с ведрами и собирали бы друг с друга вшей.*

Ведро.

Эбби встала и зашагала вниз. Позади дома располагался внутренний дворик, в котором домовладелец держал мусорные баки. Здесь же к стене крепились с полдюжину спутниковых антенн. С бетонного столба змеились незаконно подключенные электрические провода. Дом был выстроен в виде буквы Н, но квартира на первом этаже присвоила себе внутреннее пространство, расширив кухню. Заглянув в окно кухни, Эбби увидела, что та пуста. Тогда она подтащила к стене мусорный бак и взобралась на него, а с бака подтянулась на крышу кухни. Мгновенно напоявила о себе рана в плече. Эбби, на мгновение перегнувшись, застыла над краем крыши, опасаясь, как бы не разошелся шов, и от боли стиснула зубы.

Я всего лишь хочу попасть к себе домой.

Приступ злости добавил ей сил. Она забралась на посыпанную гравием крышу и встала, схватившись за бок, как будто только что пробежала марафонскую дистанцию. В углу, под окном ее ванной, под спиленной водосточной трубой стояло ведро со стоячей водой. Эбби держала его там, чтобы иметь возможность смыть унитаз, когда отключали воду. Ведро когда-то стояло внутри, но она вечно забывала наполнить его заново. Когда это случилось в третий раз, Майкл, не надеясь на ее память, выставил ведро наружу.

Она так часто пользовалась ведром, что в конце концов перестала закрывать окно ванной. Майкл поддразнивал ее, мол, смотри, воры увидят и заберутся в квартиру, но Приштина, несмотря на общую репутацию Косова, была одним из самых безопасных городов в Европе.

Эбби засунула пальцы под край окна и потянула раму. Какое-то мгновение та не поддавалась, и Эбби решила, что какой-нибудь добросовестный полицейский закрыл его на щеколду. Но нет, рама просто плотно застряла из-за того, что ее давно не открывали. Небольшое усилие — и окно распахнулось. Еще несколько секунд, и Эбби стояла в своей квартире.

Возвращение в лондонскую квартиру было сродни возвращению в мир кривых зеркал. Здесь же ее потрясло то, что ничего не изменилось. Все в квартире было в том же виде, в каком она

ее оставила, когда отправилась на работу в пятницу утром, до поездки в Которскую бухту. Вымытые тарелки и чашки в сушилке. Белье, лежащее комом в барабане стиральной машины. На диване старая пожелтевшая газета. Воздух в квартире сырой и затхлый. Всё покрыто толстым слоем пыли. Эбби ощутила себя археологом, открывшим египетскую усыпальницу.

Она невольно вздрогнула. Пусть квартира нисколько не изменилась, о себе она такого сказать точно уже не могла. Теперь это место для нее чужое. Кстати, не все здесь осталось прежним. Чем дольше Эбби разглядывала комнаты, тем больше отличий находила. Комод в спальне закрыт не полностью. Фотография в книжном шкафу стоит не там, где раньше, а полкой ниже. Дверь в свободную комнату, которую она обычно держала открытой, чтобы было больше света, закрыта.

Что же они искали?

Неожиданно ей стало страшно. Это место перестало принадлежать ей, да она и сама больше не желала здесь оставаться. Эбби зашла в спальню и наскоро зачихала в сумку кое-что из одежды. Затем заглянула в платяной шкаф, чтобы достать теплое пальто. Даже это оказалось мучительным. На вешалках с юбками и блузками висела и кое-какая одежда Майкла, рубашки и брюки, которые накопились здесь за время их романа. Эбби поймала себя на том, что невольно трогает их. Трет ткань между большим и указательным пальцами, как будто пытается нащупать хотя бы крошечную частичку Майкла. Нет, она понимала, что это глупо, но все равно не могла удержаться, как не могла удержаться от слез.

Рука Эбби скользнула по карману пиджака и остановилась, нащупав под тканью в тонкую полоску что-то плотное и твердое. Засунув руку в карман, Эбби извлекла небольшую записную книжку в красной кожаной обложке и невольно улыбнулась. Записные книжки Майкла были предметом их общих шуток. Ей было известно о существовании по меньшей мере трех таких книжек. Разного размера и формы, они, казалось, вели некое независимое от хозяина существование, оказываясь то в карманах, то на письменном столе, то на полках. Каждый раз, когда нужно было сделать запись о предсто-

ящей встрече, Майкл брал ту, которая первой попадалась под руку. Как-то раз, когда Эбби упрекнула его в несобранности, он дурашливо изобразил оскорбленную невинность. *Я наполовину грек, наполовину ирландец*, сказал он. *Пунктуальность в моих генах отсутствует*. Удивительно, но она не могла припомнить случая, чтобы он пропустил хотя бы одну намеченную встречу.

Открыв находку, Эбби перелистала страницы: было любопытно заглянуть в последние недели жизни Майкла. Этой книжкой он пользовался нечасто. В основном записи представляли собой даты рутинных мероприятий, незначительных заданий. Однако две записи выделялись среди прочих. Одна была сделана за три недели до его смерти.

Левин. OMPF. Подчеркнуто три раза.

Другая запись была оставлена неделю спустя: *Джессоп, 91.*

Тишину квартиры взорвал пронзительный звонок телефона. Эбби вздрогнула, ощутив себя грабителем, застуканным на месте преступления. *Это же твоя квартира*, напомнила она себе. Тем не менее трубку поднимать не стала. Телефон продолжал звонить и трезвонил до тех пор, пока она не привыкла к его звуку. Затем вновь стало тихо. С улицы донеслось шуршание шин — это к дому подъехала чья-то машина. Эбби бросилась к окну и увидела, как на тротуаре на другой стороне улицы остановился серебристый внедорожник «Опель» с маркировкой Евросоюза. Дверь в машине открылась. Эбби тотчас поспешила пригнуться, не желая, чтобы ее заметили в окне. Откуда они узнали, что я здесь? Неужели Аннукка им позвонила?

Я сотрудник миссии Евросоюза, стою у себя в квартире в субботний день. Увы, все обстоит не совсем так. Эбби бросилась в кухню и вытащила из пустой жестянки из-под печенья запасной ключ. Кто знает, вдруг ей еще придется вернуться сюда. Затем она прошмыгнула в ванную. Неуклюже — сделать это быстрее не давали незажившие шрамы — выбралась через окно на крышу и, спрыгнув на дорожку, петлявшую между сетчатыми заборами и жилыми домами, побежала не оглядываясь.

Глава 18

Константинополь, апрель 337 года

Я сижу на корме лодки. Над Константинополем солнце клонится к закату: дворец уже погружен в тень, а вот на противоположном берегу крыши Хрисополиса горят золотом. Я пребываю в скверном расположении духа. Я зол на самого себя за то, что поддался на провокацию Севера, но мой гнев скоро пройдет. Я знаю это, потому что такое случалось со мной и раньше. Внутри меня сидит что-то более глубокое и недоброе. Я его чувствую, но не в силах до него дотянуться. Пытаюсь вникнуть в суть нашего разговора.

Если Клавдий, старший сын Константина, отправил своего начальника штаба из Трира в Константинополь, значит, он беспокоится за отца. Скажем точнее: его беспокоит порядок престолонаследия. Как доказал сам Константин тридцать лет назад в Йорке, место сына — рядом с умирающим отцом. Когда корона соскальзывает с венценосной головы, сын должен быть рядом, чтобы ее подхватить. Мне страшно думать о том, что Константин, возможно, умирает. Впрочем, когда я видел его в последний раз, он был вполне здоров. Но я многого не знаю.

У Константина есть врачи и целители, которые внимательно изучают каждую каплю его желчи или крови. У него есть рабы, которые его обслуживают.

Появись в его выделениях кровь, странные пятна на коже или если его ночами до рвоты сотрясал бы сильный кашель, об этом наверняка стало бы известно. Подобные сведения в мгновения ока доходят до тех, кто готов дорого за них заплатить.

Почему Север так интересовался Александром? Я не верю, что у него было тайное завещание Константина. Будь это так важно, Константин перевернул бы весь город вверх дном, вместо того чтобы просить меня осторожно разузнать обстоятельства, при которых был убит епископ.

Александра окутывает плотная паутина загадок и недомолвок. Я мысленно пытаюсь изучить ее нити. Симмах, закоренелый адепт старой религии, и Евсевий, верховный жрец новой.

Софист Астерий, жадно глядящий на храм, в который ему запрещено заходить. Дьякон Симеон. И вот теперь — Север и Урс.

Гонитель христиан Симмах, которому ничего не стоило убить Александра тридцать лет назад.

Астерий, предавший веру, в то время как Александр ее сохранил.

Евсевий, клирик, чьему повышению в церковном чине препятствовал Александр.

Симеон, который вечно оказывается не в том месте не в то время.

Ворон Север, ожидающий смерти и будущего.

И Александр — муха, угодившая в самый центр этой паутины, которая дергается из последних сил, видя, как к ней подкрадывается паук.

Лодка, пересекающая Босфор, — хорошее место для раздумий. Рабы старательно налегают на весла: лодка скользит по воде, но берег как будто застыл на месте и не становится ближе.

Я плохо сплю и просыпаюсь поздно. Сажу в пустом доме и просматриваю рукописи Александра, которые дал мне Симеон. Одна из них называется «Поиск истины». Что, если Симеон дал мне ее, чтобы посмеяться надо мной?

Нельзя обвенчать истину с насилием, как и справедливость с жестокостью.

Религию нужно защищать, не убивая, а умирая за нее; не жестокостью, но терпением и выносливостью; не грехом, а доброй верой.

Человечность надобно защищать, если мы хотим быть достойны имени человека.

Я откладываю книгу и сворачиваю ее в свиток. Мне не найти в ней истину, которую я желаю отыскать. Всё говорит за то, что ее автор — разумный человек, даже приятный. Так что совершенно непонятно, почему кому-то понадобилось его убить.

Религию нужно защищать, не убивая, а умирая за нее. От кого он защищал свою религию? От старого врага вроде Симмаха? От кого-то из своего же церковного круга? Или от че-

ловека вроде Севера, для которого религия и политика — две стороны одной монеты?

Увы, из могилы Александр не ответит на мои вопросы. Правда, он еще не нашел в ней последний приют. Его тело выставлено для прощания, чтобы те, кто оплакивает его, могли воздать ему последние почести. Меня охватывает нездоровое любопытство. Я не знал его в жизни. Возможно, я что-то узнаю, увидев его мертвым.

В Риме, который теперь не узнать, христиане превратили в свои церкви лавки, склады, даже частные дома. Когда Константин построил новый город, он одарил его множеством церквей, однако христианская конгрегация разрослась так быстро, что заполонила все вокруг и прибегла к старым хитростям. Церковь Святого Иоанна занимает первый этаж доходного дома близ городских стен. Раньше там находились общественные бани. Старые ванны закрыты досками. Тритона на стене лишили лица, нимф закрасили, хотя они держали в руках рыб. Кто бы ни решил, что Александр будет лежать здесь, он не хотел поощрять тех, кто станет его оплакивать.

В понедельник утром в церкви почти пусто. Я рад, что меня никто не видит. Я испытываю неловкость, без приглашения заходя в их святилище. Тело Александра лежит на носилках из слоновой кости в передней части храма. В четырех его углах горят свечи. Возле ног умершего стоит жаровня, над которой курится ладан. Покойный облачен в простое белое одеяние и лежит ногами к дверям. Его лицо накрыто белой тканью. Вспоминаю орудие, которым его убили, вспоминаю налипшие на маленький бюст кровь и волосы и невольно останавливаюсь. Раньше я спокойнее относился к таким вещам.

Приподнимаю ткань и невольно морщусь. Похоронных дел мастера постарались сделать свое дело как можно лучше, но получилось только хуже. Там, где наложили грим, на коже все равно проступают огромные кровоподтеки, а к бороде присохли капельки крови. Хуже всего досталось лбу. От удара он вдавлен внутрь. Один-единственный удар расколол череп и ра-

зорвал кожу. Видно, что на мертвеце пытались сшить лоскуты кожи, но затем отказались от этого намерения.

Двумя пальцами я осторожно оттягиваю веко. Вытекает прозрачная, похожая на слезы жидкость. Это бальзам, своего рода клей, при помощи которого веки удерживаются закрытыми. Я не могу избавиться от ощущения, будто два карих глаза удивленно смотрят на меня.

Неожиданно настает моя очередь удивляться. Я ведь давно знаю его! Знаю почти половину своей жизни! Это тот самый наставник, учитель, который на свадьбе увел мальчишку, забравшегося на брачное ложе. Во время похода в Италию он, сидя в палатке, учил того же мальчишку греческому языку, пока Константин размышлял о намерениях своего бога. Я десятки раз видел его среди домочадцев Константина, но не обращал на него внимания. Я даже не знал, как его зовут.

Если не ошибаюсь, он учил одного из моих сыновей.

Странно, как я мог забыть этого человека. Это все равно что перевернуть вверх дном весь дом в поисках потерянной монеты, а потом обнаружить, что она лежит в твоём кошельке.

От запаха ладана и бальзамирующего состава мне становится дурно. Перед глазами все плывет, мне не хватает воздуха. Оставив лицо Александра открытым, выбегаю наружу. В конце дороги я вижу площадь, а на ней высокий платан. Если я пару минут посижу в его тени, мне станет лучше.

— Гай Валерий?

Я не могу сделать вид, будто не вижу его, поскольку едва с ним не столкнулся. Я делаю шаг назад и вижу человека в церемониальном одеянии. Он улыбается слишком широко, что наводит на подозрения. Это человек, которого я встретил в саду Симмаха.

— Порфирий?

— Я пришел, чтобы отдать последние почести епископу Александру.

Он замечает мое посеревшее лицо и замолкает.

— Что с тобой?

— Мне нужно присесть.

Он подводит меня к своим носилкам. Я не ложусь на них из опасения, что у меня возникнет чувство, будто я на смертном одре, а лишь присаживаюсь на край в тени навеса. Один из рабов приносит воды из питьевого фонтанчика.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Отдаю последние почести епископу Александру.

— Ты ходил в библиотеку на встречу с ним. — Мой голос слегка дрожит, я все еще нахожусь в плену воспоминаний. — Ты хорошо его знал?

— Он помог мне постичь суть христианской веры.

Я не скрываю своего удивления.

— Я думал... что ты, как друг Симмаха...

— Аврелий Симмах — стоик, — отвечает Порфирий и криво улыбается. — Материальный мир не способен прикоснуться к его душе.

— Тридцать лет назад он был другим.

— Мы все были другими. — Его взгляд на мгновение затуманивается, теряет фокус, затем снова его обретает. — Хочешь знать правду, Валерий? Тридцать лет назад я преследовал христиан столь же рьяно, как и Симмах. Так состоялась моя первая встреча с Александром, и я бы не сказал, что она была приятной.

В паутину, которую я сплел вокруг мертвого епископа, добавлена еще одна нить.

— Что заставило тебя переменить свое мнение?

— Я узрел знак божественной истины.

Невозможно понять, шутит он или говорит серьезно. Он не перестает улыбаться. Каждое слово, которое он произносит, слегка подрагивает и перекачивается у него во рту, как будто он пробует на вкус его звуки. Я пытаюсь представить себе это улыбающееся лицо над жаровней, увидеть, как он ковыряется железом в углях.

Порфирий пожимает плечами.

— В прошлом я был проконсулом, соскользнувшим с дороги чести, и отличался огромным тщеславием. — Он бросает на меня быстрый взгляд, желая убедиться, что я его понял. — Случился скандал... Ты, наверно, слышал о нем? *Carmen et er-*

гор, стихотворение и ошибка, как некогда сказал Овидий. Не успел я понять, что, собственно, произошло, как обнаружил, что сижу в небольшом доме на краю мира, в тени Траяновой стены на Истре, печально размышляя над собственными ошибками. Я провел там десять лет. — Он вздохнул и снова пожал плечами. — Во всяком случае, я написал там много стихотворений. И встретил Александра.

— А как он оказался там?

— Из-за религиозных разногласий.

Порфирий поддает ногой лежащий на дороге камешек.

— Ты только представь себе, сколь ужасно это было, когда спустя столько лет жизнь свела вместе гонителя и его жертву. И все же мы подружились. Я понимаю, в это трудно поверить, но Александр был удивительным человеком. Я пытался сделать из него жертву, и вот теперь он стал святым. Он никогда не упоминал о том, что случилось. Я ждал, ждал долго, пока это не начало сводить меня с ума. Я размышлял над каждым его жестом, каждым произнесенным им словом. Мне казалось, что за всем этим кроется какая-то западня. Однажды я не удержался и задал ему вопрос. Я прямо спросил его, помнит ли он меня.

Голос Порфирия оборвался, но в следующее мгновение он заговорил снова.

— Он простил мне все. Нет, то не было полное неприязни прощение, какое можно услышать от друга, с которым ты дурно поступил и который как будто делает тебе одолжение. Нет, в его прощении не было ни упреков, ни нравоучений. Александр просто сказал: «я прощаю тебя», и это было все. Он больше никогда не упоминал об этом.

И посмотрите, чем это для него кончилось, злорадно говорит мой внутренний голос.

В моем сознании мелькает картинка: белое тело, лежащее на похоронных носилках. Я чувствую на пальцах бальзамирующий состав. Мне становится стыдно, и я злюсь на себя за стыд.

— Ты знаешь, что Александр написал в одной из своих книг? — спрашивает Порфирий. — *Чтобы править миром, мы должны обладать совершенной добродетелью одного, а не слабостью многих.*

— Он говорил о Константине?

— Он говорил о Боге. Но то, что истинно в Боге, служит Его творению. Слишком долго у нас было слишком много разных богов и слишком много императоров, и мы страдали из-за этого. С Константином мы имеем одного Бога, одного правителя и одну объединенную империю. Никакого разделения, никакой ненависти, никакой войны. Кто не смог бы поверить в это?

Я удивленно поднимаю брови.

— Никакой войны? А ты знаешь, что сейчас, когда мы с тобой разговариваем, Константин наращивает силы для похода против персов?

Я встаю с носилок. Мною движет гнев, который, как мне казалось, я научился подавлять.

— Хочешь знать, почему я не обратился в новую религию, когда это сделали все, от императора и до последнего посетителя бань?

Порфирий вежливо ждет моих дальнейших слов. От этого я злюсь еще больше.

— Лицемерие. Вы проповедуете мир, прощение. Вечную жизнь. А потом все заканчивается так, как случилось с Александром. Теперь он лежит в церкви на каменной плите, и глаза его склеены с помощью бальзама.

Порфирий смеется. Смеется долго. Кажется, будто он не может остановиться.

— Ты думаешь, что закончишь жизнь по-другому?

Глава 19

Приштина, Косово, наши дни

Эбби перешла железнодорожные пути, перерезавшие город в самой низкой его части, и зашагала в гору. В это раннее воскресное утро улицы были пусты: ни машин, ни играющих детей.

Над долиной повисли низкие облака, и воздух сделался молочно-белым. Ночь Эбби провела в отеле, в котором иностранцы останавливались нечасто. И каждый раз испуганно вздрагивала, когда приходил в движение расположенный рядом с

ее номером лифт. Как только ей удалось убедить себя, что все нормальные люди уже встали, она выскользнула из отеля через заднюю дверь.

Левин. ОМРФ. Так было написано в записной книжке Майкла. Управление по поиску пропавших лиц и судмедэкспертизе. Так это учреждение называлось раньше, но год назад было преобразовано в Управление судебной медицины. Впрочем, Майкл не относился к числу тех, кто обращал внимание на подобные бюрократические перетасовки. Левин, догадалась Эбби, это Шай Левин, главный судмедэксперт. Они десятки раз встречались с ним за последние годы — при разных обстоятельствах, в разных уголках земного шара. Правда, Эбби сомневалась, что он ее помнит.

Вместе с Майклом она была на вечеринке в его доме, которая состоялась в июне. Левин жил на только что отремонтированной вилле — одной из тех, что прилепились к склону горы. Здесь, на противоположной стороне от главной части города, обитали иностранные проконсулы, смотревшие сверху вниз на город, которым управляли. Чем выше вы поднимались, тем красивее становились дома и тем более импозантными были посольства.

На самой вершине холма, скрытый горным хребтом от зорких глаз дипломатов, раскинулся главный орган власти Косова: Кэмп-Филм-сити, штаб-квартира миссии НАТО, главного хранителя мира в этой беспокойной провинции. В общем, иерархия говорила сама за себя.

Эбби прошла мимо стоявших у тротуара машин с дипломатическими номерами, поднялась по лестнице к вилле и позвонила в дверь. Хотелось надеяться, что это правильный адрес.

— Чем могу вам помочь?

В дверях стоял Шай Левин — в белой рубашке навыпуск с закатанными рукавами, хлопчатобумажных брюках и босиком.

У Левина была оливкового оттенка кожа, черные кудрявые волосы и добрые темные глаза, глядя в которые невозможно догадаться о тех ужасах, которые ему приходилось видеть каждый день. Манеры вежливые и спокойные; легкий, не режущий ухо акцент. В среде сотрудников международных организаций по

оказанию гуманитарной помощи Левин считался своего рода легендой. Те, кто его не знал, часто называли его святым, на что он неизменно отвечал улыбкой и говорил, что он иудей.

— Я Эбби Кормак, — представилась она. — Из миссии Евросоюза.

Интересно, подумала она, насколько широко распространилась моя дурная слава? Впрочем, ей было достаточно всего раз посмотреть на лицо Левина, чтобы получить ответы на все свои вопросы.

— Вы были вместе с Майклом Ласкарисом, из таможни, верно? Извините... я слышал о том, что произошло.

Что еще вы слышали?

Над домом кругами пролетел серый вертолет KFOR¹, заходя на посадку в Филм-сити. Эбби шагнула ближе к двери.

— Я просматривала вещи Майкла. Насколько я понимаю, он встречался с вами незадолго до смерти.

Левин кивнул.

— Да, верно.

— Я пытаюсь выяснить, почему его убили.

По лицу Левина пробежала тень, как будто ему только что сообщили давно всем известный, но тщательно скрываемый диагноз. Он на секунду задумался, но затем распахнул дверь, впуская гостью в дом.

— Входите.

Левин провел Эбби в просторную гостиную с дорогими полированными полами и огромными, от пола до потолка, окнами, из которых открывалась панорама города. Комната Эбби понравилась сразу, и, сидя на обтянутом кожей диване, она с восхищением разглядывала ее, пока хозяин готовил чай. Даже ее, незваную гостью, комната приняла с гостеприимным спокойствием. Левин поставил две чашки с чаем на кофейный столик из красного дерева.

— Вы обращались в полицию?

— Еще нет, но обращаюсь.

¹ Kosovo Force (англ.) — международные миротворческие силы в Косове под руководством НАТО.

Лгать Левину было тяжело, словно богохульствовать в церкви. Она знала этого человека только по его репутации, но и этого было достаточно. Камбоджа, Гаити, Босния, Руанда, Ирак — везде, где мертвых грудami сваливали в безымянные могилы, Левин всегда брался за лопату, чтобы люди могли остаться людьми до конца, обретя достойное человека последнее пристанище.

— Почему Майкл хотел встретиться с вами?

— Мы подружились с ним в Боснии. Еще в 1998 году. Там один землевладелец не давал согласия проводить раскопки на его земле, хотя мы точно знали, что там место массового захоронения. Майкл добился разрешения. После этого наши пути пересекались довольно часто — в разных странах, в разных ипостасях. Мир тесен, вы знаете, как это бывает.

— О чем он хотел поговорить с вами в последний раз?

Левин заметно смутился.

— Эбби, я понимаю, что мой совет вам не понравится, но вам все-таки стоит обратиться в полицию.

— Неужели они считают, что я имею к этому какое-то отношение? Но ведь это не так, — добавила она. — В меня же стреляли.

Ей не хотелось продолжать эту тему. Но неожиданно ее посетила одна мысль.

— Скажите, полицейские разговаривали с вами?

— Мне задали всего несколько вопросов. Я ответил им, что Майкл был хорошим человеком. Я не очень близко его знал.

— Но ведь незадолго до смерти он приезжал именно к вам. — *Сколько еще раз мне придется произносить эти слова?* — Я всего лишь пытаюсь выяснить правду. Я думала, что вы поможете мне.

Левин смотрел в окно на простиравшийся внизу город. Затем отвернулся, и их взгляды пересеклись. В его глазах она прочла печаль и сочувствие.

— Майкл приехал ко мне в лабораторию. У него было кое-что, по поводу чего он хотел проконсультироваться со мной. Ему требовался профессиональный совет.

Она знала, каковы профессиональные интересы Левина.

— Труп?

— Я бы так не сказал.

— Ради всего святого! — взмолилась Эбби. — Вы занимаетесь поисками погибших людей. Даете ответы. Вы каждый день сталкиваетесь с вдовами и сиротами, которые хотят знать, что случилось с их близкими. Отнеситесь ко мне так, будто я одна из них.

— Существуют каналы, — пробормотал Левин, адресуя ответ скорее себе, чем госте. Он помешал в чашке чай и встал, как будто принял решение. — Будет проще, если я вам это покажу.

Они вместе вышли из дома, и он отвез ее в госпиталь. Даже в воскресное утро улицы были забиты транспортом.

— Скорее всего, вы не помните, но я была в Ираке одновременно с вами, Махавил. — Эбби застенчиво улыбнулась, как невзрачная девушка, разговаривающая с капитаном футбольной команды. — Мы пару раз встречались.

— Я помню. Вы были в группе расследования военных преступлений. Я слышал о вас много хорошего. Сейчас вы работаете в EULEX. Что все-таки случилось?

Этот вопрос не отличался новизной, и на него у нее имелась масса готовых ответов. *Хочется попробовать себя в чем-то новом, хочется перемен, новых горизонтов.*

Но Эбби знала, что Левин не купится на такое. Ей же не хотелось оскорблять его банальностями.

— Устала.

— Ирак?

Эбби отрицательно мотнула головой.

— С Ираком у меня проблем не было. Это была катастрофа таких масштабов, что трудно обвинять кого-то конкретного в том, что случилось. Я имею в виду тех, кто там был. На то они и политики, чтобы все испортить.

Левин ждал, что она скажет что-нибудь еще. К своему удивлению, Эбби поймала себя на том, что ей хочется добавить кое-что еще. С ним было очень легко разговаривать.

— Это произошло в Конго, — тихо произнесла она и, повернувшись к окну, посмотрела на треугольную вышку Косовского радио и хорошо одетых молодых косоваров, вышедших на

воскресную прогулку в парк. — Деревня называлась Кибала. Я находилась там, когда однажды ночью туда нагрянул отряд хуту. Это богатый полезными ископаемыми край, там много редкоземельных металлов. Банды хуту контролируют торговлю, чтобы финансировать себя.

Левин кивнул.

— Так вот, бандиты решили, что жители деревни платят им слишком маленькую дань. Представители ООН знали, что там творится, и послали туда батальон корейских миротворцев, чтобы те присматривали за порядком. Я отправилась на их базу и попросила, точнее, умоляла командира миротворцев обеспечить охрану деревни. Тот наотрез отказался и велел мне остаться у них, сказал, что возвращаться в деревню слишком опасно. — Голос Эбби дрогнул. — Эти миротворцы были прекрасно обучены и вооружены до зубов. У бандитов же были только мачете и кокаин. Миротворцы могли прогнать их за пять минут. Вместо этого они бросили деревенских жителей на произвол судьбы. Главным образом женщин и детей, потому что все мужчины работали на рудниках. Мне оставалось лишь слышать их крики.

— Дайте угадать, — произнес Левин. — Об этом никто не услышал.

— Кто-то утверждал, что причины были чисто экономические. Металлы, которые добывают в этих краях, нужны, если не ошибаюсь, в производстве мобильных телефонов. Наверно, корейцы получили приказ не прерывать цепочку поставок. — Эбби пожала плечами. — Может, да, а может, нет. Разумеется, люди стали задавать вопросы, как такое могло случиться. Но всегда найдется миллион причин ничего не делать. И совсем необязательно быть продажным, трусливым или неумелым. Просто останься в постели и закрой дверь на замок. Стоит это сделать один раз...

— ...как потом это входит в привычку, — закончил за нее Левин. — Знаю.

Он свернул направо. Эбби посмотрела в зеркало заднего обзора, чтобы убедиться, что за ними никто не следит.

— Как вам это удастся? — спросила она. — Не опускать руки и делать свое дело? В мире столько зла и как бы мы ни

пытались сдержать его, дать ему отпор, оно постоянно возникает снова. Вам это никогда не приходило в голову?

Левин продолжал смотреть за дорогой и ничего не отвечал.

— Ну, рассказывайте, — настаивала Эбби. — Я с вами своей историей поделилась.

— У меня нет истории.

— Тогда откройте вашу тайну.

— И тайн никаких нет. Просто я думаю, что... — Он уступил дорогу машине «Скорой помощи», ехавшей в сторону госпиталя. — Если не хоронить мертвых, то они будут разгуливать повсюду.

— Мы ведь с вами говорим не о призраках? — попыталась пошутить Эбби, но Левин ответил ей совершенно серьезно.

— Это вам не подростки в белых простынях, резвящиеся в хеллоуин. Но если что-то существует в сознании, оно все-таки существует, верно я говорю? — Он нахмурился, явно недовольный собственными доводами. — Если мы не хороним мертвых должным образом, без почтения к ним, они начинают преследовать нас. Вспомните мировую историю. Мы первая великая цивилизация, которая не знает, как обращаться со своими мертвецами. Для нас это всего лишь проблема логистики: главное — чтобы они не занимали слишком много места. Земля ведь очень дорого стоит, верно? Но человеческая личность существует не только в собственном теле. Часть ее растворена в каждом, кто ее знает. И не умирает вместе с телом. И если мертвых людей не хоронить должным образом, эти частички начинают преследовать вас. — Левин негромко рассмеялся. — Возможно, вы подумаете, что я рассуждаю как пьяный. Дам короткий ответ: если вы работаете с мертвыми, не обманывайте себя, не пытайтесь убедить себя в том, будто эта работа когда-нибудь закончится. Наверно, только благодаря этой мысли я и не опускаю руки.

Управление судебной медицины располагалось в приземистом коричневом здании, затерявшемся среди многочисленных строений госпитального комплекса. Эбби вылезла из машины и огляделась. Ее старый офис, штаб-квартира EULEX, распо-

лагался недалеко отсюда, по ту сторону чахлой рощицы. Даже сейчас, в воскресенье утром, оказавшись поблизости от работы, она нервно поежилась. Мимо прошло несколько врачей в белых халатах, и Эбби поспешила отвернуться. Левин это заметил, но ничего не сказал.

Он проводил ее внутрь здания, где они по лестнице спустились в подвал.

Желудок тотчас стянуло узлом. Здесь все было слишком знакомо: облупившаяся краска, выщербленная плитка на полу, запах табачного дыма и карболки, прочно въевшийся в стены. Ей тотчас вспомнилось пробуждение в Подгорице. Откуда-то из глубин госпиталя донеслось монотонное пиканье кардиомонитора, похожее на звук капающей из плохо закрытого крана воды. Или это у нее разыгралось воображение? *Если что-то существует в сознании, оно все-таки существует, верно?*

Левин открыл тяжелую металлическую дверь. В ноздри тотчас ударил сильный запах хлора, как в бассейне. По крайней мере, здесь Евросоюз заплатил за ремонт. Новенькая блестящая белая плитка, после тусклого света в коридоре яркие лампы под потолком больно резали глаза. Вдоль стены протянулись ряды металлических дверей, от которых доносится тихое гудение. Натянув на руки пару латексных перчаток, Левин открыл одну из дверей и вытащил наружу длинный лоток из нержавеющей стали. Эбби сосредоточила взгляд на стене, а затем осторожно опустила глаза ниже и только тогда увидела то, что там лежало.

Это оказалось отнюдь не то, что она ожидала увидеть. Скелет, вытянувшийся во всю длину. Кости рук вытянуты вдоль того, что раньше было туловищем. Череп пустыми глазницами смотрит в потолок.

Кости были сухими, карамельно-коричневыми от старости. Скелет скорее походил на музейный экспонат, чем на жертву военных преступлений.

— Это то, что привез вам Майкл?

Кивок вместо ответа.

— Он сказал, зачем ему это нужно?

— Он хотел знать, что я скажу по этому поводу.

— И?

— Это останки пожилого человека. По всей видимости, когда он умер, ему было лет шестьдесят-семьдесят. Ростом примерно шесть футов, хорошо сложенный. Его убили.

Эбби невольно вздрогнула. Она на мгновение представила себе останки Майкла, лежащие где-нибудь на столе морга, где патологоанатом бесстрастно описывает его убийство — очередной факт, который требуется зафиксировать в документах.

Левин этого не заметил. Наклонившись над скелетом, он указал на грудную клетку.

— Видите это? Травма от удара острым предметом. Четвертое ребро отколото, вот здесь. — Он ткнул натянутым в перчатку пальцем. — Вот линейный дефект на задней стороне ребра. Здесь лезвие рассекло попавшуюся ему на пути кость и вышло наружу.

— Что это значит?

— Вероятнее всего, его убили ударом в сердце. Судя по направлению удара — спереди. Убийца воспользовался длинным ножом или мечом.

Заметив, что Левин улыбается, Эбби опешила.

— И что в этом смешного? — не удержалась она.

— Для него ничего смешного не было. Но мы не будем открывать дела об убийстве.

— Почему? — растерянно спросила Эбби.

— Потому что он умер примерно тысячу семьсот лет назад.

Левин подошел к стене, снял перчатки и вымыл руки. Когда он повернулся к Эбби, улыбки на его лице как не бывало. Равно как и ответов в его глазах.

— Майкл привез вам скелет человека, убитого тысячу семьсот лет назад? — спросила она.

— Мне стало любопытно, и я провел общий изотопный анализ его коренных зубов и бедренных костей. Согласно химическим характеристикам, человек этот вырос в здешних краях, на территории бывшей Югославии, но жизнь провел в основном на побережье Восточного Средиземноморья. Его питание было разнообразным, так что, скорее всего, это был состоятельный человек.

Левин указал на сероватые пятна на костях рук и ног, не гладкие, а крапчатые вроде коралла.

— Видите, это регенерированные участки кости, которые нарастают на месте ран и ушибов. Этот человек прожил суровую жизнь, но всегда залечивал раны — до тех пор, пока кто-то не ударил его ножом в сердце.

Левин подошел к металлическому офисному шкафу и достал из него папку, из которой затем извлек стопку бумаг и небольшой буро-коричневый предмет в пластиковом пакетице.

— Там было еще и вот это. — Вытащив предмет, Левин положил его на стол под увеличитель. — Это пряжка от поясного ремня. Взгляните.

Эбби прищипнула глазом к окуляру. Видно было плохо — нечто размазанное, коричневато-бурое, как ковер опавших осенних листьев. Тогда она подвигала лупой вверх-вниз по штативу, пока изображение не сделалось четким. Как только она добилась резкости, стали различимы буквы, стертые и неполные, но все равно читаемые.

LEG III FELIX

— Это название римского легиона, — перевел Левин. — «Счастливым четвертым». — Поймав на себе вопросительный взгляд Эбби, он счел нужным пояснить: — Я смотрел в Интернете. Скорее всего, легион размещался на территории современного Белграда, недалеко отсюда. Если вы посмотрите на часть пряжки под надписью, то увидите легионерский гребень.

Эбби прищурилась. Ржавчина искажала изображение, но теперь она смогла различить гравировку. Тощий лев с пропорциями борзой и разметавшейся по спине гривой.

— Парни из НАТО — не первые оккупационные силы на этих землях, — сказал Левин. — Думается, этому солдату просто не повезло.

Эбби вспомнила его слова.

— Вы сказали, что его убили? Почему? Ведь если он был воином, он вполне мог получить удар мечом во время сражения?

— Вполне. Но я подумал, что шестьдесят лет — это не тот возраст, в котором люди размахивают мечом на поле боя. Кроме того, рана была слишком чистой и глубокой, из чего на-

прашивается вывод, что на нем не было доспехов. Но это всего лишь гипотеза.

Эбби перевела взгляд с пряжки на лежащий на столе скелет. Пустые глазницы черепа как будто буравили ее взглядом. Царапина на лбу почему-то показалась ей похожей на задумчивую морщину. Казалось, будто вытащенный на свет мертвец сощурился, пытаясь ее рассмотреть.

Кто ты? — мысленно спросила она.

А ты кто? — как будто спросил в ответ череп.

— Майкл говорил вам, где он нашел этот скелет?

— Сказал, что к северу отсюда, почти на самой границе с Сербией. Бандитский край. Я не стал спрашивать, с какой стати ему вздумалось поиграть там в Индиану Джонса. Подозреваю, что здесь не обошлось без высокого покровительства, потому что он приехал на «Лендкрузере» армии США. Какой-то американский солдат помог занести останки ко мне в морг.

— Как его звали?

— Он расписался в бумагах. Майкл заставил его подписать документы и добавил, что будет лучше, если его имя не будет нигде официально фигурировать.

Левин перебрал документы из папки.

— Вот, нашел. Рядовой — специалист армии США Энтони Санчес.

— Вы знаете, где его можно найти?

— Насколько мне известно, все американцы базируются под Феризаем, в Кэмп-Бондстил. — Он мгновенно понял ход ее мыслей. — У вас есть желтый значок?

Желтый значок — это пропуск на базы сил KFOR. Их выдавали лишь персоналу НАТО, но Майкл каким-то образом его себе раздобыл. Он частенько заезжал на базы, где отоваривался в военных магазинах безакцизными сигаретами и алкоголем. *Этично ли подобное для сотрудника таможни?* — спрашивала она его. Майкл лишь улыбался в ответ.

— Вы рассказывали об этом полиции? После того, как Майкла убили?

— Я показывал им эти останки, на тот случай, если это чем-то поможет расследованию. Как только я назвал им воз-

раст скелета, как они тотчас утратили всякий интерес. И посоветовали мне отправить его к неопознанным трупам. Я не стал ничего говорить им о Санчесе. Побоялся, как бы у парня не возникли неприятности.

От больничного запаха, тем более в закрытом подвале, у Эбби начала кружиться голова. Ей отчаянно захотелось выйти на воздух.

— Спасибо за все, доктор Левин. Надеюсь, что не навлеку на вас неприятностей.

— Можете не волноваться. Главное, чтобы вам не попасть ко мне на стол. Особенно если учесть те вопросы, которые задавали полицейские, когда пришли сюда...

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, что вам будет приятно узнать ответы.

— Мне это нужно.

— Я знаю. — Левин вернул папку в шкаф и закрыл его на ключ. — У вас особый взгляд. Мне слишком часто приходится его видеть.

— Какой?

— Взгляд человека, гонящегося за призраками.

Левин двумя руками затолкал лоток с костями обратно в стальную ячейку и захлопнул дверцу.

Глава 20

Константинополь, апрель 337 года

Я возвращаюсь домой. Там меня уже ждет записка.

Приходи сегодня вечером во дворец на обед.

Непонятно, что это — приглашение или приказ. Впрочем, отказываться я не намерен. Мои рабы потратили полдня на то, чтобы отыскать в чулане тогу, долго лежавшую без дела, а затем усердно начистить ее мелом, убирая пятна. После чего мы еще битый час, сыпля проклятиями, вспоминаем, как нужно собирать ее в складки, чтобы она сидела так, как следует.

Мой управляющий шепчет мне, что я выгляжу прекрасно — ну прямо как в старые добрые времена. В его голосе слышится

задумчивость. Зал девятнадцати лож — это часть дворцового комплекса в тени ипподрома. Вход в него охраняет гигантская статуя императора Константина с тремя сыновьями: кажется, будто они зоркими очами обозревают весь зал. В нише на противоположном его конце Константин и его сводная сестра Констанциана возлежат на обеденном ложе, словно пара египетских богов. От них по обеим сторонам зала, напоминая два прямых отрезка беговой дистанции на ипподроме, двумя рядами тянутся восемнадцать лож.

Именно здесь и решается судьба забегов. Чем ближе вы к императорской чете, тем выше ваши шансы на победу. Константин никогда не был любителем давать обеды, потому что не любил рангов. Сентименталист в нем не мог смотреть на то, как кто-то из гостей расстроен тем, что ему досталась ложа у входа. Прагматик, он знал цену неопределенности. Когда не знаешь, кто друг, а кто враг, поневоле начинаешь действовать осмотрительно.

Я занимаю отведенное мне место — вторая ложа с конца левой стороны зала. Мои соседи по ложе — тощий чиновник канцелярии (он набрасывается на угощения с такой жадностью, будто не ел целую неделю), сенатор из Вифинии и торговец, который может вести разговор только о мерах зерна. Я в полуха слушаю, как он беспрестанно трещит о запустении Египта, о том, будет ли в этом году разлив Нила или нет, а сам тем временем рассматриваю гостей. Среди них Евсевий, он расположился ближе к верхней части зала и о чем-то увлеченно беседует с Флавием Урсом. Интересно, и о чем только могут разговаривать между собой епископ и воин?

— Начиная с прошлого месяца цена уже подскочила на пять денариев. — С этими словами торговец впивается зубами в жаренную на вертеле куропатку. По подбородку стекает жир вперемешку с кровью. — Странно, вы не находите? Обычно весной цены на зерно падают — моря вскрываются, и начинают прибывать корабли, — торговец усмехается, как будто разрешить эту загадку по силам одному лишь Дедалу. — авгуры и шарлатаны читают будущее по внутренностям мертвых животных и полету птиц. Я же читаю его по ценам на пшеницу.

Я стараюсь ему подыграть — что еще мне остается?

— И что же ты видишь?

— А разве непонятно? — он смотрит на меня, как на неразумное дитя. — Смуту.

Наконец пир окончен. Рабы убирают кубки, тарелки и блюда. Гости встают. Начинается общение. Торговец зерном что-то бормочет и торопливо шмыгает на другую сторону зала. Мое общество наскучило ему так же, как и мне — его. Расталкивая гостей, я пробираюсь в центр зала, в надежде, что Константин заметит меня, но, увы, толпа плотно обступает меня со всех сторон. Вместо этого я подхожу к какому-то кружку, в котором идет оживленная беседа. Стоило мне встать рядом, как разговор тотчас смолкает.

— Гай Валерий Максим. — Это Евсевий, в расшитой золотом тоге, которая если и уступает в пышности чьему-то одеянию, то только императорскому. В том, как он произносит мое последнее имя, мне слышится насмешка. — Ну, так как, ты наконец нашел истину?

— Я жду, чтобы кто-нибудь меня просветил.

— Один из наших братьев во Христе был убит бюстом философа Иерокла, — поясняет Евсевий присутствующим. — Печально знаменитый гонитель сидел как раз позади него. Император поручил Гаю Валерию Максиму найти убийцу.

Те, кто стоит с ним рядом, серьезно кивают. Странное, однако, общество для епископа: префект Константинополя, префект провизий, который надзирает за раздачей хлеба, два полководца, чьи лица куда более знакомы публике, чем их имена, и Флавий Урс, командующий армией. Ничто в его лице не выдает разговора, который мы с ним вели вчера.

Затем Евсевий отходит, чтобы поговорить с парой подошедших к нему сенаторов. Похоже, здесь он знает всех и каждого из гостей. Я провожу еще несколько минут в обществе Урса и генералов — мы обсуждаем подготовку к персидскому походу, его перспективы: сможем ли мы к осени дойти до Ктесифона. *Совсем как в старые времена.*

И все-таки что-то не так. Эти люди находятся на вершине власти — по идее, уверенность в успехе должна быть в них ключом. Вместо этого они напряжены и уклончивы. Даже говоря со мной, они так и стреляют глазами по всему залу. Поначалу я принимаю это за скуку. Но нет, они не выискивают себе новых собеседников, они наблюдают и подмечают. Кто кого берет за руку. Кто улыбается. Кто хмурится. Кто кивает. Кто шутит, и кто этой шутке смеется.

Самые влиятельные люди империи, они скованы страхом. Император — колосс: если он рухнет, начнется кровопролитие, беспорядочное и страшное.

Толпа редет. Гости, под тем или иным предлогом, постепенно расходятся. Раньше так никогда не было. Я приближаюсь к передней части зала, но, похоже, Константин уже ушел — один, ни с кем не прощаясь.

Наверно, я сделаю то же самое. Не знаю, зачем Константину понадобилось меня приглашать. Вечер потрачен впустую. Я поворачиваюсь, чтобы уйти. Увы, дорогу мне преграждает евнух. Он ничего не говорит, лишь пальцем манит меня к боковой двери, которая искусно спрятана позади колонны. Я направляюсь к ней, чувствуя на себе два десятка ревнивых глаз.

После дыма, запахов и духоты обеденного зала свежий ночной воздух приятно бодрит. Евнух ведет меня через пустынный двор, в арку и вдоль аркады к какой-то двери. В скобах на стенах пылают факелы. Гвардейцы-схоларии застыли навтыжку. В своих белых одеждах они кажутся мне призраками. Евнух стучит в дверь и, услышав что-то, что не слышно мне, жестом приглашает меня войти.

Разумеется, я ожидаю увидеть Константина. Вместо этого, сидя в плетеном кресле, обернув, словно старуха, одеялом плечи, меня ждет его сестра, Констанциана. Наверно, это что-то вроде ее личных покоев, потому что повсюду разбросана одежда, а в углу валяется пара красных туфель. Над ней склонились две рабыни. Подобно рабочим, счищающим грязь со статуи, они слой за слоем соскребают с ее лица пудру и белила.

— Я слышала, что Август поручил тебе новое задание, — говорит она без всяких экивоков. Август. Вечно этот Август,

а не «Константин» или «мой брат». — Вот уж не думала, что у него найдется для тебя применение!

Она устремила взгляд на серебряное зеркало, стоящее на туалетном столике, на меня она не смотрит. Собственно говоря, она лишь наполовину сестра Константина, хотя сходства между ними и того меньше. Лицо у нее длинное, овальное и плоское. Когда-то ее считали красавицей, по крайней мере, те, кому нравятся маловыразительные, незапоминающиеся лица. Заплетенные в замысловатые косички волосы уложены в высокую прическу, которую удерживает обруч из слоновой кости. Для женщины ее возраста прическа чересчур девичья.

Вряд ли она ждет ответа на свой вопрос. И я не отвечаю ей.

— Я слышала, что Август поручил тебе расследование убийств, — продолжает она. — Надеюсь, для тебя это приятное разнообразие. Раньше ты их совершал сам.

Я кланяюсь и пытаюсь сосредоточить взгляд на фреске у нее за спиной. Три грации. Великолепие, Счастье и Веселье. Боюсь, в этой комнате их нет.

— Я привык делать то, что прикажет мне Август. Всегда.

Убирая с лица Констанцианы косметику, одна из рабынь нажимает скребком слишком сильно. Констанциана морщится, а на покрытой белилами щеке выступает красное пятно. Даже не поворачиваясь, она умело протягивает руку и отвешивает девушке пощечину.

— Я вчера видел тебя в церкви вместе с Евсевием из Никомедии, — говорю я. Но Констанциана меня как будто не слышит. Да и с какой стати ей передо мной оправдываться? — У него есть немало причин желать смерти епископа Александра, — добавляю я. — Она ему только на руку.

— Ему многое на руку, независимо от того, что происходит. Евсевий выдающийся человек, и его ждет блестящее будущее.

— При условии, что его не обвинят в убийстве.

— Ты не посмеешь.

Я вспоминаю о страже, что стоит за дверью. Если я узнал что-то такое, что ей не нравится, уйду ли я отсюда живым?

— Константин поручил мне выяснить правду, какой бы та ни была.

Я вновь рассматриваю трех граций у нее за спиной. У художника, создавшего эту картину, были странные предпочтения. Великолепие он изобразил в образе пожилой женщины с длинными седыми космами и лицом, которое, похоже, вот-вот пойдет трещинами от ее улыбки. Счастье подозрительно напоминает ту, что сейчас сидит передо мной. И лишь Веселье соответствует своему имени, правда, ее лицо явно подрисовано, причем неумелой рукой, отчего кажется, что голова ее не соприкасается с телом. Как будто ей сломали шею.

Констанциана замечает, что я отвлекся.

— Ты меня слушаешь?

— Прости, — спешу извиниться я. — Мне просто вспомнилась твоя свадьба.

Милан, февраль 313 года, двадцать пять лет назад

Заявление, которое они тогда обнародовали, звучало так:

«Когда я, Константин Август, и я, Лициний Август, к обоюдной радости встретились в Милане, и обсудив все дела, касающиеся общественного блага...»

Константин и Лициний — последняя пара императоров. Лициний, солдат с крестьянским лицом и извращенным воображением, наследовал на Востоке Галерию, в то время как Константин единолично правил Западом. Они приехали в Милан спустя шесть месяцев после победы Константина у Мульвиева моста, чтобы поделить между собой мир. Для того чтобы скрепить это партнерство, Лициний женился на сестре Константина, Констанциане. Никто даже не вспоминает о том, что последний желающий заключить брачный союз с семейством Константина теперь не более чем обезглавленный труп, брошенный на дно Тибра. Какое, однако, счастливое событие!

Констанциана сияет счастьем. Ей двадцать четыре, и она наверняка уже начала опасаться, что засиделась в девах, и не знает, найдется ли желающий взять ее в жены. В какой-то момент поговаривали, будто Константин прочил ее мне. Теперь же она сестра одного Августа и супруга другого. Самая могущественная женщина на свете, подумает кто-то.

На самом же деле она даже не самая могущественная женщина в этой комнате. Рабыни, которые сейчас причесывают Констанциану, находятся в ведении Елены, убеленной сединами матери Константина, в то время как супруга Константина, Фауста, возлежит на ложе и отпускает колкие комплименты. Как, однако, Констанциане идет прическа с зачесанными вверх волосами! Как, однако, хорошо платье скрывает ее плоскую грудь, и как приятно смотреть на зрелую невесту! Похоже, присутствие в комнате мужчин их ничуть не смущает. Мы с Криспом терпеливо ждем, когда наконец сможем сопроводить невесту к месту брачной церемонии. Эти женщины привыкли разговаривать о своих делах в присутствии детей и прислуги.

Дверь с грохотом распаивается. Есть только один человек, который может себе это позволить, разумеется, это Константин. Он быстрым взглядом окидывает трех женщин, замечает меня и Криспа в углу и тотчас цепляется за нас взглядом.

— Гай, ты мне нужен.

Констанциана, не вставая со стула, оборачивается к нему.

— Что-то не так?

— Лициний мутит воду. Он по-прежнему согласен терпеть христиан, однако требует, чтобы я отправил Криспа в Никомедию в качестве заложника.

— По-моему, его требования вполне приемлемы, — замечает Констанциана.

— Нет, — заявляет Елена тоном, не допускающим возражений.

Константин, привыкший, что последнее слово всегда остается за ним, пытается спорить с матерью.

— Где были твои принципы, когда ты отправила меня ко двору Галерия? — бросает он ей с упреком.

— То был необходимый риск, зато теперь весь мир — твой. Сейчас такой необходимости нет.

— Ты говоришь так, будто мой будущий муж — убийца, — жалуется Констанциана. — Почему бы моему племяннику не пожить с нами на востоке?

Лучше бы она промолчала. Елена подходит к Криспу и обнимает его за плечи, как будто пытается оградить его от возмож-

ных посягательств. Ему тринадцать, он быстро растет. Мальчика отличает легкий характер, у него всегда улыбка на лице. Неудивительно, что во дворце его все любят.

— Он твой единственный сын, — напоминает Елена Константину.

— Твой пока что единственный сын.

Фауста переворачивается на ложе и проводит рукой по животу. Тот уже замечен под складками платья. Мне по опыту известно: нет никого более довольного собой и более исполненного тревоги, нежели беременная императрица.

Но Елене это неинтересно. В ее глазах собственный развод никогда не был законным. Дети Констанция от второй жены — не ее дети, следовательно, дети Константина от второй жены ей не внуки, чья бы кровь ни текла в их жилах.

— Если это так нужно, я могу поехать в Никомедию, — говорит Крисп, но Константин не желает его слушать.

— Лициний просто пытается выторговать для себя выгодные условия, — говорит Константин и на минуту умолкает. — Может, предложить ему еще одну провинцию? Например, Мёзию?

— Если ты предложишь ему земли, он подумает, что ты намерен потом их у него отобрать, — говорю я. Мы с Константином обмениваемся взглядами за спиной его сестры.

— Неужели христиане для тебя так важны, что из-за них ты готов испортить мою свадьбу? — жалуется Констанциана. Рабыни тем временем продолжают делать свое дело, как будто спор их не касается. Они уже надели на невесту оранжевую фату и теперь потуже затягивают ей талию.

— Неужели так необходимо упоминать христиан? — спрашиваю я. — Почему бы не сделать заявление более расплывчатым? Объяви о религиозной свободе, не говоря ничего конкретного.

— Нет, — вновь возражает Елена. — Кто подарил тебе твои победы? Чей знак был начертан на груди твоих воинов, когда они победили Максенция?

Я перехожу через всю комнату и бросаю взгляд в окно.

— Лицинию нет дела до христиан. Ему нужны гарантии.

— Но как я их ему дам?

— Ничего ему не предлагай.

Констанциана испускает возмущенный вопль.

— Ничего сверх того, что ты уже ему дал, — продолжаю я. — Скажи ему, что это честное предложение и что просить больше — значит, вынашивать какие-то коварные замыслы.

Константин на миг задумался над моими словами.

— А если он ответит отказом?

— Сейчас он находится в твоём дворце, на твоей земле, его охраняет твоя армия. Если он сейчас откажется жениться на твоей сестре, то поставит тебя в неловкое положение.

Я не озвучиваю все возможные последствия этого шага. Не хочу оскорблять Констанциану накануне ее бракосочетания. Но она не глупа. Поскольку у нее нет армий, провинций и денег, она прибегает к единственному имеющемуся у нее оружию — слезам.

— Неужели ты один-единственный раз в жизни не можешь устроить свадьбу, не думая о том, какую выгоду ты от этого получишь? Дались тебе эти христиане! Такое впечатление, будто ты хотел бы видеть их вместе с нами на моем брачном ложе!

— Неправда, — Константин быстро подходит к сестре и заключает ее в объятия. — Это Лициний все усложняет. Но Валерий прав. Это честное предложение, и твой муж наверняка это поймет. — Он обнимает ее снова. — И не захочет тебя лишиться.

Императрицам не положено плакать. Слезы испортили Констанциане лицо. Полдюсятка рабынь тотчас бросаются к ней, чтобы исправить изъяны — вытирают потеки, наносят новый слой белил. Наконец следы слез исчезают. К тому моменту, когда они опускают фату, ее обиженное лицо вновь лучится весенним светом.

Свадебная церемония продолжается, пышная и торжественная, как и подобает жениху и невесте столь высокого положения. А спустя две недели я уезжаю на восток. Мне поручено отыскать самое удобное место, где могла бы высадиться, стать лагерем и дать сражение императорская армия.

Константинополь, апрель 337 года

— Моя свадьба, — голос Констанцианы дрожит, и от этого с ее лица осыпаются остатки пудры. — Я уже почти позабыла о ней.

— Счастливый день.

— Он позволил моему брату выкроить время на подготовку к новой войне. Мы оба это знаем — теперь. — Констанциана с сочувствием смотрит в мою сторону. — Ты знал, что Август когда-то хотел сделать меня твоей женой?

Я пытаюсь возразить, но она перебивает меня.

— Поговаривали, будто он хотел возвысить тебя до Цезаря, но тут Фауста, словно свиноматка, начала производить на свет сыновей. Ты был хорош собой и опасен. Не одна женщина во дворце плакала по ночам в подушку, обиженная тем, что ты не смотришь в ее сторону.

— Я не знал, — говорю я, и это чистая правда.

Лицо Констанцианы вновь принимает вид холодной непроницаемой маски. Дверь в прошлое захлопывается.

— Тебе известно, что на следующей неделе Август выступает в новый поход? Когда он уедет, ты будешь докладывать мне обо всем, что сумеешь выяснить.

Я иду домой один, без сопровождения. Наверно, мне стоит быть осторожным. Подходя к дверям дома, я замечаю какое-то движение. Вероятно, я пробыл во дворце слишком долго, и теперь мне всюду мерещится опасность. Делаю шаг назад, застываю на месте и вглядываюсь в темноту. Там явно кто-то есть.

— Хочешь ограбить старика? — выкрикиваю я. Как жаль, что гордость не позволила мне взять с собой посох.

Из темноты в яркий круг света, отбрасываемой светильником над дверью, выходит чья-то фигура. У меня тотчас отлегло от души. Это Симеон.

— Ты мог бы подождать меня внутри.

Похоже, эта мысль его удивляет. Неужели моя репутация столь ужасна?

— Сегодня в мою церковь зашел один человек, нет, лично я его не видел, и оставил на ступеньках небольшой сверток. Внутри оказалась записка.

С этими словами Симеон передает мне плоскую восковую табличку. Я подношу ее к свету.

Гай Валерий Максим, будь завтра в сумерках у статуи Венеры. Я могу дать тебе то, что тебе нужно.

Никакого имени, никакой подписи. Воск сухой и ломкий.

— И когда ты это нашел?

— Сегодня, во второй половине дня.

— Кто-нибудь видел человека, который это оставил?

— Похоже, никто.

Разумеется, как может быть иначе? Я отсылаю Симеона и велю ему вернуться завтра. День слишком затянулся. Прежде чем провалиться в сон, вновь вспоминаю Констанциану. Несчастливая женщина, состарившаяся до времени. Даже воспоминания не в силах подарить ей утешение.

Моя свадьба. Я уже почти забыла о ней.

Разгадаю ли я убийство, совершенное в Константинополе? Этот город полон разбитых статуй и исковерканных людских судеб. Здесь человеческие жизни рушатся, не выдержав повседневного насилия, словно камень, не выдержавший зубила. И тем не менее спроси любого, и никто ничего не вспомнит.

Глава 21

Приштина, Косово, наши дни

Стоя в переулке на другой стороне улицы, Эбби наблюдала за своим домом. За этим занятием она провела последние полчаса — высматривала глазами опасность, набиралась мужества. Все припаркованные машины были пусты, ни в одном из окон не колыхнулась занавеска. Двадцать минут назад она

видела, как из двери, перекинув через плечо сумку со спортивной формой, вышла Аннукка. Что ж, значит, в ее распоряжении около часа.

Чувствуя дрожь в коленках, она быстро пересекла улицу и вошла в дом. Не завывали никакие сирены, не скрипнули тормоза, никто не выкрикнул ее имя. Эбби взбежала по ступенькам к двери квартиры. И как только прикоснулась к дверной ручке, заметила, что из-под двери выглядывает уголок бумаги.

На какой-то миг она подумала: а не сбежать ли вниз, поймать такси до аэропорта и первым же самолетом улететь в Лондон? *Не будь душой*, приказала она себе. Если внутри кто-то есть, вряд ли он стал бы оставлять записку, чтобы возвестить о своем присутствии.

Эбби отперла дверь и переступила порог.

В квартире было пусто. Она подняла записку и развернула.

Слышал, что вы вернулись. Давайте встретимся где-нибудь в баре. Джессоп.

Далее следовал телефонный номер с кодом Косова.

Ей вспомнилась запись в ежедневнике Майкла, незадолго до его гибели: Джессоп, 91. Ей вспомнился душный кабинет в министерстве иностранных дел. Марк постоянно суется, а мужчина с суровым лицом записывал все, что она говорила. Джессоп из Воксхолла. Ей вспомнились слова, сказанные им на прощанье, когда она вышла из комнаты — уже без золотого ожерелья: *будьте осторожны*.

Эбби сложила записку и сунула ее в карман. У нее было как минимум пятьдесят вопросов, но сейчас ей не до них. Подождут. Вместо этого она направилась в спальню и, порывшись в ящике комода, нашла ключи от машины. Она положила их туда месяц назад. Машина стояла там, где она ее оставила, за углом дома рядом с мини-маркетом. Зайдя в магазин, Эбби сделала вид, будто рассматривает полки с журналами, а сама тем временем пристально следила за улицей, ожидая слежки. Но нет, никто так и не появился, и она почти убедила себя, что никто за ней не следит.

На хорошей автостраде дорога от Приштины до Феризая заняла бы не более пятнадцати минут. На шестьдесят пятом шоссе у нее на это ушел целый час. По идее, за это время Эбби могла все хорошенько обдумать, но вместо этого она только и делала, что пыталась остаться в живых. Двухполосное шоссе было главным коридором, соединявшим Косово с внешним миром. В любое время суток дорога была забита грузовиками, автобусами, автомобилями. Время от времени здесь можно было увидеть крестьянские повозки.

Все они ползли с черепашьей скоростью, и если вдруг в сплошном потоке транспорта появлялся просвет, его тотчас спешил занять какой-нибудь лихач. На мостах специальные знаки оповещали об ограничении скорости для танков — напоминание о том, что это по-прежнему оккупированная территория.

Кэмп-Бондстил, самая крупная военная база США на Балканах, расположилась среди холмов чуть ниже пика горы Люботен, более известной среди американских солдат как Дьюк. Эбби оставила машину на парковке, а сама зашагала по узкой дорожке между цепной оградой и высокими бетонными блоками. Слева по периметру лагеря тянулась высокая насыпь. Глядя на нее, Эбби почему-то подумала, что за пару тысяч лет конструкция укрепления военного лагеря совсем не изменилась.

Под проходную был приспособлен бывший склад, построенный из рифленого железа, без окон, но с рентгеновскими установками. Стены склада были выкрашены в красный цвет. Стоило Эбби переступить порог, как к ней тотчас направился латинос в коричневой форме с надписью на нарукавном значке: «Охрана». Интересно, подумала Эбби, почему самая сильная армия в мире нуждается в охране и, главное, от кого? Охранник попросил предъявить пропуск и, когда такового не нашлось, вопросительно посмотрел на нее.

— Я состою при миссии EULEX, — пояснила Эбби. — Мне нужен один из ваших солдат. Специалист Энтони Санчес.

Охранник нахмурил брови. К нему поспешил подойти высокий чернокожий сержант.

— Какая-то проблема, мэм?

Черт, все пошло наперекосяк даже раньше, чем она предполагала. Эбби поймала себя на том, что заикается.

— Нет, никакой проблемы нет. Просто мне нужно поговорить с одним вашим солдатом. Его зовут Энтони Санчес.

— Она из Департамента правосудия, — пояснил охранник.

— У него какие-то неприятности?

— Никаких.

— Вы хотите направить рапорт его командиру?

— Дело не в этом...

— У вас есть пропуск?

— Я...

— Боюсь, вам придется приехать сюда еще раз, мэм, — твердо произнес сержант. С этими словами он наскоро написал на клочке бумаги номер телефона и вручил его Эбби. — Если у вас есть какие-то жалобы, вот вам номер отдела по связям с общественностью.

— Спасибо.

Спорить было бесполезно. Вместе с толпой местных уборщиц и обслуживающего персонала, завершивших свои дневные труды, Эбби побрела вдоль дорожки назад. Сразу уезжать не хотелось. Она зашла в кафе на другой стороне дороги и заказала кофе. Сидя с чашкой в руках, она смотрела, как над долиной сгущаются тучи. Эта часть мира даст фору любому другому месту на Земле по части гроз.

А вот Майкла бы это не остановило, подумала она. Майкл силой своего обаяния выудил бы у охранника пропуск или же проник внутрь не мытьем, так катаньем — благодаря шутке или бутылке виски. Эбби прокрутила в голове разговор и поморщилась. И когда только она успела превратиться в неудачницу? Она посмотрела в окно на бетонные стены и смотровые вышки. Нет, за них просто так не прорвешься.

Она допила кофе и приняла решение. В кафе имелся телефон-автомат. Подойдя к нему, Эбби набрала номер на записке Джессопа. Тот ответил почти мгновенно.

— Рад вас слышать.

— Что вы делаете в Косове?

— Я мог бы спросить у вас то же самое.

В его голосе она не услышала ни раздражения, ни агрессии. Более того, ей послышалось нечто вроде сочувствия. Эбби подавила в себе желание ответить тем же.

— Марк тоже здесь?

— Застрял в Лондоне, — судя по голосу, это не слишком удручало ее собеседника.

— Мне нужно с вами встретиться.

— Как интересно. Мне тоже.

Они встретились в баре «91». Майкл обычно шутил, что это EULEX в миниатюре: нечто среднее между французским кафе и английским пабом, а располагался он в югославском здании, верхние этажи которого все еще зияли пустыми окнами. Война окончилась, но окна так и не застеклили. Внутри было тепло и шумно. Впрочем, Эбби предпочла бы заведение поскромнее. «91» был местным аналогом бара Рика из фильма «Касабланка»: каждый дипломат, каждый бюрократ и шпион рано или поздно бывал здесь.

Эбби узнала трех судей-немцев, которые о чем-то беседовали с шефом местной полиции. За другим столиком расположился глава штаба, который, судя по всему, заключал пари по поводу исхода футбольного матча Первой лиги с кем-то из службы пресс-секретаря.

Джессоп сидел в углу и смотрел футбол. Перед ним стояла кружка местного пива и пинта «Гиннеса» — обе нетронутые. Увидев ее, он помахал рукой, как если бы в этой встрече не было ничего удивительного, и подтолкнул к ней пиво. Эбби тотчас вспомнилась запись в дневнике Майкла. Джессоп, 91.

— Вы часто бываете здесь?

— Когда приезжаю в этот город.

— А вы слышали, что ЦРУ якобы нашпиговало это здание подслушивающей аппаратурой?

Джессоп вынул из кармана куртки диктофон и сделал задумчивое лицо.

— Значит, эта штукавина мне не понадобится.

Эбби поставила сумочку на стол и демонстративно раскрыла ее.

— Хорошо, чтобы вам не мучиться. Можете украсть, все что хотите.

Джессоп проигнорировал ее предложение.

— По идее, вы на больничном. Почему вы вернулись в Косово?

— Чтобы быть подальше от таких, как вы.

— Ну и как? Получается? — Он пристально посмотрел ей в лицо. На ее подбородке все еще был виден след, оставленный пистолетом Драговича, кровоподтек еще не прошел.

Эбби с вызовом ответила на его взгляд, но ничего не сказала. Джессоп сделал долгий глоток «Гиннеса».

— Мы показали ваше ожерелье одному специалисту из Британского музея. По его мнению, оно настоящее римское и датируется четвертым веком. Так что вещь подлинная, не фальшивка.

— Я могу получить его обратно?

— Оно в Лондоне. Если вы скажете мне правду о том, как оно попало к вам в руки, так и быть, я попрошу, чтобы его вам вернули.

Эбби посмотрела в лицо своему собеседнику. Грубоватые резкие черты, полувоенная стрижка. Нет, доверия ему нет.

— Правду я сказала вам еще в Лондоне. Мне его подарил Майкл. Он не говорил, откуда оно у него.

— Вы в курсе, что он собирал антиквариат?

Такой ход разговора Эбби не интересовал.

— Теперь моя очередь задать вопрос, — возразила она. — Зачем вы встречались с Майклом в этом баре за неделю до его смерти?

Вопрос не застал его врасплох. Что ж, на то он и профессионал.

— Это он вам сказал?

— Я нашла запись в его дневнике.

Джессоп отпил пива и вытер верхнюю губу.

— Даже не верится, что в этой дыре можно выпить приличного пива.

Эбби даже не улыбнулась.

— Зачем вы встречались с ним? — настойчиво повторила она свой вопрос.

— Ну хорошо, раз уж мы с вами так хорошо доверяем друг другу. Я работаю в отделе по борьбе с контрабандой оружием. Я встречался с Майклом, чтобы обсудить именно этот вопрос.

— Он сотрудиничал с вами?

— Он считал, что я представляю одного русского бизнесмена, который хотел ввезти в Италию партию автоматов «АК-47» украинского производства. — С этими словами Джессоп пристально посмотрел ей в глаза, явно ожидая, что она на это скажет. — Майкл согласился мне помочь.

Бар взорвался радостными криками. На телеэкране местная футбольная команда забила ответный гол. Эбби в упор посмотрела на Джессопа. Господи, если бы шум был способен изменить слова, унести назад, поглотить! Она сделала долгий глоток горьковатого пива. Ничто не изменилось.

Игра началась снова, с еще большей яростью.

— У вас есть доказательства? — спросила Эбби. — Вы притворялись, выдавали себя за другого, чтобы поймать его в западню. Что, если он делал то же самое?

— Доказательств у нас выше крыши. Мы следили за ним на протяжении нескольких месяцев.

Выражение его лица не оставляло надежды. Эбби оттолкнула стул и бросилась в туалет. Когда она спустя несколько минут вышла оттуда, глаза ее были мокрыми, щеки — красными. Джессоп сидел на прежнем месте. Пока ее не было, он даже не пригубил свою кружку.

— Что вы хотите от меня? — прошептала она. — Майкла больше нет. Кого вы преследуете теперь?

— Есть такой человек, Золтан Драгович.

— Он мне знаком.

Настала его очередь удивиться. *В точку.* Эбби испытала приятное злорадство.

— Он выследил меня в пятницу в Риме. Кстати, вы ведь, по идее, должны были следить за мной?

— Проблемы с юрисдикцией, — буркнул Джессоп. — Продолжайте.

— Его люди затолкали меня в машину и отвезли куда-то, в какое-то место вроде музея. Или его виллы в Черногории. Я думала, он меня убьет, — Эбби потрогала подбородок. — Но он ограничился вот этим.

— Что ему было нужно?

— Какое отношение он имеет к Майклу?

Джессоп вздохнул.

— Драгович — самый крупный торговец людьми, оружием и наркотиками на всех Балканах. Майкл же работал в таможенных странах с самыми прозрачными границами во всем регионе. Мне нужно еще что-то вам объяснить?

И все же в это верилось с трудом. Эбби так и сказала себе, что не верит ему. И все-таки в глубине души она понимала, что слова ее собеседника похожи на правду. Как объяснить то, что у Майкла всегда водились деньги? А его машина, а путешествия в самые экзотические уголки мира? Слишком экстравагантно даже для живущих в Приштине иностранцев. Вилла. В ее голове тотчас возникло воспоминание, возникло ярко и четко, несмотря на все ее попытки загнать его в самые темные уголки памяти.

— В ту ночь на вилле, — медленно произнесла она. — Я проснулась и вышла из спальни. Майкл был возле бассейна с человеком, который его убил, но они тогда не ссорились. Наоборот, они что-то вместе рассматривали. Он напал на Майкла, лишь когда увидел меня.

Ей вспомнился самый первый вопрос Джессопа.

— Драгович хотел узнать, как так получилось, что я осталась жива.

— Они бросили вас, потому что сочли мертвой. Впрочем, так оно почти и было.

— Нет, — Эбби двумя пальцами ущипнула кожу на лбу, стараясь отогнать головную боль, которая уже стучала изнутри. — Драгович утверждал, что там был кто-то еще. Человек, которого он послал туда, так и не вернулся, но и мертвым его тоже нигде не нашли. — Эбби подняла глаза на своего собеседника. — Или нашли?

— Полиция обнаружила только тело Майкла. Что касается второго, его вполне могло унести в море.

— Но тогда кто его убил?

Эбби опустила глаза. Она допила свое пиво, но вкуса так и не почувствовала.

— Что вам нужно от меня? — повторила она.

Джессоп потянулся через стол и взял ее руки в свои. Она попыталась отстраниться, но его хватка была крепкой, и он не отпустил ее руку.

— Посмотрите на меня.

Эбби, как упрямый ребенок, отвернулась, отказываясь посмотреть ему в глаза.

— Посмотрите на меня. Вы думаете, со смертью Майкла всё закончилось? С того вечера Драгович как будто свихнулся. Все правила полетели к чертовой матери. Он хватает вас, привозит к себе — это явно не входило в его планы. Многие из ближайших его приспешников никогда не встречались с ним лично — зачем же ему понадобились вы?

Вы когда-нибудь задумывались о том, почему до сих пор живы?

— Мы уже какое-то время подслушиваем разговоры людей Драговича. Такой активности не было давно. Во что бы там ни вляпался Майкл — это что-то из ряда вон выходящее, а не обыкновенная контрабанда, которой он регулярно занимался. Но мы, черт побери, даже понятия не имеем, что это такое.

Эбби прекратила борьбу и посмотрела на Джессопа, надеясь найти в его серых глазах сочувствие, но, увы, не нашла.

— Я тоже. Я даже не знаю, почему до сих пор жива.

— У вас что-то есть.

Эбби указала на сумку.

— Все, что у меня есть в этом мире, находится вот здесь.

— А вы подумайте. Что-то такое, что сказал вам Майкл. Что-то, что он вам дал.

— Не исключаю, что он мог что-то оставить в моей квартире.

— Мы обыскали ее довольно тщательно. — От него не скрылось мелькнувшее в ее глазах удивление. — Извините. Вас тогда дома не было.

Эбби попыталась вырвать руку, и на этот раз Джессоп ее отпустил. Однако в ее голове уже шевельнулась мысль, способ

выбраться наружу из лабиринта, который сплели вокруг нее Джессоп, Майкл и Драгович.

— Вы не могли бы провести меня в Кэмп-Бондстил?

Глава 22

Константинополь, апрель 337 года

Пыль еще одного дня постепенно оседает, а вместе с пылью садится и еще одно солнце. Лавочники закрывают ставни, кузнецы и гончары гасят на ночь огонь. За закрытыми дверями карманники разминают пальцы, убийцы точат ножи, а ревнивые жены подмешивают мужьям в вино яд.

Я стою на холме, глядя, как внизу закат растекается по морю расплавленной медью. Я застыл на часах, охраняя границу между светом и тьмой. Я не знаю, кого я ищу. Я лишь надеюсь, что узнаю его лицо. Я один. Симеон порывался пойти со мной, но я отослал его прочь. Его рассказ о записке, оставленной в церкви, не вызывает доверия, однако мне любопытно узнать, куда это может меня привести.

Статуя Венеры стоит на небольшом пятачке, где сходятся пять дорог, на южном склоне холма, откуда открывается вид на море. Обычно в этом месте толкуются жрицы любви, хотя сегодня их не так много. Наверно, их отпускаю я.

Подобно всем часовым мира, я стою, погруженный в собственные мысли. Воспоминания уносят меня прочь...

...я вижу, как в темноте скатываюсь с кровати, как натягиваю грубый шерстяной плащ, стараясь не разбудить при этом остальных. Ночь такая холодная, что мехи с водой примерзли к камням и лопнули. Это самый темный день самого темного месяца в одном из самых темных мест на земле.

Константин открывает дверь, и мы выскальзываем наружу. Крадучись, мы перебегаем на другую сторону плаца, проскакиваем мимо конюшен. В этот час мир существует в виде звуков и запахов. Дым печей, блеянье овец, которые ждут в загоне, когда за ними придет мясник. Шлепанье лошадиных

губ, когда конь выхватывает из яслей сено. Главные ворота закрыты, но в восточной башне есть сторожевой пост, и часовой наверняка спит.

И вот мы уже за стенами, хрустим подметками сапог по обледелой траве. Мы пересекли границу, вышли за самый край мира. Перебираемся через земляную насыпь, спускаемся в долину, переходим ручей и шагаем вверх по холму. У меня от холода болит голова, но это хорошая боль — чистая и незамутненная. На вершине холма стоит рощица из трех берез и куста остролиста. На востоке небо уже посветлело, но солнца еще нет. Константин останавливается, разворачивается лицом к самой светлой части горизонта и ждет. Дыхание, что вырывается у него изо рта, образует вокруг его головы нимб.

— Если Трибун обнаружит, что мы самовольно ушли из лагеря, нам грозит всю неделю простоять ночью на часах, — ворчу я. Это воспоминание откуда-то из юношеских годов, нам обоим лет по шестнадцать, не больше. — Или еще хуже. Что, если нас обнаружат местные? Что делают два римских солдата ночью за стенами гарнизона?

Константин вытаскивает меч и указывает на горизонт, затем очерчивает лезвием круг.

— Ты знаешь, в чем разница между «здесь» и «там»?

— В том, что женщины там красивее? — предполагаю я.

Теперь острое его меча указывает на форт, который едва различим на холме за нашими спинами.

— Нет, все дело в стене. Внутри нее можно ничего не бояться. Снаружи, перед ней, нет ничего, что стоило бы защищать.

— То есть тебе больше по душе стоять здесь, чувствуя, как холод пробирает до костей, и прислушиваться к теням?

Впрочем, Константин меня не слушает.

— Ты знаешь почему?

— Что почему?

— Почему империя означает мир?

— Потому что наша армия выбьет желание воевать у любого, кто посмеет на нас напасть.

— Наша сила в единообразии, — его взгляд по-прежнему устремлен на форт позади нас. — Протяженность границ им-

перии четырнадцать тысяч миль, и на каждой миле есть форт, который выглядит точно так же, что и соседний, а за их стенами люди говорят на одном и том же языке. Независимо от того, что перед тобой, — Дунай, Нил или Тайн, все едят одну и ту же пищу, слушают одни и те же песни, молятся одним и тем же богам.

Я топаю ногами, чтобы согреться. Интересно, как я объясню центуриону обмороженные пальцы? Константин поворачивается ко мне.

— Как ты считаешь, зачем мы молимся богам?

Я тру глаза. Я слишком устал, чтобы дальше поддерживать этот разговор. Черное небо над головой постепенно делается пурпурным, словно императорская мантия. Но Константин ждет от меня ответа.

— Чтобы избежать злой судьбы?

— Именно. — Похоже, я угадал ход его мыслей. — Но, по моему, мы должны ждать от наших богов большего. В конце концов, они ведь боги.

— Они завистливые, похотливые, коварные. Они готовы убивать отцов, братьев, детей, у них странная склонность к скотоложеству.

— Это старые боги, — он отмахивается от них так же, как от стариков. — Ты знаешь, был один греческий философ, я забыл его имя. Так вот, он говорил, что старые боги — это просто выдумка. Вернее, реальные люди, легенды о которых в течение поколений обрастали разного рода преувеличениями — и так до тех пор, пока люди не превратились в богов.

Я трогаю железный амулет у меня на шее, мой оберег, призванный оградить меня от темных сил.

— В последние пятьдесят лет наши властители вели себя как эти самые старые боги и едва не погубили империю. Мы же должны смотреть дальше. Нам нужно божество более высокого порядка.

— Перемены начинаются наверху.

— Старые боги — повелители тьмы. Мы должны поклоняться богу света. Единому богу единого мира. — С этими словами Константин срывает ягоду остролиста и давит ее между паль-

цами. Со стороны кажется, будто он укололся о шип. — Свет пришел в этот мир, и тьма не смогла его поглотить.

— Что это?

— Что-то, что я слышал во время мессы. — Похоже, что мысли его сейчас витают далеко. — Кем бы ты ни был в империи, ты смотришь на небо и видишь солнце, и знаешь, что оно с тобой. Греет тебе спину, помогает созреть урожаю, освещает путь. Даже в самую глухую зиму оно возвращается. Непобедимый свет.

Он поворачивается лицом к востоку и протягивает руки. На горизонте уже появилось тусклое свечение. Но пока солнце остается за горизонтом, и мир по-прежнему погружен во тьму.

Странно, почему вдруг всплыло это воспоминание? Не потому, что позже это стало важно. В «Хрониконе» Александра об этом не говорится. Но историки, которые после смерти императора вольны писать все, что им вздумается, наверняка запишут, что вклад Константина в оборону империи состоял в ослаблении ее границ. Он отвел действующую армию вглубь и сосредоточил ее там, оставив охранять границы лишь вспомогательные части и отряды местного ополчения. А поскольку приграничное население свободно перемещается туда-сюда, то примерно половина тех, кого ополченцы были призваны не пускать в пределы империи, были их родственниками.

Это все равно что оставить корпус корабля гнить, надеясь при этом, что у вас хватит ведер, чтобы вычерпать из него воду, заметил как-то раз один мой знакомый моряк-левантинец.

И все же воспоминание упорно не желает уходить. Константин наблюдает за рассветом со слезами благоговейного восторга на глазах: он полон решимости найти за горизонтом нечто лучшее, он убежден в том, что непременно туда попадет.

Я моргаю. Кто-то движется по дороге в мою сторону. Дородный мужчина, капюшон плаща натянут на голову, защищая его от вечернего ветра. Увидев меня, он на мгновение останавливается и стаскивает с головы капюшон. Теперь мне виден венчик седых волос вокруг лысины. Это Аврелий Симмах.

— Что ты здесь делаешь?

— Прогуливаюсь, — отвечает он, смерив меня пристальным взглядом. — А ты?

— Я жду одного человека.

— Все еще надеешься найти того, кто убил епископа Александра? Подозреваю, что терпение императора на исходе.

Я слушаю его вполуха. Мне не дает покоя вопрос: почему он здесь? Неужели он и есть тот, с кем я должен встретиться? Судя по его поведению, Симмах вряд ли рассчитывал меня здесь встретить.

— Ты уже говорил с христианами? — спрашивает он.

— Они сказали, что я должен поговорить с тобой. В частности, твой друг Порфирий поведал мне несколько интересных историй о гонениях.

Симмах закатывает глаза.

— Христиан хлебом не корми, дай рассказать об их собственных прошлых делишках. Им кажется, что с тех пор они стали лучше.

Я не спорю, хотя, если честно, несколько неожиданно слышать такое заявление из его уст.

— Я думал, что Порфирий твой друг.

— Он был моим гостем. Но когда доживешь до моих лет, такая фикция, как дружба, теряет смысл.

И вновь я не пытаюсь с ним спорить.

— Знаешь, во что я верю? — неожиданно спрашивает Симмах. — В Рим. Диоклетиан преследовал христиан не со зла. Он просто хотел излечить империю, надеялся покончить с размежеванием, которое стоило власти многим императорам и впустило варваров. Он думал, что если сможет объединить Рим под общей верой, то тем самым спасет империю. Константин хочет того же самого, только с другим богом. Вот и все.

И вновь мне вспомнилось то давнее зимнее утро с Константином.

— Константин верит в бога, который объединит нас всех, — соглашаюсь я. — Но он не пытается насаждать благочестие каленным железом и дыбкой.

— Ты считаешь, что это делает его более благочестивым?

С этими словами Симмах, взмахнув посохом, ковыляет дальше, кстати, довольно проворно. Пройдя шагов шесть, он оборачивается.

— Подумай об Александре, — предостерегает он меня. — Что бы там ни говорили про мир и любовь, любая религия требует кровавых жертв.

Еще шагов десять, и он исчезает из вида. Пока мы с ним говорили, я не спускал глаз со статуи за его спиной — вдруг за ней кто-то прячется? Увы, темнеет прямо на глазах, и она уже почти не видна.

Впрочем, не настолько быстро, чтобы я ничего не заметил. Из-за статуи появляется высокая, худощавая фигура, скорее тень среди других теней. Фигура тотчас останавливается и наклоняется, как будто для того, чтобы застегнуть сандалию, после чего идет дальше. Затем в темноте возникает новый силуэт. На ступенях рядом со статуей различаю очертания коробки или ящика. Быстро подхожу и беру его в руки.

Это футляр для хранения документов: обтянутый кожей ящичек с медными петлями. Я пытаюсь его поднять и от напряжения надуваю щеки. Футляр довольно увесистый. Я провожу пальцами по греческим буквам, выгравированным на ручке из слоновой кости.

Александр.

Человек, который оставил его, почти исчез между двух домов, но в конце переулка, перед небольшим алтарем, мерцают несколько ламп. На какой-то миг его силуэт маячит на их фоне, напоминая выходящего из пещеры монстра. Высокий, длинные тонкие ноги, короткая туника.

Человек поворачивает влево и пропадает из вида.

Я спешу вслед за ним, насколько мне позволяют старые ноги и тяжелый ящичек в руках. Дойдя до алтаря, я сворачиваю налево и поднимаюсь вверх по холму. По идее, сейчас должна быть глухая ночь, но на самом деле довольно светло, кажется, будто сам город сияет огнями. Но если я увижу его...

Я тороплюсь, и мои шаги гулко стучат по мостовой. Человек впереди оборачивается и видит меня. Затем пытается вырваться вперед или притворяется, будто не замечает меня. Вскоре он

снова оборачивается, видит ящичек в моих руках, и сомнения оставляют его. Он бросается в бегство.

Я же не могу идти быстрее из-за тяжелой ноши. Может, мне уронить футляр? Но с другой стороны, это вряд ли мне поможет. Потому что мне его не догнать. Человек впереди уже почти добрался до вершины холма. Когда он пересечет главную дорогу, то исчезнет в лабиринте улиц Старого города и будет потерян для меня навсегда.

Мимо меня пробегает худая фигура в белой тунике. Человек этот мне смутно знаком, хотя в темноте я не могу поручиться, что это так. Человек впереди замечает его и, похоже, впадает в панику. Он на секунду замирает на месте, затем ныряет в переулок. Увы, слишком поздно. К тому моменту, когда я подхожу туда, до меня доносится сопенье и глухие удары, как будто кто-то дерется в темноте на кулаках. Второй человек поймал первого, и теперь тот пытается сбросить его с себя, катаясь по земле. Наконец ему это удастся, и он ловко вскакивает с земли, словно пес.

Переулок кончается высокой стеной. Он схватился за верх и пытается перелезть через стену. В свою очередь я пытаюсь ухватить его за ноги. Он отбрыкивается и попадает ногой мне в лицо. Еще миг, и он уже на другой стороне. Я ощущаю во рту солоноватый привкус крови. Лицо словно окаменело от боли, но куда хуже ярость на самого себя — ведь я дал ему уйти.

— Кто он?

Это Симеон. Он поднимается с земли и потирает плечо. Я велел ему оставаться дома, но теперь уже все равно. Мне надо перелезть через стену, но сам я этого никогда не смогу сделать. Я прошу его присесть у стены и сложить руки так, чтобы приподнять меня выше. Поверхность кирпичей холодная и неровная. Я опасаясь, что стена вот-вот рухнет под моим весом, если, конечно, мои старые руки не сломаются первыми. Я карабкаюсь вверх, напоминая самому себе трепещущую плавниками рыбу.

— Может, лучше я?..

Но я уже вскарабкался на стену. Пару секунд лежу на стене, жадно хватая ртом воздух.

— Дай мне сумку.

Это единственное, что у меня есть, и я не собираюсь с ней расставаться.

Симеон передает ее мне.

— А теперь позови стражу.

Симеон кивает и бросается бегом по переулку. Я же, прижимая к себе футляр, осторожно спускаюсь вниз по ту сторону стены. Пусть при этом я оцарапал колени, зато моя ноша цела.

Я оказываюсь на стройке. В один прекрасный день здесь вырастет роскошная вилла какого-нибудь придворного, но в данный момент это лабиринт невысоких стен и неглубоких канав, которые едва различимы в темноте. Напрягаю глаза, пытаюсь разглядеть беглеца, но никого не вижу.

Единственное, что я могу разглядеть, это высокую стену, которой обнесена стройка. Впрочем, в стене наверняка должна быть калитка. Вглядываясь в темноту, я осторожно двигаюсь вдоль стены. Чем пристальнее я смотрю, тем больше привыкают мои глаза к темноте, тем более зримой делается картина. В темноте любая доска, любое бревно или недостроенная стена принимают очертания человеческой фигуры. Но если я доберусь до калитки раньше беглеца, у меня будет возможность его поймать.

Двигаясь на ощупь вдоль стены, я обхожу угол и иду дальше. Наконец моя рука нащупывает просвет, затем неотесанное дерево, петли и задвижку. Калитка. Я толкаю ее, но она не поддается. Возможно, строители, уходя, замкнули ее с той стороны.

Что ж, значит, беглец ушел не через нее. Возможно, он вновь перелез через стену, но тогда я бы его услышал. Значит, он по-прежнему внутри, как и я заперт внутри стройки, словно гладиатор на арене.

У меня в руках по-прежнему футляр для документов. Его вес оттягивает мне руку. Я отхожу от калитки и кладу свою ношу в неглубокую канаву за невысокой, всего по колено, стеной, после чего накидываю сверху землю. Искаженное страхом, мое воображение усиливает любой звук. В конце концов, я не понимаю, что собственно слышат мои уши. Возможно, я ошибся, возможно, его уже давно тут нет, я же просижу здесь

до утра в грязи и полном одиночестве. У меня больше нет сил терпеть эту гнетущую тишину.

— Ты здесь?

Нет ответа. Ночь поглотила мои слова.

— Кто ты?

Тишина.

— Это ты убил Александра?

Справа от меня раздается хруст и шуршание гальки. Наверно, он крадется где-то рядом. Осторожно выглядываю из-за стены. Ночной ветер вновь доносит до меня негромкий хруст, и мне кажется, будто я замечаю какое-то движение.

На четвереньках ползу вдоль стены. По земле разбросаны мелкие камни, которые впиваются мне в ладони и колени, но в темноте они мне не видны, и я не могу обойти их. Затем я поднимаюсь на ноги рядом с грудой кирпичей, и они лишь чудом не обрушиваются на меня.

Я уже почти догнал его. Я различаю очертания его головы над низким парапетом. Мне видно, как он вертит головой, стреляя глазами туда-сюда. Он не знает, где я.

Вскакиваю и замираю на месте. Я проиграл. Это не человек, это ведро. Оно свисает с лесов на веревке. Стоит подуть ветру, как ведро приходит в движение, а если оно раскачивается сильно, то мелкие камешки в нем начинают греметь. Именно этот звук я и слышал.

И он отлично это знал. Он все это время следил за мной. Не успел я пошевелиться, как он уже стоит позади меня. Он хватает мою руку и выворачивает ее мне за спину. Второй рукой он тянется куда-то мимо моего лица, хватая конец веревки, свисающей с лесов, и обкручивает его вокруг моей шеи. Он собрался меня задушить. Я сопротивляюсь из последних сил, но он сильнее меня. Ведро ударяется мне о грудь, и камешки внутри него гремят, словно кости скелета.

Неожиданно раздаются крики, мелькают огни. Разрытую землю освещает свет факелов. Это Симеон привел стражу. Чьи-то крепкие руки стягивают с меня противника. Веревка разматывается. Я, задыхаясь, валюсь на землю. Когда же я снова поднимаюсь на ноги, стража уже скрутила моего обидчика.

Я подхожу ближе. Мне интересно узнать, кто он. Сапоги стражников пригвоздили его к земле. Это сухопарый мужчина с коротко стриженными седыми волосами. Из носа у него сочится кровь. И все равно, несмотря на боль, на лице его застыла гордая, высокомерная усмешка.

— Это ты оставил футляр для документов у основания статуи?

— Так мне велел мой хозяин.

— Кто он?

Человек громко втягивает носом воздух, вытирает лицо, размазывая при этом кровь. Темные глаза смотрят на меня с вызовом.

Глава отряда стражников ставит ему на ладонь обутую в сапог ногу и нажимает. Раздается хруст. Человек вскрикивает. Нет, это не животный крик, полный боли. Он выкрикивает имя:

— Аврелий Симмах!

Глава 23

Косово, наши дни

— Незадолго до смерти Майкл нашел тело римлянина, которое пролежало в земле тысячу семьсот лет. Я не знаю как и где. Принести его помог американский солдат по имени Санчес.

Джессоп сидит на пассажирском сиденье. Вид у него задумчивый. Это его машина, но, прежде чем выехать из Приштины, они трижды едва не угодили в аварию — что поделать, утро понедельника! — и Эбби настояла, что за руль сядет она.

— Как вы уже наверняка заметили, Драгович помешан на Древнем Риме, — произнес Джессоп. — Это его коронная тема. Кстати, вы в курсе, что его кличка Император? Собственно говоря, его имя, Золтан, по-венгерски значит то же самое. Драгович и возомнил о себе, будто он самый настоящий цезарь. Если у Майкла были с ним какие-то дела — а они точно были — и он нашел что-то, что имело отношение к Римской империи, первый, к кому он обратился, был, естественно, Драгович.

Если у Майкла были с ним какие-то дела. Если любимый человек на поверку был непорядочной личностью, продажной марионеткой в руках самого отъявленного преступника на всех Балканах. Эта мысль отравляла душу, слишком пугала, чтобы понять ее и принять. Нет, лучше об этом не думать, запереть ее в стеклянной банке и обращаться предельно осторожно, чтобы она, не дай бог, не разбилась и яд не вытек наружу.

— Я была в двух домах Драговича, — призналась Эбби. Еще один ужасный факт ее биографии. — У него больше произведений римского искусства, чем в Британском музее. Что такого мог найти Майкл, чтобы Драгович решил во что бы то ни стало заполучить это себе?

— По словам нашего консультанта, ожерелье, которое мы нашли, возможно, относится к временам правления Константина Великого, это самое начало четвертого века. Слышали о таком?

— М-м-м...

Ему ничего не известно про манускрипт из Трира, подумала Эбби. У нее при себе был выполненный Грубером перевод. Сложенный вчетверо, он лежал в кармане джинсов, но она предпочла умолчать об этом. Пока Джессоп не разобрался с ожерельем, она не станет рассказывать ему про манускрипт. Разве только в самом крайнем случае.

— Вы говорите, что Драговичу не слишком нужны новые произведения искусства. Или даже деньги. — Джессоп посмотрел из окна на свалки и строительные дворы, что возникали вдоль дороги. — Но что бы там ни нашел Майкл, эта вещь наверняка имеет немалую ценность, раз из-за нее Драгович развил такую бурную деятельность.

На ветровое стекло вновь упали капли дождя, и Эбби включила «дворники».

— Может, Санчес знает, что это такое?

К тому времени, когда Эбби и Джессоп подъехали к парковке рядом с американской базой, дождь уже лил вовсю. Выйдя из машины, они бросились бегом по дорожке между бетонными стенами и колючей проволокой. Противотанковые заграждения

торчали из земли, подобно зубам дракона. Пока они бежали до КПП, то успели промокнуть до последней нитки.

Сегодня в будке дежурила другая смена охранников. Ни один из них не узнал Эбби. Когда Джессоп протянул им документы, они отнеслись к этому спокойно. За КПП их встретил капитан в куртке с высоким воротником и подвел к зеленому внедорожнику.

— Вы хотите встретиться со специалистом Санчесом?

— Он нас не ждет, — ответил Джессоп.

— Санчес в данный момент находится в Южном городке. Я вас туда подвезу.

Эбби села на заднее сиденье и, пока они ехали по широкой, укатанной грунтовой дороге, смотрела в окно. Куда бы ни падал ее взгляд, везде было одно и то же: холмы, ровные ряды машин, аккуратные ряды домиков и прямые дороги между ними.

Несмотря на внушительные размеры базы, было в ней нечто гнетущее. Они несколько минут ехали мимо рядов коричневых домиков, и за это время им не встретилось ни единой души. Здесь не было ни танков, ни бронетранспортеров. Большая часть машин — гражданские внедорожники, как и тот, в котором сидели они сами. На каком-то отрезке пути им попались временные брезентовые ангары для вертолетов, которые довольно странно выглядели на фоне прочерченного прямыми линиями пейзажа.

— А правда, что здесь есть даже «Бургер Кинг»? — поинтересовался Джессоп у капитана.

— И «Тако Белл». Правда, я здесь уже почти год, но ни разу не ел ни в том, ни в другом, — капитан рассмеялся. — Совсем как дома.

— Дома это где?

— В Северной Дакоте.

Даже если капитан и был недоволен тем, что его забросили на другой конец света, в страну размером в половину средней фермы в его родном штате, чтобы поддерживать здесь порядок, он этого никак не показал. Эбби же подумала про Рим. Интересно, как там было в последние дни, когда империя дышала на ладан?

Горстка солдат, оторванных от дома, нашла убежище за стенами крепости, построенной в лучшие времена? Или же граница была тогда такой же, как и сейчас: унылая местность, где за каждым кустом прячутся варвары и где вечно льет дождь?

Капитан припарковал внедорожник на обочине, после чего повел их к веранде, протянувшейся вдоль тесно лепившихся друг к другу жилых домиков. Здесь он постучал в дверь, и они вошли.

Сидя на деревянной койке перед метровым телевизором, поставленным на металлический стул, специалист Энтони Санчес играл в видеоигру. Высокий, широкоплечий, в футболке цвета хаки, плотно обтягивающей его накачанные стальные бицепсы. Услышав, что дверь открылась, он оглянулся. На экране гоночная машина слетела с дороги и взорвалась огненным шаром.

— Теперь понятно, почему мне велели, чтобы сегодня я никуда не уходил. — Поля его шляпы были надвинуты низко, закрывая глаза. Голос с хрипотцой. А вот черты лица удивительно тонкие для крупного, мускулистого тела.

— Я подожду в машине, — сказал капитан.

Санчес выключил телевизор. Экран погас. В комнате тотчас стало темно, а ее хозяин сделался почти невидимым. Потянувшись к койке напротив, он сбросил с нее коробку из-под пиццы.

— Извините, но у нас тут никаких угощений к чаю. Да и самого чая тоже нет.

Джессоп сел.

— Расскажите нам про Майкла Ласкариса.

Шляпа повернулась от Эбби к Джессопу, затем уставилась в пол.

— Что, собственно, вас интересует?

— Вы вместе с ним принесли в морг мертвое тело, — ответила Эбби. — На документе стоит ваша подпись.

Шляпа даже не пошевелилась. Было слышно, как по крыше домика стучит дождь. Затем с губ Санчеса сорвался долгий свистящий звук — не то ругательство, не то просто выдох.

— Я уже давно не видел мистера Ласкариса.

— Он мертв, — ответил Джессоп.

— Я не слежу за новостями. — Санчес принялся машинально вертеть в руках джойстик от приставки.

— Расскажите, как вы с ним познакомились, — попросила Эбби.

— В баре.

— Что ж, неплохое место.

— Он разыскал меня здесь, на базе. И хотя Майкл был гражданским, похоже, он знал тут все ходы и выходы. Купил мне пару кружек пива. Сначала мы поболтали, а потом он сказал, что читал рапорт, который я передал начальству от наших ребят из СНМ

— СНМ? — переспросил Джессоп

— Службы наблюдения и мониторинга. Мое подразделение. Группами по три человека мы ездим по деревням на джипах и разговариваем с местным населением, после чего докладываем результаты бесед командованию. Что-то вроде наведения мостов.

— И о чем же был ваш рапорт?

— Мы с ребятами были в одной махалле, к северу отсюда.

— Где-где?

— В махалле. Ну, это что-то вроде деревни. В общем, стоим мы там, разговариваем с местными, и тут подъезжает к нам какой-то фермер на «косовском харлее». — По глазам Эбби и Джессопа было видно, что собеседники его не поняли. — Ну вы их наверняка видели. Они берут садовый культиватор, вместо лопастей надевают колеса, затем цепляют к нему тачку, и получается что-то вроде пикапа. Мы называем это «косовским харлеем».

— Все, я поняла, — сказала Эбби. На лице Джессопа по-прежнему читалось недоумение.

— Так вот, этот парень заявил, что, по его подозрению, у соседа на участке спрятано оружие. Он же законопослушный гражданин и ставит нас об этом в известность. На самом деле он, скорее всего, положил глаз на этот участок, но какое мне до этого дело? В общем, мы поехали туда, чтобы посмотреть, что и как. И действительно, в земле дыра, а под ней пещера, в которой спрятана пара проржавевших «калашниковых» и несколько пистолетов. Оно, конечно, серьезно, но не настолько.

Зато стоило нам посветить по пещере фонариками, как дело приняло совсем иной оборот. Потому что была это не пещера, а что-то вроде старинной гробницы. На стенах какие-то древние росписи, а посередине огромный каменный гроб.

Дождь застучал по крыше с удвоенной силой. Теперь Санчес был не более чем смутным силуэтом на фоне зарешеченного окна.

— И в гробу вы обнаружили тело?

— Нет. Мы были на задании. Мы нашли оружие и позвали полицейских, чтобы те арестовали владельца участка. Те приставили к пещере часовых, а мы вернулись домой. Это, в принципе, был не наш сектор, мы приписаны к Восточной Боевой Группе, а это было к северу от нас. Мы просто действовали из лучших побуждений. Так сказать, демонстрировали добрую волю.

Интересно, добрую волю по отношению к кому, подумала про себя Эбби.

— Я написал рапорт, а через неделю в баре появляется мистер Ласкарис и спрашивает меня, нельзя ли взглянуть на это место. Почему нет, отвечаю я, но только не во время дежурства. Потому что я могу ездить только туда, куда меня пошлют. Спустя два дня мне звонит штабной сержант и говорит, что мне поручено сопровождать гражданское лицо во время поездки по сбору фактов. По его голосу я понял, что ему это ни с какого бока не нужно, что у него из-за этого летит к чертям собачьим весь график, но Майкл из тех, кто не отступится, пока не добьется своего.

Вот это уж точно.

— Мы поехали на север, в сторону Митровицы. К пещере. Как я уже сказал, охранять ее поставили ребят из боевой группы «Север». Какого-то норвежца. Но у Майкла при себе оказались нужные бумажки, и нас, не говоря ни слова, пропустили. В общем, мы пошли туда, вооружившись ломиками и молотками. Майкл указал на гроб и говорит: «Давай его вскроем».

Дождь слегка утих. Теперь тишину нарушал лишь стук капель, падавших с крыши домика.

— До того как попасть сюда, я дважды оттрубил в Ираке. И много чего насмотрелся. Но тут даже меня пробрал страх. Было темно, как в заднице. В голову тотчас полезло проклятье Тутанхамона и прочая хрень с телеканала «История». Крышка была неподъемная. Я едва не лишился двух пальцев, поднимая ее. Я уж молчу про то, что оказалось внутри.

— Скелет, — сказала Эбби. Ей вспомнились пустые глазницы, желтые, словно восковые кости на стальной поверхности прозекторского стола.

Санчес поднял голову и кинул взгляд в ее сторону.

— Значит, вы его тоже видели. Мы завернули его в брезент и вынесли наружу, мимо часовых. Майкл хотел захватить с собой и крышку, но как бы мы ее дотащили, ведь руки у нас уже были заняты. Тогда он сфотографировал картинки на стенах и еще вазу...

— Что-что? Какую вазу?

— Вазу, — он произнес это слово на американский манер, слегка врасстяжку. — Ну, такую глиняную бутыл, размером с литровую бутылку виски. Она лежала внутри гроба вместе с мертвецом. Ее горлышко было запечатано воском или типа того.

— Майкл ее вскрывал?

— При мне нет. Мы вышли оттуда довольно быстро. У норвежца была рация, и Майкл явно хотел как можно быстрее оттуда смыться. В общем, мы положили тело в багажник и уехали. Как порядочные парни.

Санчес снял с головы шляпу и принялся комкать ее в руках. Эбби впервые разглядела его глаза — две светлые точки на фоне темноты.

— Вот так все и было. Я делал лишь то, что мне было велено. И не заморачивался по поводу того, чем это кончится.

Отлично тебя понимаю, подумала Эбби. Мы с тобой, так сказать, в одной лодке.

— Майкл каким-то образом намекнул, почему его заинтересовала эта находка? — спросил Джессоп.

— Он все время грузил меня разными разговорами, хотя и не сказал ничего конкретного. Ну вы меня понимаете. Я спро-

сил его, что все это значит, и он ответил, что это, мол, рутинная процедура.

— И вы, разумеется, не поверили?

— Нет, конечно, но какая разница? Ведь это же не противоречит Женевской конвенции, отвезти тело в морг, особенно если мертвецу вот уже несколько сотен лет. Как я уже сказал, я делал то, что мне было велено. Какой-то древнеримский жмурик — это не мои проблемы.

Эбби резко подняла глаза.

— А с чего вы взяли, что он древнеримский? Это Майкл вам так сказал?

— Может быть, точно не помню. Но я католик. И побывал не в одном десятке церквей. Я сразу понял, что надпись сделана на латыни.

— Какая надпись?

— Та, что на гробе.

Глава 24

Константинополь, апрель 337 года

Где-то в стенах дворца пытаются человека. Этого не должно быть. Закон запрещает пытки. Нельзя пытать даже раба. Единственное исключение — это измена. Разумеется, закон вещь гибкая, а в измене можно обвинить кого угодно. Если у вас есть власть, закон можно переписать, но даже на это нужно время. Кто-то должен был найти среди ночи законника, чтобы тот обосновал исключение, затем найти в канцелярии нужных писцов, чтобы те поставили печати — и все до того, как будут затянуты первые винты.

Кто-то явно отнесся к этому делу серьезно.

Я должен быть там и делать заметки. Вместо этого я собрал все лампы, какие только смог найти, и закрылся в какой-то кладовке с ящичком для документов. Я плохо понимаю, что, собственно, произошло сегодня вечером, но на своем веку я не смотрелся беззакония всех сортов и узнаю его по запаху. Кроме того, меня не отпускает мысль, что многие из вопросов, что

сейчас задаются в застенке, касаются бумаг, оказавшихся в моих руках. Вскоре кто-нибудь наверняка вспомнит про футляр, который я принес во дворец.

А работа движется ох как медленно! Все бумаги разных размеров, написаны разными чернилами и разными почерками, главным образом по-гречески, хотя есть и записи на латыни. Я в первую очередь обращаю внимание на них, хотя, признаюсь, читать их довольно трудно, особенно когда не знаешь, что, собственно, ищешь. Некоторые из бумаг — меморандумы из императорских архивов, другие — скорее выдержки из книг. Мне никак не удается понять, что их объединяет.

Первая бумага:

Императору Константину Августу от Цезаря Криспа.

Сильная буря замедлила наши приготовления и уничтожила три корабля, однако в целом флот готов и выйдет в плаванье завтра.

Другая: стихотворение.

Чтобы достичь живых, плыви средь мертвых.

Третья:

XII/II. Я пишу это в знак глубокого соболезнования по поводу смерти твоего внука.

Я чихаю, и бумаги разлетаются с моего импровизированного стола. Кладовка полна пыли. Несколько резных каменных панелей, каждая весом с доброго коня, стоят, приставленные к стене, ожидая, когда ими наконец украсят один из новых памятников Константину. Мои ноги упираются в мраморных воинов, застывших в самой гуще кровавой битвы.

Беру в руки другой фрагмент. Лампы шипят, готовые того и гляди погаснуть. Глаза мои устали. Я отвык от чтения. Неожиданно с одной страницы на меня смотрит мое собственное имя.

Даровано приказом Августа Гаю Валерию Максиму: предоставьте ему все ресурсы императорской почты, какими рас-

*полагаете, и дайте ему все, о чем он вас попросит, дабы уско-
рить его путь до Пулы.*

Под документом дата, но мне не нужно на нее смотреть. Неожиданно свет меркнет. Не иначе, как это потухла одна из ламп. Я кладу бумагу и тяжело наваливаюсь спиной на мраморную плиту.

Интересно, зачем Александру все это понадобилось?

Внезапно дверь распахивается настежь. В кладовку врывается поток воздуха. Листки взлетают. Один из них приземляется рядом с лампой и вспыхивает. Я пытаюсь его погасить, но мои движения медленны и неуклюжи. Кто-то вбегает внутрь, бросает листок на пол и топчет, желая погасить огонь, прежде чем загорится целый ворох бумаг.

— Они хотят тебя видеть.

Он собирает бумаги и сует их в футляр. Когда мы встретились, мне ничего не стоило обвинить его в убийстве. Теперь же мне ничего не остается, как покорно плестись за ним следом. В коридоре к нам присоединяются два гвардейца-схолярия. Сначала мы шагаем темными пустыми коридорами, где нарисованные на стенах фигуры кажутся тенями на золотом фоне. Затем проходим через усаженные деревьями дворики, где рабы подметают опавшие за день цветы и листья, и наконец оказываемся в зале аудиенций, где четыре дня назад Константин приказал мне найти убийцу Александра.

На этот раз это настоящая аудиенция. Евсевий, облаченный, несмотря на поздний час, в расшитую золотом мантию. Флавий Урс в полной форме, сверкает нагрудной пластиной. Преторианский префект Аблабий и два консула, Фелициан и Титиан. И, разумеется, сам Константин, восседающий на троне из слоновой кости, с головы до ног усыпанный драгоценными камнями и золотом, отчего из-под украшений почти не виден он сам. С венца на лицо свисают жемчужные нити, отчего кажется, будто по его щекам катятся слезы.

И пусть в зале собрались самые влиятельные фигуры империи, есть в этом полуночном собрании нечто тайное, заговорщическое. Массивная люстра под потолком отбрасывает яркий

круг света, но дальние углы огромного зала остаются в темноте. В ней таится упрек.

— Гай Валерий Максим, — в кои-то веки Евсевий приветствует меня без насмешки в голосе. — Ты прекрасно справился с возложенным на тебя поручением. Август был прав, когда доверил его тебе.

Не успеваю я ответить на этот лицемерный комплимент, как дверь распахивается снова. Четыре стражника вводят в зал Симмаха. С того момента, как я несколько часов назад видел его в последний раз, он успел переодеться в тогу с пурпурной каймой. Но видно, что делал это он второпях. Один конец тоги выскользнул, и теперь вся она вот-вот соскользнет с его плеч. Волосы всклокочены и торчат во все стороны, как шерсть на паршивой собаке.

Евсевий делает несколько шагов вперед. Он явно возложил на себя роль обвинителя.

— Аврелий Симмах, ты обвиняешься в убийстве самого благочестивого и праведного архиепископа Александра из Кирены.

Симмаху явно никто ничего не сказал. Впрочем, он наверняка догадался сам. Он хватается за свой посох, как утопающий за щепку во время бури.

— В тот день ты был в библиотеке.

Симмах кивает.

— Ты знал, что Александр тоже там находится.

Поначалу похоже, что Симмах станет это отрицать, но, видимо, он передумал. Старик не собирается облегчать Евсевию его работу.

— Сегодня вечером ты отправился на прогулку мимо статуи Венеры. Гай Валерий Максим видел тебя там.

Никто не просит меня подтвердить это, но Симмаху, похоже, есть что сказать.

— Я прогуливаюсь там каждый вечер. Любой, кто меня знает, нашел бы меня там.

Симеон по-прежнему держит в руках ящичек с документами. Евсевий берет его у него из рук и поднимает, чтобы его все увидели. Что-то меняется в лице Симмаха, хотя я и не берусь

утверждать, что он узнал эту вещь. Наверно, я настроен чересчур великодушно. Мне хочется верить, что Симмах невиновен.

— Ты видел его раньше?

Симмах поправляет тогу, которая того гляди соскользнет с его костлявых плеч.

— Нет.

— Футляр принадлежал архиепископу Александру. Сегодня вечером, после того как ты повстречался с Валерием, твой раб избавился от него и был схвачен на месте преступления.

— Он лжет.

— Он признался под пытками, что выполнял твой приказ.

— Возможно, его не следовало пытаться.

Симмах редко позволяет себе дерзости, но эта явно не пошла ему на пользу.

— Где были твои принципы, когда христиане находились в твоей власти? — бросает ему, брызжа слюной, Евсевий. Лицо его пылает жаждой мести. — Ты ненавидел христиан, ты преследовал их, а ведь когда Август Константин разбил главных их гонителей, Галерия и Лициния, он обошелся с тобой великодушно. Но когда в тот день в библиотеке ты увидел Александра из Кирены, ненависть взяла в твоей душе верх. Ты забил его до смерти, используя в качестве орудия убийства бюст твоего фальшивого идола Иерокла.

Симмах молча слушает его обвинения. Он ничего не отрицает, не бросается на колени, не цепляется за ноги императора. Он пришел на это тайное ночное судилище не для того, чтобы доказывать свою невиновность. Когда Евсевий наконец умолкает, он лишь качает головой и говорит: «Нет».

— Ты сделал этого потому, что он христианин. Ты так и не простил ему, что он бросил тебе вызов в твоём собственном застенке, что он победил тебя. И ты ненавидел его за это.

— Я уважал его мужество. Если я кого и презирал, так это людей малодушных. Таких как... — Симмах на минуту умолкает, подыскивая имя, — как Астерий.

— Довольно! — похоже, Евсевий не ожидал от него такого мужества. И наверняка вспомнил об изуродованных руках своего друга, пожизненной каре, которая настигла Астерия за

то, что тот предал свою веру. Евсевий шумно набирает полную грудь воздуха и поворачивается к Константину:

— Господин и повелитель, других свидетелей трагической смерти Александра нет. Единственный свидетель — это сам убийца. — Он выбрасывает руку в сторону Симмаха. — Этот человек, он убил епископа самым жестоким, самым варварским способом. Он украл его бумаги. Кто скажет зачем? Наверно, он решил, что они ему пригодятся. Что он сможет использовать то, что стало известно Александру, против самой церкви. Но как только сеть Августа замкнулась вокруг него, как только Гай Валерий начал поиски убийцы, он запаниковал. Ему стало страшно, что футляр найдут у него. И он велел рабу от него избавиться.

— Ложь.

Голова у меня идет кругом, когда я слушаю, как мою собственную историю переписывают прямо у меня на глазах. Я смотрю на Константина. Его лицо превратилось в непроницаемую маску. Однако он замечает мой взгляд и слегка поворачивает голову в мою сторону.

Тебе просто нужен виновник, или ты действительно хочешь, чтобы я нашел настоящего убийцу?

Я не верю ни единому слову этой истории. Если Симмах действительно хотел избавиться от документов, не проще ли было выбросить их в море или сжечь? Зачем посылать раба к статуе именно тогда, когда он сам в это время совершал вечернюю прогулку? Кто-то явно вознамерился свалить вину за свои темные дела на Симмаха. Единственный вопрос — кто?

Константин по-прежнему смотрит на меня. Как и Симмах. Может, у меня еще есть шанс спасти его? Последние пять дней я провел, занимаясь расследованием убийства, и вот теперь, неожиданно для себя оказавшись на этом скороспелом судилище, я даже не знаю, что сказать. В пьесе, что разыгрывается у меня на глазах, у меня нет ни единой реплики. Я лишь декорация, безмолвный инструмент, который целиком и полностью в руках других. В этом отношении я ничуть не отличаюсь от Симмаха.

Императорский взгляд скользит дальше. Симмах отворачивается. Последняя его надежда угасла. Презрение на его лице предназначено мне.

Константин смотрит с трона вниз и произносит одно-единственное слово:

— *Deportatio.*

Что значит, изгнание. Симмаха лишат собственности, гражданства, семьи и всех прав. В юридическом плане он перестанет существовать.

Симмах закрывает глаза. Его бьет дрожь, единственное, что заставляет его стоять, расправив плечи, — это гордость. Я помню слова, сказанные в его адрес Порфирием. «Он стоик. Материальный мир не способен затронуть его душу». Впрочем, вряд ли его философия чем-то поможет ему в данный момент.

— А как же футляр, Август? — спрашивает Евсевий.

— Сожгите его.

Стражники уводят Симмаха. Константин спускается с трона и исчезает в боковой двери. Комедия окончена, я им больше не нужен. Никто даже не пытается меня остановить. Оказавшись за дверью, я бегу дворцовыми коридорами, вслед тяжелому топоту ног стражников. Я догоняю их в вестибюле рядом с северными воротами.

— Ну как, пришел отпраздновать свой успех? — голос Симмаха звучит глухо.

— Я здесь ни при чем.

— Я здесь ни при чем, — передразнивает он меня высоким фальцетом. — Я тоже здесь ни при чем. Я не имею отношения к убийству Александра, и тем не менее кто я теперь?

— Прости.

Он морщится. У него почти ничего не осталось. Так что даже мое сочувствие уже что-то для него значит.

— Константин разумный человек, — говорю я. — Через несколько месяцев он призовет тебя назад.

— Через несколько месяцев мы все будем мертвы. Скажи себе что-то другое, и ты солжешь. Сначала они меня отправят в изгнание, затем подошлют наемных убийц.

Он вытирает лоб и смотрит на меня. Его взгляд полон ненависти.

— Ты сам знаешь, как это делается.

Глава 25

Косово, наши дни

Они выехали из Кэмп-Бондстил и по шоссе покатали на север в направлении Приштины. Открывавшийся из окна вид вызывал у Эбби тошноту. Джессоп хотел, чтобы Санчес поехал вместе с ними, однако командир наотрез отказался дать ему увольнительную. Единственное, чем смог разжиться Джессоп, это армейской картой, на которой Санчес пометил место, где они обнаружили гробницу.

Дождь потоками стекал по ветровому стеклу. Крытые брезентом грузовики, что ехали впереди, то и дело заносило из стороны в сторону. Эбби вытащила из кармана сигарету и стала рыться в бардачке в поисках прикуривателя. Розетка, увы, была пуста.

— Теперь это называют гнездом питания, — сказал Джессоп и усмехнулся. После чего вытащил из кармана пластмассовую зажигалку и поднес ее Эбби, чтобы она прикурила.

— Спасибо, — ответила Эбби и похлопала себя по карману. — Вам тоже дать?

— Я бросил.

Эбби посмотрела на него и увидела, что он улыбается.

— Тогда зачем вам нужна зажигалка?

— На всякий случай, — улыбнулся Джессоп.

Митровица оказалась небольшим, запущенным городком, втиснутым между двух рек. Во время войны здесь происходили самые жуткие зверства, и теперь городок был поделен на две половины. Французские солдаты охраняли мосты, минареты и колокольни, что высились над плоским, одноэтажным городом. Эбби надеялась объехать это место, но главная дорога оказалась закрыта на ремонт. В результате им пришлось

ехать по эстакаде через широкую пойму реки, берега которой были усеяны ржавыми остовами автомобилей. На другом берегу какая-то фабрика изрыгала в небо дым и копоть.

Пока Эбби крутила руль, Джессоп щелкал кнопками телефона.

— Какой же вы шпион? — пошутила она. — По идее, вы должны хотя бы следить, в какую сторону мы едем.

— Я как раз об этом читаю. Похоже, что в свое время римляне обосновались здесь надолго и всерьез. Здесь добывали свинец и серебро. Отсюда до Ниша всего восемьдесят миль.

— И это хорошо?

— Именно в Нише родился император Константин. Или вы забыли, что я сказал вам? Символ на вашем ожерелье — это его монограмма.

Эбби слегка ссутулилась на сиденье. Она так пока и не сказала Джессопу про свиток из Трира. В кармане у нее лежал сделанный Грубером перевод. Но, похоже, подходящий момент был упущен.

— И что? Вы считаете, что это гробница Константина?

Джессоп вновь защелкал кнопками.

— Здесь говорится, что Константин был похоронен в Стамбуле, в церкви Святых Апостолов, если быть точным. — Он опустил телефон и вздохнул: — Ну, я не знаю.

Эбби включила радио и сосредоточилась на дороге. Она не сомневалась, что Джессоп наблюдает за ней, и внутренне напряглась. *Как бы дружески он ни держал себя с ней, все равно этот человек — шпион*, напомнила она себе.

К северу от Митровицы машин на дороге стало меньше. Джессоп отложил телефон и уставился в окно. Они ехали по речной долине. Вскоре зеленые поля уступили место густо поросшим лесом холмам, а вдалеке замаячили горы. По обеим сторонам дороги, напоминая пчелиные ульи, нескончаемой вереницей тянулись высокие стога сена.

Вид у Джессопа был озадаченный.

— Странно, указатели здесь другие, — произнес он. — Это по-сербски?

— В этих краях у них что-то вроде параллельного сербского государства. В некоторых лавках принимают лишь сербские деньги.

Джессоп удивленно покачал головой.

— Вся эта так называемая страна по размерам не больше графства Сомерсет. Так они пытаются разделить даже этот жалкий клочок земли.

— Они по-прежнему считают себя частью Сербии. Если бы не вмешательство НАТО, так оно и было бы.

— А почему они не подумали об этом до того, как начали резать албанцев?

— Не знаю.

Джессоп искоса посмотрел на нее.

— В вашем личном деле сказано, что вы якобы идеалистка.

Эбби краем глаза заметила высокий стальной крест, который гордо возвышался над дорогой на горном крыже.

— Это было давно и неправда.

Разговор сошел на нет. Мимо них в противоположном направлении прогромыхал военный грузовик с немецкими номерами. В зеркале заднего обзора Эбби увидела в кузове солдат с винтовками. На их лицах читалась откровенная скука.

— Вам не кажется, что мы зря не захватили с собой прикрытие? — спросила она.

— По оценкам Лондона, ситуация в этом районе довольно мирная.

— Да, но если что, стрелять будут не в Лондон, а в нас с вами.

— Понимаю, — Джессоп прищурился, глядя на карту. — Похоже, на следующем повороте мы сворачиваем.

Эбби сбросила скорость и посмотрела в зеркало заднего обзора. Какое-то время следом за ними ехал крошечный красный «Опель», но последние несколько миль его не было видно.

— Сюда?

Их внедорожник свернул на узкий проселок. Между двумя колеями протянулась поросшая травой полоса. Дорога сливалась с окружающими полями, и они наверняка проскочили бы ее, если бы не стоящий рядом со съездом белый алтарь, у подно-

жия которого лежал увядший букет цветов — печальное напоминание о случившейся здесь когда-то автомобильной аварии.

Джессоп посмотрел на карту.

— Ну что ж, давайте попробуем.

Дорога была вся в колдобинах. Эбби включила привод на все четыре колеса, с трудом ведя машину по раскисшей от дождя колее. Джессоп подался вперед, всматриваясь в забрызганное дождем ветровое стекло.

— Вам не кажется, что отпечатки шин слишком свежие?

Эбби даже не обратила на них внимания. Дорога пересекала долину, после чего поползла вверх среди зарослей. Здесь уклон и каменные выступы создавали новые трудности. Вниз по колее, вымывая мягкую почву, стекали потоки воды. Под сводом леса казалось, что уже наступили сумерки.

Наконец Эбби вползла на гребень холма, описала крутой поворот и с такой силой нажала на тормоза, что едва не загубила мотор. Поперек дороги, перегораживая им путь, стоял черный пикап. Рядом застыли две одетые в камуфляж фигуры. Лица скрыты под черными «балаклавами». В руках у обоих по «калашникову».

— Странно, военное начальство должно следить за тем, чтобы таких вещей не было, — пробормотал Джессоп. Он достал из кармана мобильник и теперь судорожно переключал кнопки. — Дороги должны быть свободны для передвижения.

— Значит, до кого-то приказ не дошел, — сказала Эбби и удивилась собственному спокойствию. Кто-то скажет, что это безумие, но она знала, как поступать в такого рода ситуациях. Тем более что она бывала в них уже не раз. И пусть декорации другие, актеры всегда те же самые: пикапы и мужчины с автоматами. Она сунула руку в карман за сигаретной пачкой, затем подняла руки, чтобы автоматчики увидели, что она не вооружена. Один из них шагнул вперед, другой остался рядом с грузовиком. Дуло его «калашникова» было нацелено на радиатор их машины.

Человек в камуфляже подошел ближе и жестом велел опустить боковое стекло. В прорезях «балаклав» удивленно свер-

кнули черные глаза. Похоже, человек в камуфляже не ожидал увидеть за рулем женщину.

— Ваши документы, — буркнул он по-английски.

Эбби зубами вытащила сигарету и предложила ему остальную пачку. Мужчина в камуфляже ее взял, но спасибо не сказал.

— Ничего, если я пороюсь в своей сумочке? — спросила Эбби по-сербски. Глаза в прорезях прищурились, затем последовал кивок.

— Что вы здесь делаете?

Эбби мотнула головой, мол, взгляните сами, и мысленно поблагодарила бога за наклейки на боку внедорожника: «EULEX».

— Мы сотрудничаем с министерством по делам окружающей среды.

Порывшись в сумочке, она вытащила паспорт и протянула его часовому. Тот открыл его на странице, где была вложена купюра. Двадцать евро.

— А ваш друг?

— Специалист из Лондона. Он хочет посмотреть деревья. Двадцать евро мгновенно исчезли в кармане.

— Подождите.

Охранник вернулся к пикапу и о чем-то переговорил со своим напарником. Затем вытащил серебристый мобильник и с жаром принялся что-то доказывать невидимому собеседнику. Ствол «калашникова», нацеленный на радиатор их внедорожника, даже не дрогнул.

— Что вы им сказали? — спросил Джессоп.

Эбби посмотрела перед собой и велела себе успокоиться.

— Он считает, что мы ищем незаконные дрова.

— Незаконные дрова?

— Семьдесят процентов косоваров топят печи дровами. В деревнях жизнь довольно примитивна. Даже в городах с подачей электричества случаются перебои. Так что незаконная вырубка деревьев здесь большая проблема.

— И он считает, что мы отслеживаем злоумышленников?

Охранник по-прежнему с жаром что-то говорил в телефон.

— Кто знает, что он там думает. И с кем он там разговаривает. Судя по форме, это сербские полицейские.

— А разве им можно?..

— Кстати, ваша зажигалка все еще у вас?

Джессоп кивнул. Правда, его руки так дрожали, что он даже не смог высечь пламя. Эбби взяла зажигалку у него из рук и сама зажгла последнюю сигарету.

— Это Балканы, — сказала Эбби, выдыхая дым. — Форма здесь ничего не значит. В Боснии в девяностые годы Милошевич отправил через границу сербскую армию. Он выдал им новые нашивки, и его боевики в мгновение ока стали боснийской армией. — Эбби задумчиво побарабанила пальцами по рулю. — По идее, вы должны знать это сами. Вы ведь в некотором роде эксперт.

— У меня широкий профиль.

Тем временем мужчина в камуфляже закончил разговор и отложил телефон. В свете фар тот блеснул, подобно лезвию ножа. Затем полицейский закинул на плечо автомат и медленно направился в сторону их машины.

— Все в порядке? — спросила Эбби и протянула руку за паспортом.

Она почти не поняла, что последовало за этим. Мужчина выронил паспорт, схватил ее за запястье и, резко распахнув второй рукой дверцу, выдернул из машины. Эбби вывалилась ему под ноги, в самую грязь.

Затем грубая мужская рука схватила ее за воротник и, рывком подняв на ноги, прижала к боку внедорожника. С другой стороны второй полицейский, направив на Джессопа дуло «калашникова», заставил его выйти из машины. Эбби почувствовала, как ей завели за спину руки и связали обрывком кабеля. Она не сопротивлялась.

Затем сербы отволокли ее к грузовику и, приподняв вдвоем, забросили в кузов. За Эбби последовал Джессоп. Один из охранников забрался к ним, второй сел за руль. Пикап подался вперед. Эбби скользнула назад на мокрых досках пола и больно врезалась в задний борт. Схватившись одной рукой за грузовой ремень, охранник не сводил с нее дула своего «калашникова».

Грузовик покати́л, трясясь и подскакивая на ухабах. В кузове Эбби и Джессоп катались туда-сюда по доскам, словно пара трупов. Поскольку руки у обоих были связаны за спиной, было невозможно смягчить удары. Рана в плече то и дело давала о себе знать острой болью. Эбби лежала лицом вниз, ощущая во рту привкус крови, дождя и железа, и тупо ждала, когда все это кончится.

Дождь лил все сильнее, но дышать стало легче. Эбби уму-дрилась вывернуть шею и посмотрела вверх. Горные склоны густо поросли лесом, однако неба над головой не загораживали. По всей видимости, они выехали в долину.

Эбби перекатилась на бок и посмотрела на Джессопа.

— Куда они нас везут?

— В Сербию. До границы отсюда несколько миль. Как только мы окажемся на той стороне, они... *черт!*

Грузовик с лязгом замер на месте — так резко, что Эбби и Джессопа подбросило вверх, и они с грохотом упали на дощатый пол. Даже охранник, и тот стукнулся головой. Открыв окно, которое соединяло кузов с кабиной, он что-то прокричал водителю. Ответ, если тот имел место, потонул в надрывном реве мотора. Правда, грузовик так и не сдвинулся с места.

Затем мотор заглох полностью. Теперь Эбби слышала лишь стук дождя по доскам кузова и шелест ветра в верхушках деревьев. Охранник открыл задний борт, спрыгнул на землю и направился к кабине. Эбби было слышно, как он о чем-то спорит с водителем. По проклятьям, какими был густо пересыпан их разговор, она поняла, что что-то сломалось. Впрочем, конкретных слов Эбби так и не поняла.

Она сжалась в комок и подкатилась к Джессопу, чтобы хотя бы немного согреться. Мокрая одежда прилипла к телу и была холодной как лед.

— Все хорошо, — прошептал ей на ухо Джессоп. — Я сумел позвонить нашим. Наша кавалерия уже в пути.

Его слова подразумевали надежду, а у Эбби ее не осталось. Она лежала и ждала, когда дождь растворит ее всю без остатка.

Наверно, она закрыла глаза, потому что когда открыла их снова, то увидела, что охранник склонился над ней. Он дергал ее за плечо, стараясь разбудить. Голова болела, тело сотрясала мелкая дрожь, причем с такой силой, что казалось, что оно вот-вот развалится на мелкие части.

Сквозь боль и шум в голове Эбби поняла, что охранник обращается к ней по-сербски.

— Вставай. Он скоро будет здесь.

Он заставил ее подняться и спустил на землю. Джессоп был уже там. Они приехали на какой-то луг, расположенный в долине между горами и лесом, заброшенное, одинокое место. Одна дорога вела из леса на восток, вторая протянулась в долину с севера и встречалась с первой в том месте, где сломался грузовик. В их направлении, разбрасывая колесами грязь, катили два черных «Рендж Ровера». Откуда-то издалека доносился приглушенный грохот, похожий на шум водопада. Охранник нервно посмотрел на небо. Он заставил Эбби и Джессопа встать лицом к грузовику, а сам отошел на пару шагов и направил на них дуло автомата. Джипы тем временем съехали с разбитой дороги на траву и образовали вместе с грузовиком нечто вроде треугольника. Двери джипов распахнулись, и из них выскочили мужчины в джинсах и черных парках. Один из них открыл заднюю дверцу первого из «Рендж Роверов».

Из машины вышел худощавый мужчина в длинном шерстяном пальто и, старательно обходя грязь, направился к пленникам. На фоне гор он казался даже меньше ростом, чем в своем кабинете в Риме, однако окружающая его аура была прежней. Даже телохранители, и те выдерживали почтительную дистанцию.

— Драгович, — пробормотал стоявший рядом Джессоп.

Не доходя до них нескольких шагов, Драгович остановился. На Эбби он даже не посмотрел, зато Джессопа смерил долгим, пронзительным взглядом и покачал головой.

— Нет, это не Ласкарис.

Из-под пальто он вытащил пистолет и нацелил его в голову Джессопа. Гул вдали сделался громче. Эбби слышала, как Джессоп что-то выкрикнул с мольбой в голосе и дернулся, слов-

но собака на поводке. Казалось, земля у них под ногами заходила ходуном. Ветер сделался сильнее и теперь гнал ей в лицо дождевые струи. Драгович отступил.

Вырвавшаяся из дула вспышка расколола мир пополам. Грузовик вздрогнул — это пули отбросили на него тело Джессопа. Эбби почувствовала на лице капли крови — теплее, чем дождь. Затем Драгович направил пистолет на нее. Он что-то крикнул, но из-за шума в ушах и рева над головой она не разобрала ни слова.

Вот он какой, конец.

Неожиданно пистолет куда-то исчез. Драгович резко повернулся и бегом бросился назад к «Рендж Роверу». Не успела Эбби понять, в чем дело, как чья-то рука схватила ее за горло. Один из охранников наклонился к ней так низко, что почти коснулся лицом ее лица, и что-то прокричал. Эбби с трудом поняла смысл его слов.

— Это ты вызвала полицию? Говори, ты или твой приятель?

В сознании мелькнуло смутное воспоминание: за секунды до того, как бандиты их схватили, пальцы Джессопа бегают по кнопкам мобильного. *Наша кавалерия уже в пути.* Тогда она ему не поверила.

— Не знаю.

Охранник оторвал ее от грузовика, развернул и дернул за волосы, чтобы она посмотрела на небо.

— А это что такое, сука?

Из-за горы показался черный вертолет, летевший над долиной в их сторону. У вертолета был тупой нос и квадратный корпус, колеса торчали под брюхом, словно когти хищной птицы. Он слегка покачивался в воздухе, а когда пошел на разворот, Эбби увидела на черном фюзеляже эмблему миротворческого корпуса: огромные белые буквы KFOR.

Сербы тотчас бросились врассыпную. Драгович, не обращая внимания на то, что забрызгал грязью дорогие брюки, в спешном порядке нырнул назад в свой «Рендж Ровер». Не успел он захлопнуть за собой дверь, как машина рванула вперед и понеслась прочь из долины. Вслед за первым «Рендж Ровером» последовал и второй.

Вертолет на мгновение завис прямо у Эбби над головой. Рокот двигателей отозвался в теле глухими ударами, струи дождя стегали словно плети. Восходящие потоки воздуха грозили засосать и унести вверх. Эбби ждала, что сейчас, как в кино, брюхо вертолета разверзнется, и оттуда на землю выскользнут канаты, по которым на землю соскользнет целый взвод крепких как камень парней, которые вступят в схватку с мерзавцами.

Но вертолет пролетел мимо, вслед за «Рендж Роверами». Из грузовика появился один из охранников и грубо схватил ее за руку. На нем по-прежнему была полицейская форма, та же, что и на блокпосте. *Все понятно*, подумала Эбби, *с вертолета увидели форму и решили, что это косовская полиция.*

Серб ткнул ей между ребер стволом и начал кричать, что если она не сдвинется с места, он убьет ее тут же на месте. Бросив труп Джессопа валяться рядом с грузовиком, он потащил ее через луг к деревьям на дальнем конце долины. Второй бандит увязался за ним следом. С виду земля казалась примятой колесами, но, ступая по ней, Эбби чувствовала подошвами все неровности, все кочки и рытвины. Казалось, ее ноги ступают по ковру, под которым кто-то рассыпал старые игрушки.

Ее руки были связаны за спиной, мокрая одежда сидела на ней как смирительная рубашка. Бандит упорно тащил ее вперед, гораздо быстрее, чем она могла переставлять ноги, отчего Эбби то и дело спотыкалась и дергалась, как рыба на крючке.

Гул мотора тем временем сделался тише, превратившись в комариное жужжание. Эбби вытянула шею, озираясь по сторонам. В дальнем конце долины вертолет нагнал «Рендж Ровер» Драговича и опускался прямо на дорогу. Наконец, разбрасывая брызги грязи, вертолет сел, и из его брюха высыпало около десятка солдат, которые тотчас встали цепью, перегородив дорогу. Оба «Рендж Ровера» тотчас вырулили вбок и, не сбрасывая скорости, покатили по траве в направлении леса.

Эбби замедлила шаг. Охранник тотчас же дернул ее снова, и она больно зацепилась голенью за каменный выступ. Впрочем, ей ничего другого не оставалось, как, спотыкаясь, брести сквозь высокую мокрую траву в сторону леса. Оказавшись среди деревьев, бандиты на минуту остановились и обернулись назад.

Вертолет снова поднялся в воздух, преследуя «Рендж Роверы», которые приближались в опушке леса. *Почему они не стреляют?* — удивилась Эбби. Пары очередей хватило бы, что уложить Драговича на месте, тем более что ей были отчетливо видны очертания тяжелого пулемета, торчащего из стального бока «Черного ястреба». Вертолет завис над долиной, словно кошка, играющая с мышью, но не сделал ни единого выстрела.

Им просто нельзя стрелять, подумала Эбби. Она знала правила, позволяющие открывать огонь. Хотя Драгович у них на прицеле, они не имеют права нажать на спусковой крючок. Все, что могли наземные силы, — это преследовать бандитов. Некоторые бежали вслед за «Рендж Роверами», остальные медленно продвигались по долине к искореженному грузовику. Интересно, они заметили ее? Успеют ли они ее догнать?

Эбби почувствовала на запястьях холодок стали. Это бандит вытащил нож. Она даже не успела испугаться, как вдруг почувствовала рывок, а в следующий миг ее руки уже были свободны.

— А теперь давай живее, — сказал охранник и ткнул ей в спину автоматом. Эбби подчинилась. Шатаясь, она брела между деревьев, преодолевая скользкий склон, не обращая внимания на мокрую одежду, грязь и влажные листья под ногами — те как будто сговорились и толкали ее назад, прямо на автоматное дуло.

Где-то позади нее в лесу прогремел выстрел. Эбби инстинктивно бросилась на землю. Впрочем, пуля в нее не попала. Оглянувшись, Эбби увидела, что серб упал на четвереньки и схватился за ногу. Между пальцев стекала кровь. Второй бандит бросился к нему и, повернувшись к Эбби спиной, выпустил по деревьям очередь. Это был ее единственный шанс. И она побежала.

Время остановилось. Вокруг нее были лишь листья, грязь, свинец, выстрелы, крики и никакого горизонта — только деревья. Она бежала, петляя между стволами. Натертые мокрыми джинсами ноги болели, легкие, казалось, были готовы вот-вот взорваться от нехватки воздуха. Плечо давало о себе знать та-

кой резкой болью, что Эбби решила, что просто не заметила, когда его пронзила пуля.

Вскоре деревья сделались реже, и она выбежала на небольшую поляну, где из земли торчал каменный выступ. В камне зияла трещина, рядом лежали кучи свежавырытой земли, а поперек отверстия была натянута клейкая лента. Рядом с трещиной, насаженный на кол, на Эбби, улыбаясь голыми зубами, смотрел бараний череп. До ее слуха донесся топот ног бегущего человека.

Даже несмотря на весь страх и панику, место показалось Эбби жутковатым. Темная трещина как магнитом притягивала к себе. Ветерок взъерошил ей волосы на затылке, и ей показалось, будто это призрак Майкла пытается ей что-то сказать. Но что? Предостережение? Или благословение? Эбби еще раз посмотрела на клейкую ленту, на вдавленные в землю окурки, на разбросанные в кустах обрывки фольги от сухих пайков. Похоже, это и есть то самое место, ради которого она и приехала сюда. Еще несколько часов назад это казалось задачей номер один. Теперь же ей было все равно. Но топот ног звучал все громче и громче, так что выбора у нее не было. В следующее мгновение она нырнула в пещеру.

Свет проникал неглубоко. Напуганная темнотой, Эбби хлопала себя по карманам и, нащупав зажигалку Джессопа, чиркнула ею. Язычок пламени тотчас осветил гладкие стены, слишком ровные для пещеры естественного происхождения. В глубь каменной полости вел проход.

Через несколько ярдов он привел ее в низкую, прямоугольную комнату со сводчатым потолком. В дальнем конце стоял каменный ящик, а в стене над ним виднелась ниша, в которой когда-то, по всей видимости, стояла статуя. Стены украшали росписи в коричневых, зеленых и синих тонах. В подрагивающем пламени зажигалки Эбби разглядела лодку в кишачем рыбой море, побеги плюща, обвивающие нарисованные колонны, богиню в полупрозрачном платье, шагающую с небес к спящему герою в окружении львов, а также луну и солнце. Были на стенах и письма, но, как Эбби ни напрягала глаза, разглядеть отдельные буквы так и не смогла.

Это гробница, догадалась Эбби. Каменный ящик — это саркофаг. Тем более что она разглядела приставленную к нему крышку и белые царапины в тех местах, где Майкл и Санчес вскрывали ее ломиками.

Эбби убрала большой палец с зажигалки — не хотелось выдавать своего присутствия — и села на полу в темноте. Мокрая одежда была холоднее и ужаснее, чем смерть. Тело сотрясала дрожь. Впрочем, Эбби ее почти не замечала. Большой палец она прижала к колесу зажигалки — просто, чтобы чувствовать остаток тепла.

Она подумала про вырванный из гроба скелет. Что, если эта гробница станет ее собственной могилой? Жизнь за жизнь. Плоть за плоть.

Затем ей вспомнился Шай Левин. *Вероятнее всего, его убили ударом в сердце. Убийца воспользовался длинным ножом или мечом.* С трудом верилось, что этот подземный склеп когда-то принадлежал человеку, который когда-то жил и дышал — так же, как и она. Наверно, он был богат. И прожил полную событий жизнь. Человек, который заказал для себя эту гробницу. Ему и в голову не могло прийти, что спустя семнадцать столетий его гробница будет затеряна в глухом, безлюдном месте, в стране, которая принадлежит неизвестно кому.

Снаружи пещеры раздался какой-то шум. Крики, стук камней. Эбби приподняла голову. Затем по проходу прокатился приглушенный звук выстрела, и она поняла, что еще один человек расстался с жизнью.

Свет на другом конце прохода померк. Спрятаться было негде. Если ей суждено умереть, по крайней мере, она заставит этого ублюдка посмотреть ей в глаза. Затем по проходу послышались чьи-то шаги, медленные и осторожные. Эбби щелкнула зажигалкой. Лица богов и героев смотрели на нее со стен, ожидая, когда они смогут заполучить ее тело. Шагавший по проходу человек — если это был человек? — подошел ближе. Пару мгновений он существовал в полной темноте — оставив позади дневной свет, но еще не шагнув в тусклый круг света, отбрасываемого зажигалкой. Ветер принес с собой запах гнилых листьев и мокрой земли, запах открытой могилы.

Незнакомец шагнул вперед. В подрагивающем свете зажигалки его лицо то пропадало, то возникало снова. На щеках залегли глубокие тени, отчего казалось, что это не лицо, а обтянутый кожей череп. Кудрявые седые волосы спутались и слиплись от дождя.

Голова у Эбби шла кругом. Она слышала, как древние боги смеются и выкрикивают ее имя. Наверно, она умерла. Затем подняла зажигалку, и тени упали с лица вошедшего.

— Майкл?

Глава 26

Константинополь, апрель 337 года

— Ты думал, что я отпущу тебя не попрощавшись?

В пустой гробнице Константин стоит, прислонившись к неосвященному алтарю. Он смотрит мне прямо в глаза. Когда я видел его в последний раз, он был одет, как бог. Сейчас же на нем простая белая рубаха и плащ, укрывающий тело от вечерней прохлады. Лишь искусное переплетение нитей ткани говорит о ее стоимости.

— Я подумал, что больше тебе не нужен.

Когда-то здесь обитал целый сонм богов. Теперь же только один. В самой высокой точке города Константин снес старый храм Двенадцати Богов и на его фундаменте построил себе мавзолей. Это его вторая попытка — первый, в Риме, уже занят.

Внешне здание мало чем отличается от тех, что в свое время возвели его соправители. Максенций в Риме, Галерий в Фессалониках, Диоклетиан в Сплите. Круглая башня посреди квадратного двора в окружении аркад, в которых спрятаны прачечные, склады ламп и жилища жрецов, которые понадобятся, когда хозяин мавзолея обоснуется в нем навсегда.

Впрочем, одиночество ему не грозит. Внутри ротонды семь ниш. Одна для саркофага самого императора, в шести других парами расположатся статуи двенадцати апостолов Христа. Как это типично для Константина! Он убрал двенадцать старых богов и вместо них поставил двенадцать христианских апосто-

лов — одни вместо других. Когда его замысел будет завершен, никто не сможет разглядеть в нем швов.

Боги покидают этот мир, уступая место людям. Таков ход истории.

Но пока замысел далек от завершения. Восточная стена мавзолея вся в строительных лесах. Статуи апостолов завернуты в ткань, предохраняющую их от пыли. В этом тоже весь Константин. Его великие дела движутся медленно. Сейчас будущий мавзолей — это огромная емкость, полная пыли. Лучи вечернего солнца проникают сквозь цветное стекло, играя разноцветными бликами.

— В ту ночь, когда мы осудили Симмаха, мне показалось, будто ты хотел что-то сказать.

— Вряд ли это что-либо изменило бы.

Мне не хочется уступать ему. Я намерен сказать не более того, что требуется, и пойти домой, чтобы проследить за рабами, которые собирают мои вещи. Я не хотел приходить сюда. Я пришел лишь потому, что он — Август.

— Ты должен был выяснить правду, — напоминает он мне.

— Если она была тебе нужна.

— Ты считаешь, что он невиновен?

Что-то внутри меня обрывается. Гнев перевешивает гордость и выплескивается наружу.

— Я не знаю, виновен он или нет. Но я уверен, что его оклеветали. Я был там, когда раб оставил футляр с документами возле статуи. Ну, кто же, будь он в здравом уме, стал бы делать то, что можно легко поставить ему в вину?

— Но ведь футляр был у него.

— Не у него. У раба.

— Раб признался под пытками, что документы дал ему хозяин. Нам же были нужны быстрые решения. Ибо терпение христиан было на исходе. — Константин видит выражение моего лица и вздыхает. — Раньше ты таким не был, Гай.

Любая религия нуждается в кровавых жертвах. Симмах понимал это даже лучше, чем я.

Между нами повисает неловкое молчание. Константин жестом обводит будущий мавзолей.

— Ты посмотри, что здесь творится. Случись мне умереть завтра, они не будут знать, что делать со мной, — усмехается он. — Не волнуйся. Я не собираюсь умирать, пока не разберусь с персами. Заключительная победа — вот что мне сейчас нужно.

И вновь молчание. Возможно, он задумался о том, сколько таких заключительных побед уже было в его жизни.

— Ты помнишь Хрисополис? На следующий день?

Хрисополис, сентябрь триста двадцать четвертого года. Тринадцать лет назад

Теплое воскресное утро. Константин вместе с семейством вышел прогуляться. Длинное, жаркое лето не желает уступать место осени: лазурное небо, спокойное море, земля запеклась до сухой корки. Пурпурные императорские сапоги взбивают пыль между сосен и кипарисов на высоком морском берегу. Константин шагает впереди, Крисп рядом с ним, что-то рассказывает ему про флот, про корабли, что покачиваются на волнах там, внизу. Я иду следом.

Позади меня шествуют женщины и дети — самый младший, Констант. Ему всего год, и потому он совершает прогулку на руках у кормилицы. Со стороны их можно принять за обычное римское семейство, которое отправилось собирать ягоды или птичьи яйца. На самом же деле — они полновластные хозяева империи. На другой стороне холма двадцать пять тысяч трупов ждут, когда их наконец предадут земле.

По моим подсчетам, это лишь третий день, начиная с июня, когда мне не нужно облачаться в латы. Мы сражались все лето. Потребовалось десять лет, чтобы стычки между Константином и Лицинием дошли до своего логического завершения. В июне мы вошли во Фракию и изгнали Лициния с Балкан, сократив его армию на тридцать тысяч человек. В августе, когда Лициний попытался остановить нас у Византия, Константин соорудил земляные насыпи и в буквальном смысле победным маршем преодолел городские стены. Одновременно Крисп вел наш флот от Фессалоник и победил флот Лициния в проливе близ

Галлиполиса. Я был рядом с Константином у Византия и могу сказать, что то была прекрасная, дерзкая победа.

И вот теперь я наблюдаю за тем, как они шествуют впереди меня, отец и сын, и так легко верится, что на этом семействе лежит благословение богов. Константину уже стукнуло пятьдесят, но он по-прежнему полон энергии. Крепкий, здоровый мужчина, хотя и немолодой. Такого сына, как Крисп, мечтает иметь любой отец. Высокий и красивый, с темными волосами, чертами лица он похож на отца. Он в том возрасте, когда молодость и уверенность в своих силах сочетается с первым опытом, когда кажется, что тебе все по плечу. Когда Крисп смеется, все смеются вместе с ним, даже отец.

Стоит Константину споткнуться — а он все еще не оправился от раны на бедре, полученной при атаке под Адрианополем, — как Крисп тотчас протягивают руку, чтобы поддержать отца. Он указывает на корабли и рассказывает отцу истории: смотри, вот этот корабль вступил в схватку с флагманом Лициния, а капитан вон того упал в воду, потому что поскользнулся на сбежавшей из вольера курице.

Без всякого предупреждения двое мальчишек подбегают к Криспу сзади и пытаются атаковать его сосновыми ветками. Клавдий и Констанций, первому восемь, второму — семь. Старшие сыновья Константина от Фаусты. Крисп смеется, поднимает с земли палку и бросается вдогонку за сводными братьями. Те с воплями бегут назад, к матери.

Константин оборачивается ко мне. Глаза его сияют радостью.

— Был ли кто-то на этом свете счастливее меня?

Вчера двести тысяч воинов выстроились на пыльной равнине между Халкидоном и Хрисополисом, чтобы оспорить судьбу этого мира. Для Константина то была не самая великая битва. Никаких хитростей и уловок, никакой блистательной тактики. Он поставил в центре линии наступления свой боевой штандарт, лабарум, собрал позади штандарта всю свою конницу, позади конницы — всю свою пехоту и нанес Лицинию лобовой удар. Возможно, масштаб сражения заставил его проявить сдержанность. Или же в очередной раз он увидел то, что

не видели другие: Лициний, которого однажды уже обошли с флангов, поклялся, что больше этого не допустит, и поэтому заметно ослабил центр. Наша же армия, проведя в походах все лето, пылала яростью и желанием покончить с войной как можно скорее.

Мы дошли до конца. Внизу под нами раздается плеск волн о прибрежные скалы. По другую сторону сверкающего на солнце моря на узком мысе виден Византий. В данный момент это небольшой, удобно расположенный порт. Отсюда путешественники легко могут переправиться в Азию или же дальше, в Черное море. С другой стороны, отсюда далековато до Средиземного моря, чтобы здесь развивалась бурная торговля. С нашего берега нам хорошо видны лишь бани, а за ними очертания ипподрома.

— Ты специально привел нас сюда? — спрашивает Фауста с младенцем Константином на руках. Голос ее еле слышен из-под широкополой шляпы и вуали, которые она надела, чтобы защитить лицо от солнца. Константин — закаленный солдат, привыкший преодолевать большие расстояния. Фауста же — изнеженное дворцовой жизнью создание. Она с трудом представляет себе, как можно бродить по дикой местности, где ничто не защищает ее от солнца, деревья не стрижены, дорога не подметена. Неудивительно, что она оскорблена в лучших чувствах.

— Это место — ось всего мира, — отвечает Константин. Он говорит так, что порой кажется, будто он видит то, чего не видно другим. — Оно расположено посередине между Западом и Востоком. А теперь оно — ось истории.

Похоже, что Клавдий и Констанций одержали победу над Криспом. Тот падает на землю и театрально извивается, схватившись за воображаемую рану в боку, а потом замирает.

— Мне казалось, что ты уже взрослый и участвуешь в настоящих сражениях, — говорит Фауста.

Крисп поднимается на ноги и отряхивает с туники пыль и сосновые иголки.

— Но не настолько, чтобы не играть со своими братьями, — отвечает он.

Фауста недовольна. Ее сыновья обожают Криспа — в старшем сыне Константина соединились лучшие качества брата и отца. Она же терпеть этого не может. Как и самого Криспа.

Константин был единственным сыном от первого брака. Как и Крисп. У него три сводных брата, дети второй жены его отца. Он относится к ним как к принцам, но никогда не подпускает близко к трону. Для Фаусты вчерашняя победа — горькая победа. Ведь если будет лишь один император, что достанется в наследство ее сыновьям?

Плеск волн и жужжания мух пронзает чей-то крик. Когда ты властелин мира, не так-то просто пойти прогуляться на свежем воздухе. Императорская гвардия оцепила весь полуостров. И вот теперь к нам приближается с десятков стражников — они шагают колонной по одному по узкой тропинке, проложенной в траве и кустах. Между ними идут женщина и мальчик, оба в простых белых туниках. Это Констанциана и ее сын Лициниан.

Стоило им появиться, как Константин тотчас перестает быть отцом, мужем, другом. Теперь он снова Август. Он расправляет плечи и словно становится выше ростом.

Солдаты отдают салют и выстраиваются в шеренгу. Констанциана бросает на землю свою ношу, рулон пурпурной ткани, и опускается на колени на пыльную землю. Сын делает то же самое с ней рядом.

— От моего мужа Лициния — его императорские одежды. Он отказывается от титула и любых притязаний на власть. Единственное, о чем он тебя просит, это пощадить его самого и его семью.

— Если бы вчерашняя победа досталась ему, пощадил бы он меня? Или их? — Константин указывает рукой на Фаусту, Криспа, мальчиков.

— Если бы победа досталась моему мужу, я бы сейчас стояла перед ним на коленях, умоляя пощадить тебя, — платье на Констанциане нарочно порвано, волосы искусно растрепаны, как будто она сама только что вернулась с поля сражения. Но горе на ее лице неподдельно. Ее тоже посещали мечты.

Она смотрит под ноги Константину. Капитан императорской гвардии тянется к рукоятке меча. Константин едва заметно качает головой. Он берет сестру за подбородок и, приподняв Констанциане голову, заглядывает ей в глаза. Никто не видит, что происходит между ними.

— Это моя вина, — говорит Константин. — Он перехитрил нас всех. Мне не следовало выдавать тебя за него замуж. Возвращайся к мужу и скажи ему, что принимаю его капитуляцию. Он утратил все свои титулы, но может, не опасаясь за свою жизнь, вернуться в Фессалоники. Думаю, тамошний дворец ему подойдет, — Константин улыбается. — В конце концов, ты ведь по-прежнему моя сестра.

Констанциана поднимается с колен и обнимает брата. Правда, она так слаба, что едва держится на ногах. Спустя несколько мгновений, когда она уже овладела собой, брат отстраняет ее от себя и протягивает ей руку.

Констанциана тотчас подносит ее к губам, и мне слышно, как она шепчет: *Tu solus Dominus*¹.

Константинополь, 337 год

— Да, это был замечательный день, — говорит Константин. — Мы сделали наше дело.

— А когда наутро взошло солнце, у тебя стало вдвое больше провинций, а значит, и вдвое больше забот.

— Но зато мы были свободны. — С этими словами Константин пересек зал и стащил с одной из статуй кусок ткани. Теперь на него сверху вниз смотрит бородатое лицо. — Ты помнишь, как мы с тобой были детьми при дворе Диоклетиана? Как мы не спали по ночам, как прислушивались, не скрипнет ли где половица, вдруг именно этой ночью за нами придут убийцы? Каждую ночь я молил Бога, чтобы он позволил мне дожить до утра. Я был так напуган, что просил тебя спать со мной в одной кровати.

¹ Ты единственный господин (лат.).

— Но убийцы так и не пришли.

— Я думал, что, когда стану единственным Августом, мне больше никогда не будет страшно, — он посмотрел в лицо статуе. — Но каждый день с того дня я боюсь, боюсь потерять все.

— А что, собственно, Александр делал для тебя? — неожиданно спрашиваю я. Константин хмурится. Не желает, чтобы его вытаскивали из прошлого.

— Он писал историю. Он полагал, что если изложит все события моей жизни в правильном порядке, то непременно найдет в них какую-то закономерность. Божью волю.

— И все?

Стоя ко мне спиной, Константин пробегает пальцами по мраморным складкам плаща статуи.

— Я заглянул в его футляр. Я видел, что там лежит. Он был доверху набит собранными им бумагами. Совсем не теми, какие ты хотел бы, чтобы они вошли в его книгу. Я бы даже сказал, что у тебя были все основания желать его смерти.

— Александру было не занимать усердия. Чем больше фактов было в его распоряжении, тем точнее он мог рассмотреть закономерность божьего промысла. Я дал ему доступ во все архивы, во все библиотеки города. К любому документу.

Мне вспомнились вещи, которые я нашел на столе Александра — бритву, банку клея. И неожиданно все стало на свои места.

— Он не писал историю, он ее переписывал, — и не в своей книге, а прямо в архивах, в документах.

Константин обернулся. Он слушает. По его лицу я понимаю, что прав.

— Все, что так или иначе порочило тебя, он изымал, уничтожал навсегда. Это все равно как скульптор резцом меняет у статуи лицо.

Когда его замысел будет завершен, никто не увидит швов.

— На лучшее лицо. — Константин вернулся на середину зала. — Я столь многого добился в жизни. Я получил мир растерзанным на части и вернул ему процветание. Гидре тетрархии, которую оставил после себя Диоклетиан, я одну за другой рубил головы, пока не умерла сама тварь, а с ней и все творимое ею зло. В тот день, когда армия приветствовала меня в Йорке,

были те, что умирали мучительной смертью лишь потому, что отказывались приносить жертвы старым богам, в которых все равно уже никто не верил. Я положил этому конец, я позволил людям молиться, как им нравится. Я дал империи нового бога — сильного и вместе с тем милосердного, чтобы терпеть разногласия, даже заблуждения, не проливая при этом крови.

Мне тотчас приходит на ум Симмахов раб в застенках дворца. У меня в ушах до сих пор стоит его крик.

— Ну, без насилия вряд ли получится.

— Разумеется, нет, — видно, что Константин взволнован. — Мы живем в мире, какой имеем, а не в том, каким бы мы хотели его видеть. Если бы эта работа была легка и безболезненна, во мне не было бы необходимости. Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, чего мне все это стоило.

Он облокотился об алтарь, как будто больше не в состоянии поддерживать собственный вес. Есть что-то такое, что должно быть сказано прямо сейчас — это последняя возможность устранить все недомолвки. Так близки к полной честности друг с другом мы не были уже очень давно. Но язык не слушается меня.

— Пусть меня помнят за то, кем я был, — Константин произносит эти слова едва ли не с мольбой в голосе. Правда, мольба обращена не ко мне, а к вечности. — За то, чего я достиг, а не за ту цену, которую заплатил. Ведь я этого достоин.

Он хочет, чтобы история любила его.

— И ты поручил Александру, чтобы он тебе это обеспечил.

— Он знал все — в буквальном смысле все — и никогда не судил меня. Именно поэтому я и хотел знать, кто же убил его. Именно поэтому я и поручил тебе найти убийцу.

— И потом осудил первого попавшегося, кто тебя устраивал в этой роли?

Оказывается, в нем больше человеческого, чем я видел за все эти годы.

— Разве ты меня не слушал? Неужели ты так ничего и не понял?

Об Александре и Симмахе больше ни слова. Мы стоим друг напротив друга, разделенные алтарем. Заходящее солнце пронизывает воздух у нас над головой пурпурными лучами, и лишь

двенадцать слепых мраморных апостолов — свидетели нашему разговору. Я знаю, что должен сказать.

Но слова даются с трудом. Я тщательно взвешиваю их. И стоит мне их найти, как они становятся подобны булыжнику в моей руке: я толкаю его, но он не движется. Я не Александр. Я не могу простить его.

— Ты воссоединил империю. Это и будет твоим наследием.

— И? — Он ждет большего и дает мне такую возможность. А когда понимает, что больше ничего не последует, горько усмехается. — Разве ты не знаешь? Я поделил ее между моими сыновьями, Клавдием, Констанцием и Константом. Каждому достанется треть. *Mundus est omnis divisus in partes tres*¹, — он вновь усмехается, только на этот раз смех его скорее напоминает рыдания. — О, если бы только все было иначе!

Если бы только все было иначе. Он может сколько угодно переписывать прошлое. Но есть нечто такое, что невозможно стереть.

— Удачи тебе в войне против персов.

Его палец чертит в пыли алтаря линию, затем пересекает ее другой.

— Я буду рад уехать отсюда. Иногда мне кажется, что этот город убивает меня.

Я оставляю его одного в мавзолее. На фоне гигантских строительных лесов своих незавершенных мечтаний он кажется мне карликом. В воздухе, в лучах заходящего солнца бесшумно танцуют и оседают пылинки.

Глава 27

Косово, наши дни

Палец Эбби соскользнул с кремня зажигалки. Пламя тотчас погасло, и в гробнице воцарилась темнота. Тогда она вновь чиркнула, еще раз, и еще. Она натерла палец, прежде чем язычок пламени заплесал снова.

¹ Мир разделен на три части (лат.).

Майкл так никуда и не исчез.

Интересно, что нужно говорить мертвецам? А ведь она разговаривала с ним вот уже несколько недель — спрашивала, умоляла, осыпала проклятьями. И вот теперь он стоял перед ней, а она не знала, что ему сказать.

— Я там снаружи уложил одного бандита, но вскоре могут прийти другие. И американцы.

— Я думала, ты мертв, — прошептала Эбби.

— Как сказал один писатель, слухи о моей кончине изрядно преувеличены, — Майкл обернулся через плечо. — Но у них еще есть время сбыться.

Эбби в растерянности смотрела на него.

— Но как?..

— Как я нашел тебя? Или как так получилось, что я до сих пор жив?

— Как нам отсюда выбраться?

— Как всегда, прагматична. Именно это мне и нравилось в тебе больше всего. — Он взял ее за руку и присел рядом. — Господи, Эбби, как мне тебя не хватало! Прости меня, я виноват перед тобой.

Его рука была холодной, но дыхание обдало ее щеку теплом. Несмотря на грязь и дым, она прильнула к нему, вдыхая его настоящий запах — терпкий и вместе с тем мягкий, как виски холодным зимним вечером. Именно этот запах, а не что-то другое, убедил ее, что Майкл жив.

— В соседней долине есть хижина. Драгович о ней не знает. Я жил в ней последние несколько дней.

Эбби в упор рассматривала его: радость, облегчение — все это, возможно, придет позже. В эту минуту она чувствовала себя живым трупом. Майкл взял в ладони ее лицо и заглянул ей в глаза.

— Я ждал тебя.

Они вышли из гробницы и как можно быстрее зашагали через лес. Майкл — впереди, Эбби, едва поспевая, следом за ним. В воздухе все еще висел стрекот вертолета, но самого его не было видно из-за деревьев. Время от времени по долине эхом отдавались автоматные очереди.

— Это косовская полиция, — пояснил Майкл. — Скорее всего, палат в никуда. Если они еще не уложили Драговича, то он уже в Сербии.

Преодолев горный кряж, густо поросший лесом, они начали спускаться по другому его склону. Звук перестрелки здесь не был слышен, в отличие от стрекота вертолета. Более того, с каждой минутой он становился все громче. Затем, обдав их каплями воды с мокрых листьев, вертолет пролетел прямо у них над головами и постепенно растворился вдали.

— Наконец-то мы одни, — сказал Майкл с нарочитым французским акцентом. Это была его коронная фраза, он не раз произносил ее в Приштине, после того как друзья уходили от него после долгого вечера за бутылкой вина. И вот сегодня, услышав ее снова, Эбби почувствовала, как что-то защемило, расстроило ее душу.

Они не стали останавливаться, наоборот, продолжили спуск в долину. Солнце спряталось за тучи, воздух стал холоднее. Эбби уже казалось, что она больше не в силах сделать очередной шаг, как они неожиданно вышли на поляну, посреди которой между двумя деревьями приютилась небольшая каменная хижина, неказистая на вид, но с очагом и крепкой крышей. Для Эбби в данный момент это было самое главное.

Майкл не осмелился развести огонь. В любом случае сухих дров им после дождя не найти. Вместо этого Эбби легла на раскладушку под изъеденное мышами одеяло. Майкл тем временем разогрел на газовой плитке банку бобов.

— Будь добр, Расскажи мне, почему ты все еще жив?

— Здорово я тебя обманул, а? — Впрочем, увидев в ее глазах злость, тотчас поспешил загладить оплошность. — Шутка. Я сам знаю, что это не смешно.

Не будь Эбби так измучена, она бы залепила ему пощечину.

— Это не игра.

— Верно, не игра.

Он вытащил пробку из бутылки и налил ее содержимое в стальной стакан. Жидкость была прозрачной, а ее запах ударил Эбби в нос даже с другого конца комнаты.

— Это сливовица. Местный самогон. Он тебя немного согреет.

Эбби сделала глоток и пожалела, что у нее нет сигарет. Впрочем, по телу тотчас разлилось приятное тепло.

— Рассказывай все как было, — велела она Майклу. — Почему мы оказались на вилле? Ты знал, что она принадлежит Драговичу?

Майкл помедлил с ответом. Единственным источником света в крошечном помещении было голубоватое пламя горелки. Силуэт Майкла темнел в углу на его фоне.

— Повторяю, мне нужна правда, — холодно произнесла Эбби. Сливовица обжигала горло, однако была бессильна растопить лед в ее сердце.

Майкл повернулся к ней.

— Да, я знал, что это его вилла. И я приехал туда, чтобы передать ему несколько вещей, которые он хотел заполучить.

— Из гробницы?

— Да. — Он на минуту задумался. — Я не знаю, что тебе удалось выяснить или о чем ты сама догадалась. Но вот тебе предшествующие события. Патруль американских миротворцев обнаружил теперь известную тебе пещеру и подал соответствующий рапорт. Тот дошел до Приштины и попал мне на стол. Можно сказать, судьба сама преподнесла мне подарок.

— И ты связался с Драговичем?

— Я знал, что он помешан на Древнем Риме. Я уже до этого пытался подобраться к нему поближе.

— Поближе?

— Да, хотел проникнуть в его круг, хотел уничтожить его, — Майкл замер как статуя. Эбби подумала, что он смотрит ей в глаза. Впрочем, в темноте она не могла поручиться, что это так.

— То есть ты не работал на него?

— Так вот, значит, что тебе сказали? — он подался вперед и положил руку ей на плечо. Эбби тотчас отстранилась. К таким жестам она была не готова. — Боже мой, Эбби, и ты им поверила?

— Я думала, что тебя застрелили.

Кастрюля на плите забулькала, грозя выкипеть.

— Мне не нужно объяснять тебе, кто такой Драгович. Ты все знаешь сама. Это самый страшный зверь на Балканах, и его просто так не возьмешь. Требуется время.

Майкл подкрутил ручку на плите, регулируя пламя.

— Ты помнишь Ирину?

Эбби кивнула. Для нее Ирина — это черно-белая фотография на полке в квартире Майкла. Блестящие темные волосы, бледная кожа, темные глаза, которые как будто следили за происходящим в комнате. Это фото чем-то напоминало ей портреты пропавших без вести, клейкой лентой прикрепленные к зданию администрации в Приштине.

Помнится, про это фото она спросила Майкла только раз, полагая, что это бывшая жена или сестра. Она погибла на этой войне, ответил Майкл и поспешил сменить тему.

— Ирина была одной из жертв Драговича в войне девятости девятого года. Не хочу рассказывать тебе, что он с ней сделал. Но ты сама читала отчеты. Так что наяржи воображение.

Его слова тотчас остудили ее гнев. Да, она читала отчеты. Самые страшные, самые изощренные пытки, какие только мог придумать извращенный человеческий ум, — все они нашли себе применение в Косове во время той войны. Поговаривали, что пленных, как скот, перегоняли через границу в Албанию, где у них вырезали внутренние органы, которые затем продавали богатым заказчикам на Западе.

— Драгович — именно из-за него я и вернулся на Балканы. А когда вдруг подвернулась эта находка, я подумал, что с ее помощью сумею подобраться к нему. В общем, я нацепил на крючок наживку, и он на нее клюнул.

— Наша разведка считает, что ты продан.

— Приходилось постоянно быть начеку. Ты ведь знаешь, как обстоят дела с МКР.

МКР. «Мониторинг, Консультирование, Рекомендации» — официальная миссия EULEX в независимом Косове. На деле это означало сотрудничество с местными властями с тем, чтобы ненавязчиво, но упорно подталкивать их к некому подобию честной работы. Разумеется, задача была не из легких.

— Половина косовских чиновников отчитываются перед Драговичем. МКР означает, что они видят все. Все, что так или иначе — на бумаге или в электронном виде — проходит через их кабинеты и оказывается на столе у Драговича еще до того, как дойдет до их собственного начальства. Так что сделай я это официально... — Майкл вздохнул. — Прости, Эбби, я поступил опрометчиво, взяв тебя с собой, и теперь очень сожалею об этом.

— Но зачем тебе понадобилось брать меня с собой?

— Я просто не подумал. Я знал, что EULEX следит за мной, ведь, по их мнению, я продался Драговичу. Что ж, в этом есть доля истины. В свою очередь, люди Драговича вынюхивали, не веду ли я двойную игру, так что внутреннее расследование было мне только на руку. Хотя и усложняло жизнь. Мне меньше всего хотелось, чтобы представители EULEX ворвались на виллу как раз в тот момент, когда я наконец сдвинулся с места в своем расследовании. Сама знаешь, если чего в Евросоюзе не любят, так это работать по выходным. И я подумал, что если возьму тебя с собой, они решат, что мы просто хотим отдохнуть вместе, и оставят нас в покое.

С этими словами он положил в тарелку бобы и протянул ее Эбби.

— К сожалению, только одна тарелка. Я не был готов к приему гостей.

Эбби оттолкнула тарелку — аппетита не было, но Майкл настоял на своем.

— Когда ты в последний раз ела?

Он не стал ждать, что она скажет в ответ.

— Давай ешь. Потому что времени у нас в обрез.

Эбби нехотя взяла тарелку. И как только положила в рот первую ложку, поняла, что голодна, как волк.

— Все пошло наперекосяк, — продолжал тем временем Майкл. Он сел на бревно и теперь покачивался взад-вперед. — По идее, никакой опасности не было. Драгович собирался пригласить своего человека. — его звали Слоба, — чтобы тот забрал мои находки. И на этом все должно было закончиться. Мы с тобой провели бы прекрасный уик-энд, а я приблизился бы к Драговичу еще на один шаг.

— Но все вышло совсем не так.

— Слоба с самого начала повел себя подозрительно. Думаю, он прибыл на встречу с заданием меня убить. Не знаю точно, но, когда ты вышла на террасу, он почему-то решил, что это подстава.

— И потому сбросил тебя с утеса, — напомнила ему Эбби.

— Даже Золтан Драгович должен время от времени чистить свой бассейн. Под утесом, несколькими футами ниже, оказались небольшие мостки. На них я и приземлился.

— Повезло.

— К тому моменту, когда я вновь вскарабкался на виллу, Слоба уже занялся тобой. — Майкл умолк, глядя куда-то в темноту. — Я убил его. Это ужасная вещь, скажу я тебе. И в тот момент. И потом...

На пару минут в хижине воцарилось молчание. Когда же Майкл заговорил снова, голос его уже был не таким бесстрастным.

— Я вызвал «Скорую». После чего сбросил тело Слобы с утеса, причем так, чтобы он приземлился не на мостки. Затем увидел, как к вилле едет машина «Скорой помощи». И тогда я побежал. Наверно, это было самое трудное для меня в этой жизни, Эбби, бросить тебя. Труднее даже, чем убить человека.

— А как же тело? Твоя сестра Дженни сказала, что это ты. Она знала правду?

— Я не надеялся, что Слобу примут за меня. Ты была в коме, возле тебя дежурила полиция. Я позвонил Дженни. Она единственная, кому на тот момент можно было доверять. Она сказала мне, что местная полиция просит ее опознать тело. Я сказал ей, чтобы она это сделала. Избежать неудобных вопросов куда проще, когда все считают, что тебя уже нет в живых.

— Проще? — внезапно Эбби почувствовала, что внутри нее все клокочет: и обида, и шок, и злость. В следующее мгновение гремучая смесь прорвалась наружу. — Проще бросить меня, чтобы я думала, что ты мертв? Проще, чтобы я потом скиталась по Европе, не понимая, почему кто-то хочет меня убить? И ты называешь это «проще»?

Майкл закрыл лицо руками.

— Прости.

— Разве я просила тебя делать это со мной?

— Знаю, и должен перед тобой извиниться. Или хотя бы попытаться объяснить, — он приподнял голову и умоляюще заглянул ей в глаза. — Драгович преследовал тебя. Он понимал, что здесь что-то не так. Начнем с того, что тело Слобы бесследно исчезло. Наверняка до него дошли слухи, что меня кто-то где-то видел. В этой части мира нет ничего, что можно было бы от него утаить. И он догадался, что я что-то от него утаил.

Майкл подождал, что она скажет в ответ. Эбби знала, что лучше помолчать — стоит ей открыть рот, как она выплеснет на него все, что накопилось внутри — и все же спросила.

— Свиток?

Глаза Майкла тотчас загорелись.

— Ты нашла его?

— Я даже съездила в Трир. К доктору Груберу.

— И он его расшифровал?

— Лишь несколько слов. — Эбби попыталась вспомнить, но тотчас же поняла, что в этом нет необходимости. Она похлопала себя по карману джинсов. Листок бумаги, который вручил ей Грубер, прилип к бедру и размок там, где в швы просочились капли дождя.

Вытащив, она разъединила слипшиеся складки и, расправив листок, прочла стихотворную строчку: *Чтобы достичь живых, плыви среди мертвых*. Слова отозвались в ее душе странным эхом. Еще вчера она пыталась найти свой путь в мире, в котором Майкл был мертв, и вот теперь он снова жив — сидит перед ней во плоти и крови.

— Ты можешь сказать, что это значит?

— Понятия не имею, — ответил Майкл. — Но мне не хотелось, чтобы такая вещь была потеряна навсегда, оказавшись в лапах Драговича. К тому же, чтобы предпринять вторую попытку, мне требовалось что-то ценное. Я нашел доктора Грубера через Интернет и в один прекрасный день пришел к нему домой. Ведь даже если в конце концов мне и пришлось бы расстаться со свитком, хотелось бы, чтобы написанное на нем сохранилось. Что бы ни было спрятано в той гробнице, это не-

что явно представляет для Драговича немалую ценность. И он уверен, что за этим кроется нечто большее.

Эбби передала Майклу пустую тарелку и сделала еще один глоток сливовицы. Напиток обжег ей язык, но, по крайней мере, вкус вернул ее к реальности.

— И что ты теперь намерен делать?

— Думаю, Драговича можно обмануть. Я не знаю, что ему нужно, но в поисках этого *нечто* он поставил на уши пол-Европы. Мне кажется, он сам не знает, что творит.

Как и ты, подумала Эбби.

— Он нарушает собственные же правила, выставляет себя напоказ, делает себя уязвимым. И если мы раздобудем это нечто — что бы это ни было — раньше него...

— Он убьет тебя.

— Нет, при условии, что мы будем соблюдать осторожность.

Мы. Майкл обронил это «мы» уже во второй раз. Причем так легко, так естественно, как будто по-другому и быть не может.

— Ты, — твердо поправила его Эбби. — Однажды ты уже умер и едва не отправил на тот свет меня. Если ты задумал отомстить Драговичу, что ж, давай действуй, но только без меня.

Майкл кивнул.

— Разумеется. Я не подумал. Прости. Но куда ты теперь пойдешь?

Такой невинный вопрос, но он моментально смыл наносной слой потрясения и злости, оставив после себя лишь голый животный ужас. *Куда мне идти?* Может, вернуться в холодную квартирку в Клэпеме, где все провоняло неудачным браком? Или на канцелярскую работу в министерство иностранных дел, если, конечно, ее примут назад после этой темной истории?

И Эбби поняла: идти ей некуда. Майкл прочел это по ее лицу.

— Ты не можешь оставаться на Балканах. У Драговича глаза на каждом углу от Вены до Стамбула. Он сожрет тебя заживо.

— Ты хочешь сказать, что мне светит прожить остаток жизни, вечно оглядываясь?

— Кто защитит тебя? Или ты надеешься, что всякий раз за тобой будут присылать натовский вертолет? Евросоюз? Британское правительство?

В голове всплыла картина: мертвый Джессоп, лежащий в грязи среди леса.

— Что заставило тебя угробить десять лет жизни, скитаясь по пустыням и джунглям? Неужели все это ради того, чтобы победить негодяев вроде Драговича?

Эбби посмотрела на свои руки.

— Нет, я давно уже не пытаюсь спасти этот мир.

— Ты и не можешь его спасти, — Майкл подался вперед, темный силуэт на фоне сумерек. — Кстати, этот римлянин в гробнице. Тебе известно, что он делал в этом богом забытом месте? Охранял границы, оберегал цивилизацию от варваров. Мы делаем то же самое. Потому что если не уничтожить варваров, они сокрушат и раздавят нас прежде, чем мы поймем, что происходит. Посмотри на Югославию, посмотри на Руанду, на Германию тридцатых годов. Еще секунду назад вы жили в милой, цивилизованной стране, мыли по воскресеньям свою машину. А в следующую — вы уже режете на куски собственного соседа или накачиваете его отравляющими веществами.

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты борец с чем-то вроде нацизма?

— Нет, я лишь прошу тебя помочь мне. Вот и все. Ради меня, ради Ирины, ради всех тех, кто пострадал лишь потому, что такой подонок, как Драгович, возомнил себя богом. Уверовал, что никто не рискнет его остановить. А также ради себя самой. Тебе негде скрыться, пока этот монстр бродит по земле.

Майкл поскреб ложкой по дну миски, выбирая последние капли соуса. Со стороны могло показаться, будто он точит нож.

Ей требовалось время. В голове вертелись самые разные варианты, с самыми разными последствиями, но только не ответы. Словно в тумане, Эбби мысленно вернулась в самые заурядные, ничем не примечательные места, где ей довелось побывать: склад в Боснии, техническое училище в Руанде. Места, которые международное сообщество в свое время сочло образцом безопасности. И тысячи людей устремились туда — доверчиво, моля Бога сохранить им жизнь, цепляясь за последнюю надежду, пока, увы, не стало слишком поздно. Единственным

спокойным местом для этих несчастных стало молчание братской могилы.

— И куда ты теперь? — спросила она, чтобы оттянуть время.

— В Белграде есть один человек, который разбирается в таких вещах, — ответил Майкл. — Я сделал несколько фотографий гробницы. Интересно узнать, что он скажет.

Не успел он это сказать, как Эбби поняла, что поедет в Белград. Да куда угодно, в любое место, куда приведет ее эта безумная гонка. Нет, не для того, чтобы спасти мир, и даже не ради Майкла, и не ради мести, а потому что выбор у нее невелик: или ждать, или пуститься в бег. Ждать она устала.

Майкл повернул на плите вентиль, и горелка погасла.

Глава 28

Константинополь, май 337 года

Даже в мае, пока солнце не взойдет, на дворе бывает холодно. Константинополь — город теней. Шаги гулким эхом отзываются в пустых колоннадах, статуи словно оживают. Вознесенный над Форумом, Константин смотрит на меня с высоты своей колонны. Примерно в двадцать локтей ростом, истинный бог: обнаженный великан, увенчанный короной. Кажется, будто ее иглы протянулись навстречу заре. В одной руке у него копьё, в другой — круглая держава, олицетворяющая весь мир. Строители установили колонну всего за одну ночь, чтобы на следующее утро, когда взойдет солнце, казалось, будто Константин спустился в город с небес. Говорят, будто христиан это привело в ярость.

Город кажется пустым. Три дня назад Константин отправился на войну — в золотых латах, восседая на позолоченной колеснице, в которую запряжены четыре белых коня. В руке у него *лабарум* — боевой штандарт, который он выковал еще до победы у Мульвиева моста. Впервые Константин держал его почти четверть века назад, и с тех пор не было и года, чтобы этот штандарт не вел армию за собой. Готы, сарматы, франки, соперничающие императоры — все они, столкнувшись с этим

несокрушимым штандартом, были повержены в прах. Сам же штандарт не получил и царапины. Золотой венки, который окаймляет монограмму, сияет так же, как и в самый первый день. Солнце отражается в драгоценных камнях, и, кажется, будто это играют лучами звезды.

Но сейчас время для другого отъезда. Симмах на корабле сегодня отбывает в Пирей, чтобы оттуда совершить свое последнее путешествие к какой-нибудь безымянной скале в Эгейском море. Я пришел его проводить, ибо считаю, что это мой долг.

Я спускаюсь по ступенькам между двумя складами и выхожу на пристань. На дальнем ее конце, там, где приставная лестница ведет вниз к застывшей в ожидании шлюпке, стоят четыре солдата и обмениваются скабрёзными историями. Я подхожу к ним.

— Аврелий Симмах уже здесь?

Ни один из четверки не узнал меня и не отдал салют. Когда я в последний раз командовал легионом, они еще были детьми. Их командир с подозрением смотрит на меня, ожидая подвоха.

— И кому это нужно знать?

— Другу самого Августа, — я показываю им диптих из слоновой кости, подаренный мне Константином, и они тотчас замирают по стойке смирно.

— Пока не прибыл, — отвечает командир и смотрит на небо. — Неплохо бы ему поторопиться. Моя смена заканчивается на рассвете.

— Вон тот, — говорит один солдат и указывает на фигуру, что маячит в дверях зернохранилища. Лицо человека скрыто под низко надвинутым капюшоном. — Он тоже искал пленника.

Человек в плаще слышит наш разговор и выходит из дверей склада. Капюшон соскальзывает с его головы, и я вижу, что это Порфирий. Он как будто постарел с прошлой недели. Той нарочито бурной энергии, которой он был полон в саду Симмаха, больше нет, взгляд как будто потух. К моему великому удивлению, Порфирий обнимает меня как старого друга.

— Мы, старики, должны держаться вместе, — говорит он. — Пока молодежь совсем нас не вытеснила.

Он отступает и вопросительно смотрит мне в лицо.

— Я слышал, ты неодобрительно отнесся к тому, что они сделали с Симмахом.

— Этот случай рассматривал сам Август.

— Ты наверняка решил, что будь у Симмаха намерение сделать все очевидным, он бы наверняка сознался.

Интересно, к чему он клонит? Или он ждет, что я скажу что-то такое, что потом можно будет поставить мне в вину? Я оглядываюсь на пристань: неподалеку рослый грузчик сидит на амфоре и ест пирог, рядом какой-то портовый чиновник водит стилем по восковой табличке. В этом городе невозможно сделать даже шаг, чтобы рядом не было посторонних ушей. Так что разумней всего промолчать.

— Я слышал, что все решили показания раба, — не унижается Порфирий. — Ты сам допрашивал его?

Если бы. Кто бы ни оклеветал Симмаха, ключевой фигурой в деле был раб.

— Его пытали во дворце. А на следующее утро он был уже на пути к серебряным рудникам в Дардании, — говорю я и развожу руками. — Порой римское правосудие бывает слишком быстрым, чтобы такому старику, как я, угнаться за ним.

Порфирий кивает. По всей видимости, он услышал то, что хотел.

— И все-таки ты пришел проводить Симмаха. Благородный поступок.

— Нет, просто Август хочет убедиться, что Симмах на самом деле покинул город, — я произнес эту в шутку, однако слова прозвучали довольно резко. Порфирий отступает на шаг.

— Не сомневаюсь. Симмах — стойк. Он покинет город с чувством собственного достоинства. Впрочем, что еще ему остается.

Но Симмаха до сих пор не видно. Солнце уже высоко в небе, солдаты недовольно ворчат себе под нос. По дороге в город катят повозки с рыбой. Терпение Порфирия тоже на исходе — он расхаживает по пристани взад-вперед, то и дело поглядывая на холм, выглядывая там Симмаха.

К нам подходит командир солдат. Неожиданно для себя я превращаюсь в официальное лицо, представителя самого императора.

— Ему полагалось быть здесь еще час назад. Может, стоит сходить за ним домой?

Я тоже устал ждать.

— Хорошо, я схожу.

Порфирий решает составить мне компанию, даже не спросив. Для двух немолодых мужчин идти вверх по холму задача не из легких. К тому времени, когда наши усталые ноги наконец доносят нас до дома Симмаха, мы с ним уже пыхтим как два тяжеловеоза.

Дверь в дом заперта. Мы звоним в привязанный рядом с ней колокольчик. Никакого ответа. Все имущество Симмаха описано: рабы конфискованы и проданы, однако с ним должен был остаться вольноотпущенник, чтобы помочь приготовиться к отъезду.

— Может, он отправился в порт другой дорогой? — предполагаю я. — Может, мы просто разминулись с ним, когда шли сюда?

— Тут есть боковая дверь, — говорит Порфирий и сворачивает за угол. Поначалу мне хочется оставить его одного, но любопытство берет верх, и я иду вслед за ним. На этой стороне дома окон нет, лишь узкий проход между домом Симмаха и соседским особняком.

Где-то посередине этой стены в кирпичной кладке видна дверь. Порфирий берется за ручку, и дверь отворяется внутрь. Мы переступаем порог и оказываемся в деревянном складе со сводчатым потолком. Внутри пахнет опилками. Сейчас здесь никаких дров нет, но пол усеян щепками и обломками коры. В соседних помещениях пыль уже начала оседать. Затем на нашем пути возникает другая дверь и еще одно пустое помещение. Неожиданно мы выходим под яркое солнце перистилия, из которого в свою очередь виден сад.

Рыбы неподвижно застыли в пруду. На них со своих пьедесталов среди колоннады взирают незрячими глазами мрамор-

ные философы. В центре сада, прислонившись спиной к краю бассейна, сидит Аврелий Симмах. Голова его безвольно упала на грудь.

Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: он уже никуда не уедет.

Глава 29

Нови Пазар, Сербия, наши дни

Нови Пазар означает новый рынок, новый базар. Когда-то в городе действительно был базар, когда-то новый, а теперь грязный и неприглядный. Сам город — это Балканы в миниатюре. Южная часть — минареты и кривые турецкие улочки. Северная — сплошной бетон. Границей служит узкая речушка. Даже в беженцах, которыми наводнен город, есть некая симметрия. Мусульмане, изгнанные сербами из Боснии. Сербь, изгнанные мусульманами из Косова.

Эбби купила себе новую одежду в убогой лавчонке и переоделась в туалете автовокзала. Затем они с Майклом приобрели в киоске два билета и заняли места в хвосте автобуса. До Белграда езды пять часов. За окном протянулась сельская местность: речные долины, поросшие кустарником холмы, зеленые и коричневые, время от времени между ними мелькают сады или каменоломни. Унылый, однообразный пейзаж.

Майкл вытащил из сумки видеокамеру и включил, а чтобы было лучше видно, затенил ладонью экран. Впрочем, автобус был полупустым. Убедившись, что никто не смотрит, Майкл прокрутил запись назад, чтобы просмотреть сделанные в гробнице кадры. Время от времени он нажимал на кнопку крупного плана и рассматривал детали.

— Это крышка саркофага, — пояснил он и увеличил изображение. — Видишь надпись?

Несмотря на возраст, буквы были хорошо различимы.

— C VAL MAX, — прочитала Эбби.

— Гай Валерий Максим, — расшифровал Майкл. Эбби вопросительно посмотрела на него.

— Я не знала, что ты читаешь по-латыни.

— Я ведь окончил грамматическую школу. Еще до того, как все они стали частными. — Он легонько постучал пальцами по экрану. — После того как я ее увидел, я провел кое-какие изыскания. Об этом Валерии сохранились сведения. В 314 году он был консулом. Есть надписи, в которых он значится преторианским префектом при императоре Константине Великом. Что-то вроде начальника штаба. Или *консильере*, если тебе нравится «Крестный отец». Важная персона.

— Был, пока не получил удар мечом в сердце.

Майкл прокрутил другие кадры — в основном на них были выцветшие, облупившиеся от времени фрески. Он попробовал увеличить надпись. Увы, чем крупнее становились буквы, тем более размытой делалась надпись, растворяясь среди точек-пикселей. Не сумев добиться нужного результата, Майкл со вздохом опустил камеру. Тогда ее взяла Эбби.

— Тебе не кажется странным? — спросила она, задумчиво разглядывая фрески. — Я не вижу никакой христианской иконографии. Никаких крестов или христогограмм, ничего даже отдаленно похожего на библейские сюжеты.

— Из того, что я прочел, напрашивается вывод, что в правление Константина в делах религии царил полная неразбериха. Не следует думать, будто в одно прекрасное утро все произошло и дружно решили стать христианами.

— Вспомни про ожерелье, которое ты мне дал. Ты ведь нашел его в этой гробнице, не так ли?

— Да, оно было запечатано в вазе вместе со свитком.

— На нем христианский символ. С какой стати мертвец, в данном случае Гай Валерий, захотел иметь его рядом с собой в могиле, когда в росписях на христианство нет даже малейшего намека?

Майкл пожал плечами.

— Крещение на смертном одре?

Эбби представила себе, как в грудь человеку с силой впиывается острое меча, и передернулась.

- Кстати, коль речь зашла про ожерелье. Оно еще у тебя?
 - Нет, его конфисковал МИД.
- Майкл задумчиво посмотрел в окно.
- В принципе, теперь это не важно.

Белград, Сербия, наши дни

Они вышли из автобуса на автовокзале у подножия холма неподалеку от центра города. Темное небо принесло с собой ранние сумерки. Дождь с завидным усердием заливал асфальт улиц, а по всей долине разносились раскаты грома. Пришлось в срочном порядке покупать зонтик, что они и сделали в магазинчике при автовокзале.

— Как у нас обстоят дела с финансами? — поинтересовалась Эбби.

— Прекрасно, — ответил Майкл. — В том, что я притворялся нечистым на руку типом, было свое преимущество: через меня проходило немало денег.

— Нам надо подумать, где мы будем ночевать. Я тут когда-то останавливалась в одном отеле...

— Нет, — отрезал Майкл. — Ты ведь знаешь, как обстоят дела в Сербии. Каждый постоялец должен регистрироваться в ближайшем отделении полиции. Даже если наши имена им ничего не говорят, они увидят, что в наших паспортах нет отметки о въезде. Кстати, а паспорт у тебя есть?

Эбби похлопала себя по карманам брюк — пусто. Она тотчас вспомнила, как протянула его на фальшивом КПП, как чьи-то пальцы сомкнулись у нее на запястье, как ее выволокли из машины. Похоже, именно тогда, никем не замеченный, паспорт упал в грязь.

Ее тотчас охватила паника. Она внезапно ощутила себя маленькой девочкой, потерявшейся в большом, незнакомом городе. Теперь ей отсюда ни выехать, ни доказать, кто она такая. А вот Майкл, как ни странно, даже ничего не заметил. Лишь посмотрел на часы и сказал:

- В любом случае нам нужно кое с кем встретиться.

Что делать? Эбби побрела вслед за ним через автовокзал. Вскоре они оказались на оживленной улице. Майкл держал зонтик низко, чтобы тот закрывал им лица. Эбби прижималась к своему спутнику, держась подальше от проезжавших мимо машин, чтобы те не окатили ее водой.

— И где эта встреча?

— На сплаве.

Эбби никогда раньше не бывала на сплаве, хотя и видела их издали во время своих предыдущих приездов в Белград. Это были типично белградские заведения — бары и ночные клубы на плотках, что выстроились вдоль берегов Савы и Дуная на протяжении примерно мили. Некоторые были похожи на дома, другие — скорее на лодки. Тот, в который они пришли, имел стальную крышу, опиравшуюся на голые сваи, и потому скорее напоминал ангар, держащийся на воде примерно в ярдах двадцати от берега. С последним ангар был соединен чем-то вроде импровизированного моста из металлических шестов и деревянного настила. Над входом был прикреплен знак, который гласил: «Опасно для жизни». Правда, было непонятно, то ли это название заведения, то ли предостережение общего характера.

Эбби с опаской посмотрела на шаткий мост у них под ногами, скользкий от дождя, и серую реку под ним.

— Если нам придется в срочном порядке уносить отсюда ноги, не знаю, как мы это сделаем.

— Это место выбирал не я.

Кое-как они прошли по шаткому, мокрому настилу. Охранник на всякий случай небрежно обыскал их одежду — напоминание о том, что вы в городе, который все еще находится в состоянии войны с самим собой. На двери красовалось предупреждение «Вход с оружием запрещен». Не слишком вдохновляющее начало, подумала Эбби.

Внутри помещение было просторным и темным. Впрочем, даже темнота не мешала заметить, что внутри практически пусто. Стены были выкрашены в темно-бордовый цвет, казавшийся почти черным. Эту черноту кое-где прерывал свет аб-

страктных фигур из неоновых трубок, который больно резал глаза. В центре зала в будке стоял диджей, следя за тем, чтобы из динамиков на посетителей без перерыва обрушивалась оглушающая музыка, хотя никто не танцевал. Редкие посетители забились в кабинки по краям зала. В одной из них сидел одинокий старик. Завидев, что Эбби и Майкл вошли внутрь, он пальцем поманил их к себе.

— Кто это? — спросила Эбби, пока они пересекали танцпол. Она пыталась говорить тихо. Впрочем, музыка была такой громкой, что ей все равно пришлось кричать, чтобы быть услышанной.

— Мистер Джакомо. Он тот, кого в старые добрые времена называли «крышей».

Было видно, что добрые старые времена для Джакомо остались в далеком прошлом. Голову его венчали седые космы, зачесанные вперед, чтобы прикрыть лысину, отчего самая длинная прядь торчала впереди наподобие носа корабля. Лицо смуглое и морщинистое, брови кустистые, торчащие во все стороны. Одет он был в коричневый твидовый костюм, правда, без галстука. Белая рубашка растегнута на груди слишком низко, так сказать, на грани приличия. Увидев Майкла и Эбби, он поднялся им навстречу и повел к столу. Впрочем, рук пожимать он не стал, лишь подозвал официанта и заказал два коктейля.

— Надеюсь, вы добрались без приключений? — спросил он. Говорил он с акцентом, который, правда, было трудно определить. С таким говорят жители практически всех стран Адриатики. А еще он рассматривал Эбби так бесцеремонно, что она даже покраснела. Пережитый ужас оставил на ее лице следы — несколько синяков и длинную царапину, и это вдобавок к синякам, полученным в Риме от Драговича. В общем, хоть сейчас помещай ее лицо на плакат, посвященный домашнему насилию.

— У нас возникли кое-какие проблемы.

Джакомо кивнул, будто не видел в этом ничего удивительного.

— Вы впервые в Белграде?

Вопрос предназначался исключительно Эбби.

— Нет, я бывала здесь раньше.

— Вы уже посетили замок? А Этнографический музей?

— Мистер Джакомо днюет и ночует в музеях, — пояснил Майкл. Было видно, что он пытается шутить, но Джакомо даже не улыбнулся.

— Мистер Ласкарис, насколько я понимаю, вам было не просто договориться о встрече со мной. Я занятой человек, однако пошел вам навстречу, и это при том, что ваша профессия и моя довольно часто противоречат друг другу. — Он развел руки и, упершись в стол, подался вперед. — Так что вы от меня хотите?

Майкл зажег сигарету и выдохнул струю дыма. В свете неоновых абстракций дым светился зловещим красным светом, а на границах этого красно-сизого облачка слепящими молниями пульсировали вспышки стробоскопа.

— Я хочу знать, за чем охотится Драгович.

Джакомо прищурился.

— Я бы не рекомендовал вам произносить его имя вслух, особенно в этом городе, — сказал он и постучал себя пальцем по уху. — Даже если вы не слышите самого себя, вас наверняка услышит кто-то другой.

— За последние два месяца Драгович поставил с ног на голову пол-Европы, — ответил Майкл, намеренно повторив имя. Ритм музыки в зале ускорился и напоминал теперь топот бегущих ног. — Он явно за чем-то охотится.

— Ну, такие люди, как он, постоянно за чем-то охотятся — оружие, женщины, наркотики. Возможно, на этот раз это таможенник из Евросоюза.

Джакомо вытащил пачку сигарет и положил ее на стол.

— Думается, что вам это известно даже лучше, чем мне, верно?

— Он охотится за одной исторической древностью. Возможно, римской. Судя по тому, с каким усердием он ее ищет, ему отлично известно, что это такое. Я подумал, что, возможно, вам тоже кое-что известно.

Джакомо задумался над его словами.

— Этот человек, о котором вы говорите, не слишком часто делится со мной своими мыслями.

— Но если он ищет некую римскую древность, вы наверняка об этом слышали.

— Вы считаете, что я настолько знаменит? — Джакомо поднял стакан и принялся наблюдать за игрой света. — Что ж, возможно, и так. Но что заставляет вас полагать, что то, что он ищет, принадлежит римской эпохе?

Майкл сделал глубокую затажку.

— Ни для кого не секрет, что он помешан на всем римском.

— Вот как?

Вопрос повис в воздухе, смешанный с дымом и грохотом динамиков. Джакомо в упор посмотрел на Майкла. Тот в свою очередь вполоборота посмотрел на Эбби и вопросительно поднял брови — мол, говорить или нет?

Джакомо поднялся со стула.

— Прощу меня извинить, — он похлопал себя по ширинке. — Проблема любого старца. Думаю, через пару минут мы продолжим наш разговор.

С этими словами он выскользнул из кабинки и шаркающей походкой направился в обход танцпола к туалетам. В старомодном коричневом костюме он производил впечатление несчастного старика, по ошибке забредшего в это заведение.

— Как ты на него вышел? — спросила Эбби.

Майкл осушил стакан и ответил:

— У меня есть кое-какие контакты среди людей искусства. Контрабанда произведений искусства и антиквариата — это многомиллионный бизнес. Мистер Джакомо в этом деле один из лучших — или же худших, в зависимости, как на это взглянуть.

— А он не выдаст нас Драговичу? — Эбби вытянула шею, оглядываясь по сторонам. Намеренно или случайно, но Джакомо усадил их так, чтобы они оказались спиной ко входу. Если прибавить к этому слепящие вспышки стробоскопа и грохочущую музыку, то это было сродни сенсорной депривации.

— Как можно быть в чем-то уверенным? — Майкл помахал официанту, чтобы тот принес еще один коктейль. — Если верить тому, что о нем говорят, Джакомо — главный соперник Драговича. Как говорится, за что купил, за то и продаю.

Интересно, во сколько Джакомо оценит наши жизни, подумала Эбби.

На другом конце зала, рядом с барной стойкой, Эбби заметила мужчину в кожаной куртке. Молодой, волосы намазаны гелем и торчат во все стороны, на щеках — угревая сыпь. В руках кружка пива. При этом стоял он так, что их столик неизбежно попадал в поле его зрения. Эбби мотнула головой в его сторону.

— Как ты думаешь, это кто-то из людей Драговича?

— Скорее какой-нибудь приятель Джакомо, — отмахнулся Майкл. — Как, по-твоему, что мы должны ему рассказать?

— Разве это что-то меняет? — Эбби по-прежнему рассматривала молодого человека у стойки.

— Иметь дело с типом вроде Джакомо это почти то же самое, что играть в покер. Думается, нам нет резона торопиться раскрывать наши карты.

Эбби рассмеялась.

— А ты не считаешь, он поймет, что мы блефуем?

На другом конце зала из туалетов показался Джакомо. Эбби показалось, что, проходя мимо стойки, он обменялся взглядами с угреватым парнем. Вернувшись к столику, старик сел и подождал, пока официант принесет Майклу его коктейль. Его собственный стакан был все еще полон более чем наполовину.

— Итак?

Майкл сделал глубокий глоток.

— Мы обнаружили гробницу. В Косове. Вернее, я. Внутри оказались кое-какие вещицы, которые я продал Драговичу.

— Вам следовало обратиться ко мне. Я дал бы куда лучшую цену.

— В гробнице было также стихотворение, — Майкл взял из-под стакана салфетку и, набросав по памяти первую строчку, подтолкнул салфетку к Джакомо. Тот удивленно поднял брови.

— Вот что скажу — я не поэт. И даже не ученый.

— Я подумал, что, возможно, вы ее узнаете.

— Из этой вашей гробницы?

— Это копия уже известного стихотворения, начертанного на могильной плите, которая хранится в Риме, в Музее Римского Форума.

— Хранилась до недавнего времени, — поправил его Джакомо. — Потому что совсем недавно ее оттуда украли. Хотя, по-моему, она по-прежнему в Риме.

Он в упор посмотрел на Майкла, затем на Эбби и снова на Майкла. Ему известно, что плита у Драговича, подумала Эбби. Как и то, что у Драговича в Риме свой собственный музей римских древностей. Интересно, откуда он это знает?

— Драгович украл плиту со стихотворением. Он считает, что в ней содержится ссылка на нечто более ценное.

— Если это и так, моего мнения он не спрашивал.

— Зато вас спрашиваю я.

Джакомо бросил взгляд через плечо Майкла в направлении двери. Эбби с трудом поборола в себе желание обернуться и посмотреть, что там такое.

— Что вам известно про это стихотворение? — спросил Джакомо.

К собственному великому удивлению, Эбби моментально ответила:

— Оно датируется четвертым веком нашей эры, временем правления императора Константина.

Джакомо откинулся на спинку стула.

— Константина Великого. А вы знаете, что он родился в Сербии? Неудивительно, что здесь так много людей, страдающих манией величия, — усмехнулся Джакомо. — И где, вы говорите, в Косове находится эта гробница?

— В лесу, — уклончиво ответил Майкл.

— Когда вы унесли из нее все ценное, вы что-то оставили там? Что-то такое, за чем ваш друг мог туда вернуться, чтобы взять себе?

— Там на стенах сохранились фрески. В очень даже приличном состоянии, — Майкл вынул из сумки камеру и показал изображения на экране. — Если вы нам поможете, мы сообщим вам более точные координаты.

Эбби в упор посмотрела на Майкла. Боже, что он делает? Она представила себе, как в гробницу вламываются нанятые Джакомо гангстеры и начинают дрелями снимать со стен хрупкую штукатурку. Она ведь им не принадлежит, подумала Эбби. Казалось, будто она слышит протесты останков, которые семнадцать веков назад были человеком по имени Гай Валерий Максим.

Джакомо достал из пиджака ручку и что-то написал на салфетке рядом со стихотворной строчкой Майкла.

— Это один известный мне отельчик. Поезжайте туда, отдохните. Я же повожу тут носом, поспрашиваю кое-кого и, когда что-нибудь выясню, сам приду к вам.

— Подождите, — возразила Эбби. — Если мы поселимся в отель, у нас спросят паспорта. Нас заставят зарегистрироваться в полиции.

Джакомо пару секунд рассматривал ее, затем еле заметно усмехнулся, продемонстрировав золотой зуб. Теперь он знает наше слабое место, мысленно отругала себя Эбби. В ответ на ее слова Джакомо вытащил серебристый мобильник и набрал какой-то номер. Эбби, в свою очередь, удивилась, как он слышит что-то в этом грохоте.

— Они не станут спрашивать ваши паспорта.

— И как долго нам вас ждать?

— Пока я не раскопаю что-нибудь интересное. Вы знаете, что сказал Сократ?

— Кажется, цикута немного вредна для здоровья? — предположил Майкл. Шутка была неудачной. Джакомо даже не улыбнулся.

— Знание находится внутри вас.

С этими словами он поднялся и отошел от стола, даже не расплатившись. Когда он проходил мимо бара, угреватый парень кивнул ему, но остался стоять на месте.

Майкл задумчиво покрутил в руках стакан. Коктейль расплескался, оставив на столе влажные полумесяцы. Улыбка его потухла, а сам он словно постарел на глазах.

— И во что мы с тобой вляпались? — спросила Эбби. Даже если Майкл что-то и ответил, музыка заглушила его слова.

Глава 30

Константинополь, май 337 года

Раскинув руки в стороны, Аврелий Симмах привалился к краю бассейна. Кисть правой руки опущена в воду. Лицо багровое, на груди расплывается красное пятно. Его вырвало кровью прямо на тунику.

Мы с Порфирием переглядываемся. Оба думаем одно и то же: это вряд ли несчастный случай.

Сначала они меня отправят в изгнание, затем подошлют наемных убийц.

У ног Симмаха валяется белый мраморный бюст. Порфирий наклоняется, чтобы его поднять, но тот слишком тяжел. Тогда он читает имя на основании и горько усмехается.

— Катон Младший. Ты знаешь его историю?

— Думаю, что да.

— Это был стоик, который предпочел изгнанию самоубийство.

Порфирий ногой поддает бюст, и тот перекатывается по усыпанной гравием дорожке.

— Симмах был ничуть не сильнее меня. Сомневаюсь, что он стал бы тащить сюда Катона, чтобы устроить небольшое театральное представление.

— Похоже, кто-то хотел, чтобы мы именно так и подумали.

— Верно, хотел, чтобы мы решили, будто это самоубийство.

Краем глаза я замечаю, что в воде что-то блестит. Я протягиваю руку и достаю небольшой серебряный кубок. Одна из рыб застыла рядом с моей рукой. Так близко, что я кожей ощущаю ее чешую, но рыба почему-то не шевелится. Ни одна из рыб не шевелится. Они мертвы, все до единой. словно невесомые перья, они всплывают на поверхность брюхом вверх.

Внезапно капли воды на моей руке начинают жечь, как огонь. Возможно, всему виной мое воображение, но мне известны яды, которые убивают при первом соприкосновении с кожей. Я вытираю руку о край плаща, тру ее с такой силой, что того и гляди лопнет кожа. Порфирий растерянно наблюдает за мной.

— Яд был в кубке. Когда Симмах упал, он уронил его в воду. На дне еще оставался яд, и его хватило, чтобы убить рыб. Скорее всего, это аконит.

— Аврелий Симмах заслуживал лучшей участи.

Порфирий неожиданно хватается за бюст и то тянет его во локот, то толкает, пока наконец бюст не оказывается на кромке бассейна. Еще миг, и бюст, разбрасывая вокруг фонтан брызг, летит в воду. Несколько рыб при этом выплеснуло на землю.

— Мы должны оповестить стражу.

— Они скажут, что это самоубийство.

— Это лучше, чем быть обвиненными в убийстве.

Злость постепенно покидает его. Мы оба запутались в одной и той же паутине. Порфирий идет назад к колоннаде и тяжело садится на ступеньку. Я обхожу бассейн, стараясь подавить в себе желание почесать руку.

— Симмах ушел из жизни не сам, — говорю я. — Тот, кто убил его, возможно, убил и Александра.

— Разве тут есть какая-то связь?

— Предположим, Симмах не убивал Александра. Предположим, что тот, кто убил Александра, затем специально оклеветал Симмаха.

— Согласен, у этого человека наверняка имелся мотив. Впрочем, мотивы есть у любого. Даже у тебя. Но возникают три вопроса, и у них не обязательно один и тот же ответ. Кто убил Александра? Кто оклеветал Симмаха? И теперь, кто его отравил?

Порфирий начинает меня раздражать, вертя каждым моим словом, как софист на форуме. Мне эти философствования не интересны.

— Кто еще мог быть заинтересован в том, чтобы состряпать навет на Симмаха, если не тот, кто убил Александра? Убрав Симмаха, этот человек оборвал последнюю ниточку, которая могла на него вывести.

— Ниточка уже оборвалась — сейчас Симмах должен был уже выйти в море. Если этот человек хотел навсегда устранить его, то же самое можно было сделать и во время плавания. Или же по прибытии в Грецию. Никто бы ничего не узнал. А если и узнал, то вряд ли бы возмутился.

— Ты хочешь сказать, что это совпадение?

Я молчу, глядя на труп у бассейна. Опыт научил меня, что в этом городе совпадений не бывает.

— Тот, кто оклеветал Симмаха, выбрал его не наугад. Его нужно было убрать. И одного изгнания тут было мало. Этим людям он нужен был мертвым.

Порфирий молчит, не спешит высказать свое мнение.

— Ты был его другом. Кто, по-твоему, из тех, кого он знал, мог на него оскорбиться?

— Его ненавидело немало христиан, — уклончиво отвечает Порфирий.

— Ты хочешь сказать, что они тридцать лет ждали этого момента? — Я недоверчиво качаю головой. — Нет, здесь явно кто-то спешил.

Я нарочно выдерживаю паузу. Порфирий, безусловно, потрясен, но все равно есть в его поведении нечто неприятное, скользкое, отчего мне делается противно.

— Мы должны узнать, чьих это рук дело, — говорю я. — С меня довольно козней и секретов.

— И ты считаешь, что добьешься справедливости?

— Нет, мне просто не хотелось бы повторить судьбу Симмаха.

Старые привычки, от которых нелегко избавиться. Даже на этой пустой вилле я говорю так, будто меня кто-то подслушивает. Впрочем, поздно думать о предосторожностях.

Внезапно меня охватывает ярость. Порфирий кажется мне сосредоточением всей лжи и предательства, с какими я только сталкивался в последние несколько недель. Со свирепой силой, которую, как мне казалось, я давно утратил, я поднимаю мертвого Симмаха под мышки и волоку его прочь от бассейна. Порфирий в ужасе вскакивает с места.

Я бросаю тело у ног Порфирия.

— Симмах был твоим другом?

Его бьет дрожь. Голова подрагивает как кусок мяса на кончике ножа. Я принимаю это за положительный ответ.

— Тогда ради бога — любого, твоего или моего — скажи мне, что тебе известно.

Я смотрю на него. Он же отказывается посмотреть мне в глаза. Вместо этого опускает голову и глядит в землю. Мертвый Аврелий Симмах смотрит на него снизу вверх. Порфирий что-то шепчет, но я с трудом разбираю его слова. Мне кажется, что он сказал что-то вроде «секрет».

— Какой секрет?

— Я не могу тебе сказать. Это не мой секрет.

— Тогда чей? Симмаха?

Порфирий тяжело опускается на ступени и обхватывает руками колени.

— Нет, Александра.

Ага, а вот это уже интересно. Я весь внимание.

— Александр работал в архивах, писал труд по истории. Среди бумаг в архиве он откопал документ, который Симмах написал тридцать лет назад, и теперь намеревался использовать для шантажа.

— Откуда тебе это известно?

— Надеюсь, ты знаешь, что несколько месяцев назад умер патриарх Константинопольский?

Мне тотчас вспомнился разговор с Симеоном во дворе церкви Святого Мира. Евсевий — кандидат номер один на это место. Александр же выступал против его избрания.

— Патриарх Константинопольский самый влиятельный епископ во всей империи. Евсевий спит и видит, чтобы занять его место. Александр же, напротив, был готов на все, чтобы этого не допустить.

И сразу многое становится на свои места.

— Александр откопал какой-то секрет? Который касается Евсевия?

— Ты слышал о человеке по имени Астерий Софист?

Перед моим внутренним взором возникает морщинистый старик с изуродованными руками. Взгляд устремлен в церковь, куда ему запрещено входить.

— В тот день он тоже был в библиотеке.

Порфирий обводит взглядом перистиль. Его слышат лишь мертвец, мертвые рыбы, несколько мраморных философов и

я. Но даже так, нелегко раскрывать секрет, который носишь в себе уже не первый год. Его голос едва слышен.

— Во времена гонений Симмах держал Астерия и Евсевия в своем застенке. Оба уже тогда были восходящими звездами. В глазах многих христиан они были образцами силы и твердости духа. Император Диоклетиан полагал, что если сломает этих двоих, то сломает и их последователей.

Симеон: *В подвале под домом Астерия прятались несколько христианских семей. Дети, взрослые. Он выдал их всех императору, который их, в свою очередь, распял.*

— Я знаю эту историю, — говорю я. — Астерий сломался. Евсевий — нет.

Порфирий понуро качает головой. Взор его устремлен вниз, как будто он всматривается в глубины собственной души.

— Сломался Евсевий. Астерий выстоял.

Он шепчет это еле слышно, и мне поначалу кажется, что он просто повторяет мои слова, но потом я все понимаю.

— Евсевий предал христиан? — Порфирий кивает. — Тогда как же?..

— Как же получилось, что Евсевий стал епископом, а Астерию было запрещено вступать под своды церкви? — Порфирий проводит рукой по волосам, оставляя на них пыльный след. — Они договорились с Симмахом, что вина будет возложена на Астерия.

Я пытаюсь переварить услышанное.

— А откуда тебе это известно?

— В свое время мне об этом рассказал сам Симмах. Лицемерие этой сделки его забавляло.

— А почему он впоследствии никому не сказал об этом?

— Потому что был честен и умел держать слово. А еще потому, что не видел в этом необходимости. Гонения давным-давно закончились. Что бы он выиграл, развенчай он Евсевия? Когда же Константин пришел к власти, бороться с Евсевием стало попросту опасно.

Я пытаюсь осознать, что все это значит, пытаюсь нащупать нить, которая соединяет мертвое тело у моих ног с рассказом Порфирия.

— Почему Александр так ненавидел Евсевия? Ты ведь сам только что сказал, что он не имел видов на пост патриарха Константинополя?

Порфирий смотрит на меня полным жалости взглядом.

— Вижу, ты и впрямь ничего не знаешь о христианах.

— Не знаю и честно в этом признаюсь.

— Существуют две группировки. У каждой есть обидные клички в адрес другой, но проще будет назвать их арианами и ортодоксами. Ариане следуют доктрине священника по имени Арий, который утверждал, что Христос, Сын Божий, был создан Богом Отцом из ничего. Ортодоксы утверждают, что Христос такой же бог и имеет ту же вечную сущность, что и Бог Отец.

Мой взгляд скользит по мертвому Симмаху. Труп уже начал коченеть и изогнулся дугой, как будто извиваясь в неких безмолвных муках.

Неужели, задаюсь я мысленным вопросом, все эти теологические мудрствования столь важны, что из-за них Симмах, бездыханный, сейчас лежит передо мной?

— Да, я уже слышал все это раньше. Но мне казалось, что этот вопрос был окончательно улажен двенадцать лет назад на Никейском соборе?

Евсевий. *Ты был в Никее. Стоял в тени и слушал, о чем мы говорили. Держал одну руку на рукоятке меча. Мы называли тебя Брутом. Ты это знал?*

Порфирий срывает розу и начинает ошипывать с нее лепестки.

— Этот спор так и не был улажен. Константин выступал за компромисс, но не успели епископы разъехаться из Никей, как снова были готовы вцепиться друг другу в глотку. Евсевий в то время находился в изгнании. — Порфирий вздыхает. — Но теперь дело не в теологии. Сомневаюсь, что половина тех, кто причисляет себя к арианам или ортодоксам, способны вникнуть во все эти богословские хитросплетения. Люди просто занимают чью-то сторону, и для них важно, которая из сторон берет верх.

— Евсевий — арианин?

Мне кажется, что я знаю, что этот так, но с другой стороны прошло ведь двенадцать лет. Порфирий утвердительно кивает.

— Он самый главный арианин. Он считал своим долгом распространять учение Ария, а Астерий Софист стал ему в этом деле верным помощником. Бедный Арий сделался второстепенной фигурой в собственной ереси. Александр же возглавил партию ортодоксов. Борьба за патриарший престол — просто последняя битва в этой войне.

Я вновь мысленно возвращаюсь в ту ночь во дворце. Евсевий, главный обвинитель. В какую ярость он, помнится, пришел, стоило Симмаху вспомнить имя Астерия. Неудивительно, что он испугался, ведь Симмах мог рассказать правду.

Я пытаюсь выстроить последовательность событий.

— Александр нашел свидетельства того, что во времена гонений Евсевий предал церковь. Он вызвал Евсевия в библиотеку для разговора — хотел потребовать, чтобы тот отказался от притязаний на патриарший престол. А чтобы не быть голословным, в подтверждение своих обвинений захватил с собой в библиотеку и Симмаха. У Евсевия имелись все причины, чтобы видеть обоих мертвыми — двоих свидетелей, которые могли доказать, что он предал церковь.

Они убили собственного бога — есть ли что-то такое, на что они не способны, лишь бы сохранить свои привилегии?

— Евсевия в тот день в библиотеке не было, — говорит Порфирий. — Он никого не убивал.

— Значит, это сделал Астерий.

Говоря эти слова, я понимаю, что не прав. Астерий не мог размоzzжить Александру череп. У него вместо рук культи.

Тишину сада нарушает стук в ворота. С улицы доносятся чьи-то раздраженные голоса. Мне кажется, будто я узнаю голос командира стражников с причала. Его вахта уже давно закончилась. Охваченный паникой, Порфирий вскакивает со ступеней.

— Оставайся на месте, — говорю я. — Пойду впущу их.

— А как же Симмах? Что мы им скажем?

— Скажем, что это было самоубийство, — отвечаю я и топлюсь к боковой двери. — В любом случае это именно то, что им хочется услышать.

Глава 31

Белград, Сербия, наши дни

Гостиница оказалась на верхнем этаже жилого дома в старом городе, к югу от главного бульвара под названием Кнез Михайлова. Улочки запутанные и колоритные, жилой дом — втиснутый в их лабиринт архитекторами времен Тито, — квадратный и бетонный. Фасад затянут строительной сеткой, словно паутиной, хотя, если судить по шелушащейся краске, строители ничего не сделали для того, чтобы привести дом в божеский вид.

Лязгающий лифт поднял их до коридора на шестом этаже. В крошечной будке, сделанной в стене, за зарешеченным отверстием сидел администратор — усатый мужчина — и смотрел телевизор. Он дал им ключи и указал куда-то дальше по коридору.

— Последняя дверь.

Лучшее, что было в их номере, это вид. Окна выходили на реку, и даже сквозь серую пелену дождя вдалеке маячили высотные дома Нового Белграда. Казалось, что это совершенно другой мир. Майкл замкнул дверь на ключ и приставил к ней стул. Эбби бросилась на кровать и зарылась лицом в подушку.

Майкл сел рядом с ней на кровать. Он протянул было руку, чтобы погладить ее по плечу, но затем передумал.

— Прости — прошептал он.

— И что нам теперь делать?

— А что мы можем сделать?

— Я не доверяю этому Джакомо.

— И я ему тоже не доверяю. Но — он лучшее, что у нас есть, — с этими словами Майкл перекатился на спину и зажег сигарету. — Мы с тобой сейчас в таком мире, где волей-неволей приходится иметь дело с людьми вроде него. Это тебе не Гаага.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? — Эбби приподнялась на локте, чтобы он увидел, что она сердится. — В свое время я имела дело с убийцами, у которых руки были по локоть в крови. По сравнению с ними Джакомо и Драгович покажутся белыми и пушистыми.

— Интересно, откуда в тебе такая уверенность?

Внезапно вся злость, весь ужас, накопившиеся за последние несколько дней, снесли все преграды и яростно выплеснулись наружу.

— Ты знаешь, почему это было возможно? Почему такой ничем не примечательный человек, как я, смог выстоять лицом к лицу с этими монстрами — безоружная, без охраны — и уйти от них живой?

— Потому что в тебе есть мужество.

— Нет! Потому что у нас есть правила, государственные институты и законы, которые позволяют бороться с этими людьми. И вот теперь мы сами ничуть не лучше их.

Майкл высунул руку в окно.

— Посмотри, где мы теперь. Этот город тоже был одним из самых темных мест на планете. Неужели ты считаешь, что все твои хваленые правила, законы и институты хоть что-то значили, когда Милошевич развязал войну против всех и каждого?

— Милошевич закончил свои дни в тюремной камере в Гааге.

— Да, но перед этим он убил сто сорок тысяч человек. И только потом НАТО наконец набралось смелости и разнесло его бомбами. А что в самом Косове? Драгович, можно сказать, у американцев на прицеле, и что же? Они лишь наблюдают, как он гоняет туда-сюда через границу, потому что так говорят их правила. И как тебе это?

— А что ты предлагаешь взамен? — бросила ему Эбби. — Вспомни, что ты сам сказал о варварах. О том, что нужно охранять границы цивилизации, чтобы хорошие люди могли спать спокойно. Именно то, что мы следуем правилам, и дает возможность провести разграничительную черту.

Майкл протянул было руку, чтобы дотронуться до нее, но Эбби резко отстранилась, чувствуя, что вот-вот расплачется. Нет, он не увидит ее слез, не дождется. Майкл поднялся с кровати и пристально посмотрел в зеркало, как будто рассчитывал в нем кого-то увидеть.

— Так что нам теперь делать? — убитым голосом повторила Эбби.

— Знание находится внутри вас, — прошептал Майкл. — Единственный ключик для нас — это стихотворение. Судя по всему, Драгович того же мнения, иначе зачем ему понадобилось красть из музея плиту со стихом?

Эбби задумалась. Нет, меньше ныть ее раны от этого не стали, но, по крайней мере, это отвлекло ее от боли.

— Та версия, что написана на могильном камне в Риме, имела всего две строки. На свитке, который расшифровал Грубер, строчек четыре.

Она достала листок, который дал ей Грубер, весь измятый от долгого пребывания в мокром кармане. Майкл внимательно прочел написанное.

— Да, тоже не густо, я бы сказал.

За окнами, завешанными тонкими занавесками, барабанил дождь. Эбби вспомнился другой дождливый день, в другом городе на краю Римской империи. *Это анализ нескольких первых строк.*

— А если есть что-то еще? — предположила она. — Грубер не закончил расшифровку всего свитка. Собственно говоря, он только к ней приступил. Вдруг там будет продолжение?

Глаза Майкла тотчас загорелись. Он резко повернулся.

— Подожди меня здесь.

С этими словами он взял куртку и направился к двери.

— Эй, ты куда?

— Надо кое-кому позвонить, — ответил он и погрозил ей пальцем. — А ты смотри, не вздумай открывать дверь посторонним людям.

Эбби просидела одна всего двенадцать минут, но каждая показалась ей вечностью. В комнате работал чугунный радиатор, в котором постоянно что-то щелкало или гудело, отчего комната казалась населенной привидениями. Любой, даже самый негромкий звук заставлял ее вздрагивать, как будто она слышала выстрел. Эбби поймала себя на том, что не может оторвать глаз от двери, чувствуя, как бешено бьется в груди сердце в ожидании чего-то нехорошего. Например, в дверь постучат, или кто-то снаружи повернет ручку. Когда Майкл наконец вернулся, от радости она едва не лишилась чувств.

Его лицо просияло довольной улыбкой.

— Доктор Грубер завтра первым же рейсом прилетает в Белград. Он привезет с собой копию свитка и ту расшифровку, которую успел сделать.

— Он сказал, что строчек по идее должно быть больше?

— Намекнул.

— Разве он не мог зачитать тебе текст по телефону?

Майкл расплылся в хищной улыбке.

— Мог бы, но где тогда гарантия, что он получит сто тысяч евро, которые, по его мнению, ему причитаются?

Для Эбби эта ночь стала самой длинной в ее жизни. Ей было так страшно, что она даже не стала раздеваться и залезла под одеяло в одежде. Весь город казался ей сделанным из гудящих и щелкающих труб отопления, радиаторов, скрипучих лифтов и громыхающих внизу трамваев. В какой-то момент ей показалось, что она услышала вдали звук, напоминающий выстрел. Эбби тотчас вздрогнула, хотя это мог быть всего лишь неисправный мотор. Затем она еще полчаса ждала услышать этот звук снова — надо сказать, в последние годы она слышала такие звуки постоянно, — но нет, он так и не повторился.

А вот Майкла, похоже, ничто не беспокоило. Он проспал всю ночь как убитый, слегка похрапывая. В конце концов Эбби не выдержала и, выдернув из розетки радио на прикроватном столике, отправилась в ванную, чтобы попытаться там утопить свои страхи в ритмах софт-рока. На небольшом дисплее то и дело мелькали красные цифры, словно издеваясь над ее попытками уснуть. В конце концов, подложив под спину подушку и накрывшись грубым одеялом, она задремала в ванне и проспала так до утра.

Проснувшись она от того, что у нее затекла шея. Сильно болела голова. Когда Эбби открыла глаза, Майкл стоял перед ней в одних трусах.

— Я подумал, что ты сбежала.

Возможно, он спал не так уж и крепко, как ей казалось. Глаза его были налиты кровью. Щетина на подбородке слишком длинная, чтобы производить впечатление легкой небритости,

но слишком короткая для бороды. Морщины вокруг глаз говорили о сильной усталости, но отнюдь не о житейской мудрости.

— Я не могла уснуть.

— Признак большой совести. — Майкл попытался изобразить улыбку, но Эбби не нашла в его шутке ничего смешного.

— Я умираю от голода.

Увы, завтрак не входил в стоимость номера. Они были вынуждены спуститься в забегаловку на другой стороне улицы, где заказали себе омлет и кофе. Многовековое наследие Османской империи состояло в том, что, по крайней мере, кофе здесь подавали крепкий.

— А что, у тебя и в самом деле есть сто тысяч евро?

Майкл аккуратно разрезал омлет.

— Ну, этот вопрос мы как-нибудь утрясем.

— В котором часу состоится встреча?

— В обед. Я сказал, что встречу его у замка.

— Ну, это прямо в духе Кафки, — заметила Эбби и принялась за омлет. Майкл тем временем подозвал официанта и заказал еще кофе.

— Возможно, с этим стихом все не так просто, — задумчиво произнесла Эбби, покончив с омлетом. — Когда Джакомо сказал, что ответ внутри нас, он не знал, что в стихотворении есть и другие строки. Что, если в имеющемся у нас тексте содержится какой-то намек?

Майкл взял смятый листок и разгладил его на столе. Сначала он пробежал глазами английский перевод, затем попытался прочесть латинский оригинал. По губам было видно, как он проговаривает слова.

— Полная абракадабра, — признался он в конце концов.

— Не абракадабра, а латынь, — напомнила ему Эбби. — Мне казалось, ты говорил, будто умеешь ее читать.

— Я провалил школьный экзамен.

— В таком случае найдем кого-нибудь, кто его сдал.

Студентски Трг — Студенческая площадь — раскинулась на самом конце мыса, рядом с крепостью. Размером с футбольное поле, поросшая травой и деревьями, окруженная зданиями в

обычном здесь сочетании псевдоклассической и социалистической архитектуры, которые составляли комплекс Белградского университета. По всему парку валялись статуи — некогда прославлявшие героев эпохи коммунизма, а теперь сброшенные со своих пьедесталов, на которые установили другие, менее одиозные фигуры менее спорных эпох. Некогда были планы протянуть через все сердце города цепочку скверов и парков. Сегодня этот зеленый клочок главным образом служил конечной остановкой автобусов.

Майкл и Эбби без особых трудов нашли отделение классических языков и философии — оно располагалось в импозантном розово-сером здании на южном конце площади. Пять минут в интернет-кафе, и они уже знали нужное им имя. Благодаря обаянию Майкла и ее знанию сербскохорватского они сумели благополучно миновать охранника и, поднявшись на второй этаж, отыскивали нужную дверь.

За дверью располагался крошечный кабинет. Стальные полки были до отказа забиты разбухшими от бумаг папками. На противоположной стене висела потрепанная карта Римской империи на пике ее могущества. Из-за цветочных горшков на подоконнике выглядывал зеленый терракотовый бюст: круглолицый мужчина с выступающим подбородком и впалыми щеками. Он как будто смотрел в одну точку поверх голов. В его лице чувствовалась некая напряженность. Каждый мускул на нем, казалось, был заряжен стремлением к власти.

В отличие от бюста на окне, хозяин кабинета — доктор Адриан Николич — отличался гораздо менее внушительной внешностью: среднего телосложения, каштановая борода, кудрявые каштановые волосы, карие глаза, в которых светилась улыбка. Одет он был в свитер поверх клетчатой рубашки, коричневые вельветовые брюки, ботинки с высокой шнуровкой.

— Спасибо, что согласились принять нас, — сказала по-сербски Эбби.

Николич кивнул, польщенный тем, что она говорит на его родном языке. В небольшой стране с дурной репутацией такие вещи очень важны. Эбби заметила, как он посмотрел на ее сиялки, однако предпочел промолчать.

— Вот уж не знал, что обладаю международной славой. Может, мне следует просить у начальства повышение. — Николич медленно развернулся на стуле, жестом приглашая их сесть на старый потертый диван у противоположной стены. — Через пятнадцать минут у меня занятие. А пока я к вашим услугам. Чем я могу вам помочь?

Эбби достала из кармана помятый листок со стихотворением — латинский текст и перевод.

— Это неожиданно попало к нам в руки.

— Попало к вам в руки?

— Это долго объяснять.

Николич кивнул.

— Это Балканы. Тут вечно что-то теряют и что-то находят. Мы научились не задавать вопросов.

С этими словами он вынул из ящика стола очки и прочел стихотворение.

— Я вижу, вы уже сделали перевод. Тогда что вы ожидаете от меня услышать?

— Что угодно, что только придет вам в голову.

Николич усмехнулся.

— Что угодно?

— Обстоятельства, при которых мы это нашли, дают основания полагать, что оно относится к периоду правления императора Константина Великого.

— И вы подумали обо мне, — хозяин кабинета кивком указал на бюст на окне. — А вы знаете, что он родился в Нише? Кстати, это мой родной город.

Эбби шумно втянула воздух.

— Вы можете подумать, что мы не в ладах с головой, но нам кажется, что это стихотворение содержит намек на некий утраченный артефакт. Который, возможно, относится к эпохе правления Константина.

Николич пристально посмотрел ей в глаза. Его собственный взгляд был непроницаем.

— Вы совершенно правы.

— Права?

— Да, в том, что это действительно пахнет безумием. Часто ли бывает в этой жизни, что кто-то входит к вам в кабинет с листком бумаги или картой, которая ведет к давно потерянным сокровищам? — Николич поднялся со стула. — Я ничем не могу вам помочь.

Эбби и Майкл остались сидеть.

— Стихотворение подлинное, если это то, что вас беспокоит, — сказал Майкл.

— У вас есть оригинал?

Майкл кивнул.

— Если вы дадите мне на него взглянуть, то я, наверно, смогу сказать что-то определенное. Кстати, какую организацию вы представляете?

— Мы представляем Евросоюз. — Майкл вынул из бумажника удостоверение служащего EULEX и помахал им перед Николичем. — Я работаю в главном управлении таможенной службы. Мы расследуем незаконную деятельность торговцев антиквариатом, и свиток с этим стихотворением входит в число перехваченных нами древностей.

— Мы полагаем, что там могут быть и другие сокровища, — добавила Эбби. — И хотели бы знать, содержится ли в этих строчках намеков на то, что те могут собой представлять.

Николич, не садясь, взял листок бумаги и внимательно его рассмотрел.

— Это слово — *signum* — вы знаете, что оно значит?

— Знак, — ответил Майкл. — *Спасенья знак, что освещает путь вперед...*

— Это слово сыграло ключевую роль в жизни Константина. Перед своей великой битвой у Мульвиева моста он якобы увидел в небе светящийся крест и услышал слова «*In hoc signo vinces*», «сим победиши» или «с этим знаком ты победишь». Вы знаете, что это был за знак?

— Буквы Х-Р, — ответила Эбби.

— Хи-Ро, — поправил ее Николич. — Первые буквы имени Христа по-гречески. Если же посмотреть на него с идеограмматической точки зрения, то Хи — это форма креста, а вставленная в него буква Ро — символ человека.

Эбби тотчас вспомнилось ожерелье, которое теперь лежало под замком в одном из сейфов на Уайтхолл.

— Впрочем, это нельзя назвать настоящей христограммой. Этот знак — так называемая ставрограмма. От греческого слова «ставрос», то есть «крест».

— Понятно.

— Но первоначальная запись о битве при Мульвиевом мосту была сделана по-гречески. Вы знаете, какое слово соответствует латинскому «signum» в греческом языке?

Майкл и Эбби покачали головами.

— «Тропайон». У этого слова много значений. Это может быть трофей или военный мемориал, или штандарт, с которым армия идет в бой.

Очередной пристальный взгляд.

— Вам что-либо известно про боевой штандарт Константина?

— Лабарум? — уточнила Эбби. Помнится, это слово произнес доктор Грубер в музее Трира. — Тот самый знак Хи-Ро, который явился ему во сне? Он превратил его в золотой штандарт, усыпанный драгоценными камнями.

Эбби умолкла, ожидая, что скажет Николич. Но тот лишь сложил на груди руки и смотрел на нее, будто ожидая чего-то большего.

— Вы хотели узнать, какая вещь из эпохи Константина Великого представляет особую ценность? Некое сокровище первостепенного исторического значения, причем утраченное еще много веков назад?

Ага, вот оно!

— А, вы хотите сказать, что стихотворение указывает на лабарум? Тот самый штандарт, под которым армия Константина шла в бой?

— Почему бы нет? — Николич пожал плечами.

— И что с ним стало? — спросил Майкл. — Такие ценности, как правило, не теряются. Византийская империя прекратила свое существование лишь пятьсот лет назад. Разве он не в музее?

— А вы считаете, что если вещь исторически важна, то люди непременно пытаются ее сохранить? Даже гробница Констан-

тина в Стамбуле, и та не сохранилась. Когда турки завоевали Константинополь, они разрушили мавзолей императора, который располагался в церкви Святых Апостолов, и построили на его месте мечеть.

С этими словами Николич повернулся к карте на стене и пальцем провел линию через все Балканы, от Адриатического моря к Черному.

— Этот регион был пограничным на протяжении почти двух тысяч лет. Александр Великий? На востоке и на юге его империя простиралась до Индии и Египта. Но на севере и западе она протянулась через Косово. Римская провинция Мёзия — современная Сербия — словно мячик перелетала от восточных императоров к западным. Когда же в 476 году Западная империя пала, крепость Сингидунум — нынешний Белград — осталась стоять на пути полчищ варваров, наступавших с другого берега Дуная.

Затем были османы, затем Австро-Венгрия, затем Югославия и Советский Союз. Вы знаете, почему в девяностые мы сражались в Хорватии? Потому что они, хорваты, — западные католики, а мы восточные православные. Тяжкое наследие одиннадцатого века, расколовшего христианский мир пополам. Граница всегда означает войны. И представьте себе — многое теряется безвозвратно.

Николич снял с полки книгу и перелистал ее страницы.

— Это византийское повествование о жизни Константина Великого, датированное девятым веком. Дав описание лабарума и его применения в битве при Мульвиевом мосту, автор говорит: «Он существует и по сей день, и хранится как величайшее сокровище в императорском дворце, потому что, если городу будет угрожать любой враг или любое зло, его сила непременно их победит».

— Но это было, — Майкл быстро подсчитал в уме, — тысячу двести лет назад. А что с ним произошло с тех пор?

— Константинополь был разграблен в 1204 году участниками Четвертого крестового похода. Многие сокровища были тогда утрачены или спрятаны. Некоторые привезены крестоносцами в Венецию. Византии удалось вернуть себе город, однако в

1453 году он пал, на сей раз окончательно, под ударами турок. Все ценное, что еще оставалось в городе, попало к ним в руки.

— Значит, он может быть или в Венеции, или в Стамбуле, или же просто спрятан где-то еще?

— Венецию разграбил Наполеон, Париж — нацисты, Берлин — русские. Москву грабил любой, у кого были деньги, — Николич печально улыбнулся. — *Sic transit gloria mundi*. Или же, если вы позволите мне перевести эту фразу как профессиональному историку, «дерьмо случается».

Из динамика компьютера раздался звон колокольчика.

— Мне пора на лекцию. Простите, но я вам больше ничем не могу помочь.

Майкл и Эбби вышли на улицу. У тротуара стояли троллейбусы. Сгрудившись у дверей, их водители устроили перекур. Майкл посмотрел на часы.

— Будем надеяться, что Грубер скажет нам больше.

Глава 32

Константинополь, май 337 года

Я спешу по переулку, затем сворачиваю на широкую улицу, вдоль которой протянулась вереница платанов. Сейчас это только саженцы, но в один прекрасный день их тень будет спасать улицу от летнего зноя. Если, конечно, город доживет до этих времен. По всей империи разбросаны недостроенные города, символы тщеславия разных императоров. Я видел их все — Фессалоники, Никомедию, Милан, Аквилеи, Сирмум. Даже Рим окружен кольцом ипподромов, которые ни разу не видели скачек, и мавзолеев, чьи хозяева нашли свой последний приют в других местах. Интересно, захочет ли новый император жить в городе, названном именем его предшественника?

Мысли как будто подгоняют меня, и я ускоряю шаг. Я помню, что Константин сказал мне в тот день, когда приволок меня во дворец.

Христиане плюются и царапаются, но они не кусаются. А еще я помню, что Флавий Урс, ожидая кончины Констан-

тина, сказал на прощанье с того берега Босфора. *Тебя не удивило, что Константин поручил расследовать убийство епископа человеку, который ничего не знает о христианстве и христианах?*

Неужели Константин хотел выставить меня на посмешище? Или его подговорил Евсевий? Ведь даже если бы я что-то узнал, они наверняка сделали бы все для того, чтобы это осталось тайной. Я всю свою жизнь только тем и занимался, что хоронил секреты Константина.

Существуют две группировки. У каждой есть обидные клички в адрес другой, но проще будет назвать их арианами и ортодоксами. Ариане следуют доктрине священника по имени Арий, который утверждал, что Христос, сын Божий, был создан Богом Отцом из ничего. Ортодоксы утверждают, что Христос такой же бог и имеет ту же вечную сущность, что и Бог Отец.

Все это я уже слышал раньше.

Никея, июнь 325 года. Двенадцать лет назад

Я никогда не понимал их споров. Насколько мне известно, никто никогда не спрашивал, является ли Аполлон таким же вечным, как Диана, или же был ли Геркулес единосущен Юпитеру. Мы с братьями никогда не сидели в нашей пещере, пытаюсь выяснить природу и ипостаси Митры. Мы приносили жертвы и выполняли ритуалы — так, как нас учили. Мы считали, что боги лучше нас знают, кто они такие.

Не то что христиане. Эти всегда о чем-то с пеной у рта спорят, вечно пытаются что-то доказать себе и другим. Они готовы до бесконечности искать ответы на вопросы, на которые не существует ответов — на мой взгляд, исключительно с той целью, чтобы затем, к своей великой радости, обнаружить, что у них имеется очередной предмет спора. Константин эта вечная грызня раздражает. Христиане нужны ему для того, чтобы они молились о его успехах, а не вечно сводили друг с другом счеты.

— Единой империи нужна единая религия, — пожаловался он мне как-то раз. — Разделенная церковь — это оскорбление для Единого Бога.

А оскорбленный бог вполне может решить, что ему нужен новый защитник.

Христиане согласны в том, что их бог состоит из трех существ: отца, который похож на Юпитера, Христа, которого он произвел на свет от смертной женщины, чтобы тот, как Геркулес, вершил его дела на земле, и духа-посланника, который, подобно Меркурию, сообщает людям свою волю. Но почему эти трое непременно должны составлять Единого Бога, никто так толком и не объяснил. Зато они готовы часами яростно спорить о том, каковы взаимоотношения между этими тремя существами — как те сенаторы, которые часами обсуждают, какая судьба ждет того или иного придворного фаворита.

Один из этих вечных спорщиков — священник Арий из Александрии. Пытаясь описать своего бога, он как-то раз заявил нечто столь возмутительное, что половина христиан теперь не желают даже слышать его имени. Вторая же грудью встала на его защиту, и, судя по всему, в Церкви назревает раскол.

— Я потратил двадцать лет на то, чтобы воссоединить империю, чтобы христиане могли жить в мире, — жалуется Константин. — Но не прошло и года после моей победы, как они вновь пытаются разорвать нас на части.

А ты чего ожидал? — так и подмывает меня задать ему вопрос.

Во время войны Константин всегда ищет решающей битвы. Ту же логику он применяет и к Церкви: он собирает всех спорщиков во дворец в Никее, чтобы устроить там состязание в красноречии, а потом объявить победителя, которого должны признать все.

— Вопрос столь тривиален, что даже не заслуживает этого спора, — говорит он с надеждой в голосе. — Я уверен, что все уладится само собой.

Дворец стоит на берегу озера и обращен на запад. Никея — довольно скромный город посреди плодородных холмов. Его стены едва вмещают то огромное количество христиан, что

прибыли сюда со всех концов империи — двести пятьдесят епископов, примерно вдвое больше простых священников, их слуги, помощники, прихлебатели и личный скарб. Единственное помещение, способное вместить в себя эту толпу, — это большой зал дворца. Для проведения собора плотники оснастили его амфитеатром скамей. Во время открытия собора епископы займут места по обеим сторонам зала, как зрители на ипподроме.

Для большинства из них — особенно из восточных земель, которые стали частью империи лишь недавно — это первая возможность увидеть Константина своими глазами.

Император ослепляет их. Он входит в зал, облаченный в пурпурные одеяния, и все встают. Шелка на нем блестят и переливаются, как вода в солнечный день, а драгоценные камни, которыми они расшиты, отбрасывают на пол разноцветные блики. Он торжественно шествует по проходу — взор опущен долу, руки сложены. Он поднимается на возвышение в конце прохода, где его уже ждет золотое кресло вроде тех, на которых восседают судьи. Поднявшись на возвышение, Константин оборачивается ликом к епископам и приглашает их сесть.

— С вашего позволения?

Все так потрясены, что даже забывают прошептать согласие. Император никогда ни о чем их не просил. Константин садится. Садятся епископы. Евсевий, который сидит ближе всего к нему справа, произносит речь, в которой благодарит Господа за мудрость и благожелательность Константина. Император произносит ответную речь.

— Освободитесь от бремени ваших раздоров, — говорит он им, — и живите в мире и согласии. Именно этого хочет от вас Господь и я.

Он окидывает взором весь зал, желая убедиться, что его слова поняты. Двести пятьдесят голов покорно кивают.

Однако спустя две недели они все еще спорят. К великому удивлению Константина, христиане способны на такие же козни и подлости, что и язычники.

То, что сам император собрал их во дворце, отнюдь не способствовало их братскому единению, наоборот, лишь еще больше ожесточило их друг против друга. О единении нет и речи.

На закате мы встречаемся с Константином в его опочивальне. За окном о стену дворца негромко плещутся волны озера. Епископы сейчас в церкви, у них очередная служба, так что можно быть уверенными, что нас никто не подслушивает. Даже дворцовых рабов, и тех отправили вон. С императором остались лишь Крисп и я — единственные двое, кому он доверяет.

Константин врывается в опочивальню. Я уже заметил, что он всегда толкает дверь слишком сильно — может быть, потому, что отвык делать это сам. За ним семенит его личный писарь. В руках последнего, словно связка поленьев, высокая груда свитков.

— Положи вон туда, — Константин указывает на кровать рядом со мной. Секретарь бросает свитки, кланяется и удаляется. Константин раскручивает один свиток и начинает читать. Мне видно, как шевелятся его губы. Я подозреваю, что христиане нарочно написали по-гречески — этакое изощренное унижение.

— От Александрийской церкви повелителю нашему Константину, Августу, Цезарю и так далее и тому подобное. Поскольку говорят, что епископ Антиохийский Евстафий общается с блудницами и падшими женщинами, мы со всей серьезностью умоляем тебя объявить его избрание недействительным с тем, чтобы на его место можно было назначить человека достойного и благочестивого.

Константин раздраженно кидает свиток назад в общую груду.

— Готов поспорить, что здесь наверняка отыщется петиция, в которой друзья епископа Антиохийского просят не верить наветам и клевете, которые недруги распространяют о нем, и жестоко их наказать.

С этими словами Константин сгребает свитки и подталкивает их ближе ко мне. Некоторые из них летят на пол.

— Возьми их, Гай.

— И что мне с ними делать?

— Сожги.

Я наклоняюсь, чтобы поднять их с пола, но Константин меня останавливает.

— Не торопись. Погоди, пока епископы выйдут из церкви, и сделай это в таком месте, где тебя наверняка увидят. Я хочу, чтобы они поняли, что лишь понапрасну теряют время.

С этими словами он бросается на кровать.

— Что я должен такое сделать, чтобы наконец положить конец их распрям?

Я молчу. То, что я хочу сказать, вряд ли понравится Константину, тем более когда он пребывает в дурном настроении. Через две недели начинаются вициналии — празднование двадцатилетия его правления. Будут устраиваться пиры, парады, празднества. Чуть позднее нам вновь предстоит отправиться в Рим — впервые после победы над Максенцием. Неудивительно, что Константин торопится завершить собор.

Крисп подходит к окну и смотрит на озеро. В окно струятся лучи закатного солнца, отчего кажется, что его лицо пылает огнем. Ему двадцать пять, он в самом рассвете сил — уравновешенный, уверенный в себе. Улучшенная копия своего отца. В его возрасте Константин жил в вечной зависимости от капризов деспота. Каждую ночь он ложился в кровать, не зная, проснется ли на следующее утро. Как человек, переживший голод, Константин неспособен вытравить из своего сердца страх, что когда-нибудь ему снова будет нечего есть. В отличие от него, Крисп знал в этой жизни один лишь успех.

— Это все Евсевий, — говорит Крисп. — Он не осмеливается открыто бросить тебе вызов, однако выступает против любых компромиссов. Кроме того, он знает, как затянуть спор до бесконечности, чтобы так и не прийти к окончательному решению.

— Мне казалось, я всегда находил у него понимание.

— В правление Лициния он сумел в течение семи лет оставаться епископом Никомедии, его столицы. Евсевий — это змея, способная пригреться на любой груди.

Это опасные для Криспа слова — сейчас опасно упоминать Лициния. После поражения при Хрисополисе Лициний вместе с женой Констанцианой и девятилетним сыном был отправлен в ссылку в Фессалоники. Два месяца назад до нас дошли слу-

хи, будто он сговорился с некими сенаторами, чтобы бежать в Рим, объявить себя там императором и возобновить резню христиан. Разумеется, в такое верится с трудом, но, увы, слухи имеют обыкновение сбываться. К тому же доверия Лицинию больше нет.

Меня отправили в Фессалоники, чтобы с этим разобраться. Теперь досужие языки говорят, будто я собственноручно перерезал Лицинию горло, а потом на глазах у матери зверски умертвил его сына. Все это верно лишь наполовину — командир гарнизона убил сына Лициния уже после того, как я уехал, и позднее поплатился за свое чрезмерное рвение. Но полуправда распространяется со скоростью, какой правда может только позавидовать.

— Тебе нужно переманить Евсевия на свою сторону, — настаивает Крисп. — Если он сломается, пойдет на уступки и большая часть его сторонников. Ты же сможешь объявить о победе. Подумай о своих битвах, — взывает он к отцу. — Иногда войну можно выиграть, перехитрив противника. Но в иные времена, как, например, у Хрисополиса, лучшая тактика — это лобовая атака.

— В войне маневров жертв всегда меньше, — бормочу я себе под нос.

— Зато ваш противник жив и может завтра напасть на вас.

— Я призвал сюда епископов не для войны, — перебивает сына Константин. — Я пришел, чтобы установить мир. Мир! — Он вскакивает с кровати, в три шага преодолевает комнату и оборачивается. — Неужели я единственный во всем мире, кому это нужно?

— Мир нужен всем.

— Тогда не говорите так, будто мы ведем войну — маневры, атаки, битвы. Это все метафоры. Никто не умирает. В конце этой битвы сражающиеся стороны поднимутся с места и разъедутся по домам, делать свои дела как раньше. На полях сражений такого не бывает.

Константин с силой ударяет кулаком по столу из слоновой кости. Масляная лампа стоит слишком близко к краю и от удара падает на пол. Масло растекается по мраморным плитам.

— Что, по-твоему, я должен сделать? — спрашивает он Криспа. — Позвать кавалерию и затоптать епископов лошадиными копытами? Выколоть христианам глаза и жечь их каленым железом, пока они не согласятся со мной — как это делали мои предшественники? Или я должен с моей армией пройти по всей империи, стирая с лица землю любую деревню, чьи жители верят не так, как я?

— Я не имел в виду...

— А ведь это так легко сделать. Мечом может размахивать любой.

Он по-отцовски строго смотрит на Криспа.

— Когда нам было по пять лет, мы с Валерием сражались на палках. С тех пор все изменилось, оружие в наших руках стало острее. Но если мы положимся на него, миру в империи не бывать.

Он растирает ногой масляное пятно, оставляя на полу блестящие узоры.

— Зачем Диоклетиан разделил империю? Потому что ему были нужны полководцы для ведения войн. И чем это кончилось? Чем больше людей он посылал воевать, тем больше было кровопролития. Мы же с этим покончили. Один император, один мир, один бог. Но если мы не найдем новых способов покончить с раздорами, способов связать империю воедино без оружия и крови, то она распадется. Именно это предлагает нам христианский бог.

— Это нам предлагаешь ты, — говорю я.

— Это работа для многих поколений. — Константин отворачивается от окна и широко разводит руки. — Я тот, кто я есть, — безупречный, неисправимый. Я не брался за меч с того дня, когда мы победили Лициния, уже почти девять месяцев, и клянусь богом, это нелегко. Вам известна христианская история про пророка Моисея?

— Это тот самый, что вывел свой народ из Египта? — уточняет Крисп, избавляя меня от неловкости.

— Он так и не достиг Земли обетованной. Это выпало на долю его преемника. — Константин хмурит брови, пытаясь вспомнить имя.

— Иисуса Навина, — подсказывает Крисп. Впрочем, он вряд ли думает обо мне. Его взгляд устремлен на отца. Только что на моих глазах случилось нечто важное, судьбоносное — вспышка озарения, осознание истины. В один прекрасный день историки напишут, что Крисп наследовал отцу как единственный Август империи. Эти их слова были занесены в скрижали истории в этот миг.

Это выпало на долю его преемника.

Преемника — не преемников. Раньше Константин ни разу не заводил разговоров о наследовании. Фауста донимала его вот уже несколько лет, желая получить ответ, что ждет в будущем его сыновей, однако затем даже она поняла, что этот вопрос лучше не поднимать. По изумленному и вместе с тем восторженному лицу Криспа я понимаю, что этот вопрос не давал покоя и ему тоже. И вот теперь ответ на него известен.

Константин улыбается сыну хитровой улыбкой, полной обещаний. Оба только что сбросили с плеч тяжкую ношу. Чувствую, что я здесь лишний.

— Мы переделаем империю по образу и подобию божьему, — говорит Константин. — Это будет новый, прекрасный мир. Но ничего не изменится, если мы не убедим людей, что прежде они должны измениться сами.

Крисп кивает, хотя видно, что он все еще ошеломлен.

— Но если Церковь раздираема разногласиями, можем ли мы на что-то надеяться?

Забудьте про надежду, думаю я и мысленно возвращаюсь в Фессалоники. Перед моим внутренним взором возникает кровь, стекающая по красному мрамору, мне кажется, будто я слышу, как своды дворца сотрясают стенания Констанцианы. Вот так ты хранишь свой мир. Ну почему они не пощадили мальчика?

Константин садится на край кровати. Крисп занимает место с ним рядом.

— Скажи, как, по-твоему, нам убедить ариан смягчить свои взгляды?

Крисп качает головой.

— Ария не переубедить. Если бы дело было только в нем одном — может быть, но его идеи получили поддержку у вли-

ятельных покровителей, так что отступать он не станет. Этим он унизит Евсевия.

— Все эти вопросы насчет Троицы — они такие темные, что лучше их вообще не задавать, — по лицу Константина видно, что он действительно опечален. — Если бы кто-то и задал, у людей должно хватить ума, чтобы не отвечать на них.

— Теперь уже поздно. Вопросы заданы, значит, нужно искать на них ответы, — с этими словами Крисп достает из складок туники небольшой свиток.

Константин издает стон.

— Очередная петиция?

— Александр из Кирены, мой бывший наставник. Надеюсь, ты его помнишь. Он составил Символ веры.

Христиане обожают составлять символы веры. Это такой документ, в котором они перечисляют качества своего бога. Этот собор для того и созван, чтобы найти среди них такой, под которым все епископы согласились бы поставить свою подпись.

Константин читает свиток до конца. Даже в таких заумных вещах, как христианское вероучение, его острый глаз тотчас же извлекает самое главное.

— Эта фраза «Христос рожден от бога, но не сотворен» — насколько я понимаю, Арий возражает именно против этого?

— Если Бог сотворил Христа, тогда Христос есть нечто отличное от Бога. Но если он рожден от Отца, значит, сущность их едина, и Христос существовал столько же, сколько и Бог Отец.

— Значит, Отец и Сын имеют единую сущность, — я вижу, как эта мысль укореняется в сознании Константина. За этим следует недолгое обсуждение, которое я пропускаю мимо ушей. Самое главное — этот вывод.

— Ты должен подбросить им мысль, — говорит Крисп, укаывая на грудку петиций, что по-прежнему валяются на кровати. — Как по-твоему, зачем они принесли тебе все это?

— Чтобы разозлить меня?

— Потому что им требуется тот, кто их рассудит.

На следующее утро в парадном зале дворца Константин созывает заседание собора. Епископы стоят длинными белыми рядами, ждут, когда Константин займет свое золотое кресло. В воздух, требуя к себе внимания, взметнулись несколько десятков рук. Но взгляд Константина устремлен поверх них, затем он указывает на старого наставника Криспа.

— Собор дает слово Александру из Кирены.

Старик — тучный, с суровым лицом, в темной бороде обильно поблескивает седина — встает и начинает говорить. Его слова для меня ничего не значат, но я до сих пор помню начало его речи.

— Мы веруем в Единого Бога...

Стоило ему закончить, как Евсевий вскочил на ноги. Впрочем, Константин не дает ему слова. Вместо этого он благосклонным взглядом обводит присутствующих епископов.

— Лично мне это представляется разумным, — говорит он. — Более того, это очень близко к моим собственным взглядам. И если бы вы четко и ясно указали, что сын имеет единую сущность с отцом...

— *Омоусия*, — услужливо подсказывает переводчик греческое слово.

— ...то кто бы стал с этим спорить?

Он вновь обводит глазами зал. Наконец его взгляд останавливается на Евсевии — тот по-прежнему стоя ждет, что ему дадут слово.

— Епископ?

Евсевий облизывает губы и прочищает горло. Пальцы нащупывают невидимую глазу нитку на мантии. Евсевий туго наматывает ее на толстый палец до тех пор, пока тот не становится красным.

— Я...

Он проиграл. Он либо может назвать Константина еретиком, либо принять компромисс. Самоубийство или капитуляция.

Евсевий широко разводит руками.

— Ну, кто бы стал с этим спорить?

Константин довольно улыбается. Остальные епископы — а таких большинство — громко топают ногами и аплодируют.

Улыбка Евсевия длится ровно столько, сколько на него устремлен взгляд Константина.

Вспоминая теперь этот день, я не перестаю удивляться, как четко и ясно врезался он мне в память. А ведь с тех пор я даже о нем не думал. Его место вытеснили последующие события, которые изменили все. Это просто обломанный конец одной истории, которой не было. Он не вписывается в общую картину.

Можно сколько угодно говорить о том, что у отцов с сыновьями единая сущность. Можно записать эти слова в Символе веры, под которым поставили подписи двести сорок семь епископов (Арий и еще двое фанатиков отказались и были отправлены в изгнание). Но истинными они от этого не стали.

Отец создает сына. Они — не одно и то же.

Глава 33

Белград, Сербия, наши дни

Как сказал Николич, крепость Сингидунум — нынешний Белград — смотрела на варваров на другом берегу Дуная. Кстати, крепость сохранилась до сих пор, и называется цитадель Калемегдан. После римлян кто только не возводил стены на ее фундаменте: и средневековые сербы, и турки-османы, и австро-венгры. С фонарного столба свисало красное знамя, украшенное золотым львом и словами «Leg III Flavia Felix», в честь «счастливого» четвертого легиона, воины которого, собственно, и заложили фундамент крепости. Увидев его здесь, Эбби испытала настоящее потрясение. Ей тотчас вспомнилось, как она смотрела в окуляр увеличителя в лаборатории Шая Левина на того же льва и ту же надпись на поясной пряжке мертвеца.

Неужели и он был здесь? Неужели я иду по его следам?

Теперь крепость превращена в парк — зеленый анклав, раскинувшийся на высоком мысу в месте слияния Савы и Дуная. Здесь среди старых фортификационных сооружений змеились пешеходные дорожки. Летом в парке искали спасения от жары и туристы, и местные жители. Осенью здесь в основном можно было увидеть собачников и любителей бега трусцой. Впрочем,

сегодняшний день, похоже, был исключением. Металлические барьеры отгородили несколько дорожек в нижней части парка, где собрались атлетического вида мужчины с приколотыми на груди номерами, ожидая, когда начнется забег. За заграждениями стояли редкие ротозеи. Возле входа расположился со своей тележкой продавец мороженого, читавший какой-то журнал.

На пластиковом щите была нарисована карта парка и дана его краткая история.

— «Калемегдан» означает «крепость на поле битвы», — прочел Майкл. — Похоже, сегодня день довольно мирный, — добавил он и принялся изучать карту. — Грубер сказал, что встретит нас возле мемориала Победы.

Они двинулись по каменистой дорожке в обход крутого берега к мысу. Здесь над водами Савы была устроена кирпичная терраса, посреди которой высилась белая колонна. На колонне была установлена позеленевшая от времени бронзовая фигура божества. Высотой в двадцать футов, бог, казалось, шагал по воздуху, обнаженный, мускулистый, увенчанный лавровым венком. Ниже террасы к реке обрывался крутой берег. Надпись на сербском и английском предупреждала: «Хожение по берегу связано с риском для жизни».

Грубера пока не было.

— Я подожду рядом с памятником, — сказал Майкл Эбби. — Ты на всякий случай отойди подальше. Мало ли что может случиться.

Эбби встала у парапета, глядя на обе реки. Даже в городе с населением в полтора миллиона здесь витало некое ощущение границы. Стоит посмотреть в одну сторону, и можно увидеть многоэтажки Нового Белграда, мосты с нескончаемым потоком машин, ржавые портовые краны в доках. Но стоит посмотреть в другую, вверх по течению реки, и вашему взгляду откроются бескрайние леса, протянувшиеся на восток до самого горизонта. Не составляло большого труда представить себе римского часового, стоящего здесь, на самом краю мира, над свинцовыми водами реки под серым небом. Вот он вглядывается в этот лес, в ожидании, что за деревьями в любой момент кто-нибудь может появиться.

Эбби отогнала мысленную картину — сейчас не тот момент, чтобы предаваться грезам — и обернулась на монумент. Майкл стоял на прежнем месте, но уже не один. Рядом с ним стояла симпатичная молодая блондинка с коляской. Они о чем-то оживленно болтали и смеялись. Издалека доносился голос главного спортивного судьи, который в рупор инструктировал участников забега.

Эбби вновь покачала головой, но на этот раз, чтобы отогнать ревность. Майкл умел располагать к себе людей: в чужой стране, практически не зная языка, он тем не менее всегда мог завязать разговор. Особенно если собеседницей была молодая симпатичная женщина.

Майкл нагнулся над коляской и, потрепав ребенка по волосам, что-то сказал женщине. Та рассмеялась и шагнула назад, шутливо погрозив ему пальцем. По-прежнему смеясь, она на прощанье помахала ему и, толкая перед собой коляску, зашагала дальше по дорожке. Майкл обернулся к террасе и встретился глазами с Эбби. Поймав на себе ее взгляд, он виновато пожал плечами и улыбнулся. Мол, повода для ревности нет.

Впрочем, внимание Эбби было приковано не к нему. За спиной Майкла из-за стены показался человек — высокий, худой, в длинном черном пальто, смуглый, с торчащими черными усами. Грубер. В одной руке у него был «дипломат», в другой — зонт. Походка его была неуверенной. Заметив Майкла, он тотчас поспешил к нему, даже не посмотрев в сторону Эбби, которая продолжала прогуливаться вдоль парапета.

Происходящее было похоже на сцену из немого фильма. Майкл, широко улыбаясь, протянул Груберу для рукопожатия руку. Но Грубер даже не думал вынимать рук из карманов, лишь бросил какую-то короткую фразу. Майкл кивнул, все так же с улыбкой. Подняв с земли синюю сумку на «молнии», которую они купили в спортивном магазине, он похлопал ее, как обычно хлопают по холке лошадь.

Грубер не осмелится пересчитывать деньги на людях, предсказывал Майкл. Лишь заглянет в сумку, чтобы убедиться,

что они там лежат. Когда же он обнаружит, что его обсчитали на девяносто тысяч, будет уже слишком поздно.

Грубер расстегнул «молнию» и заглянул внутрь. Брови его насупились еще больше. На дальнем конце террасы в поисках клиентов с тележкой показался мороженщик.

Грубер указал на парапет. В какой-то момент Эбби подумала, что он заметил ее. Майкл, похоже, начал спорить, затем поднял руки, мол, уговорили, пусть будет по-вашему, и двинулся вслед за Грубером. Они остановились в нескольких метрах от нее. Майкл поставил сумку на парапет.

Со стороны Савы дул холодный ветер, донося до Эбби обрывки их разговора:

— Здесь все, — сказал Майкл.

— Я бы хотел удостовериться.

— А я бы хотел удостовериться, что вы принесли обещанное, — ответил Майкл, не убирая рук с сумки.

Грубер расстегнул пальто и сунул руку за пазуху. Эбби отвернулась от реки и прислонилась спиной к парапету. Со стороны могло показаться, что она рассматривает стены цитадели. У входа в крепость девочка в коляске отстегнула ремень безопасности и побежала к мороженщику. Мать бросилась за ней вдогонку. Издалека донеслись крики и гуденье вузузел. По всей видимости, это начался забег.

Грубер вытащил из-за пазухи прозрачную пластиковую папку, в которой лежало несколько листов бумаги.

— Зачем мне было прилетать сюда, если бы их у меня не было? Вот, смотрите. Реконструкция текста и мой собственный перевод.

— Что-то интересное?

— Да, пожалуй, так, — он положил руку на сумку. — И если все в порядке...

Майкл отступил назад.

— Все, как и договаривались.

Он посмотрел вдоль парапета и, встретившись взглядом с Эбби, незаметно кивнул. Это не входило в их планы. Неужели он хочет, чтобы она прямо сейчас вырвала у Грубера папку? Ограбила его среди бела дня? Эбби двинулась в их сторону.

Грубер был занят тем, что пытался пересчитать связанные в тугую пачку деньги, и потому не заметил ее. Папка с текстами уже перекочевала к Груберу в карман.

Немец резко поднял голову.

— Вы говорили про сто тысяч евро. Здесь явно не полная сумма.

— Остаток получите после того, как мы проверим документ, — торопливо проговорил Майкл. Он явно импровизировал на ходу. — Мы должны убедиться, что он того стоит, — он посмотрел Груберу через плечо, взглядом подзывая Эбби подойти ближе. Она сделала еще один шаг.

Холодный воздух прорезал громкий детский крик. Эбби, Майкл и Грубер моментально обернулись. Мороженщик остановился посередине террасы. Крышка тележки была откинута, как будто он приготовился достать для девочки мороженое. Правда, вместо мороженого в его руке появился длинный черный пистолет.

Эбби инстинктивно бросилась на землю, и в следующий миг прогремел выстрел. Терраса тотчас взорвалась криками и топотом ног. Эбби приподняла голову и увидела, как мороженщик бежит к сумке на парашюте. Майкла и Грубера нигде не было видно. Их как ветром сдуло.

Подбежав к сумке, мороженщик рывком открыл, оглядел содержимое и швырнул ее на землю, а сам перегнулся через парашют. Затем поднял пистолет и навел его на что-то по ту сторону стены.

Должно быть, там Майкл. Потому что где ему еще быть? Не думая, что делает, Эбби вскочила с земли и набросилась на бандита. Один глаз у него был прищурен, второй в упор смотрел на цель, так что ее он не заметил. Толком не зная, что следует делать в таких случаях, Эбби выбросила вперед руки и налетела на него сзади.

Рана в плече тотчас отозвалась резкой болью. Было даже больнее, чем если бы в нее попала пуля. Бандит с пистолетом покачнулся, однако остался стоять. Тогда Эбби обхватила его руками за ноги, пытаясь повалить. Он же с не меньшим усердием попытался стряхнуть ее с себя. Затем что-то сильно уда-

рило ее по голове. Череп взорвался вспышкой боли, и она отпустила руки.

Мороженщик ногой отпихнул ее в сторону, заглянул через парапет и вновь вскинул пистолет. Выстрела не последовало, зато откуда-то снизу донеслись крики и какой-то шум. Стараясь не поднимать высоко головы, Эбби слегка приподнялась на локтях и заглянула через парапет. У основания обрыва по дорожке пробежали около трех десятков мужчин в трусах и майках, а горстка зрителей старалась их приободрить. Один или двое подняли глаза на террасу, откуда доносился шум, но большинство следили за забегом.

Стена была слишком высока, чтобы Майкл мог спрыгнуть с нее, зато рядом стояли строительные леса, установленные каменщиками, которые ремонтировали старую кирпичную кладку. На металлических шестах на ветру развевались огромные куски пластика, защищавшие от непогоды тех, кто работал на лесах.

Первые участники забега уже миновали строительные леса, остальные поравнялись с ними. В следующий миг кусок пластика прорвался, и наружу выскочили Майкл и Грубер. Спрыгнув на землю, они нырнули в гущу бегущих. Раздались недовольные крики, кто-то попытался их вытолкнуть, но Майкл и Грубер остались внутри людской массы и вместе с бегущими устремились дальше. Дуло бандитского пистолета следовало за ними, однако две движущиеся цели посреди колышущегося моря людских голов поразить было нелегко. Мороженщик не стал рисковать.

Терраса опустела — на ней остались лишь Эбби и бандит. Мнимый мороженщик посмотрел на нее. Эбби сжалась в комок, молясь, чтобы он не знал, кто она такая. Бандит застыл на месте, не зная, что ему делать. До террасы теперь доносились новые крики, правда, уже другие. В голосах не было слышно ни паники, ни растерянности. Скорее, это кто-то властно отдавал команды. Эбби сквозь пальцы, прижатые к лицу, посмотрела, что там такое.

На стене цитадели стоял солдат в камуфляже. Его винтовка была нацелена на мороженщика. Из ворот показался второй

солдат. Приставив приклад к плечу, он приближался к бандиту. На какой-то миг Эбби подумала, что началась новая война или же это римские легионеры восстали из мертвых, только в новом обличье. Затем она вспомнила, что внутри цитадели расположился музей военной истории.

По всей видимости, охранники услышали выстрелы.

Мороженщик перебросил пистолет через стену и поднял вверх руки. Вид у него был на удивление спокойный, даже равнодушный — как будто такое случалось с ним не раз и непременно случится снова. Он застыл на месте с поднятыми руками. Однако его губы двигались, как будто он разговаривал сам с собой. Приглядевшись, Эбби заметила в его ухе гарнитуру с наушником и крошечным микрофоном.

Он с кем-то на связи! Причем его собеседник может находиться в любой точке мира. Впрочем, чутье подсказывало Эбби, что этот невидимый второй гораздо ближе. Она начала медленно отползать в сторону. Нужно непременно найти Майкла и предупредить его!

Заметив, что она шевельнулась, солдаты остановились.

— Лежать! — скомандовали они, сначала по-сербски, затем по-английски. — Лежать!

Эбби их не слушала. Вряд ли они посмеют стрелять в гражданское лицо, тем более в туристку. Она поднялась на ноги и пошла прочь. Каждый шаг резкой болью отдавался в плече. Ей хотелось бежать, но она лишь шла, покачиваясь, словно пьяная. У нее за спиной раздались крики, но дальше этого дело не пошло. Охранники были слишком заняты бандитом.

Эбби обогнула угол кирпичной стены и вышла с террасы. Где-то вдалеке взвыли полицейские сирены. Прихрамывая, она двинулась вдоль обсаженной деревьями дорожки, глядя по сторонам в надежде увидеть Майкла и Грубера. Выстрелы спровоцировали хаос. Между деревьев бежало несколько десятков людей. Эбби они почему-то напомнили крестьян, спасающихся бегством от наступающей армии.

Не успела сама она пройти и ста метров, как за спиной у нее вновь послышались крики. Откуда-то появились еще два солдата. Неужели они ищут ее? Не иначе как они открыли

сумку и, увидев внутри деньги, решили, что она никакая не жертва, а возможно, соучастница преступления. Эбби быстро скинула куртку и запихнула ее в урну под деревом. Оставалось лишь надеяться, что в одежде другого цвета ее не узнают. *Где же Майкл?*

Неожиданно крики сделались громче, настойчивее, как будто поиски увенчались успехом. Эбби рискнула взглянуть, что там такое. Один солдат застыл рядом с деревом, словно герой военного фильма, прижав к телу винтовку. Другой опустил на одно колено и, прищурившись, смотрел в прицел.

Эбби проследила взглядом, куда направлен ствол его винтовки. Примерно в пятидесяти метрах застыла, вскинув руки вверх, молодая темноволосая женщина в красной куртке. Лицо ее было белым от ужаса. На вид женщина была примерно того же возраста, что и Эбби.

Они взяли не ту.

Эбби стало искренне жаль женщину, но с другой стороны, солдаты скоро поймут свою ошибку. Она резко повернулась и, расталкивая локтями испуганную толпу, зашагала прочь. Вскоре она вышла через Османские ворота. Ей показалось, что впереди она увидела двух мужчин — одного в зеленой куртке, другого в черном пальто. Превозмогая боль, Эбби тотчас заставила себя ускорить шаг. Увы, каждое движение острой болью отдавалось в плече, как будто кто-то пронзал его острым кинжалом.

— Майкл! — крикнула она.

Майкл и Грубер остановились. Майкл еле заметно кивнул. Глядя на Грубера, можно было подумать, что его вот-вот вырвет.

В десяти шагах впереди нее какой-то человек в бейсболке тоже замер на месте. На шее у него висел внушительных размеров футляр от фотоаппарата. При этом футляр был расстегнут, как будто он намеревался вытащить фотоаппарат, но кто-то ему помешал.

Увы, слишком поздно Эбби заметила в ухе незнакомца серебристый наушник. Мужчина быстро вытащил из футляра небольшой пистолет, прицелился в Майкла и выстрелил.

Глава 34

Константинополь, май 337 года

Я пришел в церковь Священного Мира. Слова Константина, сказанные им в Никее, все еще эхом звучат у меня в ушах. *Мир! Неужели я единственный во всем мире, кому это нужно?*

Да, ты был единственным, думаю я. Мир не хочет мира. На прошлой неделе, направляясь на войну с персами, мимо этой церкви промаршировала тысяча солдат. За последние десять лет не было и года, чтобы Константин не вел свою армию в бой, собирая титулы победителя быстрее, чем каменщики успевали высекать надписи на его памятниках. Будь я моложе, а мой ум острее, я бы наверняка презирал его за лицемерие. Сейчас же я испытываю к нему лишь жалость.

Даже ранним утром в церкви много народа. Рядом с боковой дверью выстроилась вереница нищих — здесь две женщины раздают хлеб и молоко. Через церковный двор, зажав в руках какие-то бумаги, по двое или трое спешат серьезного вида молодые люди с недавно отпущенными бородами. Под платаном, положив на колени восковые таблички, расположилась группа детей: все как один слушают строгие наставления учителя. Совсем как в деревенской школе.

Рядом с церковной дверью стоит священник и приветствует каждого входящего. Завидев меня, он расплывается в улыбке.

— Да пребудет с тобой мир.

Я же думаю лишь про Симмаха, про мертвое тело рядом с прудом.

— Я хотел бы видеть Евсевия.

Улыбка на лице священника даже не дрогнула.

— Сегодня утром епископ отбыл в Никомедию. Свои труды здесь он завершил.

— Разумеется.

— У тебя усталый вид, брат. Может, войдешь и отведаешь с нами хлеба?

Он по-прежнему улыбается, по-прежнему готов чем-то помочь.

— Скажи мне, а верно ли, — спрашиваю я его, — что частью вашего ритуала является питье крови?

— Мы вкушаем тело и кровь Христовы.

— Надеюсь, вы в ней захлебнетесь.

Я жду пару секунд, когда до него дойдет смысл моих слов, после чего резко разворачиваюсь и иду прочь. Впрочем, я успеваю дойти лишь до середины двора, когда меня окликает чей-то голос:

— Гай Валерий!

Это диакон Симеон. Он спешит ко мне через церковный двор. Вид у него бодрый. Он явно рад меня видеть. Как будто накануне он никого не убивал.

— Я хотел тебя найти, — говорит он.

— Могу сказать то же самое.

— Я хотел бы получить назад книги Александра. Кто-то ведь должен завершить историю.

«Хроникон» — компендиум всех событий, случившихся в этом мире, которые свидетельствуют о промысле Божьем. Дело похвальное, но только это, увы, миф, славное прошлое, которого никогда не было.

— Этим утром я был в порту, пришел проводить Аврелия Симмаха в ссылку, — говорю я. — Но он так и не пришел.

Удивление на лице Симеона кажется искренним.

— Что-то случилось?

Я все еще жду, когда же он выдаст себя. Но нет, на его лице читается лишь удивление, и ничего больше.

— Разве ты не знаешь?

Удивление сменяется легким раздражением. Даже если ему что-то известно, он не намерен этого показывать.

— Прошлой ночью Аврелий Симмах умер.

Его реакция вполне предсказуема: Симеон застыл, удивленно округлив глаза и разинув рот. Мои слова сразили его наповал. На лице застыло изумление и, возможно, легкое злорадство. Но такие тонкости меня не интересуют.

— Как жаль, — говорит он.

— Мне казалось, ты желал его смерти.

— Я молился за него. Христос пришел в этот мир, чтобы спасти грешников.

Странные, однако, слова. Я бы вообще пропустил их мимо ушей, если бы не помнил, что нечто похожее Порфирий сказал про Александра: мол, епископ никогда не таил обиды на Порфирия за его роль в гонениях христиан.

Но у меня нет времени слушать благочестивые речи. Если он молится за Симмаха, то, скорее всего, благодарит своего Бога за то, что на старика взвалили вину за убийство Александра. Я поднимаю глаза на высокие церковные стены у него за спиной. Строительные леса на крыше похожи на птичьи гнезда. По куполу карабкаются рабочие, покрывают его листовым золотом. Мне вспоминается толпа, которая собралась в этом месте, когда сюда с проповедью явился Евсевий, на следующий день после убийства Александра.

— Ты теперь здесь работаешь?

Кивок.

— Епископ Евсевий до своего отъезда в Никомедию нашел мне место.

— Важный пост? — наугад спрашиваю я и вновь оказываюсь прав. Симеон понимает, куда я клоню, и на его лице тотчас читается растерянность.

— Смотрю, ты после смерти Александра пошел в гору.

— А тебе непременно нужно позлословить по этому поводу.

— Разве тебя не мучит совесть? — нарочно спрашиваю я его. — Взять себе в качестве покровителя врага своего бывшего хозяина?

— Раздор между Александром и Евсевием начался еще в Никее. И меня он не касается.

— Александр пытался не допустить Евсевия на патриарший престол.

— Патриарха выбирают голосованием, и его голос был лишь одним из многих. — Симеон трясет головой, раздраженный тем, что я не понимаю таких простых вещей. — Это совсем другой мир, не такой как твой. Да, мы спорим, причем часто, но делаем это со смирением. Чтобы победить, нам не нужно унич-

тожать своих противников. Бог — вот единственный судия, которого мы признаем.

Нам не нужно уничтожать своих противников. Он имеет в виду меня? Симеон так молод, так серьезен, что я почти уверен, что он не знает моего прошлого.

Но я гну свою линию.

— Но Александра все-таки уничтожили, — напоминаю я. — Что Евсевию более чем на руку — последнего препятствия на его пути больше нет. Он победил.

— Ты видишь закономерности там, где их нет.

— Неужели? Александр копался в истории, причем копался глубоко и основательно. В том футляре было немало документов, которые грозили скандалом. И некоторые из них касались Евсевия.

— Он никогда не показывал их мне.

Я делаю шаг ему навстречу.

— Ты был в библиотеке вместе с Александром. Возможно, ты последний видел его живым. Когда я застал тебя у него дома, ты просматривал какие-то бумаги. Ты принес записку от Симмахова раба, в которой говорилось про место встречи, где он передаст мне футляр с документами, и ты пришел туда, чтобы убедиться, что его схватят.

Надо отдать Симеону должное — он само спокойствие. Он смотрит на меня как на сумасшедшего, как будто единственный, кого я своими речамиставляю преступником, это я сам.

— Документы были у Симмаха, — напоминает он мне.

— Ты уже давно шпионишь на Евсевия. Когда тот понял, что стало известно Александру, он нанял тебя, чтобы ты убил старика в библиотеке. Ты воспользовался бюстом Иерокла, чтобы все подумали, будто это дело рук Симмаха, а когда этого оказалось недостаточно, ты дал рабу футляр с документами и устроил встречу возле статуи. Когда же этого тоже оказалось мало, ты пробрался в его дом и инсценировал самоубийство.

Он как-то странно смотрит на меня, нет, это не раскаяние, не страх и даже не гнев. Симеон остается на удивление спокоен. Похоже, ему меня жаль.

— У меня был ключ к жилищу Александра, — говорит он. — Если, как ты говоришь, Евсевий хотел от него избавиться, то зачем это было делать с такой жестокостью и в таком людном месте, как библиотека? И зачем мне нужно были идти на столь изощренные уловки, чтобы кого-то оклеветать? Не проще ли было бы как-нибудь ночью просто прийти к Александру домой и убить его там? Тем более что, по твоим словам, я мастер инсценировать самоубийства.

Следует воздать христианам должное: они умеют спорить. Интересно, он всегда был таким? Мне он почему-то кажется другим — более сильным, более уверенным в себе. Помню, как я увидел его в первый раз. Тогда он буквально полыхал гневом. Казалось, прикоснись к нему, и тут же полетят искры. Теперь же передо мной холодная сталь.

У него на все находится готовый ответ. Как будто эти ответы он приготовил заранее. Или, может, история, которую я пытаюсь связать воедино, такая шаткая, что в ней легко найти дыры.

Но как тогда быть с вопросом, который задал Порфирий? Зачем было вновь привлекать к Симмаху внимание? Зачем было его убивать? Не проще ли было отправить старика в изгнание?

На меня накатывается страшная усталость. Внезапно мне делается дурно, я чувствую, что пошатнулся. Симеон хватается меня за плечо и пытается подвести к скамье, но я стряхиваю с себя его руку. Он отступает. Глаза его горят.

— Август знал, что христианин сделать такого не мог. Именно поэтому он поручил тебе расследовать это убийство. Он знал, что это дело рук приверженца старой религии.

Несмотря на головокружение, меня охватывает гнев.

— Мне тошно слышать о том, что христианин не мог этого сделать. Вы только и делаете, что грызетесь друг с другом.

— Ты ничего не знаешь о христианах!

— А ты помнишь Никейский собор?

Он пожимает плечами.

— Мне тогда было двенадцать лет.

— А я там был. Там собралось двести пятьдесят епископов, и все, на что они были способны, это с пеной у рта спорить друг с другом.

— Разумеется, они спорили! Мы постоянно спорим. Иначе у нас не получается. Но лишь потому, что это для нас важно, — он хочет сказать что-то еще, умолкает, заставляет себя успокоиться и пытается говорить снова. — Ты когда-нибудь кого-то любил?

Такого вопроса я от него не ожидал. Он не пытается быть жестоким. Его лицо спокойно, он задал его со всей серьезностью, пытаясь найти то общее, что объединяет нас. В его возрасте трудно себе представить, что можно прожить без страсти.

Что мне ему сказать? Должен ли я рассказать ему обо всех женщинах, какие у меня были? Что женился я поздно, когда стало понятно, что мне никогда не войти в императорскую семью. Поздно и неудачно. Что мой брак оказался недолговечным? Но он спрашивает меня о другом. И ответ звучит так: *да, я любил. И посмотри, что сделала со мной любовь.*

— Я любил.

Он кивает, явно довольный моим ответом.

— А когда кого-то любишь, то хочешь узнать как можно больше о любимом человеке. Хочешь проникнуть в каждую его мысль, в каждое чувство, потому что чем больше ты его знаешь, тем сильнее любишь его.

Признаюсь честно, я сбит с толку.

— Ты говоришь о вашем Боге?

— Мы спорим, потому что хотим познать его. Потому что мы его любим.

— Как можно любить бога?

Боги ужасны, опасны и капризны, как огонь. Когда-то Константин пользовался их благосклонностью, но даже его всегда терзал вечный страх, что в один день он может ее лишиться.

Симеон подается вперед.

— Всю свою жизнь ты блуждал в темноте. А в темноте мир кажется жутким местом. Но Христос принес нам свет. Он сорвал занавес, позволил нам увидеть свет господней любви. Ты знаешь, что сказал Святой Иоанн? «Бог так возлюбил этот мир, что отдал нам своего единственного сына, чтобы мы уверовали и имели жизнь вечную». Это не твои боги, для ко-

торых люди — игрушки. Наш Бог пожертвовал из любви к своему творению собственным сыном. Ты это можешь представить себе?

Я больше не в силах это слушать. Я поворачиваюсь и иду прочь. Стараюсь поскорее уйти, насколько мне позволяют ноги.

— Я буду молиться за тебя! — кричит он мне в спину.

Не замедляя шага, я оборачиваюсь.

— Ты лучше помолись о том, чтобы я нашел убийцу Александра.

Мне срочно требуется принять ванну. Я встал еще затемно и теперь весь покрыт пылью. Пыль у меня в волосах, на щеках, даже на языке. Стоит мне посмотреть на свои руки, как я тотчас вздрагиваю, вспоминая отравленный бассейн и мертвого Симмаха с ним рядом.

Это частные бани, просторные, вместительные, и меня здесь хорошо знают. Большинство посетителей — высокопоставленные чиновники. В главном дворе молодые люди затевают борцовские поединки или кулачные бои, или, словно петухи, расхаживают с важным видом, как это свойственно молодости. Друзья наблюдают за ними, собравшись в сторонке. В тени аркады расположились торговцы благовониями, гребнями и заморскими снадобьями, которые якобы способны сделать человека сильнее или красивее.

Раздеваюсь и иду в тепидарий. В отдельные дни я предпочитаю бассейн с прохладной водой, он взбадривает мое старое тело, но сегодня мне нужно тепло. Я даю денег банщику: пусть он проследит за тем, чтобы торговцы и массажисты не докучали мне, а сам погружаюсь в теплую воду и закрываю глаза.

Мысли тотчас уносят меня к неразгаданной загадке. И, все-таки, виновен ли Симеон, если не в смерти Александра, то в смерти Симмаха? У меня до сих пор нет ответа на этот вопрос. Внешне Симеон такой искренний, он почти убедил меня в своей невинности. Но с другой стороны, мне прекрасно известно, что порой убийца живет, не ведая угрызений совести, как будто он никого не убивал.

Мысленно я вижу несчастного Симмаха в его саду. Что, если это действительно самоубийство? Другие стоики нередко предпочитали подобный исход. Катон, чья мраморная голова теперь лежит на дне бассейна. Сенека, великий философ и политик, участник заговора против Нерона. Он умер в ванне, вскрыв себе вены, чтобы кровь, вытекая из них, смешивалась с теплой водой. Впрочем, слышал я и другую версию: он якобы умер не от кровопотери, а задохнулся горячим паром.

Думается, в парную я сегодня не пойду. Сенека не единственный, кто умер в горячей бане.

Аврелий Симмах — стоик. Материальный мир не способен прикоснуться к его душе.

Но что особенного в этих стоиках? Они утверждают, будто овладели миром, что они выше всех и вся. А затем они убивают себя. Неужели нечеловеческие усилия в конечном итоге так изнашивают их? Ведь какая сила воли нужна, чтобы сдерживать в себе эмоции перед лицом тех вызовов, которые нам постоянно бросает жизнь!

Быть выше этого мира — значит стать богом. Стоики считают, что способны на это силой интеллекта и воли. Христиане — силой веры. Возможно, разница между ними не так уж и велика. И те и другие пытаются бежать от человеческой природы. Неудивительно, что многие кончают с собой.

Мне не нравится, куда движутся мои мысли. Я открываю глаза и поливаю водой спину.

— Вода слишком холодна! — кричу я банщику. — Подбрось дров в огонь!

Кто-то окликает меня по имени.

Я поднимаю взгляд. Мне требуется всего мгновение, чтобы понять, кто это: Басс, придворный сановник. Когда-то давно, в мою бытность консулом, он служил в моем штабе. Сейчас он наг, бледная мучнистая кожа в капельках пота, волосы прилипли к голове. Выглядит он отвратительно, но я заставляю себя приветливо поздороваться с ним. Он залезает в бассейн рядом со мной.

— Ты слышал про Аврелия Симмаха?

Поскольку он сидит рядом, то вряд ли видит удивление на моем лице. Впрочем, этого следовало ожидать. Древний род. Сначала убийство, затем самоубийство. Город будет гудеть об этом еще несколько дней, пока на смену одной скандальной новости не придет другая.

— Я слышал, он наложил на себя руки, — говорю я.

— Принял яд, — говорит Басс, шлепая руками по воде. — Хорошо, что он не пришел сюда в бассейн, чтобы свести счеты с жизнью как Сенека. Представляешь, что было бы?

— Представляю.

Басс откидывается на спину и чешет подмышки.

— Странно, однако. Я видел его прошлым вечером. Он приходил во дворец.

Услышав наш разговор, некоторые посетители подвигаются поближе. Я слегка прикрываю глаза.

— Он что, надеялся на помилование? — спрашивает кто-то.

— Он был возбужден. Сказал, что ему нужно видеть префекта.

— Не иначе вспомнил, как греки поступают со стариками, — говорит капитан стражи. За словами следуют хохот и неприличные жесты.

Басс ждет, когда шум умолкнет.

— Он сказал, что узнал что-то про одного христианского епископа. Какой-то скандал.

Неужели банщик не прислушался ко мне? Вода такая холодная, что меня начинает бить дрожь. Поскольку теперь вокруг нас стоит гул голосов, я подвигаюсь ближе к Бассу и шепчу ему на ухо:

— Он кому-нибудь сказал свой секрет?

— С ним никто не пожелал разговаривать. Он прождал несколько часов, затем вернулся домой.

— А он сказал, что это за епископ?

Басс поворачивается и в упор смотрит мне в лицо. *И что же ты рассчитываешь услышать?* — словно спрашивают его глаза.

— Нет, не сказал, — отвечает Басс, а затем, поддавшись всеобщему веселью, шутит: — Может, он и самоубийца, но не до такой же степени.

Глава 35

Белград, Сербия, наши дни

Мужчина в бейсболке выстрелил дважды.

В десяти метрах впереди Грубер пошатнулся, как будто обо что-то споткнувшись.

Теперь дуло было нацелено на Майкла. Началась паника: многие из тех, кто бежал из цитадели, собрались здесь внизу, одновременно раздираемые страхом и любопытством. Теперь же страх взял верх. Люди устремились к выходу из парка, перекрыв путь полицейским автомобилям, которые пытались пробиться внутрь. Крики и сирены заглушали друг друга. Мужчина в бейсболке что-то крикнул Майклу, у ног которого недвижимо лежал Грубер. Каменистая дорожка пропиталась кровью. Палец мужчины впился в спусковой крючок.

Эбби была слишком далеко, чтобы хоть чем-то помочь. Она попыталась сделать шаг вперед, но ноги, казалось, приросли к месту. Единственное, что она видела со всей четкостью, — это пистолет, Майкла и разделявшие их несколько шагов.

Неожиданно из толпы вынырнул какой-то мужчина — в шортах и черной спортивной куртке — и бросился на того, что с пистолетом. В отличие от Эбби координации движений ему было не занимать. Он плечом врезался в бок бандиту, сбил его с ног и повалил на землю. Бандит отбивался, бейсболка слетела с его головы, но человек в спортивной куртке крепко прижал его к земле и, вырвав из рук пистолет, забросил его в кусты.

Майкл тем временем опустился на колени рядом с Грубером и что-то вытащил из его кармана. Его руки тотчас окрасились кровью.

— Эй, живее! — крикнул он Эбби.

Та застыла как вкопанная. Тогда Майкл подбежал к ней, схватил ее за руку и потащил за собой. Ей показалось, что ее шрам сейчас лопнет. Эбби из последних сил сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. Когда она оглянулась, к поверженному бандиту подошли двое полицейских с пистолетами в ру-

ках. Мужчина в спортивной куртке что-то быстро им говорил, оглядываясь по сторонам и размахивая руками.

— Нам нужно поскорее скрыться, — сказал Майкл. — Как только полицейские начнут расспрашивать свидетелей, они очень быстро захотят поговорить с нами.

— А как же Грубер?

Майкл покачал головой.

— Уже никак.

Он вытащил пластиковую папку, которую забрал у Грубера. Посередине виднелось аккуратное отверстие размером с пятипенсовик.

Они поспешили выйти из парка, затем перешли улицу. Мимо них, на миг загородив их собой, прогрохотал трамвай,

— Куда теперь? — спросила Эбби.

— Кого мы еще знаем в Белграде?

Площадь перед университетом была даже многолюднее, чем утром. Только что закончились занятия, студенты сбились в кучки на площади, споря о том, что происходит в цитадели, откуда доносились выстрелы и вой полицейских сирен. К счастью, никто не понял, какое отношение Майкл и Эбби имеют к этому хаосу.

Швейцар сразу же узнал их и махнул рукой, мол, проходите. Надо сказать, что успели они вовремя. Потому что доктор Николич уже стоял возле дверей кабинета. Поверх свитера он успел надеть кожаную куртку, в руках — связка ключей. Заметив Майкла и Эбби, он усталое, но вежливо улыбнулся.

— Вы что-то забыли?

Майкл вынул пластиковую папку и протянул ее Николичу. У Эбби толком не было времени ее рассмотреть — забившись в какой-то дверной проем, чтобы их никто не заметил, она лишь разок мельком взглянула на нее по пути сюда. Этих секунд хватило лишь на то, чтобы разглядеть темную распечатку с неясными буквами и вытереть с пластика кровь. Но для Николича эти буквы явно что-то значили. Вытащив верхний лист, он внимательно изучил написанное. Пулевое отверстие он никак не прокомментировал.

— Насколько я понимаю, это микроскан какого-то древнего папируса?

— Это оригинал стихотворения, который мы вам уже показывали утром, — пояснила Эбби. — Если там были какие-то другие строки, то они должны быть здесь.

Было видно, что Николич слегка удивлен.

— А вы сами не проверяли?

— Мы торопимся, — пояснил Майкл.

— Нам нужен кто-то, кто умеет читать по-латыни, — добавила Эбби.

Николич засунул листки обратно в папку. Хотя по пути они и постарались вытереть кровь, несколько капель размазались по пластику. Здание сотрясалося от воя полицейских сирен, как будто машины выехали уже на саму площадь.

Майкл повернулся к Николичу.

— Скажите, у вас есть машина? Вы не могли бы вывезти нас из Белграда?

Николич посмотрел на них непонимающим взглядом. Впрочем, Майкл предвосхитил все его вопросы.

— Распечатка сделана со свитка, который принадлежал одному из приближенных императора Константина. Еще пять минут назад этот свиток можно было считать потерянным для человечества. Текст никогда не публиковался, а сейчас этот свиток ищет нового хозяина.

К великому удивлению Эбби, Николич не расхохотался им в лицо, не выставил их вон, не вызвал полицию. Он лишь застыл на месте на несколько секунд, глядя то на нее, то на Майкла, то на папку. На его лице не было ни ужаса, ни обиды — лишь любопытство.

Затем он пожал плечами, сунул руку в карман и вытащил связку ключей на кроличьей лапке.

— Моя машина припаркована за углом.

С этими словами он повел их по лестнице за собой.

— Даже не верится, что он согласился, — шепнула Эбби Майклу. Шедший впереди Николич обернулся.

— Не забывайте, что это Сербия. Неужели вы думаете, что это самое странное, что мне пришлось пережить?

Машина Николича оказалась крошечным красным «Фиатом». Эбби села впереди и слегка пригнулась, спрятав лицо за волосами. Майкл втиснулся на заднее сиденье и притворился спящим. Движение было заблокировано. Полицейские ухитрились перегородить главные перекрестки, хотя и довольно бессистемно. Эбби ждала, что вот-вот будет пост, кто-то постучит к ним в стекло и потребует документы, но этого так и не случилось. Извилистыми переулками они проехали через весь город, после чего выехали на главную магистраль. Затем пересекли Саву и оказались на главном шоссе, прорезавшем Новый Белград. Еще несколько минут, и город остался позади. Теперь их путь лежал между покатых холмов и полей. Эбби всегда удивляло, как быстро заканчивается этот город.

Глаза Николича были прикованы к дороге.

— Вы хотели, чтобы я вывез вас из Белграда. Я вас вывез. Что дальше?

Эбби посмотрела на пластиковую папку, лежавшую у нее на коленях.

— Скажите, здесь можно где-нибудь поговорить?

Проехав поворот на аэропорт, Николич подкатил к заправке «Лукойла». Здесь, рядом с мини-маркетом, имелось небольшое кафе. Они сели за пластиковый стол и заказали кофе в пластиковых стаканчиках. На бумажных подставках красовалась реклама фастфуда и головоломки для детей.

— Я не требую от вас, чтобы вы честно рассказали мне, чем вы занимаетесь, — заявил Николич. — Если полиция меня спросит, я скажу, что вы под дулом пистолета вынудили меня пустить вас в машину.

— Разумно, — согласилась Эбби. Если полиция их поймает, это будет меньшей из их проблем.

— А теперь я хотел бы взглянуть на документ.

Эбби передала ему папку. Николич разложил листки на столе — всего их было шесть: четыре со смазанным латинским текстом, два с отпечатанной на машинке расшифровкой Грубера.

*Чтобы достичь живых, плыви среди мертвых.
За тенью солнца свет горит лучистый.
Спасенья знак, что освещает путь вперед,
Сияет, негасимый, новой жизнью.*

Эбби был виден латинский текст — аккуратные, напечатанные на машинке строчки. Но далее следовали другие. Николич несколько минут внимательно читал их про себя, затем неуверенно начал произносить их вслух.

*Из сада в темную пещеру
Отец скорбящий отдал сына.
И погребен на дне могилы
Трофей его победной силы.*

Николич кончил читать. Все переглянулись, охваченные благоговейным трепетом. Еще бы! Ведь эти строки никто не читал вслух вот уже семнадцать столетий!

— Трофей его победной силы, — повторил Майкл. — Вы сказали, что под словом «трофей» может пониматься лабарум, боевой штандарт.

— Вполне возможно.

Майкл попросил Николича прочесть перевод еще раз, медленно, а сам тем временем записал его на листке бумаги. Впрочем, записав, тотчас нахмурился.

— Если не считать слова «трофей», здесь все равно мало что понятно.

— А что бы вы сказали нам про само стихотворение? — заинтересовалась у Николича Эбби.

Николич оторвал глаза от листка бумаги.

— Пожалуй, я мог бы назвать вам имя его автора.

В его планы явно входило их поразить, и он своего добился. Потому что, несмотря на обстоятельства, его лицо осветила довольная улыбка.

— Его автор — римский политик и поэт по имени Публий Октавиан Порфирий.

— А откуда вы это знаете?

— Вверху свитка есть список имен, — Николич показал им выполненную рукой Грубера транскрипцию. — Уже сам по себе он весьма значительная находка. Евсевий Никомедийский, пожалуй, самый знаменитый епископ времен правления Константина Великого. Аврелий Симмах, известный язычник и второстепенный философ. Астерий Софист, противоречивый христианский теолог. И Порфирий — поэт, который прославился написанием сложных, необычных стихов.

Это было сродни чтению классического русского романа: на Эбби обрушилась лавина незнакомых, труднопроизносимых имен. Впрочем, самое главное она поняла.

— То есть все эти люди вам известны?

— Как специалист по эпохе императора Константина, я просто обязан их знать.

— И Порфирий, значит, писал стихи? — задумчиво повторил Майкл.

— Его стихи — это так называемые «технопегнии». Загадки, призванные позабавить императора. Все его сохранившиеся опусы несут в себе зашифрованные послания.

Сказав это, Николич как будто лукаво улыбнулся.

— Вы это серьезно? — наконец спросил Майкл. — Сегодня утром вы едва ли не в лицо рассмеялись нам, когда мы сказали, что стихотворение несет в себе ключ к сокровищу. И вот теперь вы говорите нам, что этот парень знаменит тем, что писал стихи-загадки?

Улыбки как не бывало. Из-под маски доброжелательности выглянули усталость и раздражение.

— Я не знаю, какой ответ вас устроит. Есть стихотворение, есть имя поэта. Вы говорите, что стихотворение содержит некий тайный смысл. Стихи этого поэта знамениты своими тайными смыслами. Я всего лишь соединил одно с другим. Но вполне возможно, никакого тайного смысла здесь нет. — С этими словами он оттолкнул от себя листки и придвинул их к Майклу. — Возможно, ваш немецкий друг нафантазировал. Сказал вам то, что вы хотели от него услышать.

Несколько мгновений все сидели молча. Эбби сделала глоток кофе и поняла, что стаканчик опустел. Мимо по шоссе с грохотом проносились фуры.

— Предположим, что стихотворение подлинное и написано тем, кем вы говорите, — произнес наконец Майкл. — Но как нам извлечь из него тайный смысл?

— Это как... Черт, я не знаю, как это будет по-английски.

Он сказал что-то по-сербски, но Эбби его не поняла. Насупив брови, Николич устался в пластиковую столешницу. Было видно, что он подыскивает нужное слово. Вскоре лицо его просияло. Взяв лежавшую перед ним бумажную подставку, он перевернул ее вверх ногами. Подставка предназначалась для детей: коллаж из ярких картинок всевозможных гамбургеров, чизбургеров и прочего, танцующие персонажи мультимедиа и головоломки. Это был лабиринт спутанных линий и точек, которые требовалось соединить друг с другом, чтобы в конечном итоге угадать зашифрованное слово.

Николич постучал пальцем по рисунку.

— Это точно так же, как здесь. У вас есть текст стихотворения. И если вы попытаетесь читать его снизу вверх или задом наперед, или вообще по диагонали, то найдете спрятанные в нем слова. Теперь понятно?

Эбби и Майкл кивнули. На нижнем краю подставки был перечислен десяток слов, которые дети должны были найти. Эбби ткнула в них пальцем.

— Но в таких головоломках обычно знаешь, что искать.

— В случае с Порфирием это не так. — Николич откинулся на спинку стула и принялся что-то рассеянно чертить на подставке. — В оригинальном манускрипте нужные буквы наверняка были выделены красными чернилами либо подчеркнуты. Некоторые ученые полагают, что такие стихи могли преподносить в дар императору начертанными на золотых табличках. Необходимые буквы выделялись драгоценными камнями. Впрочем, ни одной такой таблички до наших дней не сохранилось.

— Было бы интересно найти хотя бы одну, — заметил Майкл.

Николич оставил без внимания его слова, по-прежнему рассеянно чертя круги вокруг нескольких слов на бумажной головоломке.

— На самом деле стихи Порфирия еще более хитроумны. Зашифрованные в них слова складываются во фразы, а иногда образуют картины.

— Как это понимать?

Николич как будто наугад обвел кружками еще несколько букв. Когда же он убрал ручку, стало видно, что его кружки сложились в изображение человечка.

— Примерно так. Порфирий был очень умен. Иногда картинки были из букв, которые в свою очередь складывались в короткие слова, или из цифр. Например, на двадцатилетие правления Константина Порфирий написал стихотворения, в которых скрытые послания складывались в две буквы ХХ, то есть в римское число «двадцать». В другом знаменитом стихотворении скрытое послание имело очертания корабля. В других — императорских титулов или его монограммы

— Его монограммы? — Эбби пристально посмотрела на Николича.

— Да. Букв Хи-Ро. Как на лабаруме.

— Снова этот лабарум, — буркнул Майкл. — Наверно, это он и есть.

Однако мысли Эбби уже устремились вперед. Она вытащила из папки сделанную Грубером распечатку, но не выполненную на машинке расшифровку, а оригинальный текст, снятый со свитка.

— Покажите мне, где здесь это стихотворение.

Николич указал нужное место. Страница была мутной и смазанной, буквы выделялись на ней темными силуэтами, словно прутья на поверхности заросшего ряской пруда. Однако нужное место Эбби все-таки рассмотрела. Темный блок текста, длиной в восемь строк.

Соединив большие и указательные пальцы в некое подобие квадрата, она наложила его на текст. Затем, не размыкая пальцев, оторвала руку от текста и приложила к ключице.

Некоторые ученые полагают, что такие стихи могли преподносить в дар императору начерченными на золотых табличках. Необходимые буквы выделялись драгоценными камнями.

— Там еще было золотое ожерелье, — сказала она. Майкл тотчас бросил в ее сторону колючий взгляд, мол, придержи язык, но Эбби его проигнорировала. — Мы нашли его вместе со свитком. Квадратную золотую пластину. На ней посередине тоже имелись эти буквы, Хи-Ро. Мне кажется, она прекрасно легла бы на верхние строчки стихотворения. — Вспомнив ощущение древнего металла у себя на шее, то, как играл свет в стеклышках, которыми он был инкрустирован, Эбби задумалась. — В пластину были вставлены бусинки. Что, если они указывали, какие буквы следует читать, чтобы извлечь потаенный смысл?

Николич посмотрел на нее, как будто не мог решить, кто перед ним: человек в своем уме, чьим словам можно верить, или сумасшедшая.

— И где теперь, если не секрет, это ваше ожерелье?

Эбби бросила быстрый взгляд на Майкла, словно говоря: *нам уже нечего терять.*

— Оно теперь в руках британской разведки.

Глава 36

Константинополь, май 337 года

День жаркий, однако в бане я продрог до костей. Кроме того, меня, словно лихорадка, охватила новая идея. Конечно, возможно, что Симмах, пытаясь предотвратить изгнание, распространял ложь, но это было на него не похоже.

Симеон явно озадачен моими обвинениями в его адрес, хотя улики, казалось бы, говорят против него. *Документы были у Симмаха.* Я убедил себя, что старика оклеветали. Но что, если эти документы были у него с самого начала? Он убил в библиотеке Александра, забрал у него футляр и узнал все грязные тайны Константина. Неудивительно, что он хотел избавиться от этих бумаг.

Мне уже все равно, кто на самом деле убил Александра. Мне хочется узнать другое: что же выяснил Симмах, и почему он из-за этого поплатился жизнью?

Константин не первый император, построивший свой дворец на мысу. Как бывает в таких случаях, он разрушил старое здание, а на его фундаменте возвел новое, превосходившее самые буйные фантазии его предшественников. Когда его инженеры приступили к закладке дворца, они обнаружили в земле огромных размеров полость для сбора стоков. Константин сам спустился, чтобы ее осмотреть.

— Было бы жаль, если бы ей не нашлось применения, — вынес он свой вердикт. — Мы разместим в ней архив.

Так эта огромная подземная цистерна была превращена в *Scrinia Memoriae*, хранилище государственных документов. В некотором роде есть в этом некий символический смысл. Теперь сюда, в это хранилище памяти, стекаются бумаги империи. В конечном итоге все документы оказываются на этих полках, уходящих далеко в глубины огромного подземелья

Вход в архив — через дворцовый читальный зал, которым редко кто пользуется. За столом сидит архивист, он делает аннотации к какому-то манускрипту. Я наклоняюсь и сую ему под нос выданный Константином ордер.

— Был такой епископ по имени Александр. Он приходил сюда, притом довольно часто. Занимался историческими изысканиями по поручению Августа.

— Да-да, я помню его, — произнес архивист, задумчиво взяв в рот кончик камышового пера. — Но вот уже пару недель как он сюда не приходит.

— Он умер. Я хотел бы посмотреть бумаги, с которыми он работал.

— Ты знаешь, что это за бумаги?

— Я надеялся, что ты это помнишь.

Архивист украдкой бросает взгляд на лежащий на столе ордер.

— Эти бумаги вот уже десять лет хранятся под личной печатью Августа. Я был вынужден трижды справляться во дворце, прежде чем убедился, что епископ действительно получил право доступа к ним, — архивист буквально буравит меня острыми глазками. — Ты сказал, что он умер?

— Просто покажи мне эти бумаги.

Он нехотя идет к высокой двери, снимает с шеи огромный ключ и вставляет в замочную скважину. Затем, словно крестьянка, умеющая одним движением свернуть голову курице, поворачивает его в замке.

— Иди первым.

Я как будто вступил под своды пещеры или рудника. Длинные тени уходят в бесконечность. Бесчисленные колонны, что через каждые несколько шагов поддерживают свод, кажутся окаменелым лесом. Между ними тянутся пыльные полки, уставленные корзинами, в которых хранятся свитки. В этом месте хранится вся мудрость этого мира — надо только знать, где ее искать.

Каждая колонна помечена высеченной в камне греческой буквой и римской цифрой. Пока мы шагаем вдоль колонн, я замечаю, что буквы меняются, но цифра остается той же самой. Стоит нам свернуть, как начинают меняться цифры, а вот буква, наоборот, остается неизменной. То есть все помещение представляет собой гигантскую сетку. Двигаясь дальше, я на ходу начинаю считать: XV / . XV / X. XV / . При этом я пытаюсь вспомнить порядок букв в греческом алфавите: если я здесь неожиданно заблужусь, то смогу самостоятельно найти дорогу назад.

XV / Ω. Архивист останавливается. Мы дошли до «омеги», последней буквы греческого алфавита. Впрочем, коридор тянется в глубь подземелья и дальше. Интересно, что там? Архивист тем временем берет из углубления в колонне бронзовую лампу и зажигает ее от своей.

— Это не опасно? — спрашиваю я. — Вдруг бумаги загорятся.

В темноте мой голос кажется слабым писком.

— А что еще остается? — отвечает архивист и, вручив мне лампу, поворачивается, чтобы уйти. — Когда найдешь то, что тебе нужно, возвращайся в читальный зал.

С этими словами он удаляется по длинному коридору. Лампа дрожит в моей руке. Я на миг представляю себе, как она падает в корзину с бумагами, как вспыхнувшее пламя пожирает все, что здесь хранится. Я крепче сжимаю пальцы и иду дальше вдоль прохода.

Всякий раз, задевая плечом корзину, я поднимаю с полки облачко пыли, которое затем оседает на мне. Здесь все корзины имеют крышки, причем каждая перевязана лентой, а узел запечатан восковой печатью. Многие печати уже начали крошиться. Но одна бросается мне в глаза: в отличие от остальных, воск на ней свежий, блестящий, оттиск на нем четкий. Темное пятно рядом с ним — место прежней печати. С бечевки свисает глиняная табличка, из которой явствует, что в корзине хранится дипломатическая переписка двадцатого года правления Константина.

Пройдя вдоль прохода, обнаруживаю еще пять корзин со свежими печатями. И во всех до единой лежат документы двадцатого года правления или же ему предшествующего.

Я знаю, какие события произошли в тот год, год вициналий. Я снимаю с полки первую корзину и ставлю ее на пол рядом с лампой. Мне нет смысла тащить ее в читальный зал. Стоит мне покинуть этот темный лабиринт, как второй раз я в него уже не вернусь.

Я сажусь на пол и начинаю читать. Почти на каждой странице я вижу работу рук Александра. В некоторых местах она почти не заметна: например, целая колонка вырезана, а оставшиеся склеены вместе. Единственная улика — легкая неровность шва в месте склейки. Но вот в других местах подделки бросаются в глаза. То там, то здесь вырезаны абзацы, предложения, иногда отдельные слова, и когда я подношу свиток к свету, видно, что он весь в дырах, словно его проели черви.

Я прекрасно знаю, что было на месте этих дыр.

Аквилея, Италия, апрель 326 года.

Одиннадцать лет назад

Стоило нам достичь Аквилеи, как нас начинают преследовать неприятности.

По идее, это радостный момент, что-то вроде весны империи. Конечная цель нашего путешествия — Рим, где состоит-

ся кульминация торжеств по случаю двадцатилетия правления Константина. Все понимают: это нечто большее, нежели праздник. Последним императором, дожившим до двадцатой годовщины своего пребывания у власти, был Диоклетиан. Это событие он отметил тем, что сложил с себя императорский венец и объявил преемников. Константину теперь даже больше лет, чем его отцу, когда тот умер. Крисп в расцвете сил. Константин пока ничего не сказал, даже мне, но ведь я был в Никее. *Мы перделаем империю по образу и подобию Божию: один бог, один император, один мир.* Константин сдержал свое слово. После Хрисополиса его армия большую часть времени проводит в казармах.

Крисп приехал в Аквилею, чтобы затем вместе с нами принять участие в торжествах в Риме. Весь день собираются черные тучи. Стоит нам подойти к городу, как начинается ливень. Водяные струи срывают цветы с гирлянд, которыми украшены выстроившиеся вдоль дороги гробницы. Одежды на тех, кто встречает нашу колонну, промокли до нитки.

Крисп прибыл в Аквилею на два дня раньше. Он пришел встретить нас и даже пытается произнести заранее заготовленную речь, однако гром заглушает его слова.

— Закрой рот и не загораживай дорогу! — обрывает его Константин, причем довольно громко, чтобы его слова были услышаны встречающими. Крисп заливается краской. К тому времени, как мы добираемся до дворца, наши вещи промокли насквозь, настроение у всех скверное.

— Что же это за сын, если он заставляет родного отца стоять под проливным дождем? — возмущается Фауста, завернувшись в толстую меховую мантию. В тусклом свете она рассказывает по покою, словно волчица по пещере. — И главное, в твоём-то возрасте! Бедный Клавдий — она имеет в виду старшего сына — он не перестает чихать с того момента, как мы прибыли сюда. Его наставник говорит, что у него, наверно, жар.

— А не отправить ли мне его в Британию? — обращается к ней Константин. — Пусть помокнет. Одна зима в Йорке, и никаких простуд.

— Верно, как и у твоего отца, — огрызается Фауста.

Константин в три шага пересекает комнату, и мне кажется, что он сейчас вытолкнет супругу за дверь. Но он лишь поднял руки, как будто собрался сорвать с нее плащ и приподнять ее с пола. Фауста отвечает ему презрительной улыбкой. В ее глазах вспыхивает злорадный огонек. Она своего добилась. Константин раздражен. В ее возрасте это самое большее, на что она может рассчитывать.

Рука Константина повисает в волоске от ее накидки. Может, ему неприятно прикасаться к ней. Может, он не осмеливается. Ведь Фауста дочь, сестра и супруга императоров: эту женщину окутывает такая же царственная аура, как и самого Константина. Единственная разница в том, что если аура Константина золотая, то у Фаусты она черная.

Константин резко поворачивается.

— Только не надо обвинять меня в том, что твой сопливый сын не выносит сырости! — кричит он ей и, громко топая, бросается вон из комнаты.

Злорадной улыбки как не бывало.

— *Наш* сын! — кричит Фауста в ответ. — Мои мальчики — твои сыновья, так же как и Крисп!

— По крайней мере, Крисп не тает под дождем!

Фауста, кипя от злости, смотрит ему в спину. Она злилась на протяжении всего нашего пути из Константинополя — настоящая заноза. Ей ничем не угодить. Кровати слишком жесткие, вино слишком кислое, рабы — слишком дерзкие.

Объяснять почему, не нужно. Если, когда мы доберемся до Рима, Константин объявит Криспа своим преемником, ее собственным сыновьям надеяться не на что. Фауста двадцать лет была супругой человека, убившего ее отца и брата. В обмен на это она рассчитывает стать родоначальницей императорской династии.

Ей тридцать пять, она родила пятерых детей, и повозку с ее кремами и притираниями тянут четыре вола. Но никакие кремы неспособны скрыть излишек веса на ее боках или морщины, что уже появились на ее лице. Они с Константином больше не спят в одной постели. По моему мнению, она теряет всё. Я остаюсь в ее комнате. Фауста загородила собой дверь, и мне

никак не выскользнуть отсюда незамеченным. Она слышит, как я переминаюсь на месте, и резко оборачивается.

— А, его верный охотничий пес. Ну, давай беги, лизни ему задницу!

Я просыпаюсь в середине ночи и не могу понять, где я. За время нашего путешествия я привык спать в новых комнатах и в новых кроватях. Комната вращается вокруг меня. Наконец она замирает на месте, я оглядываюсь по сторонам. Дверь, окно, кинжал под подушкой. Он делит со мной ложе с тех пор, как мне исполнилось девять лет. Его верности может позавидовать любая наложница.

Рядом со мной стоит раб и тянет меня за рукав. Я не слышал, как он вошел. Дворцовые рабы двигаются в темноте словно кошки. Или же это я старею.

— В чем дело?

— Тебя зовет Август.

Я как ужаленный вскакиваю с постели, натягиваю старый военный плащ и торопливо шагаю вслед за рабом. Коридор ярко освещен. У каждой двери застыл стражник из числа императорской гвардии.

— Что случилось?

Раб пожимает плечами.

— Что бы ни случилось, оно еще не закончилось.

Комната Константина рядом, но раб ведет меня куда-то еще. Мы спускаемся по лестнице этажом ниже, к покоям, где разместились Фауста с детьми. Дверь открыта, рядом стоят стражники с мечами наголо. Я с опаской смотрю на них, прежде чем переступить порог. И хотя я давно сбился со счета, в скольких битвах принимал участие, глядя на них, я вздрагиваю. Неужели все дело во мне?

Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что дела обстоят гораздо хуже. В комнате Крисп, Фауста с тремя сыновьями, с десяток стражников и рабов. Клавдий, старший сын, стоит, завернувшись в одеяло. Край распахивается, и я вижу, что из раны на шее, обагрывая тунику, струится кровь. Как будто за секунду до того, как я вошел сюда, кто-то пытался перерезать ему горло.

Он же, похоже, ничего не понял и теперь стоит бледный, хотя и на своих ногах, этакий ходячий труп. Фауста стоит рядом с ним, на тот случай, если он пошатнется. Ее ночная сорочка перемазана кровью, хотя это, по всей видимости, кровь ее сына. Рядом с ней два других ее сына в накинутых на плечи простынях. Константин стоит напротив, по бокам — стражники. Между Константином и Фаустой — Крисп. Руки его в крови.

Константин смотрит на меня. Несмотря на суматоху и кровь, на его лице лежит печать усталости. До меня тотчас доходит серьезность происходящего.

— Я могу положиться на тебя?

— Как всегда.

— Обыщи покои Криспа. Все, что найдешь, неси сюда.

Лицо Фаусты похоже на каменную маску, лишь ее глаза сверкают гневом.

— Откуда в тебе уверенность, что Валерий — не соучастник?

— Я доверяю ему.

— А я нет. Пошли вместе с ним Юния.

Юний — придворный. Толстогубый и самодовольный. Если он когда-то и улыбается, то только собственному отражению в зеркале. Мы вместе поднимаемся по лестнице в комнату Криспа. Я до сих пор не понимаю, что происходит, однако постепенно отдельные фрагменты мозаики складываются в цельную картину. Мальчик с кровавой раной, мужчина, чьи руки в крови. И мы идем в его комнату отнюдь не затем, чтобы найти доказательства его невиновности.

Комната Криспа полупуста. В ней царит солдатский порядок, так что обыск занимает немного времени. Видно, что он поднялся с постели: одеяла отброшены в сторону. Вчерашняя одежда аккуратно сложена. Завтрашняя лежит на сундуке. На письменном столе рядом с кроватью стопка бумаг. Перед тем как лечь спать, он работал. В этом весь Крисп.

Юний тотчас направляется к бумагам. Я же опускаюсь на колени и, заглянув под кровать, в темноте вожу туда-сюда рукой. Нащупываю пару сапог и какие-то тряпки, которые, по всей видимости, упали с матраца. Затем моя ладонь прикасается к тонкой трубке. На ощупь она холодна как свинец.

Увидев, как я выкатил ее из-под кровати, Юний тотчас подпрыгивает ко мне.

— Дай мне!

Я отталкиваю его от себя. Мы подобны двум псам, которые не могут поделить кость. Я помню, что вчера крикнула мне в спину Фауста. Что я верный пес Константина. Вот что случается, когда во дворце поселяется страх.

У меня в руках тонкая свинцовая пластина, словно папирус, скатанная в свиток и скрепленная золотой иглой, которой проткнули мягкий металл. Стоит мне взглянуть на нее, как я тотчас понимаю, что это такое. От страха у меня дрожат пальцы. Юний вырывает пластину у меня из рук, раскатывает ее и пробегает глазами. Закончив читать, довольно облизывает губы.

— Погоди, пока это увидит Август.

Он не может утаить своего злорадства. Не иначе, уже предвкушает, как получит новую должность. У меня чешутся руки его ударить, ударить со всей силой и сломать ему шею, но я понимаю, что это было бы ошибкой. Во дворце пролилась кровь, и волки вышли на охоту. Единственный способ сохранить жизнь — остаться стоять на месте.

Внизу, в спальне мальчиков, ничего не изменилось. Юний показывает свиток Константину, но тот отшатывается в сторону, как от заразы. Затем подзывает раба и велит поднести пластину к глазам, чтобы он мог прочесть написанное.

— Мы нашли это под кроватью цезаря, — говорит Юний.

— У меня под кроватью только сапоги, — произносит Крисп в свою защиту и смотрит на меня, хочет, чтобы я подтвердил его слова. Увы, мне нечего сказать. Единственное, на что я способен, это в паузу, когда Константин перестал читать, спросить:

— Что, собственно, произошло?

— Я пришла проверить, как дети, — отвечает Фауста, — когда в комнату вломился цезарь. — Она тычет пальцем в Криспа. — Глаза безумные, в руке нож. Увидев меня, он сказал, что армия изменила Августу, что к утру моего мужа уже не будет в живых. Сказал, что я должна перейти на его сторону, в противном случае меня и моих детей ждет смерть.

Половина присутствующих в комнате — те, кто обязан своим положением Фаусте — издают крик возмущения и ужаса. Вторая половина молчит.

— Это ложь, — говорит Крисп. Он смотрит на отца, однако тот отказывается посмотреть ему в глаза. Так же, как и я. Вместо этого я смотрю на его босые ноги. Интересно, что это за заговорщик такой, который задумал прибрать к рукам власть, но позабыл надеть сапоги?

— Разумеется, я тотчас поняла, что он лжет, — нарочито холодно произносит Фауста. — Он явно не ожидал увидеть меня здесь. Он пришел, чтобы умертвить собственных братьев. Чтобы, когда он убьет Августа, у него не было соперников. Я так и сказала ему, и тогда он в ярости налетел на Клавдия и попытался перерезать ему горло. Слава богу, что стражники подоспели вовремя!

Крисп медленно качает головой, словно на шее у него тяжелое ярмо.

— Она пришла ко мне в комнату и сказала, будто мой брат порезался. Я тотчас же бросился сюда, а когда вошел в комнату, то увидел, что из уха у него сочится кровь. Не успел я и глазом моргнуть, как стражники набросились на меня, скрутили и повалили на пол.

Он обводит взглядом комнату, как будто бросая нам всем упрек. Сейчас здесь около двух десятков человек, но никто не осмеливается посмотреть ему в глаза. Никто — кроме Фаусты, которая не сводит с него немигающего взгляда гадюки.

Константин оборачивается ко мне.

— Ты это прочел?

Раб поворачивается, чтобы я мог прочесть выцарапанные на черном металле буквы.

Великой Богине Немезиде. Я, Крисп Цезарь, проклиная моего отца Константина Августа и отдаю его в твою власть. Доведи его до смерти, отними у него здоровье, счастье и сон, чтобы империя стала моей.

Это табличка с проклятием — обычно отвергнутые влюбленные или ограбленные лавочники бросают их в колодцы в надежде на то, что боги займут их сторону и накажут врагов.

Юний показывает Константину булавку, которой проткнута табличка. Булавка золотая, с застежкой в виде льва. Я не раз видел, как она поблескивала на плече у Константина, скрепляя его плащ.

— Твоя фибула, — говорит Фауста. — Он украл ее у тебя, чтобы навести на тебя порчу.

— Я даже пальцем не прикасался к этому орудию зла, — говорит Крисп, и на какой-то момент презрение в его голосе звучит громче, чем страх.

Я по сей день помню выражение лица Константина. За эту ночь он постарел на десяток лет. Впервые в жизни он выглядит потеряннным.

— Так в чем же правда? — шепчет он. — Мой родной сын хотел низложить меня с трона, когда я по собственной воле был готов отдать ему власть и славу, которых он так алчет? Или же это моя жена распространяет страшную ложь и клевету о моем сыне?

— Как ты можешь закрывать глаза на то, что перед тобой? — Похоже, Фауста вот-вот сорвется на истерику. — Или ты готов ждать той минуты, когда все твои дети будут лежать мертвыми перед тобой, чтобы ты наконец мог поверить?

— Поверить, что мой сын и наследник — убийца?

Фауста обхватывает сыновей за плечи.

— Все, я уезжаю вместе с ними в Константинополь. Мои дети не проведут и часа под одной крышей с этим чудовищем. — Она делает шаг навстречу императору. Глаза ее горят гневом. Она на голову ниже Константина, но в это мгновение как будто сделалась с ним одного роста, одной стати.

Он же как будто усох, сжался на глазах. Он не знает, что ему делать. Византия должны были стать его триумфом, моментом его безграничной славы и власти, и вот теперь все рушится на глазах.

Юний делает шаг вперед.

— Мне будет позволено?..

Константин кивает.

— В трех днях конного пути отсюда, в Пуле, есть вилла. Губернатор — верный нам человек. Отправьте Криспа туда, с глаз подальше, пока мы окончательно не разберемся, что произошло.

— Нет! — голос Криспа звенит отчаянием. — Если вам нужна правда, оставьте меня здесь, чтобы я мог доказать свою невиновность.

— Если он останется, то я уеду! — заявляет Фауста.

Они оба смотрят на Константина. Его взгляд прикован к некой только ему видимой точке между ними. Лицо каменное, непроницаемое. Вся комната — да что там! Весь мир — теперь зависит от того, что он скажет.

Мне же вспоминаются слова Криспа, сказанные им про епископов в Никее. Мол, им нужен судья. Он и помыслить не мог, что подсудимым окажется он сам. Константин принимает решение. Легкий кивок головы — и этим все сказано. Фауста кланяется. Четыре стражника в белом окружают Криспа и выводят из комнаты. Он не сопротивляется.

— Я кого-нибудь пришлю, — говорит ему вслед Константин, но так тихо, что Крисп вряд ли его слышит.

Константинополь, май 337 года

Лампа горит слабо. Я сижу на полу архива, скрестив ноги, в окружении разбросанных по полу бумаг. Я вытащил их так много, что света лампы не хватает, и часть лежит в темноте. Александр славно потрудился. Я провел за чтением уже час, если не больше, и не встретил даже отдаленного намека на то, что Крисп и Фауста были тогда в Аквилее. Да что там! Что они вообще существовали!

Понимаю, что потерпел поражение. Сгребая бумаги и, словно мусор, рассовываю их по корзинам. Покончив с ними, поднимаюсь на ноги. И тут на меня накатывает приступ головокружения. Я шатаюсь и крепко сжимаю лампу — она мое единственное спасение. Стоит выпустить ее из рук, и я навсегда потеряюсь в

этой темной, бездонной пещере. Пытаюсь сосредоточить взгляд на какой-нибудь дальней точке. Увы, я не нахожу, за что мне зацепиться взглядом. Ряды полок уходят в бесконечность. Чем дольше я на них смотрю, тем длиннее они кажутся.

У меня такое чувство, будто мое физическое «я» растворилось, будто я парю в воздухе. От меня осталась лишь душа. Или теперь моя душа — мое хранилище, мой собственный архив, и я обитаю в нем. Я брожу по его темным закоулкам, то там, то здесь не глядя срывая с полок воспоминания. Разум — странная вещь. Он ставит на нашем пути преграды, но сокращает расстояния.

Я не могу винить Александра за то, что он сделал с документами. Я сделал примерно то же самое с собственной памятью: подправил ее и очистил, чтобы было легче жить. Это болезненный процесс: каждый изъятый кусок оставляет после себя дыру. Дыр так много, что в конце концов я превращаюсь в этакого вырезанного из бумаги человечка. Но иначе мне не прожить в согласии с самим собой.

Я протягиваю руку и натыкаюсь на что-то твердое. Колонна. Я ладонью ощущаю ее холод. Нет, она действительно холодная. Мои пальцы впиваются в камень, я нащупываю углубления цифр и букв. XV / Ω. Прижимаюсь к острым краям.

Меня посещает мысль. Все документы обозначены одинаково — XV / Ω., чего, собственно, и следовало ожидать. Но когда я в ту ночь во дворце просматривал обрывки документов в ящике Александра, пометки там были совсем другие.

XII / . *Я пишу это в глубокой скорби по поводу смерти твоего внука.*

Эта мысль дает мне руководство к действию. Я знаю, что должен делать. Я поднимаю лампу и спешу по проходу между полками, считая на ходу колонны, пока наконец не нахожу нужное мне место.

Сквозь бумажные стены до меня доносится голос Симеона. *Всю свою жизнь ты блуждал в темноте.*

Александр явно приходил сюда — об этом говорят печати. Я наугад вытягиваю корзину, где воск еще свеж, и, пробежав глазами несколько страниц, понимаю, что это документы из

архива вдовствующей императрицы Елены. Она отказалась переезжать в Константинополь и продолжала жить в Риме, где умерла девять лет назад. Судя по всему, Константин велел доставить сюда архив матери на хранение.

Многие из ящиков вскрыты, а хранившиеся в них документы изуродованы. Елена обожала старшего внука и постоянно писала ему письма. В отличие от императорской канцелярии свой архив она хранила не в виде свитков, а в виде кодексов, какие в ходу у христиан. Я следую по стопам Александра, — вернее, по дыркам в тексте, — словно по оставленным на снегу следам. Тишину подземелья нарушает лишь мой собственный шепот, когда я вслух читаю тот или иной документ.

Лампа начинает мигать. Масла в ней почти не осталось. Я знаю, что мне пора возвращаться, но остаюсь сидеть, переворачивая станицу за страницей.

Чтобы достичь живых, плыви средь мертвых.

У меня рябит в глазах от прочитанного, но я не обращаю на это внимания. Я уже приготовился перевернуть страницу, как что-то привлекает мой взгляд. Переворачиваю ее назад.

Это письмо, адресованное императрице. Судя по всему, дубликат, скопированный секретарем. В углу страницы замечаю надрыв, как будто Александр начал вырывать страницу, а потом передумал. Вместо этого он ограничился тем, что вырезал первый абзац. Это означает, что отправитель и дата исчезли. Ниже текст возобновляется.

Чтобы достичь живых, плыви средь мертвых.

За тьмою солнца свет горит лучистый.

Спасенья знак, что освещает путь вперед,

Сияет, негасимый, новой жизнью.

Из сада в темную пещеру

Отец скорбящий отдал сына.

И погребен на дне могилы

Трофей его победной силы.

Я смотрю на страницу, пытаюсь извлечь из строк какой-то смысл. Странно: почему Александр изъяслял версию, что лежала в его футляре, но оставил эту? Впрочем, мне понятны

его сомнения. Каждое слово в этом стихе вопиет «Крисп!», но само имя ни разу не упоминается. Что это? Загадка? Кто ее автор?

Похоже, я засиделся в хранилище. Лампа мигает, шипит, плюется маслом и гаснет. Я вздрагиваю и вскрикиваю как ребенок. Мои руки уже не такие крепкие, как прежде. Я роняю лампу, и она разбивается о каменный пол. Теперь я в темноте словно в ловушке.

Где-то дальше по проходу кто-то окликает меня по имени.

Глава 37

Окрестности Белграда, наши дни

— Добрый вечер. Министерство иностранных дел. Куда перенаправить ваш звонок?

— Мне нужно поговорить с главой Балканского отдела.

— Одну минуту.

В трубке раздались аккорды Баха — неземные звуки на фоне какофонии дизельных двигателей и визга тормозов, цавившей на автозаправке. Стоя рядом с кафе, Эбби плотно прижала телефон к уху.

— Дежурная, — раздался усталый женский голос.

— Я бы хотела поговорить с Марком Уилсоном.

— К сожалению, в данный момент его нет. Чем я?..

— Тогда найдите его, — Эбби сама удивилась злости в собственном голосе. — Скажите ему, что с ним хочет поговорить Эбби Кормак.

— По какому номеру он может вам перезвонить?

Это паранойя, или в этом голосе и вправду прозвучали новые нотки? *Интересно, я с тобой знакома?* — подумала Эбби. *Может, мы писали друг другу электронные письма, сидели друг напротив друга в столовой?* Эбби попробовала подобрать к голосу лицо. Увы, воображение подвело ее.

— Я перезвоню через час. Найдите его к этому времени.

Она отключила телефон и вернулась в кафе. Майкл и Николич все еще сидели за столом, глядя в стаканчики с кофе.

— Ну как? — спросил Майкл.

— Его не было на месте. Я сказала, что перезвоню через час. Майкл отодвинул стул.

— Нам нужно двигаться. — Он повернулся к Николичу: — Вы не могли бы подбросить нас до хорватской границы? Мы вам заплатим.

Николич посмотрел на часы.

— У меня два сына, у которых нет матери. Моя сестра забирает их из школы, но они уже наверняка волнуются, куда я подевался. Я довезу вас до Сремской Митровицы. Там сядете на автобус.

Через несколько минут они поехали дальше.

— Что еще вам известно о Порфирии? — спросила Эбби.

— Немного. Какое-то время он провел в изгнании — никто не знает, почему и как долго. Можно предположить, что большую часть своих стихов он написал именно там, чтобы убедить Константина разрешить ему вернуться обратно.

— И как, сработало?

Николич кивнул.

— Примерно в 326 году он был помилован и вернулся домой. Наверняка он что-то такое сделал, потому что император обласкал его: назначил префектом Рима. Это что-то вроде нашего мэра. Собственно, это все. — Николич умолк. — Странно...

Он недоговорил, потому что пустился в обгон нефтевоза, который медленно полз в направлении границы.

— Что странно? — уточнила Эбби, когда нефтевоз остался позади.

— Эта строчка про скорбящего отца, который отдал сына.

— Разве это не что-то там христианское? — подал голос Майкл с заднего сиденья.

Николич нахмурился.

— Все стихотворение пронизано христианским неоплатонизмом. Но есть и исторические параллели. У Константина был сын по имени Крисп — талантливый полководец, верный помощник и вероятный наследник трона.

— Никогда о нем не слышала, — призналась Эбби.

— В 326 году по приказу отца он был убит. Причем не только убит, но и предан забвению. Память о нем была полностью стерта. В Риме по отношению к запятнавшим себя вельможам практиковалась такая вещь, как *damnatio memoriae* — проклятье памяти. Они как будто переставали существовать. Прямотаки как «нелица» у Оруэлла. Их статуи свержались с пьедесталов, любое упоминание о них изымалось из архивов, история редактировалась. Официальный биограф Константина Евсевий переписал свою книгу, чтобы исключить из нее даже малейший намек на существование Криспа. Нам о нем известно лишь потому, что сохранились экземпляры обеих версий — отредактированной и первоначальной.

— И чем же этот Крисп так ему насолил? — поинтересовался Майкл.

— Никто толком не знает. Самое раннее упоминание об убийстве мы находим двумя столетиями позже, в работе одного историка-язычника, который задался целью дискредитировать Константина. По его словам, Крисп якобы был отравлен за то, что имел любовный роман со второй женой Константина, Фаустой, которая, кстати, умерла в том же самом году.

— Ну и семейка! Прямотаки детективный сериал!

— Вам показалось странным упоминание смерти, — напомнила Николичу Эбби. — Странно потому, что, по идее, эту строчку должны были изъять?

— Некоторые из дошедших до нас стихотворений Порфирия восхваляют Криспа. По мнению историков, эти стихи написаны до 326 года, то есть относятся к тому времени, когда Крисп был в фаворе у отца. Но написать о нем стихотворение после его смерти, — более того, стихотворение, содержащее намек на его убийство, — это значит поставить себя под удар. Более того, я бы сказал, что Порфирий рисковал собственной жизнью.

— Да, но куда это все нас приведет? — спросил Майкл с легким раздражением в голосе.

Вместо ответа Николич помигал фарой и, съехав на обочину, указал на дорожный знак.

— Сремска Митровица, — объявил он.

Ночь уже вступила в свои права. Вновь заморосил дождь. Влажный асфальт поблескивал в свете фонарей. Они катили по опустевшему городку, и Эбби смотрела сквозь капли на ветровом стекле на размазанные отражения неоновых вывесок в темных окнах, на лужи, на запертые на ночь двери домов. Казалось, это последнее обитаемое место мира, декорации к фильму в жанре нуар, попавшие сюда из другого измерения.

— Во времена Рима это был один из самых крупных городов империи, — сказал Николич. — Он назывался Сирмий. Император Галерий сделал его своей столицей. Более того, именно здесь, в Сирмии, сын Константина Крисп был объявлен цезарем.

— Да, с тех пор городок заметно пришел в упадок, — шутливо заметил Майкл.

Николич подъехал к тротуару напротив автовокзала.

— Последняя остановка, — объявил он. — Отсюда вы можете доехать до Загреба, Будапешта, Вены, куда угодно. А мне пора к моим мальчишкам.

Эбби посмотрела на фото на приборной доске — двое ребятишек в ковбойских шляпах и с шерифскими звездами. Она тотчас представила себе, как Николич ставит рядом с домом машину, как поднимается по лестнице, как, услышав его шаги, мальчишки разражаются радостными воплями. Уютный дом, ужин на столе, озабоченность в глазах сестры, которая спрашивает: где тебя носило?

Эбби импульсивно наклонилась к Николичу и поцеловала его в щеку.

— Спасибо вам за все.

Тот явно смутился.

— А вы будьте осторожны.

— Вы тоже. Не стоит публиковать стихотворение, пока не убедитесь, что это безопасно.

— Как я это узнаю?

— Мы с вами свяжемся.

— Следите за новостями. Вдруг мы в них засветимся, — добавил Майкл.

Эбби вышла из машины. Дождь оказался сильнее, чем могло показаться, сидя в машине. Тугие струи тотчас ударили ее

по лицу. Захлопнув дверцу машины, они бросились бегом через улицу и спрятались в дверном проеме. Помахав им на прощанье, Николич отъехал от тротуара.

— И что теперь?

Как будто услышав в ее голосе отчаяние, Майкл обнял Эбби и прижал к себе. Затем кивнул в сторону автовокзала.

— Главное, выбраться из Сербии. Здесь у Драговича повсюду глаза и уши.

— Ты думаешь, это его люди были сегодня днем в парке?

Боже, неужели это случилось всего несколько часов назад? Воспоминания, словно карточный домик, начали обрушиваться одно на другое, путаясь и перемешиваясь.

— Или Драговича. Или Джакомо. Или того и другого. Джакомо, не задумываясь, продал бы нас первому встречному, лишь бы нагреть руки на нашей находке. — Майкл посмотрел на здание автовокзала. — Тем больше причин как можно скорее отсюда убраться.

— Мне кажется, ты что-то забыл. — Эбби отстранилась от него и заглянула в глаза. — У меня ведь нет паспорта.

— Я работаю в таможне, — он убрал влажный локон с ее лба и улыбнулся. — А вот то, что у тебя нет зонтика, это действительно проблема.

Он взял ее за руку. Чуть дальше по улице, усеянной обертками гамбургеров, они нашли бюро путешествий. В окнах, на выцветших плакатах авиакомпаний «Эйр-Юго» самолеты взмывали к лазурным небесам. Счастливые социалистические семьи радостно улыбались, отдыхая на социалистических пляжах Далмации или Крыма. Листки поновее рекламировали скидки на международные звонки, обмен валюты и сим-карты. В нижнем углу, в рамочке из елочной гирлянды, написанное от руки на куске картона объявление предлагало визы.

За столом, читая на открытом ноутбуке страничку светских сплетен, сидела седая женщина в черном платье.

— Я бы хотел паспорт для моей сестры, — сказал по-сербски Майкл и жестом указал на Эбби. — Ее тетя в Загребе серьезно больна, и ей срочно нужно туда уехать.

Женщина нахмурилась.

— Отдел выдачи паспортов закрыт.

В руке Майкла появилась купюра в пятьдесят евро. Женщина неодобрительно посмотрела на нее.

— Вы из полиции? Неужели вы думаете, что можете меня подкупить? — Она энергично затрясла головой. — Нет, мы работаем честно.

— Я не из полиции. Мне нужен паспорт для сестры. Ее тетя тяжело больна, — в его руке появились две бумажки по сотне евро.

Женщина пристально посмотрела Эбби в лицо — на ее синяки, на ссадину на лбу, — после чего выразительно посмотрела на Майкла — мол, за кого вы меня принимаете?

Она думает, что он торговец людьми и пытается незаконно вывезти меня из страны! — догадалась Эбби. При этой мысли по коже тотчас пробежали мурашки, как будто ее, раздев догола, вымазали в грязи.

— Может, вам лучше прийти через неделю? Вдруг вашей тетушке станет лучше? Мы здесь работаем честно, — повторила женщина, правда, на этот раз с улыбкой.

Майкл положил деньги на стол.

— Может, вы все-таки посмотрите, что там у вас в подсобке?

Они вышли из бюро путешествий беднее на тысячу евро, хотя отнюдь не этот факт заставил Эбби ощутить себя товаром. Теперь у нее был паспорт. В свете уличного фонаря она попыталась рассмотреть фото — для большего сходства она даже втянула щеки и попыталась симитировать выражение лица бывшей владелицы паспорта.

— Полного сходства не требуется, — сказал ей Майкл. — Хватит и отдаленного, главное, чтобы пограничник принял взятку.

Эбби посмотрело на часы.

— Уже прошло больше часа. Я должна позвонить в Лондон.

На главной площади городка Эбби нашла автомат и по памяти набрала номер. Майкл остался ждать рядом с будкой. Чтобы связаться с Балканским отделом, вновь потребовалось

пройти рутину переадресации звонка. Правда, на этот раз ей ответил сам Марк.

— Вы где?

— На Балканах.

Возможно, они и сами выяснят, откуда сделан звонок, но облегчать им жизнь желания не было.

— Какого черта там у вас происходит? Джессоп убит, вы пропали без вести. Я же слышу совершенно безумные байки про перестрелку в Косово и какую-то римскую гробницу.

— Верно, безумные, — согласилась Эбби. — Напомните мне, чтобы я как-нибудь на досуге их вам рассказала.

Марк тотчас изменил тон.

— Срочно возвращайтесь, Эбби. Вы ничего дурного не сделали. Нам просто нужно с вами поговорить.

— Вы помните ожерелье, которое вы с Джессопом с меня сняли?

— Да. Но при чем здесь оно?

— Вы не могли бы мне его привезти? — Она нащупала карманчик паспорта в кармане, моля Бога, чтобы тот ей помог. — Вы знаете город Сплит в Хорватии? Давайте встретимся там завтра, в два часа дня возле собора.

— Вы хотите, чтобы я все бросил и прилетел, чтобы вернуть вам какую-то там побрякушку? Ну, вы даете! Давайте, выкладывайте, что там у вас!

Эбби прикрыла трубку рукой и оглянулась по сторонам. Майкл в будку не поместился. Он отошел на другой конец площади, чтобы купить сигарет у цыганки. В данный момент он стоял к Эбби спиной.

— Майкл жив, — быстро проговорила она.

— Майкл Ласкарис?

— В тот вечер на вилле он не умер. Он сейчас со мной.

Майкл купил сигареты и теперь направлялся через площадь в ее сторону.

— В два часа у собора в Сплите, — повторила Эбби. — И не забудьте про ожерелье.

— Погодите...

Она повесила трубку. Майкл подошел к будке и, открыв дверь, заглянул внутрь.

— Ну как, не сильно они кусались?

— Он прилетит, — сказала Эбби. Она достала паспорт и посмотрела на чужое лицо. — Вопрос в другом. Доберемся ли мы до места встречи?

Глава 38

Константинополь, май 337 года

Тьма в хранилище давит на меня со всех сторон. Бреду наугад. Не знаю, где выход, могу лишь смутно предполагать. Но голос продолжает меня звать. Я открываю глаза. Тьма отступает. Где-то в промежутке между колоннами мелькает огонек.

— Гай Валерий?

Это архивист.

— Я же сказал, что если тебе захочется что-то прочесть, то лучше выйти в зал, — упрекает он меня. — Внутри лучше не оставаться. Все-таки там жутковато.

Я слишком устал и мне не до гордости.

— Спасибо, что вызволил меня.

— Вызволил? — в его голосе звучит усмешка. — Я пришел за тобой. Потому что тебя желает видеть Август.

Я ничего не понимаю.

— Константин? Он уже вернулся с войны?

— Он в Никомедии.

По голосу архивиста я понимаю, что в Константинополь император уже не вернется.

Вилла Ахирон, окрестности Никомедии, май 337 года

До Никомедии семьдесят миль. В молодые годы я бы загнал не одну лошадь, чтобы добраться туда за один день. Теперь же у меня на дорогу уходит почти два. И дело не только в моем возрасте. Такого движения на дороге я еще ни разу не видел. На каждой заставе длинные очереди за лошадьми.

Посыльные умеют держать язык за зубами, а вот конюхи охотно делятся слухами. Из того, что я слышу, делаю вывод, что последняя кампания Константина завершилась, даже толком не начавшись. Еще не доезжая до Никеи, император начал жаловаться на боли в животе. По дороге — в надежде на быстрое исцеление — он свернул в Пифийские Термы, чтобы принять горячие ванны. Увы, после ванн его состояние лишь ухудшилось.

По мнению врачей, здоровье не позволяло ему вернуться в Константинополь. Вместе этого Константин направился на императорскую виллу, а именно, виллу Ахирон в окрестностях Никомедии. Когда-то здесь располагалось одно из поместий Диоклетиана. Ахирон по-гречески означает ток для обмолаа зерна. Не думаю, что это название будет способствовать облегчению его страданий.

Вилла располагается в пяти милях от Никомедии, на террасах, что высечены в прибрежных холмах. Ее окружают поля пшеницы, хотя самого тока, который дал ей название, уже давно не существует. В мае колосья наливаются золотом, но сбора урожая в этом году не будет. Колосья втоптаны в землю сапогами и палатками двух тысяч легионеров, ставших лагерем вокруг виллы. Трудно сказать, то ли они охраняют виллу, то ли взяли ее в осаду. Я тяжело бреду вверх по холму под сенью тополиной аллеи. Добравшись до виллы, докладываю о своем прибытии секретарю, который устроил административный пост прямо в вестибюле. Впрочем, это не дворцовый функционер, а офицер стражи.

— Что с Августом? Он?.. — Я не осмеливаюсь произнести слова «при смерти». Мне страшно даже об этом думать.

Стражник холодно смотрит на меня.

— Врачи прописали ему полный покой.

— Он прислал сообщение, вызвал меня сюда из Константинополя.

— Твое имя?

Этот вопрос сродни пощечине. Я на мгновение теряю равновесие. Он это нарочно? Хочет указать мне мое место? Никто никогда не спрашивает мое имя. Его все знают.

Секретарь стучит стилем по столу. Он занятой человек, честолюбивый молодой офицер, которому поручили неблагодарную работу. Он понятия не имеет, кто я такой.

Я называю ему свое имя. Офицер даже не моргнул. Мое имя лишь одно из длинного списка, с которым он должен свериться. И в списке его нет.

— Флавий Урс здесь? Начальник штаба? — Мой вопрос вынуждает его уделить моей персоне еще пару секунд внимания. — Передай ему, что Гай Валерий Максим прибыл к Августу.

— Хорошо, я передам.

Я остаюсь ждать в вестибюле. Вокруг царит суета, туда-сюда постоянно пробегают священники, чиновники, солдаты. У дверей в покои Константина застыли схоластики в белом. Но императора охраняют не только они — рядом полевые командиры в красной форме. В конце концов, ведь это по-прежнему штаб.

Томлюсь ожиданием уже не один час. Мысли переносят меня на другую виллу, на берегу другого моря.

*Пула, Адриатическое побережье, июль 326 года.
Одиннадцать лет назад*

Пула — небольшой портовый городок на побережье Адриатики. Тихий и ухоженный. Здесь полно торговцев, наживших свои скромные состояния на местной торговле. Думаю, именно такое место, как Пула, Константин имеет в виду, когда превозносит прелести мирной жизни: чистое, зажиточное, скучное. Тихие задворки империи, где очень просто исчезнуть.

Ближе к закату я наконец достигаю виллы губернатора. Обычно путь до Пулы занимает три дня, у меня же ушла почти неделя. Я плохо спал, выезжал поздно, вечно придирался к лошадям, кормежке, постоялым дворам. Мне не хотелось приезжать сюда. Я умолял Константина отправить вместо меня кого-то другого.

Впервые за многие годы он не пожелал посмотреть мне в глаза.

— Это должен быть кто-то такой, кому я доверяю, — сказал он. — А я доверяю только тебе. — С этими словами он вру-

чил мне кожаный мешочек, затянутый веревкой, внутри которого находился тяжелый стеклянный флакон. — Я не хочу...

Он не договорил, как будто боялся разрыдаться. Все это так ужасно, что ему страшно говорить об этом вслух.

— Главное, сделай все побыстрее.

Криспа я нахожу на берегу моря, на мысу к югу от города. Между камней пробивается трава, в прозрачной воде между скал шевелят плавниками рыбы. Два вооруженных стражника следят за пленником из-за растущих вокруг бухты сосен: Крисп сидит у кромки воды, босой, с непокрытой головой, наблюдая, как у его ног тихо плещут волны.

Заметив постороннего человека, стражники хватаются за рукоятки мечей и выкрикивают предостережение. Даже когда они узнают меня, напряжение не оставляет их. На их лицах застыл ужас. Они боятся, что я сейчас заставлю их сделать страшную вещь.

Я отсылаю их прочь.

— Проследите, чтобы сюда никто не пришел, — говорю я им. Они так рады возможности уйти, что даже не оглядываются.

Теперь мы с Криспом одни. Я спускаюсь по каменистому берегу и иду к нему. Он оборачивается. Завидев меня, улыбается и встает.

— Я надеялся, что это будешь ты.

Неловкие объятия. На берег набегают очередная волна и разбивается о мои сапоги. Я отступаю назад и смотрю ему в лицо. Под глазами у Криспа мешки, кожа землистая, серая. Улыбка, которая когда-то так естественно освещала его лицо, вымученная, вынужденная. Но в чем-то даже вызывающая.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но он перебивает меня.

— Как отец?

— Не находит себе места.

— Как жаль, что я испортил ему праздник. — Крисп берет пригоршню камешков и один за другим бросает их в море. — Честное слово, смешно. Еще три недели назад я наблюдал за приготовлениями и представлял, как сам когда-нибудь буду праздновать свои вициналии. И вот теперь...

Последний камешек летит в воду — почти бесшумно, без брызг.

— Твой отец... — начинаю я. Крисп вновь не дает мне договорить.

— Он нашел зачинщиков заговора?

— Какого заговора?

— Заговора против меня. — Он отворачивается, как будто понимает, что если будет смотреть мне в глаза, то это лишит его чего-то ценного. — Весь этот спектакль курам на смех! Ты ведь знаешь, я бы никогда не поднял руку на моих братьев. Я люблю их, — он усмехается, — как родных братьев.

— Константин провел тщательное расследование.

На самом деле император едва не разнес на части дворец в поисках доказательств невиновности Криспа. Увы, если он что-то и нашел, то лишь новые доказательства его вины. Откуда-то всплыли письма Криспа, в которых тот похвалялся «когда я, наконец, стану Августом...». В его багаже обнаружили сундуки с монетами, на которых отчеканено его имя. Два командира императорской гвардии вышли вперед и заявили, что Крисп велел им быть готовыми в любую минуту взять дворец в свои руки. Впрочем, никто не спросил: для чего ему понадобилось начинать государственный переворот с неудачного покушения на собственных братьев? Не проще ли было бы первым делом избавиться от Константина?

— Эта табличка, которую ты нашел под моей кроватью — я никогда ее не видел, не знал о ее существовании.

— Теперь это уже не важно.

— Не важно? — Он смотрит на море. Закатное солнце медленно погружается в воду. — Да, наверно, уже не важно.

— Ты разбил отцовское сердце, — говорю я.

Наконец он меня услышал. Крисп резко оборачивается. Лицо его искажено гневом.

— Я ничего не сделал. Ничего. Если мой отец желает слушать их ложь, а не собственного сына, что ж, пусть он разбивает себе сердце.

Я пытаюсь погасить его вспышку.

— Их ложь? Чью ложь?

— А разве ты сам не догадываешься? — Рядом с нами на берегу валяется пустой панцирь краба, начисто выклеванный чайками. Крисп в сердцах поддает его ногой. — Кто оклеветал меня? Кому это выгодно? Стоит меня убрать, как дети Фаусты наследуют империю...

— Логично...

Крисп с силой наступает на панцирь краба, давя его на мелкие осколки.

— Неужели я единственный, кто видит истину, которая сама смотрит ему в лицо? Неужели ты не видишь ее? Или тебе все равно?

Я пожимаю плечами.

— Кто скажет, что такое истина?

Крисп отходит прочь от меня, к самой кромке воды. Волны лениво лижут ему пальцы.

— Я любил его, — произносит он, обращаясь к морю. — Наверно, ни один сын так не любил своего отца, как любил его я. Я был готов умереть за него, — он умолкает, чтобы умерить дыхание. — И вот теперь, похоже, так и будет.

Я развязываю шнурок на кожаном мешочке и вынимаю флакон.

— Твой отец просил передать тебе вот это.

Когда Константин вручал мне мешочек, в глазах его стояли слезы. И вот теперь они стоят и в моих глазах. Прошу тебя, про себя умоляю я Криспа, не заставляй меня действовать силой.

Но это его жизнь. Он смотрит на флакон, не желая даже прикасаться к нему.

— На заставляй меня это делать, Гай.

— Ты думаешь, что сумеешь бежать? Что тебя никто не узнает? Твои статуи стоят на форумах по всей империи, от Йорка до Александрии. Не пройдет и недели, как тебя схватят.

Я делаю шаг ему навстречу, вкладываю ему в ладонь флакон и сжимаю его пальцы. словно жених, который хочет, чтобы возлюбленная приняла от него знак любви.

Крисп пытается отстраниться от меня, но я не разжимаю пальцев. Я привез лишь один флакон.

— Это достойная смерть. — Ложь оставляет у меня во рту горький привкус. Мы оба знаем, что это не так. Куда достойнее вскрыть себе вены, если ты, защищая страну, проиграл последнюю, решающую битву с врагом. Но выпить аконит на пустом берегу, лишь потому, что так удобней твоим убийцам — что в этом достойного?

— Если я убью себя, то тем самым согрешу против Бога, — говорит Крисп.

— Это решать самому Богу.

Но Крисп не согласен со мной. Он поворачивается ко мне лицом. Оно похоже на маску — маску усталости и отчаяния.

— Ты мой старый друг, Гай. Неужели ты хочешь отнять у меня мое последнее утешение?

— Я не могу...

— Я не хочу умереть, как тот, на ком лежит вина, — умоляет он. — Оставь мне хотя бы мою невиновность. Это все, что у меня осталось.

Я качаю головой, но это его не убеждает.

— Как по-твоему, почему отец прислал именно тебя, а не какого-нибудь головореза-легионера? Потому что знал, что ты поступишь правильно.

Потому что он знал, как это будет нелегко, мысленно возражаю я. Потому что ему не хочется страдать в одиночку. Потому что он хочет, чтобы кто-то мучился так же, как и он, чтобы взял на себя часть его вины.

Крисп резким движением вырывает руку. Я никак этого не ожидал и прежде чем успеваю как-то отреагировать, он уже отпрыгнул от меня и занес руку, чтобы швырнуть пузырек с ядом в море.

Я не двигаюсь.

— Если ты вынуждаешь меня сделать это, то ты не лучше своего отца.

— А если ты вынуждаешь меня? Кто *ты* после этого?

Мы несколько мгновений стоим друг против друга, разделенные лишь светом заходящего солнца. Я смотрю на Криспа и вижу его отца, каким тот был двадцать лет назад — взъерошенные волосы, красивое лицо, горящие жизнью глаза.

Крисп протягивает мне руку с флаконом.

— Решай сам.

Я беру у него флакон и в следующий миг, объятый внезапным приступом ярости, швыряю его о камни. Стекло с оглушительным звоном разбивается. Аконит вытекает, просачивается между камнями.

— Спасибо.

Мне больно видеть благодарность на его лице. Я запускаю под тунику руку и извлекаю пристегнутый к подкладке кинжал. Крисп усмехается, негромко и печально.

— Гай Валерий, ты всегда готов ко всему.

Я не осмеливаюсь посмотреть ему в глаза.

— Повернись, — приказываю я.

Крисп подчиняется. Теперь он стоит лицом к западу, глядя в глаза заходящему солнцу. Последние лучи освещают ему лицо, как будто его переход в иной мир уже начался. На какой-то миг весь морской берег как будто озаряется пламенем. Каждая пора в моем теле открыта этому миру, каждый звук, каждый запах кажутся в тысячу раз громче и сильнее обычного. Плеск рыб в воде, петух, прокукарекавший где-то на далеком поле, теплый запах сосны. Так бывает, когда ты влюблен.

Острие кинжала пронзает ему спину и впивается в сердце. Горизонт поглотил солнце. Мир из огненного становится серым. Не издав даже стоны, Крисп падает на берег. Волны перекатывают камешки и швыряют их на мертвое тело. Морская пена стекает назад, словно потоки слез.

*Вилла Ахирон, окрестности Никомедии,
май 337 года*

По моим щекам текут слезы. Память о тех мгновениях я носил в глубине моего сердца более десяти лет. Я как будто навсегда остался на том берегу. Пустые постаменты, обезображенные лица памятников, стертые надписи — все они кричали о моей вине. Сколько раз я упрекал себя за то, что в тот день не вытащил кинжал из мертвого тела и не пронзил им себя,

не слизал с камней разлитый яд — его бы наверняка хватило, чтобы лишить меня жизни.

Последнее желание Криспа исполнено: он умер незапятнанным. Константин, несмотря на тяжесть бремени, которое легло на его плечи, не нашел в себе смелости взглянуть правде в глаза. Более того, все последующие десять лет он только и делал, что пытался стереть любую память о некогда принятом им решении, переложив груз ответственности за содеянное на меня.

Наверно, именно поэтому он и желает меня сейчас видеть.

Я поднимаюсь со скамьи. Старые суставы тотчас же напоминают о себе болью — я слишком много времени провел в седле. Тем не менее я ковыляю к бронзовой двери.

— Я могу его видеть?

Страж у двери даже не пошевелился.

— У меня нет приказа.

— Он пожелал видеть меня. Он вызвал меня из Константинополя, — произношу я, и мой голос полон отчаяния. Я не знаю, сколько мне еще осталось жить.

С той стороны двери доносится шум. Внезапно она распахивается, и из нее появляется толпа священников. В середине толпы — фигура в золотом одеянии. На какой-то миг мне кажется, что это Константин.

Но нет. Это Евсевий. Какие бы трагедии ни разыгрывались под крышей этого дома, его они не коснулись. Голова его триумфально вскинута, толстые щеки растянуты в самодовольной улыбке. Он высокомерным взглядом обводит вестибюль и... замечает меня.

— Гай Валерий Максим! Какое совпадение! Август как раз желает тебя видеть, — он подталкивает меня к двери. — Только побыстрее. Времени у нас в обрез.

Помещение по ту сторону дверей огромно: обеденный зал, из которого вынесли все ложа, кроме одного. Мне непонятно, зачем его положили здесь. Задрапированное белыми простынями, ложе одиноко стоит посередине зала — словно остров, парящий посреди бесконечного океана. Константин лежит на спине. Веки опущены, рот приоткрыт. В лице ни кровинки, оно бледное, с желтоватым оттенком. Это все, что осталось от

некогда цветущей наружности. Кроме ложа в комнате только золотой таз с водой на деревянной подставке. Я делаю шаг к кровати, и вода в тазу слегка подрагивает.

Сердце готово выскочить наружу. Неужели я опоздал?

— Август! — зову я. — Константин. Это Гай.

Веки на бледном лице дрогнули.

— Я велел послать за тобой. Я считал часы.

— Меня не хотели пускать к тебе.

Мои слова заставляют его пошевелиться. Он даже пытается приподняться, но руки так слабы, что больше его не держат.

— Неужели мое слово больше ничего не значит? В моем собственном доме?

— Почему тебя оставили одного?

— Чтобы я мог подготовиться. Евсевий должен меня крестить.

Он видит выражение моего лица — нечто среднее между отвращением и болью.

— Пора, Гай. Я и так тянул слишком долго. Я потратил всю свою жизнь на то, чтобы объединить империю, быть правителем всего моего народа, независимо от того, каким богам они поклоняются. Я никогда не проповедовал им. И тебе тоже.

Он меня не понял. Мне нет никакого дела до хитросплетений христианской догмы, даже если она утешит его на пути в мир иной. Мне неприятно, что здесь, на смертном одре, Евсевий имеет над ним власть.

Константин снова закрывает глаза.

— Как жаль, что со мной нет сына.

Внутри меня все холодеет. Я догадывался, что так и будет. Возможно, сидя в вестибюле, я видел те же горячечные образы, что и Константин.

Но я нарочно делаю вид, что не понял его.

— Констанций скоро прибудет сюда из Антиохии. Клавдий и Констант также в пути.

И наверняка опоздают, добавляю я про себя. Насколько мне известно, старший сын Фаусты, Клавдий, правит в Трире, занимает старый дворец Криспа. Констант, младший из троих, — в Милане.

— Они славные юноши. — Возможно, это виновата болезнь, но я не слышу в его голосе убежденности. — Они защитят империю.

Все трое — сыновья Фаусты, внуки старого вояки Максимиана. Интриги, убийства, узурпация власти — все это у них в крови. Не пройдет и трех лет, как они начнут открыто враждовать между собой.

— Ты же позаботься о моих дочерях.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Даже в эти минуты в глубине моего сознания явственно звучит голос, и он говорит: как только Константина не станет, ты уже не сможешь гарантировать ничью безопасность и тем более свою. Я не что иное, как осколок прошлого, которое рушится у меня на глазах.

Я слышу дыхание Константина, частое, надрывное.

— Мне нужно подготовиться. Я должен исповедаться в грехах.

— Ты не должен передо мной ни в чем исповедоваться.

— Нет, должен. — Из-под простыней, словно змея, высывается тощая рука. Костлявые пальцы хватают меня за запястье. И когда только он успел так исхудать?

— Евсевий говорит, что прежде чем принять крещение, я должен исповедаться в грехах. Я сказал ему, что могу исповедаться тебе.

Вряд ли Евсевий был этому рад. Неудивительно, что меня так долго не впускали.

— Ты знаешь, что я сделал.

— В таком случае, зачем это говорить вслух. — Я подтягиваю простыню к его подбородку. — Согрейся.

— Прошу тебя, Гай, иначе небесные врата захлопнутся передо мной. То, что я сделал, не только это. Любой смертный приговор, который я подписал. Каждый ребенок, которого я не сумел защитить. Каждый невинный человек, которого я осудил, потому что того требовали интересы империи...

Интересно, кого он имеет в виду? Уж не Симмаха ли?

— Я до сих пор вижу его, — неожиданно говорит Константин. — Всего месяц назад, в сумерки, когда я ехал через Ав-

густеум. Я был так счастлив, что прыгнул с лошади, чтобы его обнять. Я подумал о том, что скажу ему, и, казалось, вся желчь до последней капли покинула мою душу.

На его щеке поблескивает капелька слюны. Я вытираю ее уголком простыни.

— Разумеется, не успел я подойти к нему, как он исчез.

Константин переворачивается, резкое движение, как будто его подбросило волной.

— Сколько раз я молился, чтобы ты послушался меня, — продолжает он. — Чтобы ты его не убивал, чтобы позволил ему убежать. Помнишь нашу любимую шутку, когда мы с тобой были пленниками при дворе Галерия? Что мы с тобой убежим в горы, оставим позади нашу славу и наши беды и будем жить простыми пастухами в Далмации. Я так надеялся, что и с ним будет то же самое.

Неужели это исповедь? Сомневаюсь, что она удовлетворит Евсевия. Впрочем, я не виню Константина за то, что он постарался обойти стороной острые углы. Но, похоже, наше время истекло.

Из-за бронзовых дверей в конце зала то и дело раздаются какие-то звуки — глухие удары и стоны, как будто за ними в клетке сидит зверь. Евсевий вернется сюда с минуты на минуту. Это — мгновения его триумфа, и он бы не хотел, чтобы смерть вырвала у него венценосного новообращенного.

Константин заговорил снова. Правда, едва слышно, я с трудом разбираю его слова. Я встаю с табурета и опускаюсь коленями на мраморный пол. Наши лица почти соприкасаются. Мне видна паутина красных линий на белках его глаз, фиолетовые мешки под глазами. Эти глаза когда-то взирали на весь мир.

— Как ты думаешь, почему я отправил тебя в Пулу? — шепчет он. — Я подумал, что если кто-то и проявит милосердие, то только ты. Ну почему ты меня не понял?

Его слова подобны ударам кинжала. Они безжалостно вспарывают мне сердце. Он действительно так хотел? А я, выходит, ошибся? Или же он вновь переписывает историю, чтобы успокоить свою совесть? Затаив дыхание, смотрю ему в глаза.

Что такое истина? Философы говорят, что она известна лишь богам, и наверно, они правы. Для нас, простых смертных, она — лишь клубок выцветших воспоминаний и лжи.

— Я всего лишь выполнил то, что мне было поручено.

Взгляд Константина устремлен куда-то в пространство.

— Ты помнишь Аврелия Симмаха? — шепчет он.

Неужели это вторая часть его исповеди?

— В тот день, когда я покидал Константинополь, он обратился ко мне с прошением. Хотел видеть меня. Он сказал, что ему известна правда о моем сыне. Как ты думаешь, мне следовало его принять?

— Правда о твоём сыне? — спрашиваю я. Не иначе, как он имеет в виду Александра, или Евсевия, или гонения христиан.

— Я ничего не хотел знать и отправил его к моей сестре.

Я чувствую, как моя голова идет кругом.

— Ты отправил его к твоей сестре?

Но разговор этот не о Симмахе.

— Я подумал, что, возможно, эта правда... — он на минуту умолкает. — Я ведь видел его. В Августеуме, среди статуй. Он точно там был.

— Вы скоро будете вместе, — говорю я.

— Неужели? — Неожиданно глаза его широко раскрылись, голос окреп. — Эта жизнь, которой я жил... ты думаешь, я ее заслужил? Евсевий говорит, что он способен смыть даже самое глубоко въевшееся пятно. — Константин качает головой. — Ты в это веришь?

— Ты прожил достойную жизнь. Ты принес империи мир.

— Я принес не мир, но меч, — еле слышно отвечает он. — В течение десяти лет я каждое лето вел военные кампании. Я умру здесь в окружении солдат, их точно будет больше, чем священников. Или ты считаешь, что все мои титулы будут что-нибудь значить, когда Христос встретит меня у небесных врат? Непобедимый Константин, четырежды победитель германцев, дважды победитель сарматов, дважды победитель готов, дважды — даков... Неужели ты думаешь, он будет так величать меня?

В дальнем конце зала бронзовые двери приоткрываются, и внутрь заглядывает озабоченное лицо священника.

— Евсевий ждет...

— Скажи ему, пусть подождет! — кричу я. Но, похоже, терпение Константина иссякло, да и время тоже. Он хватается костлявыми пальцами за перед моей туники и приподнимается. Я чувствую исходящий от него жар.

— Так ты прощаешь меня?

Прощаю ли я его? Мне трудно дышать. Я вот уже одиннадцать лет ждал от него этого вопроса. Эта была разделяющая нас пустота. Смерть нашей дружбы. Наша с ним внутренняя опустошенность. И вот теперь он задал его, но ответ застрял у меня в горле. Я не знаю, что ему ответить.

Я помню, что Порфирий сказал про Александра. *Он все простил. Ни упреков, ни правоучений.*

Я наклоняюсь, чтобы обнять Константина. Я опускаю голову ему на плечо, ощущая щекой его сухую, горячую кожу, и обнимаю его голову.

— Прощай, — шепчу я ему на ухо.

Он весь напрягается. Из его горла рвется хриплый, сдавленный крик — не то ярости, не то отчаяния. Он захлебывается этим криком. Мне стоит немалых усилий отцепить от себя его пальцы, чтобы я вновь мог оттолкнуть его на подушки. Но он продолжает борьбу, машет руками, сбрасывает с себя простыни. Я тяжело бреду к двери. Она уже открыта. Внутрь врывается стража, за стражей — толпа священников, за ними следом — солдаты. Я иду против этой людской массы и вскоре сталкиваюсь лицом к лицу с Евсевием.

— Забирай свой трофей, — говорю я ему.

Но, похоже, он меня не слышит. Толпа несет его дальше, к смертному одру Константина. Я же тем временем выскальзываю прочь из зала.

Стоило мне остаться одному, как на меня накатывает раскаяние. Что бы ни произошло между нами, кто я такой, чтобы лишать старого друга его последнего утешения? Я разворачиваюсь, чтобы вернуться. Чтобы сказать, что я его прощаю. Что я люблю его.

Увы, толпа придворных преграждает мне путь. Мне никак сквозь нее не пробиться. Они плотной стеной становятся вокруг

ложа, где Евсевий уже стоит рядом с тазом с водой. До меня долетают обрывки его слов.

— Умри и восстань для новой жизни, чтобы ты мог жить вечно.

Двери захлопываются у меня перед носом. Константина больше нет.

Глава 39

Сплит, Хорватия, наши дни

На земле не так уж много мест, где можно пожить во дворце римского императора. Возможно, кроме Сплита таких мест вообще нет. Когда император Диоклетиан, бросив вызов всем традициям, сложил с себя на пике могущества императорский венец, он построил себе что-то вроде персонального дома престарелых, правда, с императорским размахом: дворец на морском берегу с видом на тихий залив Далматинского побережья. В основу планировки дворцового комплекса положен план военного лагеря размером в восемь футбольных полей, обнесенного десятиэтажными стенами. Внутри стен были разбиты сады, где император-крестьянин мог заниматься своим огородом. Роскошные покои и церемониальные залы (императору даже на заслуженном отдыхе полагается толика роскоши и величия), несколько храмов, посвященных старым богам, которых Диоклетиан с завидной жестокостью защищал от нападков христиан. Гарнизон — ибо хотя он и установил в империи мир, его преемники были завистливы и жестоки — и наконец мавзолей, чтобы остаться здесь на века.

Однако христиане выжили, несмотря на все его гонения, более того, обрели силу и низвергли как старых богов, так и их покровителя. Спустя пятьсот лет после своей смерти Диоклетиан подвергся самому страшному унижению: его порфиновый саркофаг был вынесен из мавзолея, его останки выброшены в канаву, а вместо них в гроб положены кости одного из христианских мучеников. Церковь, которую он пытался уничтожить, прибрала к рукам его мавзолей, превратив здание в собор.

А вот дворец уцелел. Когда пришли варвары, местные жители нашли спасение позади возведенных Диоклетианом стен, где поселились среди развалин. Со временем дома стали расти как грибы, поглощая руины, сливаясь с ними. Новые стены обзаводились колоннами и арками, старые — новыми крышами. Так постепенно на месте дворца возник город. Римский Спалато превратился в хорватский Сплит.

Эбби уже была здесь несколько месяцев назад вместе с Майклом. Это был очередной романтический уик-энд, отдых от Косова. Она тотчас внесла Сплит в список своих самых любимых мест на этой планете. Тогда они остановились в симпатичном отеле, где из стен номеров торчали фрагменты Диоклетиановых стен. Помнится, они тогда бродили по узким улочкам, где перед ними неожиданно вырастали древнеримские храмы, лакомились местной ветчиной и свежее испеченным хлебом, допоздна засиживались в ресторанчиках за бокалом красного вина.

Но то было в июне. Сейчас же стоял октябрь. Туристы разъехались по домам, столики уличных кафе забились под крышу, отели опустели. Эбби надеялась, что счастливые воспоминания о лете согреют ей душу. Увы, скорее они лишь насмеялись над ней. Все это напомнило ей то время, когда ее брак доживал последние дни. Тогда они с Гектором отправились в Венецию — город, где они провели подобие медового месяца, в надежде, что это поможет им реанимировать остывшие чувства. Именно тогда Эбби поняла, что пути назад нет и не будет.

По крайней мере, они с Майклом добрались до Сплита. Несмотря на все ее страхи и опасения, выбраться из Сербии оказалось проще всего. На границе водитель автобуса собрал паспорта и отдал пограничнику, который отнес их к себе в будку. Через десять минут, показавшихся Эбби вечностью, пограничник подошел к автобусу, вернул стопку паспортов водителю, который в свою очередь раздал их полусонным пассажирам.

Оставив границу позади, автобус покатил дальше. Майкл, сидевший на три ряда впереди от нее и по другую сторону прохода, обернулся и подмигнул.

Добравшись до места, они поселились в отеле «Марьян», очередном памятнике советской эпохи, каменная громада которого высилась на набережной примерно в полумиле от Старого города.

Оба зарегистрировались под настоящими именами. Майкл наплел уставшему портю историю о том, как карманники украли у них паспорта. В конце концов тот сдался и выдал им ключи от номера двести тринадцать. Эбби поднялась наверх, умылась и приготовилась сразу же выйти на улицу. Тем более что на часах была уже половина второго.

Постарайся провернуть все как можно быстрее, сказала ей Майкл. *Не дай им возможности приготовиться.*

Сам он рухнул на кровать.

— Ты уверена, что сможешь справиться одна?

— Будем исходить из того, что люди Марка будут следить за мной. Если появишься ты, мой план не работает.

Майкл перекатился на кровати и пристально посмотрел на Эбби.

— Обещай, что будешь осторожна.

— Обещаю. Увидимся позже.

Она прошла по усаженной пальмами эспланаде, мимо опустевшего побережья. У причала одиноко застыли несколько паромов. В дальнем конце набережной над встроенными прямо в стену магазинчиками возвышался фасад дворца. Пройдя ювелирную лавку, Эбби сразу свернула налево и сквозь арку прошла в подземную аркаду, когда-то служившую водными воротами, а теперь забитую до отказа лавчонками, торговавшими сувенирами и разной мелочью. Впереди виднелась лестница, которая вновь вела под открытое небо.

В отличие от большинства жителей западных стран, Эбби по опыту знала, что это такое, когда вас преследует секретная полиция. А опыт, надо сказать, был у нее богатый. Он включал в себя и машину с выключенными фарами, что катила за ней по пятам из Белградского аэропорта, и мойщика окон в Хартуме, который в течение часа, пока шла конференция, торчал у входа, делая вид, будто что-то там намывает до бле-

ска, и телефон в Киншасе, который щелкал и выключался во время разговора.

Эбби однажды спросила у своего босса, нельзя ли ей пройти краткий курс контршпионажа, чтобы знать, как поступать в таких случаях. *Лучше не стоит*, ответил тот. *Если ты ведешь себя как чайник, то за тобой будут просто следить. Но стоит им понять, что ты знаешь, что делаешь, как жди неприятностей.*

На этот раз «хвост» у нее появился, как только она вошла во дворец. Впрочем, ничего удивительного. Пусть возведенным Диоклетианом стенам более тысячи семисот лет, в Старый город можно войти только через них, причем лишь в пяти точках. Шагая по длинной аркаде, Эбби ощущала на себе чей-то пристальный взгляд. Затем от полки с открытками отделился мужчина в зеленой куртке и зашагал впереди. Стоило ей пройти мимо женщины в красной юбке у прилавка кофейни, как она тотчас услышала позади себя цоканье каблуков. Ее так и подмывало оглянуться, но чувство самосохранения одержало верх.

Эбби поднялась по ступенькам и пересекла втиснутый между высокими стенами двор. Шаги за спиной не стихали. Кто-то прошел вслед за ней в высокий круглый зал, служивший когда-то вестибюлем императорских покоев. Посередине зала, нацелив объективы камер на отверстие в круглом куполе, стояла парочка японцев. Справа от них мужчина в черной флисовой куртке изучал путеводитель. Интересно, ей это только показалось, или же он, как только она вошла, на мгновение оторвал глаза от брошюры? Тем не менее Эбби обошла парочку японцев и прошествовала дальше, к выходу в дальнем конце зала.

За вестибюлем располагался перистиль — внутренний двор, сердце любого римского дома. Над ним вздымался ряд хорошо сохранившихся колонн. Колонны напротив тоже были целы, хотя и встроены в фасад итальянского палаццо, который теперь превратился в кофейню. За арками виднелся каменный восьмиугольник мавзолея Диоклетиана, правда, теперь это был собор. Рядом с собором, словно сторожевая башня, высилась колокольня, у основания которой, загадочно улыбаясь прохожим, расположился черный египетский сфинкс.

Мужчина в зеленой куртке направился к кофейне и сел за столик у окна. Женщина в красной юбке энергично прошагала мимо и поднялась по ступенькам мавзолея. Обернувшись, чтобы полюбоваться перистилем, Эбби тотчас заметила мужчину в черной флисовой куртке: стоя в арке вестибюля, он щелкал фотоаппаратом.

— Эбби? — Марк не оставил ей даже секунды, чтобы прийти в себя. Он показался из-за сфинкса и теперь спешил вниз по отшлифованному множеству ног ступеням. На нем было темно-синее пальто. Эбби не удивилась бы, узнав, что его ему купила мать, так же как и полосатый студенческий шарф.

Он протянул Эбби руку. Как ей показалось, в его рукопожатии было чересчур много энтузиазма.

— Хотите кофе?

Что ж, кофе так кофе. Эбби кивнула.

— А вы знаете какое-нибудь хорошее место?

Это что, проверка на вшивость? Эбби равнодушно пожала плечами.

— Когда-то этот город был итальянским. Так что кофе здесь по идее должен быть неплохой.

— Тогда можно остаться здесь.

С этими словами он повел ее через перистиль к кофейне напротив собора. Здесь он, разумеется, усадил ее спиной ко входу, а сам уселся напротив нее, лицом к двери и окну. Эбби попыталась рассмотреть улицу в зеркале в позолоченной раме у него за спиной, но оно висело слишком высоко.

Не считая мужчины в зеленой куртке, они были здесь единственными посетителями. Наверно, так удобнее для записывающего устройства. Марк наверняка постарается записать их разговор. К их столику подошел официант в белом переднике и принял заказ: черный кофе для Эбби, чай — для Марка.

Он посмотрел ей в лицо.

— Вы как будто только что прибыли из зоны боевых действий.

— Где ожерелье?

К ее великому удивлению, он не стал тянуть время. Просто сунул руку в карман и извлек изящный черный футляр с

логотипом ювелирной фирмы «Эспрей». Нажатие пальца, и крышка открылась. Внутри, на подкладке из черного шелка лежало ожерелье. Официант за стойкой — в эти минуты он натирал до блеска кофейный автомат — наверняка подумал, что перед ним капризная, требующая вечных подарков дамочка. При этой мысли Эбби передернуло.

— Вы не хотите сказать мне, зачем оно вам понадобилось?

— Вы все равно мне не поверите.

Марк закрыл коробку.

— Мы показали его одному приятному джентльмену из Британского музея. Он сказал, что ожерелье древнеримское, сделано в четвертом веке. То есть оно того же возраста, что и гробница в Косове, где мы нашли тело Джессопа.

Официант принес заказ. Эбби посмотрела на свои руки.

— Мне искренне жаль, что так получилось.

— Он был хороший парень, — холодно отозвался Марк, словно повторяя заученную строчку из какого-то фильма. — Незадолго до гибели он направил нам рапорт, в котором сообщал, что, по его подозрениям, Майкл Ласкарис снабжает Драговича антиквариатом, похищенным из этой гробницы.

— Да, так могло показаться.

— Майкл убедил вас, что это не так?

— Лучше спросите у него сами.

Марк оглянулся по сторонам, как будто ожидая, что Майкл материализуется из развалин античного города.

— Вы не взяли его с собой.

Эбби поставила локти на стол и подалась вперед. Сердце бешено стучало в ее груди.

— Майкл сейчас в отеле «Марьян», это рядом, на набережной. Номер двести тринадцать.

— Он там один?

— Был один, когда я уходила.

Марк достал мобильный телефон и отправил сообщение. Эбби решила, что это, скорее всего, показуха. Скрытые микрофоны наверняка уже передали по радио все детали помощникам Марка, где бы те ни находились. И, конечно же, у них есть машина. Но даже если идти пешком, это займет не более десяти минут.

Эбби достала из футляра ожерелье и надела себе на шею. Кожа тотчас ощутила холодок металла. Марк открыл было рот, как будто хотел ее остановить, но затем передумал.

— Зачем вам нужен Майкл? — спросила Эбби.

Марк пригладил темные волосы.

— Майкл нам не нужен. Нам нужен Драгович. Майкл лишь должен привести нас к нему.

— И что потом с ним будет?

— Ну, может, получит тюремный срок. А может, и нет, при условии, что он пойдет на сотрудничество и оно принесет плоды. И если наймет хорошего адвоката.

— Ему нужно то же, что и вам, — возразила Эбби и заглянула Марку в глаза. В ее собственных читалось презрение. — Он подбирался к этому Драговичу. Хотел его разоблачить.

— Тогда почему вы его предаете?

Эбби резко поднялась с места. Марк подпрыгнул как ужаленный. Стол покачнулся, чашки со звоном упали на пол. Мужчина в зеленой куртке обернулся.

— Успокойтесь, — сказала Эбби. — Я всего лишь хочу в туалет.

Прежде чем кто-либо смог ее остановить, она толкнула деревянную дверь в туалет и закрылась изнутри. С полминуты она прислушивалась, не послышатся ли за дверью шаги, не раздастся ли стук. Нет. Все тихо. Туалет располагался в дальней части кафе. Крошечная кабинка без окон. Так что Марк может не волноваться — сбежать отсюда она при всем желании не сможет.

Эбби посмотрела на часы и взялась за работу.

Первое, что она сделала, это опустила крышку унитаза и вынула из кармана листок бумаги. Это был выполненный Грубером скан папируса, правда, перенесенный на чистый лист, чтобы четко были видны все буквы текста. Этот лист Эбби, расправив, положила на сиденье, затем сняла с шеи ожерелье и наложила его поверх текста.

Совпадение было поразительным: квадратная пластина ожерелья идеально легла на стихотворные строки. Эбби присмотрелась внимательнее и даже негромко выругалась себе под нос.

Каждой стеклянной бусинке на золотой пластине в строчке соответствовала буква.

Эбби посмотрела на часы. Прошла минута.

Дрожащими руками она вынула увеличительное стекло, купленное в Задаре, и прочла все буквы, которые смогла разглядеть сквозь бусинки. Эти буквы она на втором экземпляре текста обвела карандашом, после чего нанесла поверх очертания ожерелья — на тот случай, если это окажется важным.

Прошло три минуты.

Затем она достала из кармана тонкую цифровую камеру и, стараясь держать ее как можно ниже, сфотографировала лежащее поверх стихотворных строк ожерелье. Закончив снимать, вытащила карту памяти и, завернув в небольшой бумажный квадратик, сунула себе в лифчик. Затем взяла с унитазной крышки ожерелье и вновь надела себе на шею. И наконец, подняв крышку бачка, бросила в него фотоаппарат и увеличительное стекло. Второй экземпляр стихотворения она порвала на клочки и спустила в унитаз.

Если не найдут камеру, то не станут искать и фотографии.

На все ушло пять с половиной минут. Перед тем как вернуться в зал, Эбби помыла руки — вдруг кто-то решит их понюхать, и вышла из туалета. Марк сидел на стуле с таким видом, будто не знал, что ему делать. Мужчина в зеленой куртке исчез.

— Майкла нет в отеле «Марьян», — недовольно буркнул Марк. — Администратор сказал, что он заселился час назад. Но номер оказался пуст.

Ого, вот это скорость! Эбби сделала вид, что расстроена этим известием.

— Может, он пошел прогуляться? Последние четырнадцать часов мы провели сидя в автобусе.

— А почему вы не захватили его с собой?

— Потому что он не настолько глуп, чтобы совать нос в обнесенный стенами город, кишачий спецagентами.

— Вы сказали ему о нас?

— Разумеется, нет.

— Он вам доверяет?

— Может, да, а может, нет. — Эбби всем своим видом дала понять, что этот разговор ее раздражает. — Майкл убедил целый мир в том, что он мертв, а затем так ловко заметал следы, что ни вы, ни Драгович не могли его найти. И после этого вы думаете, что он будет ждать вас, сидя перед телевизором, пока я встречаюсь с теми, кто заинтересован в его аресте? На его месте я бы сидела в кафе рядом со входом в отель, глядя, не появится ли на горизонте пара-тройка головорезов, которым позарез нужен Майкл Ласкарис.

Марк прищурился.

— А как вы вообще добрались сюда?

— На машине.

— Марка? Модель?

— Синяя.

Марк раскрыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь банальность про женскую логику, однако понял, что Эбби нарочно его подначивает.

— «Шкода Фабия». Хэтчбэк. Номер не запомнила.

На этот раз Марк не стал разыгрывать спектакля с телефоном. Просто отодвинул стул и встал. Эбби в окно увидела, как на улице между колонн мелькнула знакомая красная юбка.

— Куда вы?

— Не «вы», а «мы». Вы остаетесь со мной до тех пор, пока Майкл Ласкарис не будет в наших руках.

— Чушь собачья! Если он уже заметил ваших людей, то уже понял, что я его сдала. — С этими словами Эбби поднялась из-за стола и надела пальто. — Как-нибудь позабочусь о себе сама.

— Пойдемте со мной, — произнес Марк. Впрочем, его слова прозвучали скорее как мольба, а не как приказ. На какой-то миг Эбби даже подумала, что ему небезразлично, что будет с ней. — У меня на променаде ждет машина. И чистый паспорт. Через три часа вы уже будете дома, в полной безопасности. Сможете снова жить нормальной жизнью.

Почему бы нет? Не надо ни от кого убегать, не надо скитаться по этим бетонным городам на задворках цивилизации. Не надо просыпаться каждое утро, не зная, доживешь ли до вечера. Из холода и дождя — в тепло и уют.

С другой стороны, какова она, ее жизнь? Пустая квартира, распавшийся брак, утраченная вера. Она слишком долго двигалась этой дорогой.

Она положила на стол банкноту в двадцать кун.

— Это за кофе.

Марк даже не пытался ее остановить.

— А вы ничего не забыли? — он указал пальцем на ее шею. Эбби скорчила виноватую гримаску, расстегнула ожерелье и положила его обратно в футляр.

— Спорим, что вы разыгрываете этот номер со всеми своими бывшими подругами.

Эбби вышла из теплого кафе на улицу. Женщина в красной юбке двигалась вдоль дальнего края площади, делая вид, будто рассматривает витрины. Мужчина в черной флисовой куртке с показной энергичностью фотографировал сфинкса. День был пасмурный, и вспышка его фотоаппарата мелькала как бешеная.

Эбби свернула направо, затем через пару шагов еще раз направо, в узкий переулок, шириной чуть более полуметра. И тотчас услышала за спиной шаги — вернее, знакомое цоканье женских каблучков.

Вот почему они отпустили ее! Они думали, что она приведет их к Майклу.

Переулок вывел ее на небольшую площадь. Впереди маячил серый фасад древнеримского храма, втиснутого между двумя жилыми домами под красными черепичными крышами. Эбби обогнула храм, прошла мимо кафе, окна которого были закрыты ставнями, и свернула в еще более узкий проулок. В тесном пространстве каменных стен стук каблучков у нее за спиной напоминал карканье вороньей стаи.

Проулок пересекался с улицей пошире, старой римской Кардо¹, которая пролегла через самое сердце дворца. К востоку находился мавзолей и перистиль, к западу — двойная арка Железных ворот Диоклетиана, через которые можно было выйти в город. Эбби повертела головой. Справа от нее, со стороны

¹ В древнем Риме — улица, ориентированная с севера на юг.

перистилия, по улице шагал человек в черной флисовой куртке. Слева — какой-то мужчина изучал стоявшую рядом с воротами пояснительную табличку. Он был очень похож на мужчину в зеленой куртке из кафе, хотя и успел переодеться в длинное коричневое пальто. Под мышкой у него была зажата газета.

Эбби свернула налево. Стоявший в арке мужчина обернулся к ней вполоборота, как будто рассматривал какую-то архитектурную деталь, однако перегораживать ей дорогу не стал. Собственно, ворот было двое, соединенных высокой башней. Так что было довольно легко спрятать кого-то внутри. Проверить же, так это или нет, можно лишь пройдя ворота насквозь.

Теперь Эбби слышала за спиной шаги еще одного человека. Это к Красной Юбке присоединилась Черная Куртка. Впереди маячило Коричневое Пальто, глядя куда-то мимо нее. Газета перекочевала из-под левой руки под правую. Неужели это какой-то сигнал?

В самый последний момент Эбби свернула направо, в очередную каменную щель. Над головой у нее, соединяя дома по обеим сторонам проулка, вздымались каменные арки. Двери в домах были квадратные, приземистые, окна напоминали закрытые ставнями бойницы. Некоторые дома были жилыми, в других расположились магазины. Эбби ускорила шаг.

Примерно посередине переулка располагался магазинчик-бутик. Эбби уже была здесь в июне, вместе с Майклом.

Майкл. Он тогда купил ей платье с яркими оранжевыми цветами, ужасно дорогое. Эбби хотя и пыталась отговорить его от столь экстравагантной покупки, зато потом проходила в этом платье почти все лето. Дойдя до бутика, она взялась за ручку двери. Звякнул колокольчик. Покупателей внутри не было. За прилавком хорошо одетая женщина складывала в аккуратную стопку кашемировые свитера. Увидев Эбби, она улыбнулась.

— Вам что-то подсказать?

Эбби улыбнулась и покачала головой. Шагнув к кронштейну, она одним глазом быстро пробежала размеры, другим то и дело косясь на дверь. Пока что никто не вошел, но и никто не прошагал мимо. Люди Марка загнали ее в ловушку. Им нет никакой необходимости врываться сюда и устраивать сцену.

Она выбрала себе черные брюки и черный джемпер.

— Я могла бы это примерить?

— Разумеется. — Владелица магазинчика указала на дверь рядом с прилавком, за которой вверх уходили узкие каменные ступени. — Примерочная на втором этаже.

Эбби направилась на второй этаж. Стены по обеим сторонам лестницы поражали массивностью, из чего Эбби сделала вывод, что когда-то это были стены крепости. Наверху лестница упиралась в деревянную дверь, которая открывалась в крошечную выбеленную каморку, обстановку которой составляло висевшее на стене зеркало, табурет и в углу старомодная вешалка для шляп. Завешенное шторой окно выходило на соседний дом.

Эбби вошла и закрыла дверь на задвижку. Затем отдернула штору и посмотрела на черепичную крышу соседнего дома. Магазинчик был встроен в городскую стену, значит, дом, крыша которого видна из окна, находится за пределами Старого города. Крыша была покатою и спускалась к внутреннему дворику между двумя домами. В центре двора, затянутый в кожу, как байкер, стоял Майкл. Увидев в окне ее лицо, он поманил Эбби пальцем.

Внизу звякнул колокольчик. Значит, в магазин кто-то вошел. Похоже, терпение ее преследователей на исходе. Интересно, сколько минут у нее в запасе — одна? Две? Эбби прижала ладони к деревянной раме и с силой толкнула ее от себя. Та поднялась на три дюйма и застыла на месте. Черт, выругалась Эбби, ощутив прилив адреналина, и нажала сильнее. Но рама не двигалась. Подняв глаза, она увидела, что в деревянную раму ввинчены два серебристых цилиндра. Заперто.

Значит, шире окно никак не откроешь. С той стороны двери доносились шаги — кто-то поднимался по лестнице.

— Давай! — крикнул ей Майкл. Эбби со всей силы надела на раму. Та заскрежетала, но с места не сдвинулась. Замки крепко держали ее на месте. Человек за дверью остановился и постучал.

— У вас все в порядке? Может, вам нужен другой размер?

Наверно, это продавщица, хотя через дверь понять трудно.

— Все в порядке, — крикнула Эбби. — Просто я никак не могу решить, идет мне или нет.

— Если вам что-то надо, говорите.

Не слышно, чтобы кто-то спустился вниз.

Наконец до Майкла дошло, что происходит.

— Так ты сделала снимки? Бросай мне карту.

Эбби сделала глубокий вдох. *Решайся*. Она не раз попадала в ситуации, вроде этой, причем в самых разных — и далеко не лучших — точках мира. Ей хорошо было знакомо это искушение: может, подождать еще пару секунд? Вдруг на самом деле все не так страшно, как ей кажется?

Нет, конечно, секунды можно растянуть в минуты, а если получится, даже в часы. Собственную нерешительность всегда можно оправдать надеждой и так дотянуть до того момента, когда это будет стоить вам жизни.

Эбби схватила за ножку табурет и, размахнувшись, ударила им по окну. В следующую секунду сработала сигнализация. Черт, как она об этом не подумала? Дверь сначала задребезжала, как будто с той стороны кто-то дернул ее за ручку, а потом вздрогнула, когда по дереву застучали чьи-то кулаки.

Окно же осталось цело. Зато плечо тотчас напомнило о себе адской болью. Эбби уставилась на табурет. Толку от него, как от зубочистки. Стук в дверь превратился в настоящую канонаду. Похоже, там, за дверью, не один человек. Хлипкая задвижка продержится самое большее еще пару-тройку секунд.

Похоже, даже Майкл услышал этот грохот.

— Кидай карту! — крикнул он снова. Эбби вытащила из лифчика карту памяти, просунула руку под оконную раму и бросила. На какой-то миг она испугалась, что не докинула, что легкая карта упадет куда-нибудь на скат крыши и застрянет между черепицей. Но нет, карта перелетела через край крыши. Майкл протянул руку и поймал ее на лету. А когда поймал — вскинул руку, не то в знак победы, не то в знак прощания.

Наконец задвижка не выдержала. Дверь с грохотом распахнулась. Внутрь ворвался мужчина в черной флисовой куртке и схватил Эбби за руки. Марк наблюдал эту сцену из коридора. Откуда-то снизу доносились возмущенные крики владельцев магазинов.

Эбби напоследок бросила взгляд в окно. Двор был пуст.

Глава 40

Никомедия, 22 мая 337 года

Два часа назад мир изменился. Флавий Урс, Флавий Медведь, сын варвара, который дослужился до командующего армиями, вышел из зала, в котором лежал Константин, чтобы подтвердить то, что уже было известно каждому. Август умер. Его тело перенесли в подвал, самое прохладное помещение, где им займются устроители похорон. Во всей империи найдется не так уж много тех, кто помнит, когда в последний раз Август умирал собственной смертью. Это все равно что, проснувшись однажды утром, обнаружить, что солнце так и не встало. И что теперь делать?

Лично я знаю, что мне делать: бежать в конюшни, потребовать себе самую быструю лошадь и скакать во весь дух, пока не доберусь до моей виллы на Балканах. Но это невозможно, да и неразумно. Ахирон со всех сторон взят в кольцо. Стражники зорко следят за каждой дверью, за каждым окном. Любой, кто шагает слишком быстро, любой, у кого слишком радостный вид, любой, кто пытается покинуть виллу, тотчас попадает под подозрение.

В лихорадочной духоте виллы слухи множатся и роятся как мухи. Константину шестьдесят пять, но еще десять дней назад он не жаловался на здоровье. Так что, скорее всего, умер он не своей смертью.

Дверь распахивается. На пороге — Флавий Урс. Сегодня он здесь самый занятой человек.

— Я так и думал, что найду тебя здесь.

— Если я могу чем-то помочь...

— Подожди здесь. Нам, возможно, понадобится твоя помощь, чтобы уладить дела со старой гвардией.

Сказав эти слова, он вновь оставляет меня одного, а сам идет в парадный зал, где уже собралось высшее армейское командование. Независимо от того, что написал в своем завещании Константин, именно эти люди будут решать судьбу его наследства. На протяжении вот уже нескольких поколений империя практиковала варварский вариант меритократии, когда любой муж-

чина, независимо от происхождения, при желании мог возвыситься до командования армией — был бы талант и сила воли. А отсюда рукой подать до императорского венца. Диоклетиан командовал личной императорской гвардией до того дня, когда тот, кого он охранял, получил в спину кинжал. Удар, унесший жизнь императора, не стал ударом по карьере самого Диоклетиана, наоборот, возвел его на трон. Отец самого Константина начинал как рядовой легионер. Когда же Диоклетиан провозгласил его своим преемником, Констанций уже был главой его штаба.

Мне вспоминаются слова, сказанные Констанцианой в ту ночь во дворце. *Поговаривали, будто он хотел возвысить тебя до Цезаря, но тут Фауста, словно свиноматка, начала производить на свет сыновей.* Так возвысил бы или нет? Может, это я теперь лежал бы в подвале, а мои кишки были бы подвешены на крюк, а мои генералы и придворные пытались бы представить, как им жить без меня дальше.

Я мысленно рисую себе такую картину: империя предстает на ней городом за высокими стенами, построенным на спине у хищного, кровожадного чудовища. Константин отсек ему лишние головы, усмирил, заковал в цепи и, отправив на пастбище, заставил питаться травой. Но вот теперь Константина нет, и головы начинают отрастать снова. Поначалу медленно, пробуя силу клыков и когтей, восстанавливая старые замашки. Еще немного — и чудовище войдет во вкус своей прежней силы. Они начнут с убийств, а кончат войной. Высоко в небе собираются облака, как будто само солнце, в своей скорби, пытается отгородиться от мира. Нет слов, способных описать то, что я чувствую. Нет, не уныние, не гнев — пустоту.

Мысли переносят меня в другое место, в другой дворец, в дни после другой смерти.

Милан, июль 326 года, одиннадцать лет назад

К тому времени, как я вернулся из Пулы, двор уже покинул Аквилею и взял путь в Милан. Я присоединюсь к ним там — я обязан доложить, что выполнил поручение. Впрочем, я пред-

почел бы оказаться где-нибудь в другом месте. Вина давит на меня, словно мельничные жернова, выжимая из меня жизнь. Я ничего не ем. Я все время молчу. По ночам я часами не могу уснуть, а стоит мне провалиться в сон, как я тотчас просыпаюсь от одолевающих меня кошмаров. Увы, на этом мои беды не заканчиваются.

Впервые в жизни Константин вынуждает меня ждать. Я меряю шагами унылую комнату, расположенную высоко над главным двором. С потолка мне на голову падает кусок штукатурки. Половина комнат во дворце не пригодна для проживания. Большая часть оставшихся затянута холстом, прячущим от глаз повреждения или картины, которые способны оскорбить или расстроить императорский взор. Все здание, словно гнилью, пропитано историей. Построил его старый Максимиан — этакое раздутое воплощение его уродливых фантазий. Именно здесь произошла встреча Константина с Лицинием, — *когда я, Константин Август, и я, Лициний Август, к обоюдной радости встретились в Милане и рассмотрели все дела, касающиеся общественного блага...* — именно здесь Константин сделал судьбоносное заявление о религиозной поддержке христиан, именно здесь он выдал свою сестру Констанциану замуж за человека, которого впоследствии казнил.

Так много людей, так много воспоминаний — и все они как одно заканчиваются кровью.

— Август хочет тебя видеть.

Я испуганно подскакиваю, когда рядом со мной, словно из воздуха, появляется раб. Глаза его опущены — неужели ему известно, что я сделал? Или он слышал от кого-то? Он ведет меня за собой по лабиринту пустых комнат, затем вниз по широкой лестнице без окон, в другое крыло дворца. В воздухе чувствуется сырость: где-то рядом расположены бани.

Императорское семейство ждет меня в квадратной комнате с кроваво-красными стенами. Константин, вернее, призрак Константина. Фауста, ее лицо пылает гневом. Мать Константина, вдовствующая императрица Елена — веки полуопущены, губы плотно сжаты. Три сына Фаусты переминаются с ноги на ногу у дальней стены.

Никто не спрашивает, что я сделал. Ни благодарности, ни сочувствия, ни обвинений. Елена протягивает мне свиток.

— Читай.

— «Великой богине Немезиде, я проклиная своего врага и отдаю его в твою власть. Доведи его до смерти...» — Мне не нужно читать дальше. — Это проклятье, которое я нашел под кроватью Криспа в Аквилее.

Елена смотрит на меня немигающим взглядом.

— Но?

— Только без имен.

— Ты знаешь? — она обращается ко мне. Впрочем, я нужен ей лишь как статист. Ее слова обращены к кому-то еще, кто присутствует в этой комнате. — Ты знаешь, где я это нашла?

Ответом ей — дружное молчание. Все боятся открыть рот.

— В комнате Фаусты.

Меня начинает бить страшная дрожь, я не в силах ее сдержать. Я отчаянно пытаюсь понять, что это значит. Похоже, моего состояния никто не замечает или же не желает замечать. Во рту у меня пересохло, голова раскалывается от боли. Мне страшно хочется пить.

Фауста пытается снять с себя вину.

— Я просто скопировала его с таблички. Хотела сохранить свидетельства вероломства Криспа.

— Я отнесла эту бумагу, — продолжает тем временем Елена, как будто не слышала ее слов, — в храм Немезиды в Аквилее и показала ее жрице. Та сказала мне, что написала это проклятье по просьбе одной женщины, которая хотела знать, как правильно это сделать. Женщины явно благородной и хорошо воспитанной, поскольку она не знала, как ругаются солдаты и торговки рыбой.

— А вот ты бы точно их знала! — бросает ей Фауста. — Ведь твой отец содержал лупанарий¹.

Елена пропускает оскорбление мимо ушей и смотрит на Константина.

¹ Публичный дом.

— Эта благородная женщина — твоя жена. Это она написала проклятье на свинцовой табличке, это она украла твою булавку и спрятала ее под кроватью Криспа.

Фауста заливается краской.

— И ты поверила какой-то там жрице? Да она обыкновенная проститутка! А как же слова капитанов гвардии, которые сказали, что Крисп подкупил их, чтобы армия пошла против моего мужа?

— С ними я поговорила тоже, — тон Елены колючий, как крюки в пыточном застенке. — И все они как один забрали свои слова обратно.

Ее взгляд подобен кинжалу и нацелен в Фаусту. Та отвечает ей с не меньшей яростью. Имей каждая под своим командованием армию, мир наверняка бы уже давно сотряслся от звона оружия.

Обе поворачиваются к Константину, который до этого стоял молча, как будто их перепалка его не касалась. Лишь при упоминании имени Криспа он всякий раз еле заметно морщился. Все присутствующие затаили дыхание.

— А как же Клавдий? — спрашиваю я. Мне удивительно, как кто-то вообще расслышал мой голос. Из-за боли и головокружения, которые взяли в тиски мою бедную голову, я утратил всякое понятие о приличиях. — Фауста утверждала, будто Крисп пытался его убить.

Три пары глаз поворачиваются к мальчикам у стены. Они все еще дети, даже Клавдий. Хоть он старший, но ему еще нет и десяти лет. Обычно все трое держатся гордо — мать с рождения внушала им, кто они такие. Но сегодня они в полной растерянности. Младший, Констант, того гляди расплачется. Клавдий смотрит на мать, глазами умоляя ее говорить вместо него. На отца он даже боится взглянуть.

— Она заставила нас это сделать.

Это говорит не Клавдий, а тот, что стоит посредине, Констанции. С гордо поднятой головой он делает шаг вперед.

— Наша мать порезала Клавдию ухо, а когда пришел Крисп, взвалила вину на него. — Он смотрит на отца и дрожащим голосом добавляет: — Мы не хотели...

Воцаряется гнетущее молчание. На Фаусту жутко смотреть — ее лицо опало, словно сдавленная подушка. Константин стоит, не шелохнувшись, и я опасаясь, как бы у него не остановилось сердце. Лишь Елена, похоже, восприняла слова мальчика спокойно, как будто ожидала их услышать.

— Сколько тебе лет? — спрашивает она Констанция. Он ей внук, но по ее лицу, по ее голосу этого не скажешь. Она дышит презрением.

— Почти девять.

— В таком возрасте уже пора понимать, что такое ложь.

Констанций сникает.

— Но мать велела нам.

— А если бы она велела вам ударить кинжалом родного отца, пока тот спит, вы бы ее тоже послушались?

— Хватит! — Это первое слово, которое произносит Константин, но даже оно вырвано у него силой. — Оставь детей в покое.

— Они — сообщники.

— Они твои дети, — с мольбой в голосе обращается к Константину Фауста.

Как и Крисп, мысленно добавляю я.

— Крисп стоял их троих вместе взятых, — бросает ей Елена. Она ненавидела это семейство с тех самых пор, как отец Константина бросил ее, чтобы жениться на одной из дочерей старого Максимиана. И вот теперь, под конец жизни, они обокрали ее снова. Будь у нее такая возможность, она бы стерла всю их семью с лица земли.

— Пощади! — умоляет Фауста.

Она наверняка понимает, что ее жизнь закончена, однако подобно львице пытается защитить своих львят. Она бросается на пол, хватая пурпурные сапоги Константина и начинает, как безумная, их лобызать. Увы, лобзания сменяются криком — это Елена сделала шаг вперед и бьет ногой ей в лицо. Елена — дочь конюха. Но даже в свои восемьдесят лет она все еще полна сил. Фауста отползает прочь. По разбитой губе стекает кровь. Константин по-прежнему даже не пошелохнулся. Несколько мгновений они смотрят друг на друга, словно рабы на тонущем корабле. Фауста скулит на полу.

Грудь Елены вздымается праведным гневом. Константин застыл как статуя.

Неожиданно эту сцену нарушает Констант, младший из троих. Ему всего шесть, у него светлая, словно у варвара, кожа и такие же светлые локоны на голове. Он выбегает вперед и обнимает Константина за ноги.

— Отец, скажи, когда дядя Крисп вернется домой?

По щеке Константина скатывается слеза. Он наклоняется и обнимает сына. Глаза закрыты, чтобы никто не видел его боли. Эта сцена не может не трогать, тем более что после того, что только что произошло, все мы во власти чувств. И верим в чудо, ожидая, что вот-вот произойдет примирение. И все же меня мучают сомнения. Это семейство привыкло пожирать друг друга, словно древние боги. В свое время Фауста предала старого Максимиана, когда тот строил козни против Константина. И вот сейчас Констанций и Констант предали собственную мать и тем самым купили себе жизнь.

Не убирая руки с плеча сына, Константин распрямляет плечи.

— Ты погубила Криспа! — бросает он Фаусте.

Из ее губы по-прежнему сочится кровь. Фауста вытирает ее тыльной стороной ладони, вернее, размазывает вместе со слезами по щеке. Она, словно раненое животное, озирается по сторонам. Наконец взгляд ее останавливается на Константине.

— Да, — шепчет она.

— Но зачем? Впрочем, нет, не говори, — он отворачивается и смотрит на Елену. — Надеюсь, ты возьмешь это на себя? Без лишних свидетелей?

— А как быть с детьми?

— Найди им воспитателя.

Елена пытается возражать, но Константин ее не слушает. Он поворачивается и выходит вон — ссутулившись, опустив голову, как будто только что потерпел поражение. Мне хочется броситься вслед за ним, обнять за плечи, попытаться утешить. Увы, с болью в сердце я понимаю, что после того, что я сделал, утешить его я больше никогда не смогу.

Елена хватает Фауста за руку, причем так крепко, что та вскрикивает.

— Сдается мне, нам с тобой пора посетить бани.

Воспоминания блекнут, зато ко мне из недавнего прошлого возвращается мой собственный голос.

Стоик Катон умер в ванне, вскрыв себе вены, чтобы кровь, вытекая из них, смешивалась с теплой водой. Впрочем, слышал я и другую версию: он якобы умер не от кровопотери, а задохнулся горячим паром.

Не важно, какую версию вы слышите. Заканчиваются они одинаково.

Вилла Ахирон, 22 мая 337 года

Что бы ни случилось сегодня, на самом деле Константин умирал в течение тех четырех недель, пока праздновались его вициналии. Последующие одиннадцать лет миром правила его тень. Мы имели императора с тремя сыновьями, но без жены; исторические хроники, полные побед, но без имени победителя. Мы предпочитали смотреть себе под ноги, говорили тихо и не смели открыто бросить вызов лжи. Порой мне кажется, что старание, с каким мы разыгрывали этот спектакль, едва не поставило империю на грань умопомешательства.

Уж не за это ли поплатился своей жизнью Александр? Еще неделю назад я был убежден, что его убили за то, что он знал что-то такое про Евсевия. Как и Симмах. Теперь моя убежденность дала трещину.

Константин: *Симмах сказал, что ему известна правда о моем сыне.*

А вот слова Басса, сказанные им в бане: *Он сказал, что узнал что-то про одного христианского епископа. Какой-то скандал.*

Какой же?

Александр глубоко зарылся среди бумаг хранилища, уничтожая последние свидетельства существования Криспа. Теперь мне известно, что он искал: документы из Аквилеи и архив Елены. Неужели он нашел что-то такое, что стоило ему жиз-

ни? Неужели потом это узнал Симмах, потому что ящичек попал в его руки?

Впрочем, какая разница? Одной смертью больше, одной меньше, верно? Какое это имеет значение по сравнению со смертью императора? Мне вспоминаются сказанные Евсевием слова: *оставьте мертвым хоронить своих мертвецов*. Дельный совет. Но если за смертью Криспа кроется какая-то правда, правда, ради которой можно убить человека, то...

В коридоре слышны тяжелые шаги. Это военачальники расходятся после совещания. По двое, по трое они разбредаются по двору, серьезные, хмурые. В мою сторону, в сопровождении четверых гвардейцев, направляется Флавий Урс. Сейчас его положение самое высокое и самое опасное.

— Ну как, все решилось?

— Империю поделят между собой сыновья императора.

В руках у Флавия Урса бумага. Скорее всего, на ней начертана карта. Только что за закрытыми дверями виллы решились судьбы миллионов людей.

— Все согласны с решением?

— Армия довольна.

Не сомневаюсь, что Клавдий, Констанций и Констант щедро вознаградят тех, кто их поддержал. Кроме того, никто не отменял войну с Персией, которая сулит армии и ее сикофантам¹ новое обогащение.

— Это идеальный момент для единства.

Мне же вспоминается старый Констанций. Прежде чем Константин успел к нему, он пролежал на смертном ложе целых два дня после того, как умер. Как хорошо, однако, что в Йорке так холодно.

— Когда будет официально объявлено о кончине?

— Констанций уже по пути сюда из Антиохии. Дождемся его.

Значит, ждать еще две недели, если не три — в зависимости от состояния дорог и перевалов.

¹ Доносчик, клеветник (греч.).

— Вы сможете так долго держать все в секрете?

— Так будет надежней. Армия сплочена, но всегда найдутся группировки, которые захотят воспользоваться моментом. Тем более что уже поползли слухи...

— Ну, на то они и слухи.

— И их нужно расследовать. Так что у нас для тебя поручение.

Он вручает мне лист бумаги. Нет, это не карта, а список имен. Я пробегаю его глазами: видные сенаторы, сановники в отставке. Старая гвардия, те, кто может возражать против принятого сегодня решения. В их числе я замечаю имя Порфирия.

— Разыщи этих людей. Скажи им, что когда сыновья Августа придут к власти, им нечего опасаться.

— А им *есть* чего опасаться?

Урс отказывается посмотреть мне в глаза.

— Просто скажи им. — Видя мое нежелание, он цедит сквозь зубы: — Я делаю тебе одолжение, Гай, в память о старых добрых временах. Я даю тебе возможность доказать, что ты по-прежнему нам верен.

Он кивком указывает через плечо на внутренний двор, до отказа забитый армейской верхушкой.

— Между прочим, не все с этим согласны. Про тебя ходят самые разные слухи. А если учесть твое прошлое... — Он хлопает меня по плечу. — Так что поторопись, пока у тебя есть такая возможность.

Глава 41

Сплит, Хорватия, наши дни

Эбби сидела в гостиничном номере. Пожалуй, это было самое симпатичное место, где ей пришлось побывать за всю неделю. Простыни из египетского хлопка, швейцарский шоколад под подушкой, валлийская минеральная вода в холодильнике. Впрочем, ничего из этого она почти не замечала. Она сидела, сжавшись в комок, на кровати, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками.

На другом конце комнаты, откинувшись в кресле, сидела женщина в красной юбке и кремовом свитере. Примерно того же возраста, что и Эбби, однако более плотного телосложения. Ее щеки горят здоровым румянцем спортсменки, светлые волосы распущены по плечам. Она сказала, что ее зовут Конни. Впрочем, завязать беседу она даже не пыталась и просто сидела в кресле, наблюдая за Эбби и время от времени щелкая кнопками смартфона.

В углу, сложив руки на груди, к дверному косяку прислонился мужчина в черной флисовой куртке. Шторы были задернуты, свет приятно приглушен, но солнечных очков он так и не снял. Под его курткой что-то выпирало, напоминая опухоль. Конни называла мужчину Барри. Рядом с Эбби стояла тарелка с остатками салата из курятины. По крайней мере, эта парочка разрешила ей заказать в номер еду. Эбби съела почти все, а заодно поведала свою историю. Про гробницу, про свиток, про стихотворение, про Грубера. И даже про римского легионера, получившего тысячу семьсот лет назад удар кинжалом в грудь. Рассказала она и про Майкла, который сначала сорвался с обрыва, а потом восстал из мертвых. Рассказала про лабарум, непобедимый штандарт Константина, за которым гонялся Драгович, и про то, что ожерелье вместе со стихом служило ключом к местонахождению реликвии. Единственный, о ком она предпочла умолчать, был доктор Николич, чье единственное преступление состояло в том, что он подбросил их на машине до хорватской границы. К тому моменту, когда Эбби закончила свой рассказ, она чувствовала себя совершенно опустошенной.

Кто-то негромко постучал в дверь и что-то тихо сказал. Барри приподнял солнечные очки и заглянул в глазок. Убедившись, что это свои, он снял замок с предохранительной защелки и отступил на три шага назад. Вошел Марк с листом бумаги в руках.

— Добрые немцы из Трира только что прислали мне вот это. Распечатка из компьютера доктора Грубера. Похоже, они искренне расстроены тем, что их коллега подрабатывал на банду преступников.

Коробочка с ожерельем стояла на комодe рядом с телевизором. Марк вынул ожерелье и положил на кровать вместе с факсом. Затем достал из кармана ручку.

— Покажите мне, как это работает.

Эбби наклонилась и наложила ожерелье на стих. Если оригинал был смазан, то что уж тогда говорить о факсе. Однако в автобусе по пути из Сербии она провела не один час, изучая текст, одну за другой вычлeняя буквы, так что найти их на факсе не составило особого труда. Затем она обвела очертания ожерелья на бумаге, взяла в квадратики буквы и наконец убрала украшение с текста. На этот раз ей было видно, что именно она соединила. Начиная с самого верха монограммы, она прочла:

CONSTANTINUS INVICTUS IMP AUG XXI

Марк заставил ее прочесть это вслух, затем записал на чистом листе бумаги.

— У нас на связи специалист по античной истории из Оксфорда. Кстати, он сотрудничает с нами уже давно. Посмотрим, что он нам скажет.

Эбби подняла глаза. На тот момент в целом мире вряд ли нашлось хотя бы что-то способное ее рассмешить. Тем не менее она кисло улыбнулась.

— Не тратьте деньги на звонки. «Константин, непобедимый император, Август, двадцать один».

— Что еще?

— Только это.

— Но ведь это только имя, — Марк убрал со лба непослушный локон. — А при чем здесь «двадцать один»?

— А вот это спросите у своего специалиста, — ответила Эбби и снова ссутулилась.

Марк исчез в ванной. Послышался гул вентилятора, заглушая собой все прочие звуки, — впрочем, это мало что значило.

Когда Марк снова появился из ванной, вид у него был злой и озадаченный.

— Он дал тот же самый перевод. Двадцать один, по всей видимости, означает двадцать первый год правления Константина, таким образом стихотворение датируется 326–327 годами. Вот, собственно, и все.

В голове Эбби тотчас звякнул звоночек — ей вспомнилось, что сказал им Николич.

— В девятом веке лабарум еще существовал. О нем писал один византийский историк.

— И какой же смысл в этом уроке истории?

— Даже если это стихотворение про лабарум, оно не скажет вам, где тот сейчас спрятан. Еще пятьсот лет после Константина византийские императоры выставляли его на всеобщее обозрение.

Марк посмотрел на нее непонимающим взглядом.

— Это нам ничего не говорит. Как-то так, — он раздраженно пнул ногой ножку кровати. — От всей этой истории едет крыша.

Сидя в кресле, Конни оторвала взгляд от смартфона.

— Какая разница? Если Драгович считает, что стихотворение куда-то ведет, пусть он туда и отправляется. Мы просто подкинем ему эту идею.

Марк покачал головой.

— Все должно быть правдоподобно. Если Драгович нарисует в кадре, он должен быть на сто процентов уверен, что так оно и есть. И он явно захочет это проверить.

С этими словами Марк вернулся в ванную. Эбби же подавалась вперед и еще раз пробежала глазами стихотворение. Еще ребенком, ломая голову над ребусом, или же в бытность следователем ООН, продираясь сквозь свидетельские показания при свете фонарика, она не любила отступать от поставленной задачи, стремясь разгадать все до конца.

Вот и сейчас она попыталась очистить голову от всего, что произошло за последние два дня, и сконцентрироваться только на самом главном.

Все его сохранившиеся стихи содержат тайные послания.

Допустим, наложение ожерелья на строки дает имя Константина и его титулы. Что ж, это довольно хитро. Эбби попыталась представить, каким безграничным терпением надо обладать, чтобы расположить слова в требуемом порядке.

Но человеку с таким складом ума, зачем ему на этом останавливаться? К чему эти невыносимые усилия, чтобы всего лишь зашифровать имя?

Где-то в 326 году Порфирий был помилован и вернулся из ссылки. По идее он должен был испытывать благодарность. С другой стороны, возникает вопрос по поводу смысла стихотворения. «Отец скорбящий отдал сына».

Если Крисп был незадолго до этого убит по приказу Константина, зачем писать стих, напоминающий об этом? Умный человек этого делать точно не стал бы. Особенно по возвращении из ссылки. Вряд ли поэт горел желанием снова туда вернуться. Значит, должно быть что-то еще.

Эбби взяла в руки ожерелье и принялась разглядывать. Конни посмотрела на нее, но ничего не сказала. Барри наблюдал из-за темных очков. Марк заперся в ванной.

Впрочем, это нельзя назвать настоящей христовграммой. Этот знак — так называемая ставрограмма. От греческого слова «ставрос», то есть «крест».

После слов Николича она сама это четко видела. Обыкновенный крест, с дополнительной дужкой, соединяющей верхнюю точку и правую руку. И на каждой из четырех точек креста, а также в его центре под красной стеклянной бусинкой виднелась буква.

Некоторые ученые полагают, что такие стихи могли преподносить в дар императору начертанными на золотых табличках. Необходимые буквы выделялись драгоценными камнями. Пять бусин, пять букв. В туалете кафе она отметила их на листке бумаги. Правда, тогда она так торопилась, что времени, чтобы все хорошенько обдумать, у нее не было, не говоря уже о том, чтобы приглядеться, что это за буквы. Она наложила ожерелье на лист и, прищурившись, всмотрелась в мутноватое красное стекло: S S S S S.

Под каждым стеклышком одна и та же буква.

Не похоже, что это простое совпадение. За этим явно что-то кроется.

Эбби убрала ожерелье и внимательно посмотрела на расположение букв в стихе. Как и следовало ожидать, они составили ту же фигуру, что и на ожерелье: крест.

Драгоценные камни под ключевыми буквами. Но буквы были одни и те же. Эбби наморщила лоб, чувствуя, как к ней вновь

подкрадывается головная боль. Затем ее осенило: *что, если это не ключевые буквы, а ключевые слова?* Она выбрала все пять слов, содержащих букву S, и выписала их. Затем встала с постели и, подойдя к ванной, постучала в дверь. Барри зорко следил за каждым ее движением. Рука его при этом неумолимо приближалась к карману куртки.

Изнутри щелкнула задвижка, и Марк открыл дверь. К уху у него был прижат мобильник. Увидев перед собой Эбби, он окинул ее колючим взглядом.

— В чем дело?

— Этот ваш оксфордский профессор все еще на линии?

— А зачем он вам?

— Спросите у него, что это значит?

С этими словами Эбби протянула ему бумажку с выписанными из текста словами: **SIGNUM INVICTUS SEPULVIT SUB SEPULCHRO.**

Марк вытаращил глаза.

— Я тебе перезвоню, — произнес он в трубку, кто бы ни находился на том конце линии. Затем, пробежав пальцами по кнопкам, вновь прижал телефон к уху. Эбби подождала, пока он прочтет фразу, затем назвала каждое слово по буквам. Зажав телефон между плечом и ухом, Марк наклонился над раковиной, готовый написать ответ, который за этим последует.

— Спасибо.

Марк нажал отбой и пару мгновений тупо смотрел в висевшее в ванной зеркало. Эбби была видна написанная на его лице растерянность.

— Если кратко, то это переводится так: «Непобедимый закопал знак под гробницей». Мой человек, его имя Найджел, говорит, что в принципе фраза может значить следующее *Непобедимый* — то есть император Константин — *закопал штандарт* — то есть лабарум — *под своей гробницей*.

— А нам известно, где находится эта гробница? — это из-за спины Эбби подавала голос Конни и вопросительно посмотрела на Марка.

Но Эбби уже знала ответ. Она помнила, что ей сказал Николай: когда турки захватили Константинополь, они разрушили

мавзолее Константина, который находился в церкви Святых Апостолов, и построили на том месте мечеть.

— Это в Константинополе.

— В Стамбуле, — поправила Конни. — Константинополь пустили в расход¹.

— Под мечетью.

— Мечетью? — Марк нахмурился. Конни пробежала пальцами по клавишам смартфона и менее чем за полминуты выдала готовый ответ.

— Под мечетью Фатих.

Марк был уже на полпути к двери.

— Нам туда. Снимаемся с места.

— А как же Майкл? — спросила Эбби. Она запомнила боль расставания на его лице перед тем, как он повернулся и исчез. Потерять его снова — это было бы больше, чем получить пулю.

Но Марку это было безразлично.

— Наша главная цель Драгович. Майкл рано или поздно попадет в наши сети.

— А я? — Эбби вспомнила слова, сказанные им в кафе: мол, через три часа она уже может быть дома, в тепле и уюте, и конец истории. Можно забыть про всю эту безумную гонку. Единственное, чего ей хотелось, это наконец выспаться.

— Вы поедете с нами, — сказал Марк и, увидев разочарование на ее лице, добавил с противной улыбочкой: — Вы нам нужны. Вы наша приманка.

Глава 42

Константинополь, июнь 337 года

Угроза смерти, как ничто иное, заставляет нас умерить рвение. Такого неспешного месяца, как прошедший, у меня не было за всю мою жизнь. Каждый день по возвращении из Никомедии я соблюдал один и тот же распорядок дня. Позд-

¹ Намек на популярную песню группы The Four Lads «Istanbul (Not Constantinople)» (1953).

но вставал и рано ложился. Я прорабатывал данный мне Урсом список, всякий раз прибегая к одной и той же лжи: мол, Константин поручил мне, чтобы я в свою очередь просил их поддержать его сыновей. Я посещаю бани, но в разговоры не вступаю. И никогда не хожу на форум. Я отпустил всех моих рабов, кроме управляющего, но даже он не нагружен поручениями. Иногда я задаюсь мысленным вопросом: а как Крисп провел свою последнюю неделю в Пуле? Интересно, кого пришлют ко мне?

Последним в моем списке значится Порфирий. Я приберег его на самый конец — он олицетворяет для меня вещи, о которых я не желаю думать. Когда над вашей головой навис отложенный до поры до времени смертный приговор, воображение лучше держать в узде.

День, когда я отправляюсь к нему, жаркий и душный. Безжалостное солнце как будто задалось целью наказать город за смерть своего любимого сына. Я довольно долго жду на крыльце дома и уже готов повернуть назад, когда мне наконец открывают.

— Я почти никого не принимаю в эти дни, — виновато объясняет Порфирий. — Так безопаснее.

В открытую дверь мне хорошо виден стоящий посреди атрия стол, на нем — кубки и блюда. Но я никак это не комментирую.

— Ты не против, если мы поговорим в кабинете? Я тут затеял ремонт атрия.

Бросаю взгляд в сторону атрия — никаких рабочих я там почему-то не заметил. Лишь дверь, которую за мной закрыла чья-то невидимая рука.

Порфирий ведет меня к себе в кабинет. Стол завален бумагами, планами, чертежами чего-то похожего на храм. Раб приносит нам вина. Я беру кубок, но к губам не подношу.

— Константин просил меня прийти к тебе, — произношу я. Эту строчку я выучил наизусть и уже почти позабыл, что это ложь. Впрочем, Порфирий не настолько наивен.

— Я слышал, что Август, — он деликатно подбирает слова, — слег.

— Когда я видел его в последний раз, он был жив, — говорю я, что, в принципе, соответствует истине. — Но он уже не молод, и его заботит судьба империи.

— А у него, случайно, нет списка тех, чья надежность вызывает сомнения? — Порфирий поднимает руку, жестом приказывая мне молчать, и на одном дыхании выдает с полдесятка имен тех, кому я нанес визиты в последние две недели.

— Если тебе известно, кого я видел, тебе должно быть известно, что я им говорил.

— Что ж, очень даже может быть.

— Сейчас не время сводить счеты. Кого бы Константин ни назначил в качестве своего преемника, его избраннику нужна мирная, спокойная империя. Тем, кто его поддержит, нечего опасаться.

Проницательный взгляд.

— Ты делаешь мне предложение?

— Я лишь передаю то, что мне было сказано, — говорю я и развожу руками. Знак моей невиновности и... бессилия. Мол, никаких гарантий.

— Считаю, что передал. — Порфирий берет со стола перо и вертит его между пальцев. — Ты забыл одну вещь. Я десять лет провел в изгнании за то, что написал поэму, которую Константин считал оскорбительной. Возвращаться обратно я не намерен.

Он кладет перо на место. Рука его дрожит. Он случайно задевает лампу, которая удерживает край свитка. Лампа падает на пол, свиток скручивается, словно занавес в театре, открывая моим глазам, что под ним. Я вытягиваю шею.

На рисунке мавзолеей или храм. На фронтоне треугольник, а в нем венок. Внутри венка — монограмма. Косая буква Х, верх которой очерчен дугой.

— Задумал себе гробницу, — поясняет Порфирий. — Даже нанял архитектора. Он сейчас работает над чертежами.

— А не рано ли?

— Я готов. Наше поколение — к нему относишься и ты, и даже сам Август — наше время истекло. Думаю, тебе тоже не помешало бы озаботиться тем же самым.

— Моя гробница уже готова.

Она построена на склонах холма позади моей виллы в Мезии, в окружении лавра и кипарисов. Одинокое место. Интересно, увижу ли я ее когда-нибудь при жизни?

Я делаю вид, будто рассматриваю чертежи.

— Любопытное украшение.

Лицо Порфирия — обычно оживленное — похоже на каменную маску.

— В наши дни многие украшают свои гробницы монограммой Константина. Мне же хотелось что-то иное, что, однако, говорило бы о моей вере. Помнится, этот знак был на ожерелье, которое ты мне показывал. А также как напоминание о моем друге Александре.

Он скручивает чертежи и ставит их на полку.

— Спасибо, что зашел ко мне.

Я уже готов уйти, когда с улицы, в высокое окно в задней стене, доносятся пронзительные крики. Похоже, что там какие-то беспорядки. В следующий миг в кабинет вбегает запыхавшийся раб и растерянно лепечет.

— Говорят, будто Август умер.

Порфирий воспринимает это известие спокойно. Вид у него не более удивленный, нежели у меня.

— Похоже, что скоро нас ждут перемены.

— Будь осторожен, — напоминаю я ему. — Будет обидно, если гробница понадобится тебе еще до того, как ее достроят.

На следующий день тело Константина выставлено в парадном зале дворца. Очередь желающих проститься с императором растянулась на целую милю под сенью колонны Константина. Сенаторы стоят бок о бок с трактирщиками, актрисы — со священниками, и каждое лицо — крошечный фрагмент огромной мозаики всеобщей скорби. Это не может не трогать: все они искренне любили Августа. Он построил им город. Он следил за тем, чтобы закрома империи не пустели, чтобы рынки ломились от товаров, а варвары знали свое место по ту сторону границы. Константин позволил этим людям молиться в храмах и церквях по своему усмотрению, тем богам, которые откликались на их молитвы.

И вот теперь этот мир пошатнулся.

Очередь протянулась недалеко от моего дома. Сидя у себя в саду или ворочаясь в постели в душную июньскую ночь, я слышу за окном людские голоса. Но я не выхожу из дома. Жду того момента, когда наплыв уменьшится. На третий день я уже больше не в силах сопротивляться. Я надеваю тогу, причесываю волосы и встаю в очередь скорбящих. В течение нескольких часов я медленно, дюйм за дюймом, ползу вместе с очередью сначала по улице, затем прохожу через Августеум. Здесь статуи обожествленных императоров ждут, когда их число пополнит еще один. Мне еще стоять не один час, а ноги уже болят. Во всем теле такое ощущение, будто оно набито пылающими углями.

По мне градом катится пот. Пару раз я был на волосок от того, чтобы броситься бегом домой. Даже когда очередь наконец доползает до дворцовых ворот, впереди еще два часа ожидания.

Наконец я внутри. В зале самое малое две тысячи людей, однако все как один хранят молчание. Слышно лишь шарканье подошв по мраморному полу. С одной стороны зала отведено место, где желающие могут оставить свое подношение: амулеты, украшения, монеты и медальоны, кусочки черепицы или камешки с нацарапанными на них молитвами. Многие украшает монограмма Хи-Ро. Что это — погребальные подношения или подношения богу?

Последние несколько шагов самые медленные. Царящая в зале духота, скопление людских тел — все это очень утомляет. Вынуждаю себя бороться с усталостью. Ведь больше я его никогда не увижу. Я бы хотел унести в сердце эти последние мгновенья.

Очередь черепашьям шагом ползет вперед. И наконец, вот он, лежит в золотом гробу на возвышении, к которому ведут три ступени. Пол вокруг гроба украшен кипарисовыми венками. Рядом курятся благовония, в золотых подсвечниках мерцают свечи. На смену белым одеждам, в которых он принял крещение, пришли императорские регалии. Пурпурная мантия, вся усыпанная драгоценными камнями и золотом. Помнится, когда

Константин шагал, она громыхала на нем как доспехи. Золотая диадема, украшенная жемчугом. Красные сапоги, мыски которых отполированы до блеска прикосновением не одного десятка губ. Саван украшает его монограмма, вокруг которой вытканы сцены его побед. И над всем этим на шесте высится лабарум — его всепобеждающий штандарт.

Я всматриваюсь Константину в лицо. Набальзамированная кожа какая-то серая, неестественная. Такое впечатление, что при бальзамировании ему слегка изменили лицо. Уж слишком не похож он на себя при жизни. Передо мной не тот, кого я любил до самозабвения, не тот, кому отказал в его предсмертном желании.

Рядом жужжит муха и садится ему на нос. Рядом с гробом на табурете сидит раб. В руках у него страусово перо, чтобы отгонять мух. Я смотрю на это перо и словно прозреваю. Неожиданно до меня доходит, что лежит передо мной.

Это восковая кукла.

Слез, которые только что застилали мне глаза, как не бывало. Я ощущаю себя одураченным. Ну, конечно же! Разве они стали бы выставять напоказ настоящее тело! Ведь Константин умер месяц назад. Никакое бальзамирование не способно сохранить облик покойника, так сказать, свежим. Тем более в такую жару. Теперь, когда я вижу это со всей очевидностью, мне становится неловко, что я позволил себя провести. От солнца одна щека размягчилась и опала, как будто с покойником случился удар. Парик, призванный заменить настоящие волосы, слегка съехал набок. Вот каков он теперь. Человек, который когда-то жил и дышал; человек, которого я знал — его больше нет. Для прощания с народом выставлена облаченная в императорские одежды статуя.

Толпа напирает сзади, подталкивая меня, заставляя идти дальше. Я шепчу молитву — нет, в память о моем друге, а не этой восковой куклы, и уступаю место у гроба следующему. Я задыхаюсь, поскорее бы уйти отсюда! Я тороплюсь к двери, в длинной аркаде, которая ведет в город. На улице все те же толпы. Люди переговариваются вполголоса, дворцовые чиновники раздают прождавшим долгие часы горящую пищу.

Но даже сквозь толпу я замечаю какое-то движение. Чувствую на себе чей-то взгляд. Чьи-то глаза наблюдают за мной.

И вот наши взгляды встретились. Он отворачивается, сделав вид, будто меня не заметил. Но я не позволю ему просто так уйти. Я проталкиваюсь сквозь толпу. Чем ближе к воротам, тем сильнее она давит со всех сторон. Я почти теряю его из вида. У-ф-ф, наконец ворота остаются позади, и я могу ускорить шаг. Он ковыляет впереди, правда, без палки — согорбленная фигура в синем плаще. Несмотря на жару, капюшон низко натянут на лицо. Через двадцать шагов я догоняю его. Он понимает, что ему от меня не уйти. Слыша мои шаги, он останавливается и оборачивается ко мне.

Капюшон сползает ему на плечи. Это Астерий Софист.

— Что ты делаешь?

— Приходил отдать дань уважения Августу, — отвечает он. Начинает смеркаться, глубокие морщины на его лице как будто прочерчены черными чернилами. — Как величайшему христианину после Христа.

— Сейчас, когда все закончено, полагаю, что тебе тяжело.

— Это для тебя все закончено, для нас все только начинается.

Я сгораю от любопытства.

— Расскажи мне про Симмаха. И про Александра.

— Их обоих больше нет.

— Тогда расскажи мне про Евсевия. Что произошло тогда в застенке во время гонений? Скажи, тебе было обидно, что на тебя ввалили вину за его предательство? Больно ли было видеть, как он возносится к вершинам церковной власти, что он обласкан императором, в то время как тебе самому было запрещено даже переступать порог церкви?

Похоже, я попал в цель. На мгновение его лицо искажает страдальческая гримаса.

— Александр это знал, — продолжаю я. — Симмах это знал. Но они были не единственными. Это знает и кто-то еще и готов дать показания.

— Ты понятия не имеешь, о чем ты говоришь.

— Неужели?

Видно, что он колеблется. Затем в его глазах вспыхивает недобрый огонек.

— Пойдем со мной.

Очередь к гробу Константина ничуть не стала короче. Мы проталкиваемся сквозь толпу и, пройдя по улице, сворачиваем в сады рядом с ипподромом. У нас над головой последние лучи солнца отражаются от бронзовой квадриги, венчающей его северный конец. Астерий бросает в мою сторону хитрый взгляд.

— Гонения меня никогда особенно не волновали. В отличие от Евсевия. Но Евсевий склонен к панике. Именно поэтому они и подоברались к нему.

— Подоברались к нему?

— В тюрьме.

Своей честностью он сразил меня наповал.

— Так это правда?

— То, что Евсевий выдал семью христиан, а я взял на себя вину, чтобы выгородить его? — Астерий пожимает плечами, как будто только что сказанное им ему безразлично. — Александр никогда бы ничего не доказал. Дряхлый епископ, который полагается на показания бывшего гонителя? Этим бы он лишь подорвал последнее доверие к себе. Как ты себе это представляешь? Что он пришел бы на епископские выборы на пару с Симмахом? Да Евсевий одержал бы победу без всяких выборов!

Последние несколько месяцев я как будто провел в гробу. Откровенность Астерия подобна буре, срывающей крышку с моего добровольного затворничества. Меня охватывает опасное возбуждение.

— Но ведь Евсевий все равно убил Александра. А затем Симмаха, который мог бы подтвердить его слова.

Астерий бросает на меня презрительный взгляд.

— Ты хочешь знать, почему мы убили Симмаха? Что ж, я скажу тебе. За неделю до своей смерти Симмах дважды навещался во дворец. Хотел поговорить с Августом, а когда получил отказ, то начал странно себя вести. Говорил такие вещи, какие было бы куда разумнее оставить при себе.

— Про Евсевия? — Впрочем, я сам знаю, что это не так. — Или что ему известна правда про смерть Криспа?

— Я бы не стал произносить это имя вслух. — Астерий даже покосился по сторонам. Между деревьями, негромко переговариваясь между собой, люди прохаживались целыми семействами. — Пусть Константин теперь лишь восковая фигура, но его сыновьям, как когда-то и ему самому, вряд ли захочется, чтобы им напоминали об этом.

Астерий останавливается у пьедестала знаменитого олимпийского возницы Скорпа. Тот стоит, широко расставив ноги, с плеча свисает кнут. Астерий поворачивается ко мне. Глаза его сверкают злорадным огнем.

— В ящичке, что принадлежал Александру, Симмах обнаружил нечто такое, что на протяжении десятка лет было спрятано с глаз подальше. Нечто такое, чего не знал даже сам Август.

Он явно ждет, что я попадусь на его крючок. Сил сопротивляться у меня нет.

— И что же это такое?

— Ты ведь знаешь, что случилось с Криспом? — он якобы сочувственно кладет мне на плечо кулю. От его прикосновения меня передергивает. — Ну, конечно же, знаешь. А потом бедная Фауста в бане. Тебе когда-нибудь приходило в голову, пока на твоих глазах уничтожалось императорское семейство, зачем она это сделала?

Мне становится трудно дышать, как будто грудь мне сжимает железный обруч.

— Она хотела, чтобы трон унаследовали ее сыновья, — говорю я.

— Разумеется, но кто вложил ей в голову эту идею? Кто помог ей подделать документы? Кто нашел христиан среди ее телохранителей, которые были готовы подтвердить, что они участники заговора Криспа, и даже принять ради этого мученическую смерть?

— Кто? — спрашиваю я сдавленным шепотом.

Наверно, потому, что руки у него обрублены, Астерий имеет дурную привычку стоять гораздо ближе к собеседнику, чем это было бы приятно. Я едва ли не кожей ощущаю kloкочущий в нем гнев. Голова его закинута назад, как у птицы. Он ждет, когда я догадаюсь сам.

— Ты?

По его лицу расплывается омерзительная улыбка.

— Крисп терпеть не мог Евсевия. Через три месяца после Никейского собора Крисп добился, чтобы Евсевия сослали в Трир. Мы знали, что пока Крисп жив, ему оттуда никогда не вернуться. А если Константин выполнит обещание и сделает Криспа Августом, то Евсевию прозябать в Трире до конца его дней.

— Мы?

— Евсевий и я. Главным образом я. Потому что Евсевий был уже за тысячу миль отсюда. Зато у меня во дворце имелся союзник.

Фауста? Вряд ли. Из того, что он только что сказал мне, это должен быть кто-то другой.

И тут до меня доходит. Я вспоминаю носилки, покидающие церковную службу Евсевия. Гордые павлины, вышитые на пурпурных занавесках. *Евсевий выдающийся человек, и его ждет блестящее будущее.* Затем я вспоминаю потеки пудры на морщинистом лице, седые волосы, поблескивающие на золотом гребне. *Ты знал, что Август когда-то хотел сделать меня твоей женой?*

— Сестра Константина, Констанциана.

Улыбка делается еще шире. Он упивается моей растерянностью.

— Она всегда была образцовой христианкой, в отличие от брата. И она из всех сил пыталась любить Константина. Возможно, она простила ему убийство ее мужа Лициния, но убийство сына — никогда! Это было выше ее сил. Ей требовалось отмщение: супруг за супруга, ребенок за ребенка.

— И ты ее в этом поддерживал?

— Ее духовником был Евсевий. Ее верным советчиком. Когда Крисп добился его ссылки, Констанциана обратилась ко мне. И я понял, как вместе мы можем добиться наших целей.

— Мне казалось, ваш бог проповедует мир и милосердие.

— Порой, чтобы выполнить волю Господа, мы вынуждены идти на страшные вещи.

С какой легкостью он, однако, находит всему оправдание! Впрочем, за его словами чувствуется боль, глубокая, до самой кости, рана. Руки трясутся в пустых рукавах. На какой-то миг меня посещает — нет, даже не мысль, а скорее чувство, — что он заслуживает сострадания за все те мучения, что выпали на его долю. Но только не за то, что он сделал.

— Ты убил Криспа, чтобы вернуть из ссылки Евсевия?

— Это *ты* убил Криспа, — возражает он. — Ты и Константин. Я лишь... — он поднимает руки, чтобы стали видны культи, — потянул кое за какие ниточки.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Чтобы ты знал. Это твоя собственная история, но ты никогда ее не знал.

Мне понятно, почему он привел меня в столь многолюдное место. Будь мы одни, я бы точно его убил.

— А если я разоблачу тебя?

— Какая разница? Сыновья Фаусты только что унаследовали империю. Если ты обратишься к ним, неужели ты полагаешь, что они накажут тех, кто помог им взойти на трон? — Астерий наклонил голову, как будто его только что посетила идея. — Если они захотят справедливости, то всегда могут казнить того, кто убил их брата.

— Но почему? Из-за того, что случилось в Никее? Потому что Крисп заставил вас предпочесть одни слова другим?

— *Одни слова другим?* — эхом повторяет он. — Мы описывали *Бога*. Неужели ты считаешь, что мы могли позволить себе ошибиться? — он вновь принялся расхаживать взад и вперед, мимо темных ворот ипподрома. — Это все Константин! Десять или двадцать лет назад голос Ария был одним из многих. Он мог написать все, что угодно, а его враги — самое большое, на что они были способны — это спорить с ним. Но Константину требовалось нечто определенное, нечто абсолютное, как и его власть. Дать четкое определение Богу. Он вынудил нас выбирать.

Астерий умолкает и смотрит на меня. Это один из тех редких моментов, когда на его лице нет никакого злорадства. Он действительно хочет, чтобы я его понял.

— Что еще нам оставалось?

Ну почему я здесь? Мне хочется одного: вновь забиться в свою пещеру, чтобы зализывать раны, которые Астерий вскрыл на каждой частичке моего «я». Но я должен довести этот разговор до конца.

— Ты сказал, что Симмах умер, потому что узнал правду про Криспа. Кто убил Симмаха?

— Констанциана подослала одного из своих людей. Веле-ла ему сделать все так, чтобы его смерть можно было принять за самоубийство.

Никаких смущенных взглядов, никакого раскаяния. Так всегда бывает с теми, кто проводит слишком много времени в раздумьях о Боге. В конце концов, эти люди забывают ценность человеческой жизни. Возможно, то же самое случилось и с Константином.

— А как же Александр? Наверняка его убийство доставило вам двойное удовольствие. Отомстить старому врагу, еще по Никее, а заодно спрятать в воду концы первого преступления!

В ответ на мою гневную речь Астерий смеется.

— Знаешь, что самое смешное?

Он наклоняется ко мне почти вплотную, и его туника трет-ся о мою.

— Я понятия не имею, кто убил Александра.

Он упивается моим замешательством.

— Евсевий этого не делал — хотя и мог бы, будь у него та-кая возможность. Сначала я подумал, что приказ поступил от самого Константина — дабы навечно похоронить то, что Алек-сандр обнаружил в архивах, но потом все-таки решил, что это маловероятно, — произносит он и пожимает плечами. — Так что это, по всей вероятности, все-таки Аврелий Симмах. В кон-це концов, футляр ведь был у него. Забавно, не правда ли? По крайней мере, ты можешь утешать себя тем, что справедли-вость восторжествовала.

Я смотрю на него холодным взглядом: его усохшее тело полно ненависти и злобы. Неужели этот человек может про-поведовать религию мира и любви?

— Скажи, зачем ты это сделал? — спрашиваю я его. — Зачем во время гонений ты взял на себя вину за предательство Евсевия?

Он сводит культи вместе и нежно потирает их друг о друга.

— Вот что сделал со мной Симмах. А затем и вообще хотел меня убить. Евсевий предал тех христиан, чтобы спасти меня. — В его голосе прорываются нотки отчаяния, как будто самообладание вот-вот изменит ему. — Ради меня он пожертвовал собой.

— Ты же пожертвовал мной.

Глава 43

Стамбул, Турция, наши дни

— Внутри пойдете одна. Посмотрите по сторонам, сделаете пару-тройку снимков и вернетесь.

Эбби сидела на заднем сиденье такси, ехавшего по многолюдной торговой улице в северо-западной части Стамбула. Такси было настоящим, за рулем сидел Барри, по-прежнему в темных очках. Правда, вместо флисовой куртки на нем была кожаная, на шее — золотая цепь. Марк сидел на пассажирском сиденье и указывал дорогу. Впереди, словно скопление мыльных пузырей, маячили купола мечети Фатих. Они росли и раздувались буквально на глазах, пока наконец не скрылись за массивными каменными воротами.

— И не вздумайте бежать, — подал голос Барри с переднего сиденья. — Запомните: там вы будете не одна.

Они прилетели в Стамбул двенадцать часов назад. Эбби до смерти устала от автобусов, чужих машин и краденых паспортов и была несказанно рада, когда безымянный самолет доставил их из Сплита прямо в аэропорт имени Ататюрка. Здесь их встретила группа мужчин с каменными лицами и в таких же, как будто каменных, костюмах, которые провели их через приватный выход, минуя таможеню и будки паспортного контроля.

— Местные власти спят и видят, когда Драгович попадет к ним в руки, — пояснил Марк, пока они ехали из аэропорта. —

Три года назад его удалось посадить за решетку, но турки тогда здорово облажались: он сбежал. Кстати, они не в восторге от того, что он творил в Боснии. Но это так, к слову. В общем, они в лепешку расшибутся, чтобы помочь нам.

— А откуда им известно, что Драгович появится здесь? Если однажды он угодил за решетку, с какой стати ему рисковать снова? — спросила Эбби.

— Появится, никуда не денется, — заверил ее Марк. — Судя по донесениям наших агентов, он совершенно свихнулся на этой своей вещице. И не успокоится, пока не получит ее.

Эбби вышла из машины, демонстративно протянула Барри в открытое окошко деньги и зашагала к мечети. Однажды ей уже доводилось бывать в Стамбуле на конференции. Но тогда было лето. Город буквально стонал от толп туристов. В жарком воздухе, не давая дышать, висела пыль. Теперь, осенью, город как будто остыл и сжался в размерах. Воздуха стало больше, расстояния между зданиями — шире. Зато гораздо громче стали слышны гудки кораблей в Босфоре.

Туристы разъехались по домам, но улица была многолюдной: кто-то спешил за покупками, кто-то в мечеть, выразить почтение Аллаху. На углу стоял белый полицейский фургон. Еще два вооруженных полицейских бродили по улице, болтая друг с другом. *Интересно, так и должно быть?* — подумала Эбби.

Для убедительности Марк снабдил ее туристическим путеводителем. Открыв его на нужной странице, она принялась изучать раздел про мечеть Фатих.

Фатих означает победитель, говорилось в путеводителе. Расположенная в самой высокой точке города, мечеть была построена на месте церкви Двенадцати Святых Апостолов османским султаном Мехметом Завоевателем, чья армия захватила Константинополь в 1453 году. На фундаменте церкви Мехмет возвел свой мавзолей.

Спустя триста лет построенная султаном мечеть пострадала от сильного землетрясения, однако позднее была заново отстроена в так называемом стиле османского барокко.

Сквозь ворота Эбби прошла в широкий, открытый парк с лужайками и голыми деревьями. Мечеть стояла в центре, вся в строительных лесах, отчего казалось, будто она взята в кольцо осады. Эбби поискала глазами какие-нибудь признаки древнеримской постройки, что когда-то стояла на этом месте, но так и не нашла. И в очередной раз задалась вопросом, как такое сокровище, как лабарум, могло оставаться спрятанным от посторонних глаз в течение нескольких столетий нескончаемых строительных работ. Такая вещь не могла долго оставаться незамеченной. Рано или поздно на нее кто-нибудь наткнулся бы. Или же, кто знает, эта вещь до сих пор лежит в земле, погребенная под завалами строительного мусора.

Марк дал ей фотоаппарат. Эбби сделала несколько снимков. Сначала общего вида мечети, затем отдельных архитектурных деталей — дверей, арок, водостоков. *Пусть со стороны кажется, будто вы что-то ищете*, сказал ей Марк. *Незаметно оглядывайтесь по сторонам*. Эта часть задания была самой простой.

Внутри мечети Эбби не пошла, зато обошла ее вокруг. Позади здания располагалось кладбище: плоские надгробия, окруженные оградками, колонны, некогда поддерживавшие балдахины, а теперь как будто усеченные по колено. За ними высился восьмиугольный мавзолей, массивный, хотя и не столь внушительный на фоне мечети, увенчанный куполом.

Сердце Эбби забило быстрее. Восьмиугольная форма повторяла очертания мавзолея Диоклетиана в Сплите. Может, это и есть гробница Константина?

Она вновь заглянула в путеводитель.

«Позади главного здания мечети стоит тюрбе, или гробница Мехмета Завоевателя, заново отстроенная в барочном стиле после землетрясения».

Она должна была догадаться сама. И все же было в этом нечто интригующее: Мехмет Завоеватель и Константин Непобедимый. Два властителя, разделенные религией, культурой и тысячей лет, оба желали возвестить миру о том, кто они такие. Два человека, которые, несмотря на все свои различия, возжелали быть похороненными в одном и том же месте. Желал ли тем самым Мехмет победить прошлое? Похоронить под

собой Константина точно так же, как мечеть похоронила под собой церковь? Вряд ли. Сюда его привело не соперничество, а родство душ.

Грубер в свое время сказал: *есть места, которые будто магнитом притягивают к себе власть*. Это место было именно таким. Эбби ощущала его ауру едва ли не кожей. Ей тотчас вспомнилось найденное в Косове тело Гая Валерия Максима. Интересно, задумалась она, ходил ли он по этому двору, когда служил императору, построившему здесь первый мавзолей?

Эбби сделала еще несколько снимков, обошла мечеть вокруг и вновь направилась к улице. Мимо проехало такси с теми же самыми номерами. Эбби вскинула руку, как будто голосуя. Машина остановилась, Эбби села.

— И как? — спросил Марк.

Она пристегнула ремень безопасности, и такси тронулось с места.

— Никакого Драговича я не видела, если вас интересует именно это. Там всюду идут строительные работы. Мне показалось, что там что-то роют рядом с фундаментом. Так что при желании он может довольно легко пробраться внутрь.

— Мы подключим министерство культуры. Попробуем посадить в число строительных рабочих пару наших людей. Вдруг они заметят что-нибудь подозрительное.

У Марка пискнул смартфон. Он пробежал пальцами по экрану, прочел сообщение и хмыкнул.

— Драгович не подает никаких признаков жизни. Мы следим за всеми аэропортами, где он может объявиться. Вся наша сеть получила задание быть начеку. Но пока ничего.

Эбби тотчас вспомнила Драговича в черной комнате в Риме, вспомнила дуло серебристого пистолета, приставленного к ее виску, и поежилась.

— Он не мог что-нибудь заподозрить?

— Мы передали ожерелье и текст некоему Джакомо в Белграде.

— Знаю такого. Встречалась.

Марк тотчас поднял голову и подозрительно посмотрел на нее.

— Я смотрю, у вас интересные связи. Когда мы вернемся в Лондон, вам придется рассказать нам про всех, с кем вы встречались.

— Жду не дождусь этой минуты.

Они проехали мимо внушительного кирпичного акведука — такого огромного, что под его арками легко проезжали автобусы. Как только акведук остался позади, Барри остановил такси рядом с парком. Марк велел Эбби выйти и вышел сам.

— Поезжай назад и не спускай с мечети глаз, — велел он Барри. — Если что, звони. И никакой стрельбы. Стоит нам устроить перестрелку в мечети, как мы в два счета получим очередную фетву¹. И не только от местных властей, но прежде всего от Уайтхолла.

Такси с ревом сорвалось с места и сделало через семь полос движения резкий поворот. Если Барри хотел, чтобы его приняли за турецкого водителя, он сыграл эту роль виртуозно. Не успел он скрыться из вида, как к тротуару подъехал не приметный с виду синий хэтчбек. Сев в него вместе с Марком, Эбби задалась про себя вопросом, какими полчищами британских агентов — если это, конечно, британские агенты — кишат улицы Стамбула.

— Куда теперь?

— Вы подождете в отеле вместе с Конни. Мне нужно заглянуть в консульство. Надо кое с кем поговорить.

От одной только мысли, что ей снова придется сидеть в гостиничном номере, тупо пялясь в телеэкран, ожидая, когда чужие люди решат за нее ее судьбу, ей стало мутно.

— Может, и для меня найдется поручение?

— Оставьте это профессионалам, — произнес Марк. В его голосе прозвучало такое высокомерие, что Эбби едва не вцепилась ему пощечину. — Даже если бы мы доверяли вам — а мы вам не доверяем, — в данном случае от вас никакой пользы.

Что ж, спасибо, что сказал это открытым текстом.

¹Фетва (араб.) — решение представителей официального ислама по какому-либо вопросу, основываемое на принципах ислама и опыте мусульманской юридической практики (прим. ред.).

— Тогда зачем было отправлять меня к мечети? Если люди Драговича следят за мной, вы думаете, они поверят, что я просто объявилась там на пять минут, сделала пару снимков и вернулась в отель? Не кажется ли вам, что этот спектакль следует разыграть поубедительнее?

— Что вы задумали? — Марк смотрел из окна. Он явно слушал ее вполуха. Эбби принялась соображать.

— В Стамбуле наверняка есть какая-нибудь историческая библиотека. Что-то такое, где можно найти книги про мечеть Фатих, мавзолей Константина и тому подобное. За последние пятьсот лет кто-то ведь должен был производить здесь какие-то раскопки.

— Вы кто, историк?

— Я юрист. И умею работать с документами. Я знаю, что такое перекопать в поисках улики горы старых бумаг. Драгович может заподозрить, что я ищу способы проникнуть под мечеть в надежде на то, что там что-нибудь да отыщется.

Марк постучал пальцами по экрану телефона. По идее это должно было означать, что он задумался.

— Хорошо.

Дворец стоял на восточном конце полуострова, у самого моря. Нет, это не был дворец в европейском смысле слова — монолитное здание типа Бленгейма или Версаля, этакий символ несокрушимой власти. Это был дворец восточный — сложный организм, который в течение многих веков рос и расширялся во все стороны, представляя собой скопление тенистых двори-ков и укромных уголков, где могли встречаться как влюблен-ные, так и заговорщики.

Большую часть его площади занимал парк — широкие аллеи в тени дубов и вязов, между которыми переливалось лазурью море. Стараясь не обращать внимания на маячив-ший у нее за спиной силуэт Конни, Эбби вошла в ворота. Она прошла мимо Айя-Ирене — церкви Священного Мира, одной из самых старых в Стамбуле, затем обошла двор, в котором классические колонны и портики соседствовали с минаре-тами и куполами. Как ни странно, спустя две тысячи лет,

ничто здесь не напоминало «музей» так, как греко-римская архитектура.

Эбби по телефону предупредила о своем приходе. Дежурный провел ее через библиотеку в заднюю часть здания — длинную комнату с высокими окнами, выходящими на заостренные башни главных дворцовых ворот. Улыбающийся библиотекарь говорил на безупречном английском. Не успела Эбби и глазом моргнуть, как перед ней уже выросла небольшая стопка книг, а на дубовом столе рядом с ней — горка журналов. Эбби тут же погрузилась в чтение.

Из оксфордского византийского словаря она узнала, что первым зданием на месте нынешнего мавзолея был круглый мавзолей, построенный самим Константином Великим. Его сын Констанций добавил крестово-купольный храм, в котором, пока позволяло место, византийских императоров хоронили вплоть до 1028 года.

В статье были указаны дополнительные источники по теме, включая описание мавзолея, выполненное биографом Константина, епископом Евсевием.

«Здание поражало высотой. Каждый его дюйм сиял драгоценными камнями самых разных цветов. Позолоченная крыша отражала солнечные лучи, ослепляя людей на многие мили вокруг».

Что ж, лучшее место для хранения самого ценного сокровища было трудно придумать. Эбби принялась читать дальше. Теперь это были труды более поздних, менее именитых историков — страницы доводов и контрдоводов, догадок и предположений. Похоже, что после Евсевия к описанию мавзолея добавлено почти ничего не было. А поскольку сейчас на его месте расположена мечеть, то вряд ли можно ожидать в будущем чего-то принципиально нового.

В самом низу стопки оказался довольно потрепанный археологический журнал, в котором упоминались раскопки 1940-х годов. Тогда археологам удалось обнаружить под двором мечети византийскую кладку и цистерну¹ с колоннами. В статье отме-

¹ Подземное водохранилище.

чалось, что михраб внутри мечети — священная ниша, указывающая молящимся направление Мекки — располагалась не по центру стены. В архитектуре такая асимметрия — обычное дело, когда здание возводится на старом фундаменте. Более того, по словам авторов, такие отклонения позволяют предположить, что находилось ниже.

Эта мысль тотчас потянула за собой нить размышлений, которые, увы, завели Эбби в тупик. Она усиленно пыталась вспомнить — но только что? Не в силах вытащить нечто важное из глубин памяти, она вновь углубилась в чтение.

Во время раскопок 1950-х годов директор Гробниц сообщил о том, что под михрабом мечети обнаружена византийская комната, в которую можно попасть через тоннель из подвала мавзолея Мехмета Завоевателя.

Чувствуя, как у нее кружится голова, Эбби еще раз вчиталась в текст. Когда же она дочитала последнее предложение, ее била дрожь.

«Вполне вероятно, что наконец найдено место последнего успокоения императора Константина».

Эбби подошла к библиотекарю и одарила его своей самой обезоруживающей улыбкой.

— Скажите, в Стамбуле по-прежнему есть директор Гробниц?

Библиотекарь кивнул.

— Его офис является частью Директората Памятников и Музеев.

— И где я могу его найти?

Библиотекарь растерялся.

— В этом здании. Его кабинет наверху. Если хотите, я могу позвонить ему.

Эбби сначала задумалась, затем утвердительно кивнула. Библиотекарь снял телефонную трубку и что-то сказал.

— Одну минуточку.

И верно, спустя минуту Эбби услышала цокот каблуков по деревянному полу. Затем дверь распахнулась, и в библиотеку вошла высокая, стройная, потрясающе красивая женщина с длинными черными волосами и в элегантном темном платье.

Ее губы, ногти и туфли было кораллово-красными, на веках, подчеркивая блеск глаз, наложены тени. Еще ни разу в жизни Эбби не чувствовала себя такой замухрышкой, вернее, ходячим надругательством над женственностью.

— Доктор Ясемин Ипек, — представилась женщина, а затем, словно прочитав в глазах Эбби сомнение, добавила: — Я директор Гробниц.

Эбби с трудом представляла себе, как такая красавица лазает по древним, провонявшим сыростью и плесенью подземельям.

— Насколько я понимаю, вас заинтересовала гробница Константина Великого? — собеседница Эбби улыбнулась. — В моем ведении немало гробниц. Увы, гробница Константина была утрачена еще много веков назад.

Эбби указала на статью и процитировала последнюю строчку.

— Здесь сказано, что под михрабом располагается византийская усыпальница.

Доктор Ипек кивнула.

— Я читала про эти раскопки. Их сразу после войны проводил один из директоров этого музея, профессор Фиратли. Более того, если вы войдете в крипту под мавзолеем Мехмета, то увидите деревянные доски, которыми когда-то был закрыт проход.

— Его когда-нибудь вскрывали?

— Никогда.

— А в сороковых годах? Скажите, там внизу что-нибудь нашли? Какую-нибудь древнюю вещь?

Доктор Ипек пристально посмотрела на Эбби.

— В архивах упоминания об этом нет.

— Скажите, а можно вскрыть эту камеру?

От Эбби не укрылось, как ее собеседница тотчас охладела к их разговору и даже украдкой бросила взгляд на серебряные часы.

— Камера закрыта из соображений безопасности. Она расположена прямо под стеной мечети, а у нас здесь землетрясения — обычная вещь. Разрешение может выдать лишь сам министр.

Увидев, что Эбби расстроена, доктор Ипек смягчилась.

— Вы надеялись найти там пропавший саркофаг Константина? Я правильно вас поняла?

— В общем-то, да.

— Иногда я и сама задаюсь тем же вопросом. Но профессор Фиратли был настоящим ученым. Если бы он что-то обнаружил, он бы наверняка об этом сообщил. Бедный Константин, — доктор Ипек улыбнулась сама себе. — Ему следовало придерживаться первоначального плана и быть похороненным в Риме. Тогда бы гробница его наверняка сохранилась, и сегодня его саркофаг в целости и сохранности был бы выставлен в музее Ватикана.

Эбби растерянно заморгала.

— Что вы хотите этим сказать?

— Константин не всегда хотел, чтобы его похоронили в Константинополе. Это решение он принял ближе к концу жизни. В свое время он построил в Риме мавзолей, который до сих пор стоит там, рядом с Тор Пиньяттара. Когда же его планы поменялись, вместо себя он похоронил в нем свою мать, вдовствующую императрицу Елену. Ее саркофаг сегодня находится в Ватиканском музее.

Доктор Ипек продолжала говорить, но Эбби ее не слушала. Мысли в голове роились как встревоженные пчелы, пока она судорожно пыталась соотнести имена и даты, услышанные за последние несколько дней.

CONSTANTINUS INVICTUS IMP AUG XXI

Двадцать один, по всей видимости, означает двадцать первый год правления Константина, который совпадает с датой написания стихотворения, то есть это 326 или 327 год. Если, конечно, ее догадка верна.

— Скажите, а когда Константин передумал? Когда он решил, что не хочет быть похороненным в Риме? — спросила она.

— Его мать умерла в 328 году. Насколько нам известно, новый мавзолей он начал строить незадолго до собственной смерти, то есть девятью годами позже.

Во рту у Эбби пересохло. Ей непременно нужно выяснить истину.

— То есть если кто-то писал о гробнице Константина в 326 году, он имел в виду...

Доктор Ясемин Ипек закончила за нее ее мысль.

— Он, по всей вероятности, имел в виду мавзолей в Риме.
 — Который, как вы сказали, сохранился до наших дней?
 — В окрестностях Рима. Правда, сейчас от него остались одни развалины, — директор Гробниц улыбнулась. — Если вас интересуют подземные ходы, то это место для вас. Мавзолей стоит на катакомбах святого Марцелла и Петра.

— Прошу меня извинить.

Эбби выбежала из библиотеки. Конни ждала ее в коридоре, делая вид, что рассматривает старинные вазы. Заметив Эбби, она тотчас шагнула ей навстречу, преграждая ей путь. Но Эбби даже не пыталась прошмыгнуть мимо нее.

— Мы ищем не в том месте.

Глава 44

Константинополь, июнь 337 года

Я сижу у себя в кабинете и царапаю пергаментный свиток. Проснулся я рано, когда еще не рассвело, и больше не мог уснуть. Грудь как будто сжата железным обручем. Мне трудно дышать. Ощущение такое, словно что-то пытается выбраться наружу из моего сердца. Не успел я неожиданно задремать, как ласточки, что свили себе гнездо под черепицей моей колоннады, принялись кормить птенцов и своим шумом и щебетом разбудили меня снова.

Я угодил в западню кошмара, из которого есть лишь единственный выход. Всего за полчаса прошлым вечером Астерий не оставил камня на камне от того, во что я свято верил. И вот теперь я заживо погребен в своем собственном архиве, пытаюсь ухватиться за обрывки воспоминаний, а они при первом же прикосновении рассыпаются в прах.

Весь город как будто пребывает в растерянности. Бани и рынки закрыты, на воротах ипподрома тяжелый замок. В окна кабинета мне слышно, как люди бродят по улицам, громко стелая, как будто потеряли собственных детей. Это помешательство длится вот уже две недели. Впрочем, к сегодняшнему вечеру все закончится. К этому времени тело Константина положат в

огромный порфиновый саркофаг, который ждет его в мавзолее, где мертвый император займет свое место среди двенадцати апостолов Христа. Я с трудом представляю себе, что они скажут, узнав, кто их новый товарищ на небесах.

Сегодня все закончится. Я сию одетый в белую тогу, волосы мои вымыты, сапоги начищены. Я готов к похоронам. Констанций, второй сын Константина, уже прибыл из Антиохии. Судя по той скорости, с какой он прилетел сюда, в Малой Азии сейчас наверняка питаются исключительно кониной. Разногласия, которых так опасался Флавий Урс, так и не вылились в общественные беспорядки: думается, я сыграл в этом свою скромную роль, но главным образом потому, что в них просто не было смысла.

Потому что, какая разница? Сегодня я пройду вслед за гробом как пленный варвар. А завтра, если Урс сдержит свое обещание, я буду трястись в повозке, отправившись домой, в Мёзию.

Я уже почти добрался до конца моего свитка, того самого, который я начал два месяца назад в библиотеке. Я читаю имена, внесенные в тот день: Евсевий из Никомедии, Аврелий Симмах, Астерий Софист, Порфирий. Любой из них мог убить Александра или заказать убийство, хотя если посмотреть на это с точки зрения их прочих поступков, не думаю, что это как-то перевесит чашу весов. *Ибо в этом городе не все убийства являются преступлениями. И не все преступники — виновными.*

На последних нескольких дюймах папируса я копирую поэму, обнаруженную мною в архиве. Возможно, ее содержание никак не связано с Александром, но ее смысл ускользает от меня, он не дает мне покоя.

Чтобы достичь живых, плыви средь мертвых.

Я плыл средь мертвых все последние десять лет, потупив взор, чтобы не замечать окружающих меня призраков. Но до живых я так и не доплыл. И все-таки, пока я переписываю стихотворение, кое-что бросается мне в глаза. Все строчки — оди-

наковой длины, нет, не примерно, не приблизительно, а точно одинаковой. И все восемь строк расположены так, что образуют идеальный квадрат. Странно, что я не заметил этого сразу. Я начинаю ломать голову над этой загадкой: что все это значит? Тот, кто написал эти строки, приложил к их сочинению немалые усилия. Ведь написать строки одинаковой длины мог только тот, кто мастерски владеет стихом.

Я смотрю на стихотворные строки. Сначала я ничего не замечаю, но в следующий момент ответ готов, как будто бог напелтал мне его на ухо. Я подбегаю к комоду и вытаскиваю ожерелье, найденное в библиотеке рядом с телом Александра. Золотой квадрат с монограммой посередине, похожей на монограмму Константина, однако с едва заметными отличиями.

Я кладу его на стих, написанный на свитке, который обнаружил в архиве. Оно ложится на строки с поразительной точностью — квадрат текста и квадратная золотая пластина, совершенно одинаковых размеров. Порфирий когда-то писал стихи. Когда я спросил, за что, собственно, его отправили в изгнание, он ответил, что причиной послужили «стихотворение и ошибка».

Точно такую же необычную монограмму Порфирий поместил на чертежи своей гробницы. В тот день Порфирий был в библиотеке.

Тога — торжественное одеяние, не предназначенное для того, чтобы в нем бегать. Несколько раз я в ней едва не запутался, а один раз она почти полностью с меня свалилась. Я с трудом пробиваюсь сквозь толпы зевак, заполонивших улицы, чтобы увидеть похоронную процессию. За всю короткую историю города это будет самое грандиозное зрелище. До виллы Порфирия рукой подать, но путь до нее занимает у меня почти полчаса. Рядом с дворцом уже выстраивается траурная процессия.

Дома Порфирия нет. Он даже не удосужился замкнуть дверь. Скорее всего, он не намерен возвращаться сюда. Во всем доме царит гнетущая тишина, как будто владелец виллы неожиданно умер и до сих пор его тело так и не найдено. Дом пуст. Не видно ни одного раба. А вот вещи, похоже, все на месте.

Длинный стол, виденный мною раньше, по-прежнему стоит посреди атрия, уставленный тарелками и чашами. Я иду в кабинет хозяина дома и роюсь на полках: хочу найти планы его мавзолея. *Будет обидно, если гробница понадобится тебе еще до того, как ее достроят.* Раскатываю чертежи на письменном столе. В верхнем левом углу написано слово «Рим» — судя по всему, Порфирий мечтает быть похороненным в Риме. Сомневаюсь, что он туда попадет.

Передо мной три чертежа. На первом — вид спереди, фронтон, украшенный странной монограммой, напоминающей лабарум. На втором — эскизы фресок для стен. На третьем — изображение ниши в глубине гробницы, где, собственно, и будут захоронены останки. Рядом на стене нарисована каменная плита, на которой — предельно четко, чтобы каменщики не наде-
лали ошибок — начертаны строки:

**ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ЖИВЫХ, ПЛЫВИ СРЕДЬ МЕРТВЫХ,
ЗА ТЬМОЮ СОЛНЦА СВЕТ ГОРИТ ЛУЧИСТЫЙ**

Что ж, история проясняется. Порфирий узнал, что Александр обнаружил его стихотворение, и набросился на него в библиотеке. Во время драки Александр сорвал с Порфирия золотое ожерелье. Оно отлетело и оказалось под полкой, и у Порфирия не было времени его оттуда достать. Возможно, в библиотеке был и Симмах. Этим объясняется то, как к нему попал футляр с документами Александра. Сначала он хранил его у себя, затем испугался.

Он решил избавиться от этой вещи, подбросив ее к статуе, но сделал это так неуклюже, что сам оказался пойман. Но почему для Порфирия был так важен этот стих? Уж не потому ли, что в нем можно усмотреть намек на Криспа? Но разве это повод для убийства? Впрочем, один раз Порфирий уже попадал в опалу и наверняка с ужасом вспоминал дни, проведенные в изгнании. Вряд ли ему хотелось повторить этот печальный опыт.

Я вынимаю стихотворение и накладываю на него пластину ожерелья — в надежде обнаружить что-то такое, чего я раньше не замечал.

В золото вставлены пять красных бусин, они образуют крайние точки и центр креста. Если приглядеться, через стекло можно рассмотреть фрагменты расположенных внизу слов. Большим пальцем я вдавливаю бусины в папирус, чтобы их пометить, затем поднимаю ожерелье и смотрю, что же такое я обнаружил.

SIGNUM INVICTUS SEPELIVIT SUB SEPULCHRO.

Непобедимый захоронил свой знак под гробницей.

Я не знаю, что это значит. К тому же мне нужно на похороны.

Процессия сейчас наверняка движется к мавзолею. Если зоркое око Флавия Урса следит за происходящим, он наверняка заметил мое отсутствие и, возможно, даже сказал об этом своим помощникам.

В любом случае уже поздно. От дворца до мавзолея почти две мили. Чтобы туда добраться, потребуется самое малое час. Я ныряю в переулок, подальше от маршрута траурной процессии, и выхожу на широкий бульвар, который тянется на запад. До меня доносятся крики толпы. Издалека людские голоса напоминают рокот прибоя в безветренный день.

Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок — все они там. Я прошагал целую милю и пока что единственное живое существо, которое повстречалось на моем пути, — это кошка возле чьей-то двери. Ставни на окнах закрыты, на дверях лавок — засовы. Я словно последняя живая душа в этом мире.

Впрочем, по мере приближения к мавзолею подобное впечатление слабеет. Над крышами близлежащих домов уже маячит медный купол, а под ним — золотые решетки, которыми забраны арки. На каждом углу по двое или по трое стоят солдаты. Похоронная процессия сюда еще не дошла, однако позади деревянного барьера — а они установлены на всем пути следования траурной колонны — люди уже выстроились вдоль улицы в двенадцать рядов.

Дорога упирается в стену. Двадцать гвардейцев-схоляриев образовали живые ворота, готовые в последний раз встретить

своего императора. Я показываю им диптих из слоновой кости. Константин вручил мне его в тот день, когда был убит Александр. Стражников не волнует, что лицо на диптихе теперь принадлежит мертвецу. Даже в смерти Константин все еще остается властителем трона. Каждый день от его имени издаются новые законы, чеканятся монеты с его изображением. Государственная машина воистину одарила его бессмертием.

— Публий Порфирий уже прибыл? — спрашиваю я стражника.

— Он здесь с самого утра, — следует за ответом кивок головы в сторону мавзолея. — Без спешки не обошлось. Начальник строительства поручил ему на всякий случай осмотреть фундамент. Было бы нехорошо, если бы здание обрушилось на глазах у всего города.

— А Флавий Урс?

— Он должен прийти вместе с процессией.

— Ты не мог бы передать ему от меня сообщение? Как можно скорее, даже если ради этого нужно бежать впереди императорского гроба. — Я повторяю пять слов из стихотворения Порфирия. — Скажи ему, что это от Гая Валерия. — С этими словами сую ему под нос императорский диптих. — Давай, живо!

Вид у него растерянный. Когда я прохожу мимо него в ворота, то замечаю, что он разинул от удивления рот.

— Ты куда?

— Хочу найти Порфирия.

Стена тянется вокруг всей вершины холма. В один прекрасный день этот широкий квадрат будет зеленеть садами, но сегодня это гигантская стройка.

По темным пятнам влажной земли можно догадаться о том, где недавно лежали наспех убранные с глаз долой груды кирпича и строительного леса. Даже сейчас работа над наследием Константина идет полным ходом. Мавзолей окружен с трех сторон стенами. Впоследствии будет добавлена четвертая стена, чтобы получился внутренний двор. Но сейчас на ее месте широкий проход, в который виднеется внушительных размеров

ротонда, стоящая в центре будущего двора. Ее золотое покрытие сверкает в солнечных лучах.

Перед гробницей высится огромный погребальный костер — такой же высокий, как и здание позади него. В некотором смысле его тоже можно считать зданием: толстые бревна образуют вокруг основания нечто вроде колонн. Раскрашенные под мрамор доски образуют некое подобие этажей. Со всех сторон свисают расшитые золотом знамена, а на самой вершине в позолоченной клетке сидит настоящий живой орел. По обеим сторонам костра возведены деревянные трибуны, дабы сенаторы и генералы могли наблюдать за погребальной церемонией, сидя в своих ложах.

Я обхожу будущий костер и поднимаюсь по ступенькам во внутренний двор. Здесь с колонн свисают огромные пурпурные стяги, на которых вытканы портреты трех сыновей Константина. У каждой такой колонны в почетном карауле застыли гвардейцы в парадных позолоченных латах.

Я подхожу к их центуриону.

— Скажи, здесь, случайно, не проходил Публий Порфирий?

— Он в гробнице.

И вновь Константин пропускает меня — во внутренний двор, почти в самое сердце мавзолея. Открытая сторона смотрит на юг, с тем, чтобы на золоченую стену падали солнечные лучи. Залитая солнцем, она ослепительно сверкает и отбрасывает блики по всему двору. Жмурюсь от яркого света и даже с расстояния в десять шагов чувствую исходящий от стены жар.

Неожиданно чувствую, что мне нужно присесть. Я всего лишь старик, который прошагал в знойный день по солнцу несколько миль. Я иссушен зноем. Во рту у меня пересохло, ноги горят огнем. У меня такое чувство, что я вот-вот потону в мерцающем море жары и света.

— Гай Валерий?

Я резко оборачиваюсь, не понимая, откуда доносится голос. Слепящее солнце словно выжгло мне глаза, я ничего не вижу. Затем на фоне золотого сияния различаю перед собой темную фигуру.

— Порфирий? — спрашиваю я наугад.

— Что ты здесь делаешь?

— Я прочел твоё стихотворение.

— Мне давно не давал покоя вопрос, догадался ты или нет.

Мне не видно его лица, но судя по голосу, он спокоен.

— Я надеялся, что император уничтожил его, когда сжег бумаги из ящика Александра.

— В императорском архиве, в *Scrinia Memoriae*, я нашел дубликат.

— Память — странная штука.

— Это ты убил Александра?

Порфирий смеется.

— Бедный Валерий. Ты все это время плутал в потемках, гоняясь за призраками. Да ты понятия не имеешь, в чем, собственно, дело.

Мне уже тошно слышать эту фразу.

— Почему бы тебе не рассказать мне все как есть?

— Тогда пойдем за мной.

Он берет меня за руку и обводит вокруг ротонды. Гробница загораживает солнце, и зрение возвращается ко мне. Увы, даже мавзолей совсем не такой, каким кажется издалека. Золотая обшивка уложена лишь до половины, а с северной стороны, где их никто не увидит, рядом со стеной высятся строгие леса.

Рядом с лесами в подвал мавзолея, вернее, к двери в стене, вниз уходит короткая лестница. Порфирий стучит в дверь, четким ритмом, похожим на условный знак. Дверь распахивается. За ней — крошечная тьма. Порфирий подталкивает меня вперед.

— Не бойся, мы не сделаем тебе больно. Ты вот уже десять лет ждешь этого момента.

Стоило мне переступить порог, как кто-то сильно прижимает мои руки к бокам. Я вскрикиваю, но чья-то рука зажимает мне рот.

Дверь закрывается, и я погружаюсь во тьму.

Глава 45

Рим, наши дни

Три мили от центра Рима. Виа Касилина не блещет красотой — унылая транспортная артерия, четыре полосы движения, разделенные посередине легкой металлической перегородкой. Позади станции метро «Сан-Марчеллино» притулилась розовая оштукатуренная церковь, посвященная ранним христианским мученикам — святому Петру и святому Марцеллину. Рядом кирпичное здание школы, которое скорее напоминает склад. Между церковью и школой протянулась бетонная стена, в которой виднеются двое ворот — побольше и поменьше. Большие ворота открываются на заасфальтированную автостоянку, которая заодно служит для школы игровой площадкой. Второй вход, узкая калитка, в которую можно пройти лишь согнувшись едва ли не пополам, ведет в тесный проход между двумя стенами. Впрочем, проход этот перегорожен железной решеткой.

Марк рассматривал ее в бинокль. Их машина стояла на автозаправке на другой стороне дороги. Кроме Эбби в машине было еще трое — Марк, Барри и Конни. Надо сказать, что эта троица уже изрядно ей надоела.

— На вид ничего особенного, — заметил Барри.

Примерно в пятидесяти метрах от дороги над стеной возвышалась кирпичная ротонда. Крыши у нее не было, равно как и половины стены. Этакая бедная родственница великолепной мечети Фатих или даже мавзолея Диоклетиана в Сплите.

— Ротонда принадлежит Ватикану, — ехидно заметила Конни с заднего сиденья. — У них что, нет денег, чтобы привести ее в божеский вид?

Марк тихо выругался.

— Сначала мечеть, а теперь сам папа римский. Неужели нет такого места, которое не принадлежало бы очередным упертым фанатикам, которые только и делают, что устраивают священные войны за веру?

— Может, нам стоит привлечь к этому делу полицию? — подала голос Эбби.

— И оскорбить в лучших чувствах очередную страну? — Марк покачал головой. — Наш посол в Анкаре устал давать объяснения турецким властям, зачем нам понадобилось мобилизовать пятьсот полицейских, едва ли не силой вломиться в одну из их самых главных мечетей, а потом смыться, даже не сказав спасибо. С этого момента мы действуем лишь на основании достоверных разведанных.

— Приятное разнообразие, однако!

На автозаправку въехал белый «Фиат» и остановился параллельно их машине. Марк опустил стекло и жестом предложил водителю «Фиата» сделать то же самое. Барри положил на колени полуавтоматический пистолет.

— Доктор Люсетти? — спросил Марк.

Водитель «Фиата» кивнул. Затем мужчины вышли из машин и обменялись рукопожатиями, словно съехавшиеся на совещание коммивояжеры. Эбби посмотрела на доктора Марио Люсетти. Представитель Ватиканской комиссии по Священной археологии был человеком средних лет с короткой стрижкой, в очках без оправы, джинсах, белой рубашке и черном блейзере. Он почти не улыбался, скорее наоборот, вид у него был довольно хмурый.

— Вы хотите взглянуть на катакомбы?

— У нас есть основания полагать, что один из самых опасных европейских преступников, за которым охотится сам Интерпол, предпримет попытку проникнуть туда, чтобы похитить некий бесценный артефакт, — пояснил Марк. Говорил он громко и пафосно, как многие англичане за границей. Было в этой его манере нечто комичное и отдающее мелодрамой.

Люсетти недовольно надул губы и фыркнул.

— Площадь катакомб составляет около тридцати тысяч квадратных метров. Там четыре с половиной километра подземных ходов и галерей, расположенных на трех уровнях, и двадцать пять тысяч захоронений. Я вполне допускаю, что там еще остаются нераскопанные могилы. Кстати, катакомбы были обнаружены в шестнадцатом веке, и с тех пор только самый ленивый вор в Риме не побывал в них. Если ваши преступни-

ки что-то там ищут, то они опоздали на целых четыреста лет. Но даже если и не опоздали, то им понадобится еще четыреста, чтобы это нечто найти.

— Нам все равно, что они там найдут. Главное, чтобы мы нашли их.

Конни осталась в машине следить за обстановкой. Люсетти повел остальных вслед за собой: сначала на другую сторону улицы, затем — через открытые ворота — в узкий проход, в самом конце которого виднелась стальная ограда с колючей проволокой, пущенной поверху. Сквозь вторую калитку они вслед за Люсетти шагнули на круглую площадку, посередине которой и стояла старая ротонда. Оказавшись с ней рядом, Эбби поняла, каких гигантских размеров она была когда-то: ведь внутри полуразрушенных стен уместился двухэтажный дом.

Кое-где виднелись следы реставрационных работ — пара бетонных опор, куски относительно новой кирпичной кладки, но никаких признаков недавней деятельности.

— Вам известна история этого места? — спросил Люсетти. — Когда-то здесь была гробница императрицы Елены. Император Константин решил, что не желает быть похороненным в Риме, и потому отдал гробницу матери. До этого здесь было кладбище императорской конной гвардии, но в битве при Мульвиевом мосту та сражалась на стороне врагов Константина. Одержав победу, он распустил легион и помочился на их кости.

С этими словами Люсетти отомкнул дверь, приглашая своих спутников войти вслед за ним в вестибюль с мраморным полом. Окна были закрыты ставнями. В нос Эбби тотчас ударил запах пыли и плесени.

— Это место в течение столетий было императорским поместьем и называлось *Ad Duas Lauros*, «У двух лавров». После того как здесь похоронили вдовствующую императрицу Елену, Константин отдал его римскому епископу. Оно до сих пор принадлежит нам.

Всего два владельца за две тысячи лет! Так вот, оказывается, какими масштабами мыслят императоры и понтифики, подумала Эбби.

Люсетти снял с деревянных крючков каски, головные фонарики и флуоресцирующие жилеты и раздал их своим спутникам. Посмотрев на светоотражающие полосы, Барри нахмурился.

— Это обязательно? Мы ведь охотимся за опасным преступником. Не хотелось бы сразу броситься ему в глаза.

— В катакомбах темно. Если вы потеряетесь, не исключено, что мы вас больше никогда не увидим.

Так что жилеты пришлось надеть. Люсетти открыл боковую дверь и щелкнул выключателем. Свисавшая с потолка голая лампочка высветила уходящие вниз каменные ступени.

— Нам сюда? — спросил Марк. На вид лестница не представляла ничего примечательного. Примерно такая же ведет в погреб любого викторианского дома.

— Да, это спуск вниз.

— А другие входы есть?

— Официально — нет.

— А неофициально?

Люсетти пожал плечами.

— Рим — древний город. Стоит местному жителю копнуть у себя в подвале, как он натывается на пещеры, заброшенные каменоломни, забытые тоннели. Не так давно под Виа Лати-на были обнаружены ранее никому не известные катакомбы.

С этими словами Люсетти повел их за собой в подземелье.

Константинополь, июнь 337 года

— Позволь мне рассказать тебе кое-что о темных местах этого мира.

В подземелье под мавзолеем Константина царит непроглядная тьма. Невидимые руки толкают меня на каменную скамью у стены — не то чтобы очень грубо, но и не слишком ласково. Мои руки теперь свободны, но я чувствую рядом с собой чье-то присутствие. Стоит мне пошевелиться, и меня снова схватят.

Но куда бы я пошел? Что бы я сказал? В этой крошечной тьме единственное, на что я могу полагаться, — это уши. И я слушаю историю Порфирия.

— Тридцать лет назад, во время гонений на христиан, Симмах отправил меня с заданием в Кесарию Палестинскую. Для такого карьериста, как я, это был предмет мечтаний: меня посылали в самое сердце христианства.

Я знал, что мне делать. Я подыскал подземелье вроде этого и превратил его в застенок для пыток. Я тщательно отслеживал слух о любом магистрате, который перестал приносить жертвы старым богам, о любой женщине, которая не вышла из дома в воскресенье.

Однажды, зимой, мои соглядатаи донесли мне, что в доме некоего купца прячется христианин. Они обыскали дом, но так ничего и не нашли. Правда, они обратили внимание на то, что отопление в доме не работает. Тогда они развели огонь и стали ждать. И верно, вскоре из гипокауста¹ под полом донеслись крики. Так вот где, оказывается, прятался христианин. Чего они не подозревали, так этого того, что он и не собирался выходить наружу.

Когда открыли задвижку, то увидели, что он пытается сжечь какой-то манускрипт — в том самом пламени, которое развели, чтобы его выкурить. Разумеется, им стало любопытно, что это такое. Они схватили христианина вместе с его манускриптом и привели ко мне.

Он ничего мне не сказал. Я испробовал все инструменты в моем арсенале, но он как будто даже обрадовался этому. Он мечтал стать мучеником. Но манускрипт, — Порфирий вздохнул, как будто на него давил тяжелый груз, — манускрипт поведал мне удивительную историю. Надеюсь, тебе известно, что христианский бог Иисус Христос был распят во времена Тиберия?

Конечно, известно. В числе своих первых реформ Константин запретил распятие как вид наказания, ибо счел его оскорбительным.

— Когда Иисуса сняли с креста, его последователи сохранили этот крест как память о его пребывании на земле. Когда

¹ Распространенный тип античных отопительных систем, когда печь находилась вне отапливаемого помещения, а подогретый воздух подавался в помещение с помощью системы каналов и труб.

же Иисус восстал из мертвых, до них дошло, что крест наделен невиданной силой. Ведь это оружие, убившее самого Бога! И они спрятали его в тайном месте, о существовании которого знал лишь узкий круг посвященных. Эта тайна одиннадцать раз передавалась из поколения в поколение. И все они перечислялись в этом манускрипте. Если внимательно прочесть этот список, нетрудно догадаться, где был спрятан крест.

— И ты его нашел?

— Не сразу. Мои старания не остались незамеченными, и Симмах вернул меня в Никомедию. Гонения сделали свое дело: с высоких должностей удалили всех христиан, так что возможностей для карьерного роста было хоть отбавляй. Но историю с манускриптом я не забыл. Спустя годы, уже в изгнании, я задумался о том, а вдруг она верна? Может, она поможет моему возвращению в Рим? Я отправил Константину несколько своих поэм в надежде произвести на него впечатление, но он не желал даже слышать мое имя. А потом я узнал, что случилось с Криспом.

В темноте что-то шевельнулось, как будто некое чудовище из древнего мира звякнуло цепями, которыми оно было приковано к стенам своей пещеры.

— В манускрипте содержалось предание, которое дошло до нас от первых христиан: в тот день, когда Иисус был распят на кресте, кровь Спасителя пропитала собой дерево, из которого этот крест был сделан, и изменила его. С тех пор, утверждает легенда, крест этот наделен способностью воскрешать людей из мертвых.

Мои уши еще ни разу не слышали столь абсурдных вещей! Я не смог удержаться от смеха. Ответом мне стало укоризненное молчание темноты. Порфирий не шутил.

— Нетрудно было предположить, что императрица Елена приняла смерть любимого внука близко к сердцу. Я написал ей письмо, в котором намекнул на то, что мне стало известно. Елена была женщина благочестивая, и главное, убита горем и потому готова поверить во что угодно. Она вернула меня из изгнания, выслушала и тотчас же отправилась в Палестину.

Эта часть его истории мне известна. Не успели вымести с римских улиц мусор, оставшийся после вициналий, как Елена отправилась в Иерусалим. Тогда мы все решили, что поездка эта — нечто вроде ритуального очищения после истории с Криспом, или же ей хотелось оказаться как можно дальше от Константина. Вернулась она из Палестины лишь через год и вскоре после этого умерла.

— Она нашла истинный крест, — говорит Порфирий. — Следуя тем подсказкам, которыми я ее снабдил, она нашла его и привезла в Рим. К тому времени благодаря ее покровительству я уже был претором города, а вскоре стал и префектом. Поместье Дуас Лаурос было под моей опекой, — в голосе Порфирия вновь слышатся насмешливые нотки. — Если не ошибаюсь, ты тоже там как-то раз побывал.

Верно. Побывал. Однажды, в июне того же проклятого года. Константин прошел ритуал вициналий, словно статуя, а сотня тысяч римлян смотрели и бурно выражали свое ликование, притворяясь, будто никогда не слышали ни о каком Криспе. Помнится, что однажды вечером, когда Константин напился допьяна, я проскакал верхом три мили по Виа Касилина, что вела вон из города, к старому кладбищу, посреди которого Константин возвел свой мавзолей. Со мной были два верных гвардейца-схолярия и длинный гроб, который мы привезли из Пулы.

Я до сих пор помню тень огромной ротонды над старыми могильными плитами, лязг замка и топот наших ног по ступенькам, что вели в подземелье. Помню лампы, что, подобно глазам, взирали за нами со стен, длинные тени, которые они отбрасывали в бесконечные тоннели. Помню глухой удар, когда мы захлопнули крышку саркофага в самой глубокой, самой дальней части катакомб. Помню эхо, которое разнеслось по тесной камере, как с потолка посыпались пыль и песок, и приступ ужаса, при мысли, что я могу быть похороненным живо вместе с тем, кого я убил. Помню слезы, что катились по моему лицу, когда я, поцеловав крышку саркофага, прошептал слова прощания.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спрашиваю я сдавленным голосом. Воспоминания вот-вот задуют меня.

— Затем, чтобы ты меня понял.

В темноте вспыхивает огонь. Это один из тех, кто стоит рядом со мной, поднес к лампе светлячка. На какой-то миг я ослеплен. Но по мере того, как мои глаза привыкают к свету, я начинаю различать кирпичные своды над моей головой и кружок людей вокруг меня. Чуть дальше, позади них, как будто устыдившись чего-то, виднеется лицо, которое на протяжении десятка лет обитало в моих кошмарах.

Я смотрю и не верю собственным глазам. Мое сердце вот-вот разорвется от волнения. Нет, не может быть — передо мной тот, кто давно мертв.

Рим, наши дни

Эбби никогда не страдала клаустрофобией, но это подземелье! Она даже поежилась, думая лишь о том, что спускается в царство мертвых. Подземный ход был таким узким, что иногда Эбби плечами задевала стены — желтовато-серый камень, который все еще сохранил на себе следы зубил. Она попыталась представить копателей, вручную роющих катакомбы, одних, в темноте, без света и воздуха. Как только им удавалось остаться в живых?

Доктор Люсетти приложил к стене ладонь.

— Вы знаете, что это за камень? Это так называемый туф. Он мягкий, и в нем легко прорубать ходы, но при соприкосновении с воздухом он становится твердым как бетон. Вот почему катакомбы было так легко рыть, и почему они так хорошо сохранились до наших дней.

Стены не были сплошными. От пола до потолка, на небольшом расстоянии друг от друга, в них были вырыты ниши. Некоторые были открыты, другие — огорожены кусками черепицы или мрамора. Своего рода огромный подземный стеллаж.

— Это кубикеры, — пояснил Люсетти. — В них хоронили мертвецов. — Он указал фонариком на мраморную плиту, украшенную довольно грубо высеченной христорогмой. — Они помечали захоронения, чтобы знать, где потом искать своих родственников.

Его слова навели Эбби на одну мысль.

— Скажите, а вы знаете такой знак, как ставрограмма?

— Разумеется.

— А здесь они тоже встречаются?

Люсетти нахмурился.

— Эти катакомбы запечатаны вот уже много лет. Я сам давно забыл, когда был здесь в последний раз. Могу сказать лишь одно: большая часть плит с надписями давно разворована.

Первые несколько сот метров путь им освещали электрические лампочки. Но затем они закончились. Единственным источником света теперь служили головные фонарики — четыре узких луча, скользивших из стороны в сторону, по мере того, как они сами углублялись в подземелье.

— А как они вообще находили здесь дорогу? — спросил Марк. Эбби решила, что он задал этот вопрос лишь затем, чтобы услышать человеческий голос.

Люсетти скользнул фонариком по стене. Луч осветил небольшую нишу на уровне талии.

— Это полка для масляной лампы. По мере углубления в катакомбы мы будем постоянно наткаться на них. В римские времена таких ламп здесь горели сотни, если не тысячи.

Они зашагали дальше, мимо бесчисленных рядов кубикул. Метров через двадцать тоннель расходился в трех направлениях. Здесь они остановились.

— И куда теперь? — спросил Барри.

— Никакого Драговича и его прихвостней здесь не видно. — Марк огляделся по сторонам, и его головной фонарик прочертил по стенам дугу. — Если даже он и появится здесь, то пока его нет. Думаю, нам стоит вернуться наверх и установить наблюдение.

Ага, дружок, видать, ты тоже дрейфишь, ехидно подумала Эбби. Неужели катакомбы и впрямь пробуждают в людях первобытный ужас? Или же это просто нежелание живых находиться в окружении мертвых костей? *Только без паники*, приказала себе Эбби, *это просто подземные ходы, в них не обитает никакого зла*. На стене луч ее фонарика осветил небольшой кусок мрамора, закрывающий собой кубикулу. IN PACE — гласила надпись на мраморе. Даже Эбби знала, что это значит: «с ми-

ром». Рядом с надписью была христограмма, а чуть выше довольно грубо высеченный голубь с оливковой ветвью в клюве.

Мир и надежда. На какой-то миг похороненные здесь люди как будто ожили, и ей стали понятны все их надежды и чаяния. Подземелье больше не пугало. Наоборот, теперь у нее как будто появились спутники и проводники.

И Эбби зашагала дальше, а с ней двигался вперед и луч ее фонарика. Внезапно он высветил нечто такое, что скользнуло мимо ее сознания. Какая-то тень, рисунок, словно мотылек, на мгновение возникший в крошечном пятнышке света. Эбби медленно обернулась, пытаясь понять, что это было.

Ага, вот оно! Линии были тонкие, прочерченные неглубоко и с легким наклоном. Если на них посветить снизу, они почти не оставят тени. Эбби заметила их лишь потому, что луч ее головного фонарика упал на них сверху. И все равно, чтобы их рассмотреть, ей пришлось слегка наклонить голову, чтобы луч падал под углом. Стоило направить его прямо, как линии пропадали. Этот знак правил ее жизнью вот уже два месяца, с того самого момента, когда в Приштине Майкл подарил ей коробочку с ожерельем. Ставрограмма. Начертана над входом в левый тоннель. Этот знак как будто приглашал туда войти. Эбби протиснулась мимо Люсетти и зашагала по подземному ходу.

— Эй, вы куда? — едва ли не обиженно крикнул ей в спину Марк, но Эбби не обратила на него внимания. Через десять метров тоннель упирался в другой, проходивший перпендикулярно ему. Эбби посмотрела сначала направо, потом налево, и верно! Над левым тоннелем был высечен тот же самый знак.

Спасенья знак, что освещает путь вперед.

Люсетти шагал впереди, Барри и Марк следом за ним. Эбби шла замыкающей. Иногда ей казалось, что она слышит позади себя шаги, но всякий раз, когда оборачивалась назад, луч фонарика высвечивал лишь бесконечные ряды ниш.

Ощущение было такое, будто они бродят в тумане, потеряв счет времени и расстояниям. Ряды кубиков иногда нарушали двери, которые открывались в небольшие камеры, где были по-

хоронены представители именитых семейств. Темные проходы разветвлялись и пересекались, словно некая подземная паутина. И кто поручится, что ставрограмма не заставит их блуждать по замкнутому кругу в темноте бесконечного лабиринта?

Они спустились сначала по лестнице, затем по другой. Чем ниже оказывались, тем холоднее становилось. Земля под ногами была влажной и липкой, как мокрый песок. Потолок тоже сделался ниже и давил на них всей тяжестью внешнего мира. Эбби потеряла счет поворотам. Не будь ставрограмм, назад им отсюда никогда не выбраться.

Внезапно их цепочка остановилась — так резко, что Эбби сзади налетела на Марка. Тоннель вновь уперся в перпендикулярный проход. Шедший впереди Люсетти повертел головой, и луч его фонарика скользнул сначала вправо, затем влево, затем снова вправо.

— Здесь никаких пометок.

— Должны быть, — возразил Марк. Эбби показалось, будто она услышала в его голосе нервные нотки. — Не может быть, чтобы они нарочно завели нас в тупик, из которого нет выхода.

— Они? — переспросил Люсетти. — Неужели вы считаете, что они ведут вас туда, куда вы хотите попасть?

Четыре луча заскользили туда-сюда по каменной стене. Все, что они высветили, — это царапины и следы инструментов, которыми когда-то был вырублен тоннель. Впереди была грязная кирпичная стена, закрывавшая собой, от пола до потолка, вырубленную в камне нишу.

— Это свежая кладка? — спросил Марк. Люсетти покачал головой.

— Нет, древнеримская.

— Может, нужно идти прямо? — предположила Эбби. Прогмыгнув мимо Марка и Барри, она постучала по кирпичам. Даже спустя столетия те поражали своей массивностью.

— По-моему...

Пуля попала Марку прямо в грудь. По подземному лабиринту прокатилось эхо выстрела. Барри тотчас же опустился на колено, повернулся и сделал три ответных выстрела. Эбби бросилась на пол и поползла.

Позади нее загремели новые выстрелы, вспыхнул свет фонариков. В тесном пространстве подземелья перестрелка била по барабанным перепонкам словно артиллерийская канонада. Эбби поднялась и бегом бросилась по проходу, надеясь найти боковой ход, который помог бы ей затеряться в лабиринте. Увы, тоннель упирался в грубо отесанную стену. Никаких кирпичей, никаких поворотов — лишь каменная стена, где, судя по всему, долготерпение каменотесов иссякло и они, взвалив на плечи инструменты, двинулись назад и наверх.

Грохот перестрелки прекратился столь же внезапно, как и начался, и на подземелье, словно облако пыли, опустилась тишина. Темная, страшная. Впрочем, длилась она недолго. Где-то позади — причем недалеко, — Эбби явственно различила шаги. Кто-то шел за ней следом. Затем раздался металлический звук — это чья-то невидимая рука оттянула затвор пистолета.

Глава 46

Константинополь, июнь 337 года

Кто-то из нас умер. В данный момент я не знаю, кто именно: он или я. Человек, которого я сейчас вижу, ушел из жизни на морском берегу одиннадцать лет назад. Я собственной рукой воткнул ему в спину кинжал. Я лично вез его труп через всю империю и похоронил в самой глубокой норе, какую только сумел найти.

И вот теперь он стоит передо мной — живой, полнокровный, дышащий. Буравит меня взглядом. Я плотно сжимаю веки, пока перед глазами не начинают плясать черные точки. Тогда я вновь открываю глаза. И снова вижу его. Он никуда не исчез.

Мне мутно. Я боюсь, что меня сейчас вырвет прямо на пол. Голова вот-вот расколется на части. Нет, этого не может быть. Это наваждение...

Я вглядываюсь в его лицо. Неужели это его глаза? Где же их прежний блеск? Они какие-то мутные, будто подернуты поволокой. И смотрят куда-то в пространство. Вид у него растерянный, как будто он не понимает, как и зачем он здесь оказался.

Впрочем, то же самое можно сказать и обо мне.

— Крисп? — шепчу я.

Его лицо искажает гримаса ужаса. Он отступает, прячется среди теней. Я рад. Смотреть на него — все равно что смотреть на солнце: больно и невыносимо.

Я поворачиваюсь к Порфирию.

— Как ты это сделал?

— Я тебе уже рассказал.

— Но ведь это же невозможно!

— Для Бога нет ничего невозможного, — спокойно отвечает он. — Если хочешь, можешь даже потрогать шрам, который ты оставил в его спине.

Откуда ему известно, что я вонзил в спину Криспу кинжал? Все уверены, что я его отравил.

— Но такого не может быть, — шепчу я снова.

— Когда-то я тоже так считал.

— Но почему?..

Откуда-то снаружи сквозь толстые стены доносятся приглушенные звуки фанфар. Это погребальная процессия Константина приблизилась к мавзолею. Далекие звуки будят меня. Я стяхиваю с себя оцепенение. Пусть с опозданием, но до меня доходит то, что задумал Порфирий.

— Ты хочешь представить его как... преемника Константина?

— Как только вспыхнет пламя и из него вылетит орел, народ узрит истинного наследника. Народ узрит чудо. Разве сможет Констанций с братьями противостоять ему? — Порфирий усмехается. — Разумеется, нам пришлось подкупить кое-кого из стражи. Они разрубят Констанция на куски, и империя достанется Криспу.

— А ты будешь стоять позади трона и указывать, что ему делать?

— Дело не во мне! — раздраженно бросает Порфирий. — Я делаю это во благо империи и во имя Бога.

В последнее время я слишком часто слышу, что кто-то делает что-то во имя Бога.

— Это все из-за ариан? Из-за Евсевия и Александра?

Впрочем, по сравнению с тем, что я только что видел, их взаимная зависть, их вечные склоки и свары, их пустые споры почти ничего не значат.

— За Евсевия или его врагов я не дал бы и двух обол¹, — в голосе Порфирия мне слышится искреннее раздражение. — Неужели ты считаешь, что Иисус восстал из мертвых для того, чтобы люди убивали друг друга, споря о том, единосущен он с Отцом или нет? Евсевий и ему подобные... им в наследство досталась книга мудрости, а они используют ее, словно щепу для растопки очага.

Я не знаю, что на это ответить.

— А что потом?

— Я делаю это ради Константина. Потому что он был прав: единство — вот единственный способ уберечь империю от раздоров и распада. Один бог, одна церковь, один император. Стоит что-то поделить, и распри начнут множиться до тех пор, пока весь мир не погрузится в хаос. Константин это знал, но в конце концов так и не успел окончательно победить силы хаоса. Чудо, которое ты только что лицезрел, дарит нам такую возможность.

Я пытаюсь переварить услышанное. Много из того, что говорит Порфирий, звучит вполне разумно и убедительно, и так легко позабыть о том, что его рассуждения построены на весьма шатком фундаменте.

Чтобы править миром, мы должны обладать совершенной добродетелью одного, а не слабостью многих.

Крисп, восставший из мертвых. Крисп по-прежнему прячется среди теней. Оно даже к лучшему. Первоначальное потрясение ослабевает, а его место вновь занимает здравомыслие.

— Неужели ты считаешь, что народ примет самозванца, которого ты неизвестно где откопал?

— Примет, потому что это — истина. — Порфирий на миг умолкает. — К тому же народ не может без веры.

Слышится стук в дверь, тот самый изощренный ритм, которым стучал в дверь и сам Порфирий. Один из его людей открывает дверь.

— Пора.

¹ Название одной из древних монет.

Рим, наши дни

Увы, спрятаться ей негде — здесь нет даже ниши. Каменотесы не оставили в этой стене ни одной кубикеры. Внезапно до Эбби дошло, что темнота вовсе не скрывает ее. Фонарик на ее каске по-прежнему включен и отбрасывает на сплошную каменную стену бесполезный лучик света, который, словно маяк, манит к ней преследователей.

Ей вспомнилось, что несколько минут назад сказал Марк, его практически последние слова. *Не может быть, чтобы они нарочно завели нас в тупик, из которого нет выхода.* Это напомнило ей строчку со старой пластинки с духовными песнопениями, которую любили слушать ее родители, когда она была ребенком. *«Никто не обещал мне легкого пути».*

— Эбби?

Нет, этот голос она никак не ожидала здесь услышать — где угодно, только не в этом подземелье.

— Майкл, ты?

— Можешь выходить.

Она не спросила, почему он здесь и как сюда попал. Даже не задумалась, не задалась вопросом. Она повернулась и медленно вышла из-за поворота тоннеля.

В проходе, словно олень в свете фар, в круге желтого света стоял Майкл. За его спиной два человека с пистолетами наготове.

Сил для сопротивления у нее не было. Все, что она могла, — это смотреть, не веря собственным глазам.

Майкл улыбнулся натужной, печальной улыбкой.

— Прости, Эбби. У меня не было выбора.

Откуда-то из темноты вперед шагнул четвертый человек — темный силуэт на фоне светлого круга. Его лицо не было ей видно. Он был ниже ростом, чем остальные, худой, коротко стриженный, возможно, с бородкой. Казалось, его тщедушная фигура поглощала падавший на него свет, и в темноте поблескивала лишь хромированная ручка засунутого за пояс пистолета.

— Эбигейл Кормак. В который раз я вынужден спросить у тебя: почему ты еще жива?

Драгович. Эбби промолчала. Он усмехнулся, затем пожал плечами.

— Впрочем, какая разница. Теперь ты в моих руках и вскоре будешь умолять меня, чтобы я поскорее дал тебе умереть. Причем будешь умолять долго, прежде чем я наконец выполню твою просьбу.

Один из его людей шагнул к ней и больно схватил за руки. Эбби не сопротивлялась. Бандит поволол ее назад к развилке. Пока он ее тащил, Эбби задела на земле ногой что-то мягкое — по всей видимости, человеческое тело. Смотреть вниз она не стала.

У людей Драговича касок не было, только головные фонарики. Они навели лучи на кирпичную стену.

— Вот, значит, куда ты нас привела, — произнес Драгович. — Слева ничего, справа ничего. Поэтому я делаю вывод, что нам нужно вперед.

Один из подручных Драговича — Эбби насчитала четверых, плюс он сам и Майкл — шагнул вперед и сбросил с плеч рюкзак, из которого вытащил шуруповерт и моток пластиковой гибкой трубки, похожей за толстую бельевую веревку. Загнав в стену три гвоздя, он обмотал их пластиком. На кирпичной кладке возник неправильный треугольник. Затем из рюкзака были извлечены две металлические пробки и отрезок электропровода. Подручный Драговича сначала загнал пробки в трубку, затем размотал кабель. Руки, сжимавшие Эбби, отволокли ее дальше по ходу. Остальные отошли сами. Зайдя за угол, все остановились.

— Не бойся, они тебя не тронут, — шепнул Майкл ей на ухо.

Все пригнулись. Бандит, который удерживал Эбби, отпустил ее, но лишь затем, чтобы самому заткнуть ладонями уши. Эбби последовала его примеру. Впереди подручный Драговича присоединил провода к пульту дистанционного управления.

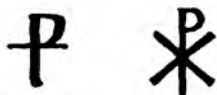
Эбби не видела, как он нажал на кнопку. В следующий миг ее накрыло взрывной волной. Сжатый воздух волной пробежал по ее рукам, больно ударил по барабанным перепонкам, мощным кулаком стукнул в грудь. С потолка посыпалась пыль и мелкое каменное крошево. Эбби приготовилась к худшему, ожидая, что катакомбы вот-вот обрушатся и похоронят ее заживо.

Но этого не случилось.

Человек с детонатором что-то крикнул и бросился вперед. Остальные устремились вслед за ним. От кладки осталась лишь груда битого кирпича, над которой, медленно оседая, повисло пыльное облако. Лучи фонариков были бессильны проникнуть сквозь него. Впрочем, вскоре посреди завихрений пыли образовались небольшие дыры, пропускавшие свет. Лучи фонарей упали, нет, не на битый кирпич, и не на камень стены, а в темное пространство, скрытое до этого кирпичной кладкой.

Один за другим люди Драговича нырнули в образовавшуюся дыру. Эбби тотчас почувствовала на зубах и языке пыль. Казалось, пылинки проникли ей даже в легкие. К горлу подкатил комок тошноты. Стиснув зубы, Эбби шагнула внутрь.

В самой глубокой части катакомб лучи семи фонариков скользили по стенам, которые не видели света вот уже семнадцать столетий. Подземная камера, хотя и была чуть просторнее, напомнила Эбби гробницу в Косове — примерно три метра в длину и почти столько же в ширину, с довольно низким сводчатым потолком — его высоты хватало лишь на то, чтобы стоять во весь рост. Стенные росписи, покрывавшие буквально каждый квадратный дюйм, были довольно эклектичны: голуби, рыбы, шеренга солдат на плацу, чисто выбритый Иисус, выглядывающий из-за огромной Библии, бородатые святые и пророки с посохами в руках. В одном конце помещения располагалась округлая ниша, по обеим сторонам которой была нанесена христианская символика, огромных размеров христограмма и ставрограмма.

Между ними, заполняя собой тесную нишу, стоял саркофаг. Нет, не обыкновенный каменный, в каком нашли свое последнее пристанище останки Гая Валерия Максима. Эбби с первого взгляда заметила разницу. Этот был сделан из гладкого пурпурного камня и украшен изящной резьбой: внизу навстречу друг другу скакали две шеренги всадников, а на крышке целая флотилия вела морское сражение. Даже в свете фонариков каждая деталь была отчетлива и бросалась в глаза: каждое весло, каждый гребец, каждое кольцо на кольчуге, каждый узел на канате.

— И как только они затащили все это на такую глубину? — задумчиво произнес Майкл.

Драгович прошел через подземную камеру и, склонившись над саркофагом, прижался к нему щекой и раскинул руки, как будто пытался слиться в объятиях с древним камнем.

— Порфир, — произнес он, — право и прерогатива императоров.

— Это гробница Константина? — робко спросила Эбби.

— Константин был похоронен в Стамбуле. — Драгович оторвался от саркофага и повернулся к Майклу: — По-моему, это гробница его сына, Криспа.

Было в его голосе нечто такое, отчего по спине у Эбби пробежал холодок. Нет, это не злоба и не жестокость, а некая фамиллярность. Эбби недоуменно посмотрела на Майкла.

— Как ты попал сюда?

— Они поймали меня на выезде из Сплита. У меня не было шансов сбежать.

Услышав его слова, Драгович рассмеялся.

— Прошу тебя, не лги своей подружке. Или ты считаешь, что она по-прежнему тебя любит? Ты сам пришел ко мне, точно так же, как и в Косове. Причем по той же самой причине. Ты хотел денег.

Внутри у Эбби все оборвалось.

— А как же Ирина?

— Ирина? — переспросил Драгович. — Кто такая Ирина? Майкл понурил голову.

— Не было никакой Ирины.

— А как же фото в твоей квартире?

— Ее зовут Кэти. Она моя бывшая жена. Она никогда не была на Балканах и, насколько мне известно, живет со своим вторым мужем в Донегае.

Теперь на Эбби обрушилась вторая половина мира. Заметив ее расстроенное лицо, Драгович усмехнулся.

— А ты думала, что перед тобой ангел? Добрый шериф в белой шляпе? — спросил Драгович и мотнул головой. — Его интересовали лишь деньги. Как и всех в этом мире.

Эбби в упор уставилась на Майкла, моля бога, чтобы все это было неправдой.

— Но почему? Что случилось? Где твоя благородная цель? Ты ведь якобы сражался с варварами.

Майкл вымучил жалкое подобие своей коронной улыбки. Увы, настолько жалкое, что скорее получилась не улыбка, а гримаса.

— Сама знаешь: кого не можешь одолеть...

Впрочем, Драгович утратил к нему интерес. Он что-то рывкнул подручным, и те послушно встали по углам саркофага. На этот раз из рюкзака были извлечены короткие ломики. Грязно ругаясь и обливаясь потом, бандиты просунули их под крышку саркофага.

— И как только они притащили все это сюда? — повторил вопрос Майкл. Правда, на этот раз он предпочел встать к Эбби спиной.

Драгович указал на тонкую трещину в одном углу.

— В разобранном виде. Они принесли отдельные панели, а здесь просто скрепили их цементом. Та же «Икея».

Тем временем четверо подручных налегли на ломики. Это были крупные парни, тяжеловесы, но даже им пришлось как следует поднапрячься. Увы, крышка и не думала сдвигаться с места.

— Можем, лучше рванем? — предложил один.

— Нет, — отрезал Драгович и буквально пригвоздил их взглядом. В этот момент Эбби посетила безумная мысль: а не попробовать ли ей ускользнуть, пока на нее никто не смотрит? Но она не решилась.

— Нет, иначе можно повредить лабарум.

Подручные вновь поднатужились. Ломики едва не сломались, но камень снова даже не сдвинулся с места. Эбби едва ли не кожей ощущала охватившее всех напряжение. Казалось, еще мгновение, и нечто невидимое не выдержит и разломится.

Наконец усилия принесли плоды: сначала в одном углу, затем в остальных трех тяжелая крышка отделилась от саркофага. По подземелью прокатился глухой рокот. Это каменная плита съехала набок и стукнулась об пол. Драгович шагнул вперед и впился взглядом в открытый гроб.

Константинополь, июнь 337 года

В открытую дверь врывается слепящее солнце. Порфирий поворачивается ко мне.

— Пора. Так ты с нами или против нас?

Я сам по себе, так и хочет сказать мой язык.

— Мы можем тебя связать и оставить здесь, пока все не закончится. Или же ты можешь пойти с нами.

Выбора у меня нет. Мне хочется своими глазами увидеть, чем все это кончится.

— Я иду с вами.

Поднимаюсь вслед за ними по лестнице. Теперь я вижу, что их человек двадцать. Главным образом это коротко стриженные, широкоплечие легионеры. На них белая форма гвардейцев-схолариев. Впрочем, это ничего не значит. Тот человек — у меня язык не поворачивается назвать его Криспом — идет впереди, так что мне видна лишь его спина. У него курчавые волосы. Они почти закрывают шею, длиннее, чем он носил одиннадцать лет назад, но, как и тогда, черные как смоль. Он и впрямь слегка сутулится на левое плечо или же мне только кажется? Походка тоже какая-то скованная. Интересно, он помнит, что я сказал ему тогда на морском берегу? Будь у меня хотя бы минут пять, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз, и все бы тотчас встало на свои места.

Позади мавзолея по-прежнему высятся строительные леса, но толпе, что собралась во дворе, они не видны. Мы шагаем дальше, взбираемся вверх по деревянным настилам, переходя с одного уровня на другой; снизу доносится приглушенный гул голосов. Пока никто даже не пытался остановить нас.

Под медным куполом с внешней стороны ротонды устроена галерея, огороженная каменной балюстрадой. Между колоннами вставлены кованые металлические решетки. Снаружи решетки выкрашены золотом, хотя сзади видно, что они железные.

Мы приседаем за балюстрадой и ждем, вглядываясь в отверстия решетки. С высоты видно, что толпа уже почти угомонилась. Сенаторы и генералы заняли места на импровизированных трибунах рядом с погребальным костром. Красные квадраты легионов образовали вокруг них нечто вроде живой

стены. Остальная масса народа стоит позади и вытягивает шеи, чтобы хоть что-то увидеть из-за их спин.

Сколько из них останется в живых к вечеру, если Порфирий сумеет осуществить свой план? По его словам, он хочет объединить империю. Но ведь даже у Константина ушло на это двадцать лет непрерывных сражений. Сомневаюсь, что все дружно поверят в чудо, которое Порфирий готов предложить народу. Я пытаюсь рассмотреть Криспа, но галерея узкая и тесная и до отказа набита гвардейцами. К тому же Крисп на другой стороне, за изгибом галереи, и потому не виден.

Далеко внизу погребальная процессия все еще медленно движется вверх по холму. Я поворачиваюсь к Порфирию. Он пригнулся за балюстрадой рядом со мной.

— Значит, Александр его обнаружил? Он узнал твой секрет? Именно поэтому ты убил его в библиотеке?

Порфирий вытирает от пота глаза.

— Обнаружил, причем самым наихудшим образом. В тот день Крисп пришел ко мне в библиотеку — ему нужно было посмотреть кое-какие бумаги. Александр увидел его и узнал. Крисп запаниковал. Схватил первое, что попало ему под руку, и набросился на епископа. Он сильный. Ему хватило всего одного удара.

— Ты хочешь сказать, что он поднял руку на собственного наставника? — я недоверчиво качаю головой. — Тот Крисп, которого я знал, никогда бы этого не сделал.

— Смерть меняет человека. Впрочем, что еще ему оставалось?

Порфирий отворачивается и смотрит вниз. Хвост погребальной процессии наконец дотянулся до площадки перед мавзолеем, и теперь колонна сворачивает к погребальному костру. Впрочем, толпы мешают ее продвижению — из-за барьера тянутся сотни рук, желающих прикоснуться к краю савана.

Священники, которые по дороге от дворца сопровождали гроб, неожиданно растворились в людской массе, в том числе и Евсевий. Никто из них не желает присутствовать при древнем языческом ритуале. Римляне так хоронили своих власти-

телей, начиная с первых царей. Затем, когда пепел остынет, а легионеры разойдутся по казармам, они, в присутствии двенадцати апостолов, проведут христианский ритуал. Впрочем, к тому моменту многое может измениться.

Катафалк с телом достигает погребального костра. Шестеро гвардейцев поднимают мертвого императора и по ступенькам несут его на первый этаж гигантской деревянной башни. С высоты мне не видно, что это — восковая статуя или человеческое тело. Впрочем, так ли это важно? На золотое возвышение перед костром поднимается одинокая фигура в расшитых золотом одеждах. Он стоит ко мне спиной, и мне видна лишь его венценосная макушка. Жемчуг на ней искрится на солнце. Это Констанций.

Неожиданно раздаются крики, нет, не снизу, а с крыши у нас за спиной. Распахивается потайная дверь, и на галерею врывается дворцовая стража. Для Порфирия и его сторонников это полная неожиданность. Впрочем, пусть и с опозданием, они все-таки хватаются за мечи и пытаются отбить нападение.

Так начинается последняя битва за Константина.

Рим, наши дни

Драгович уставился в открытый гроб. Луч его фонарика был нацелен вниз, словно копье. Эбби стояла в самом дальнем углу камеры и потому не могла видеть его лицо, но вот то, как изменилась его поза, она заметила. Ей показалось, будто у него подкосились ноги. Он, словно пьяный, схватился за край саркофага и затряс головой, как будто не веря собственным глазам. Когда повернулся, на него было жалко смотреть. Былого апломб как не бывало.

— Там пусто.

Его подручные заглянули в пустой саркофаг. Майкл шагнул вперед, чтобы тоже взглянуть. Он даже по самое плечо сунул руку в каменный гроб и ощупал его изнутри. Когда он вытащил сжатую в кулак кисть и разжал пальцы, на пол высыпалась лишь горстка праха. И все.

— Вот это облом, — пробормотал он. — Ни лабарума, ни даже останков.

Драгович провел рукой по краю саркофага. В свете фонарика Эбби увидела, что край неровный, весь в щербинках и сколах.

— Кто-то побывал здесь до нас, — задумчиво произнес он и повернулся к Майклу. Неожиданно в его руке возник серебристый пистолет. Его ствол был направлен Майклу прямо в сердце. — Или ты думал, что Золтан Драгович такой дурак, что его легко обмануть?

Майкл отшатнулся назад, к стене. За его спиной начертанный на стене злосчастный Иона исчезал в пасти огромного синего кита.

— Что ты говоришь! Эту кладку возвели сотни лет назад!

— Да, верно, — подала голос Эбби. — Доктор Люсетти, археолог, который пришел сюда с нами, сказал, что это римские кирпичи. Если здесь и побывали грабители, то они были римлянами.

Майкл развел руками, демонстрируя свою невиновность. Драгович посмотрел на пистолет. Из одного из рюкзаков, лежавших на полу рядом с саркофагом, послышалось негромкое жужжание.

Стоявший рядом бандит откинул клапан рюкзака и извлек крошечный телефон, от которого в рюкзак тянулся провод, ведущий, по всей видимости, к антенне. Прочитав что-то на дисплее, он выругался.

— Это Дарко, — сказал он по-сербски. — Он говорит, что в катакомбы вошли карабинеры.

Драгович кивнул. Похоже, эта новость не испугала его, а наоборот, придала энергии.

— Готовь взрывчатку, — приказал он.

— А как же гроб?

— Какая разница. Он пустой.

Из рюкзака были извлечены новые мотки гибкой трубки. Работа закипела: подручные Драговича загоняли в потолок камеры гвозди, крепили к ним взрывчатку.

Драгович повернулся к Майклу:

— Знаешь, что мне нравится в катакомбах?

— Что?

— Не надо ломать голову, как избавиться от тела.

Эбби поняла, что сейчас произойдет. Не раздумывая, она как тигрица бросилась на Драговича, но тот уже надавил пальцем на спусковой крючок. Пистолет выстрелил, пуля впиалась Майклу в грудь. Его отшвырнуло назад, и он налетел спиной на стену.

Эбби закричала. Она бросилась на Драговича, но его подручные оказались проворнее. Один из них выбросил вперед руку, преграждая ей путь. Затем две руки обхватили ее за талию и почти оторвали от земли. Драгович резко обернулся. Лицо его горело свирепым восторгом: он поднял пистолет и приставил горячий ствол к ее лбу. Раскаленный металл обжег Эбби кожу. Она попробовала вырываться, но сильные руки сжимали ее, словно тиски.

Тело Майкла медленно сползло по стене и осталось лежать на каменном полу бесформенной кучей.

— Вы и меня убьете? — спросила Эбби, с трудом ворочая языком. В ее ушах все еще стоял грохот выстрела. Драгович, судя по всему, тоже на минуту оглох, однако понял суть вопроса. Палец вновь лег на спусковой крючок. В глазах вспыхнул холодный огонь.

На другом конце подземной камеры один из бандитов многозначительно постучал пальцем по циферблату часов и что-то пробормотал про карабинеров. Драгович кивнул и опустил пистолет.

— Не сейчас. Думаю, чтобы выйти отсюда, нам пригодится заложник.

Его подручные принялись собирать рюкзаки. Последняя взрывчатка была уже прикреплена к потолку — тяжелые бруски и подведенные к ним пластиковые трубки. Судя по всему, их достаточно, чтобы не оставить от катакомб камня на камне.

— Зачем вы это делаете? — спросила Эбби. Тело ее как будто онемело. Нет, это был не страх, а скорее покорность судьбе, осознание того, что надеяться не на что. Она не могла заставить себя взглянуть на мертвого Майкла в углу.

— Порой бывает полезно, когда люди верят, будто ты уже покойник. Зря Майкл Ласкарис пренебрег этим правилом.

По одному они преодолели груду битого кирпича и вновь оказались в проходе. Эбби на прощанье обернулась назад. На какой-то миг ее взгляд зафиксировал два символа на стене, вскрытый саркофаг и безжизненное тело Майкла на полу камеры. Затем все исчезло.

Константинополь, июнь 337 года

Это та самая война, которой так хотел избежать Константин, разыгранная в миниатюре на высоте шестидесяти футов над его гробницей. Римлянин против римлянина, солдаты в одинаковой форме. Разница — лишь в знаках на их щитах. Это небольшая стычка, скорее даже борцовский поединок, но это не делает ее менее ожесточенной. В тесном пространстве галереи обоняние улавливает запах каждой капли крови, каждой капли масла на лезвии, которое вонзается вам в тело.

Самое удивительное в том, что толпа внизу ни о чем не догадывается. Нас не видно из-за решетки, ее золотистые переплетения скрывают нас от людских глаз. Там внизу Констанций все еще произносит хвалебную речь в адрес отца. Сенаторы и генералы слушают его, сидя в своих ложах. Префект претория держит в руке факел, ожидая того мгновения, когда нужно будет поднести его к погребальному костру. Они даже не догадываются, что в мавзолее Константина уже растут горы трупов.

Белый камень забрызган кровью. По мере того как мертвые тела заполняют проход, накал схватки ослабевает. Нас атаковали с обеих сторон, но мы продвигаемся вперед. Солдаты Урса — я почему-то уверен, что это они — пытаются оттеснить нас в северную часть галереи, чтобы там покончить с нами.

Несколько гвардейцев встали в дверях. Другие пытаются оттеснить нас от строительных лесов, отрезая нам путь к спасению.

Солдаты Порфирия образовали по обеим сторонам от нас живой коридор, но противник медленно, но верно теснит их. Я внезапно понимаю, причем с поразительным спокойствием,

что здесь я и умру: кровавая жертва на гробнице Константина. Ищу глазами Криспа и не нахожу. Неужели он уже мертв?

Порфирий что-то кричит мне в ухо и указывает пальцем. К стене приставлена строительная лестница, которая ведет на крышу ротонды. Воины Урса с каждой минутой сжимают нас все сильнее. Я начинаю карабкаться вверх. Лестница неустойчивая и предательски раскачивается. Рядом с моей лодыжкой сверкает лезвие меча, я едва успеваю отдернуть ногу. Чьи-то руки пытаются стащить меня вниз, но я изо всех сил отбрыкиваюсь. Краем глаза замечаю, что Порфирий упал.

Наконец я на краю крыши. Из горла тотчас вырывается крик. Медные пластины слепят глаза. Стоит мне прикоснуться к ним, как они обжигают мне кожу. Но я, стиснув зубы, терплю и карабкаюсь дальше. Впереди, сквозь слепящий блеск, различаю человеческую фигуру — пригнувшись на нетвердых ногах, он пытается взобраться по раскаленным медным пластинам на самую верхушку крыши. Обмотав руки краем тоги, я на четвереньках ползу вслед за ним. От сильно нагретого металла ткань того и гляди задымится, но я не обращаю внимания.

Я понимаю: жить мне осталось недолго, и я хотел бы успеть задать один-единственный вопрос:

Это правда ты?

Кажется, до тех, кто внизу, наконец дошло, что наверху что-то происходит. По толпе пробегает ропот — довольно громкий, если я слышу его здесь, на крыше. Сенаторы тянут шеи и смотрят вверх. Стоящий на возвышении Констанций, похоже, растерян и тоже оглядывается.

Настает главный момент.

Наверху купола крыши плоская: здесь расположено круглое отверстие, так называемый окулюс, глаз, сквозь который солнце заглядывает в мавзолей. Подобравшись к самому краю, Крисп поворачивается лицом к толпе и, раскинув руки, встает во весь рост.

Внизу стоящий рядом с Констанцием Флавий Урс хватается из рук гвардейца горящий факел и швыряет его в деревянную конструкцию. Заранее пропитанное маслом и дегтем, дерево вспыхивает мгновенно. Огонь тотчас начинает карабкаться выше, его языки лижут колонны огромной деревянной башни.

На какой-то миг это отвлекает внимание людей от того, что происходит здесь, на башне.

Стоя на четвереньках, я наблюдаю за Криспом. Он высится надо мной, подобно богу. Он и есть в некотором смысле бог. Сомневаюсь, что он видит меня.

— Это правда ты?

В горле у меня пересохло, из него вырывается лишь хриплый шепот. Но, похоже, даже сквозь рев пламени и гул голосов он слышит меня. Он поворачивает голову и улыбается мне: его улыбка светится прощением.

В воздухе мелькает какая-то тень. Крисп кричит и хватается за бок. На белой тунике расплывается кровавое пятно. Из грудной клетки торчит стрела.

Это на крыше восточного портика, что огибает двор, показались лучники. Вторая стрела впивается ему в плечо. Он шатается. Теперь он стоит на самом краю отверстия. Медные пластины сияют у него под ногами, отчего кажется, будто он парит в воздухе. В какой-то миг я почти верю, что сейчас ангелы подхватят его и вознесут на небеса.

Увы, не издав ни звука, он проваливается в отверстие. Стрелы продолжают падать, стуча по медным пластинам, но все они летят мимо меня. Я подползаю к краю и смотрю вниз.

Внизу подо мной у задней стены устроена ниша. В ней стоит массивный саркофаг из порфира, готовый принять останки Константина. Перед ним, как раз посередине солнечного пятна под окулусом, распласталось тело. Солнечные зайчики играют на мраморном полу вокруг него. Он лежит в самой середине не почти идеального круга света.

Впрочем, этот идеальный круг нарушает чья-то тень. До меня не сразу доходит, что она — моя.

Рим, наши дни

Ориентируясь по собственным следам, оставшимся в мягком глинистом полу, они бежали по подземным коридорам, раскручивая за собой катушку с детонатором. Они не успели

приблизиться к первой лестнице, когда тот, что бежал последним, велел им остановиться.

— Кончился провод, — пояснил он.

Впервые за все это время Эбби заметила, как по лицу Драговича пробежала тень испуга.

— Мы далеко отошли?

Бандит задумался.

— Место старое, «пластика» мы положили приличное количество.

— Ты останешься здесь, — приказал ему Драгович. — Дай нам еще две минуты.

Бандит извлек детонаторную коробку и вставил в нее провода. Эбби подумала: может, ей стоит его толкнуть, вдруг детонатор сработает, и тогда катакомбы похоронят под собой Драговича. Увы, между ней и громилой с детонаторной коробкой был еще один бандит. А подземный ход, как назло, слишком узкий, так что мимо никак не прошмыгнуть.

— Может, пять? Так надежней.

— Две. Карабинеры уже близко.

Драгович повел их дальше. Бандиты явно торопились унести ноги. На пятку Эбби несколько раз наступил чей-то тяжелый ботинок. Стоило ей хотя бы чуть-чуть сбавить темп, как ее грубо толкали вперед. Она мысленно считала секунды, однако неумолимый темп сбивал ее с ритма. Две минуты — интересно, это как долго? И хватит ли их? Она совсем не ощущала в себе готовности умереть.

Наконец они дошли до лестницы и быстро поднялись уровнем выше. Ступеньки вывели их в довольно просторную камеру, где сходились четыре тоннеля. Пол каменный, следы на нем почти не видны. Драгович пару секунд смотрел себе под ноги.

Он не знает, куда идти, подумала Эбби.

— Что это?

Стоявший рядом с Драговичем бандит указал на один из тоннелей. Эбби тоже посмотрела в ту сторону. Из-за поворота появилось тусклое свечение, которое с каждым мгновением становилось все ярче.

— Карабинеры.

— Разделимся на две группы, — приказал Драгович. — Иначе нам не оторваться от них.

Они двинулись в разные стороны. Эбби увязалась было вслед за своим конвоем, но Драгович схватил ее за шиворот и толкнул перед собой.

— Ты пойдешь со мной. На всякий случай.

Откуда-то из глубин катакомб послышался приглушенный гул. Две минуты. Первое, что ощутила Эбби, это промчавшийся мимо поток воздуха. Правда, почему-то он двигался внутрь, как будто его засасывало взрывом. Но спустя мгновение он промчался назад, показавшись ей сильнее прежнего. Дополнительное давление ему придавали миллионы мельчайших песчинок, словно наждак, царапавших кожу. Земля содрогнулась с такой силой, что казалось, вот-вот разверзнется у нее под ногами.

Но Эбби не стала смотреть, так это или нет, не желая ждать. Повернувшись спиной к Драговичу, к взрывной волне, к кулкам камня, что грозили в любую минуту обрушиться на нее с потолка, она бросилась бегом. Не думая, куда он ее выведет, Эбби нырнула в первый же тоннель, лишь бы убежать как можно дальше.

Впрочем, сделать это будет нелегко. Кое-кому в голову явно пришла та же идея. Сквозь рокочущее эхо взрыва она уловила топот ног. Кто-то бежал за ней следом.

Нет, ей от него не убежать. Единственный выход — спрятаться. Стены подземного хода были все в кубикулах — узких полках, на которых мертвые когда-то находили вечный покой. *Если туда могли положить труп, значит, хватит места и для меня*, подумала Эбби. Она выключила головной фонарик, легла на землю и попыталась протиснуться в кубикулу.

Камень сдавил ее подобно тискам. Эбби с трудом повернула голову набок, одной щекой касаясь потолка, другой — пола. Вытянув руки вдоль тела, она попыталась сделать вдох, но камень давил ей на грудь, не давая набрать полные легкие воздуха.

Шаги тем временем раздавались ближе. Вскоре вдоль каменного коридора заиграл тусклый луч; то ли его затемняла пыль, то ли сели батарейки. Эбби молила бога, чтобы Драгович не стал водить им по полу.

— Эбигейл, где ты? — раздался знакомый голос. — Неужели ты решила, что сможешь убежать? Ты думаешь, Золтан Драгович забывает старых врагов?

Он кашлянул, а затем мерзко расхохотался.

— Позволь дать тебе совет, Эбигейл. Я говорю это как человек, повидавший немало темных мест на этой земле. Если ты рассчитываешь спрятаться в темноте, не стоит надевать светоотражающую куртку.

Зажатая в тесной кубикле между каменными полками, Эбби увидела в считанных сантиметрах от своего лица ботинки Драговича. Даже при самом большом желании с места ей не сдвинуться. Она закрыла глаза и приготовилась умереть.

Неожиданно вновь послышались шаги. Интересно, что это он делает? В следующую секунду раздался сдавленный крик. Затем прогремел выстрел, за которым последовал тяжелый удар. Эбби не столько услышала его, сколько почувствовала телом. И вновь тишина.

В древних катакомбах время превратилось в неспешно текущую реку. Она не могла сказать, сколько пролежала в древней могиле. Может, час, может, день, может, три. Ее окружал только камень. Его запах забивался в ноздри, его груз давил на барабанные перепонки, отчего вскоре ей начало казаться, что это не кровь, а камень пульсирует в ее в ушах. Каменная толща обнимала ее, сжимала в своих объятиях так крепко, что она уже не знала, где кончается ее тело, а где начинается камень. Слезам было некуда сбегать, и они лужицами скапливались в ее глазах. Будь у нее в запасе несколько тысячелетий, слезы наверняка проложили бы себе путь к поверхности, и из земли забил бы соленый источник.

Впрочем, чувства постепенно вернулись к ней. Сначала она ощутила покалывание в ногах. Затем, в том месте, где в него впился камень, заныло плечо. Эбби пошарила по земле рядом с собой — вроде ничего. Осторожно, отталкиваясь свободной рукой, она боком выползла из ниши в тоннель. Оказавшись наконец на свободе, она потрогала пластиковую каску и, нащупав кнопку, включила фонарик. Темноту пререзал луч света.

Драгович лежал в нескольких футах от нее. Мертвый. Пуля пробила ему голову. На всякий случай посмотрев на него еще раз — хотелось убедиться, что он действительно мертв, — Эбби повернулась и зашагала прочь.

Глава 47

Константинополь, июль 337 года

Дворец еще не закончен, а в нем уже начался ремонт. Стенные росписи забелили известкой, чтобы нарисовать новые картины. Надписи затерли цементом. Огромный мозаичный пол, на котором были изображены подвиги героев древности, убрали. Теперь его заменят сцены из жизни Иисуса Христа. В дверь мне видна комната, до отказа заполненная статуями. Мраморное воинство, стоически ожидающее своей участи. Вскоре их или продадут, или переделают во что-нибудь новомодное. Я невольно проникаюсь к ним сочувствием.

Завершился целый век. Константин лежит в порфиловом саркофаге в окружении христианских апостолов. Тело Порфирия, снятое с крыши, набальзамировали и, согласно его последней воле, морем отправили в Рим. Что стало с Криспом — я не ведаю. К тому моменту, когда я спустился вниз, его тело уже исчезло.

Я последний, кто еще жив. Старик, вынужденный стоять в коридоре в ожидании своей участи.

Открывается дверь, и раб приглашает меня войти. Позади стола, сложив на груди руки, стоит Флавий Урс. Перед ним с табличками и перьями наготове сидят два писца. В открытое окно с внутреннего двора врывается ветерок, принося с собой звуки журчащего фонтана. Урс велит секретарям уйти и в упор смотрит на меня. Лицо его похоже на каменную маску.

— У тебя была удивительная жизнь, Гай Валерий.

Я замечаю, что он говорит в прошедшем времени.

— Мы здесь долго спорили о том, что ты сделал. Некоторые считают, что ты сыграл важную роль в заговоре против императора. Другие — что ты спас империю.

Я молчу. Что бы они там ни говорили, решение уже принято.

— Некоторые утверждают, будто в тот день они видели Константина, как его дух вознесся над погребальным костром к небесам. Новый константинопольский епископ не стал с ними спорить.

Новый константинопольский епископ — это Евсевий. На прошлой неделе Констанций утвердил его в этой должности.

— Что касается того, что ты делал там, на крыше, вместе с врагами государства... — Урс качает головой. — Не пришли ты мне записку, все было бы иначе. Но теперь все решено так, как тому положено быть.

Все решено. Три сына покойного императора — Констанций, Клавдий и Констант — получают равные доли наследства. У каждого свой собственный двор, своя армия, которой будут нужны победы, сражения, добыча. *Через три года, не больше, дело дойдет до войны.*

— Ты поступил правильно, — говорит Урс. — И заслужил отдых. Возвращайся к себе на виллу в Мёзию и наслаждайся сельской жизнью.

Мне кажется, что он хочет сказать что-то еще. Он отвернулся к окну, как будто подыскивая слова. Затем берет со стола мраморное пресс-папье — в виде птицы — и рассеянно вертит его в руках.

— Ты как никто другой должен это знать. Там на крыше. Это действительно был?..

— Нет, — твердо отвечаю я.

— Я тоже так подумал.

Он кладет на место мраморную птицу. Его рука тянется за листком бумаги. Он берет его со стола и начинает читать, а когда поднимает глаза, к великому своему удивлению, видит, что я еще здесь.

— Мой секретарь выдаст тебе все необходимые разрешения для отъезда. Поезжай в Мёзию и отдыхай.

Он тепло улыбается мне, как старый солдат старому солдату.

— Если понадобится, я кого-нибудь пришлю.

Белград, Сербия — июнь

Это был первый по-настоящему летний день. На улице Кнез Михайлова было невозможно пройти из-за столов и стульев, выставленных из тесных кафе на улицу. В бетонных кадках пламенили герани. Эбби в костюме кремовой расцветки сидела с голыми ногами на солнце и с наслаждением поглощала мороженое, чувствуя, как оно тает у нее на языке. Позади нее на плазменной панели транслировался Уимблдонский турнир. Заметив, что между столиками с газетой под мышкой лавирует Николич в надежде найти свободное место, Эбби помахала ему рукой.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала она.

— Вы тоже.

Он заказал кофе и сел вполоборота к экрану. Эбби показалось, что он чем-то взволнован. Впрочем, неудивительно, если вспомнить, что в последний раз, когда они виделись, Николич невольно стал пособником их бегства.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться.

— Я рад. Вы в Белграде по делам?

— Да, но на этот раз у меня дела иного рода. Я вернулась на прежнюю работу в Международный уголовный трибунал. Здесь у нас должно состояться несколько встреч.

— Иными словами, теперь вы точно на стороне закона и шерифа. В тот раз я не был в этом уверен.

— Я тоже.

Эбби вернулась в Белград впервые после того памятного дня, когда они убегали из Сербии на его машине. Сказать по правде, ей было страшно возвращаться в этот город, особенно в цитадель Калемегдан. Но время изменилось, изменилась и она сама.

Как можно спокойнее Эбби поведала Николичу о том, что было потом: про то, как она расшифровала скрытое в стихе послание, про свою поездку в Стамбул.

— Но ведь в 326 году Константин все еще хотел быть похороненным в Риме, — перебил ее Николич.

— Жаль, что вас тогда с нами не было. Нам не пришлось бы совершать напрасную поездку. Но в конце концов мы сами догадались.

Затем она рассказала ему про катакомбы, ставрограммы, про Порфиновый саркофаг, прятавшийся в течение столетий за каменной кладкой. Николич слушал ее, не проронив ни слова. Он даже не притронулся к своему кофе. Когда она закончила рассказ, он еще какое-то время сидел молча, обдумывая услышанное.

— С каждым разом ваша история становится все удивительнее.

Мороженое Эбби окончательно растаяло, и на дне вазочки образовалась сладкая лужица. Эбби вычерпала ее ложкой.

— Все, кроме ее конца. Саркофаг оказался пуст. Столько трудов, а в результате — ноль.

— Драговича больше нет, — напомнил ей Николич. — Я видел телерепортаж о том, как его тело поднимали из-под земли. Эту новость специально показали здесь, в Сербии, чтобы мы воочию убедились, что он погиб. — Николич на минуту задумался. — Впрочем, я не исключаю и другое объяснение.

— Какое же?

— Есть одна легенда, связанная с именем Константина. Незадолго до смерти его мать совершила паломничество в Святую землю. Тамошние христиане якобы показали ей место, где после распятия Христа хранился тот самый крест. Согласно одному источнику, Елена доказала, что это и есть истинный крест, воскресив из мертвых одну старую крестьянку.

За спиной у Эбби на зеленой стриженной травке Уимблдона сербский игрок выиграл сет. За соседними столиками раздались радостные возгласы и аплодисменты.

— Вы полагаете...

— В этом вашем стихе есть слово, которое по-латыни звучит как *сигнум*, а по-гречески *тропайон*. Я уже говорил, что у него немало значений. Оно может означать и боевое знамя, и знаки военного отличия. Но оно также использовалось христианами авторами в значении «крест».

— *Спасенья знак, что освещает путь вперед.*

— Тот символ, который вы там нашли, ставрограмма. Я уже говорил вам, что он происходит от греческого слова «ставрос», что значит «крест». Многие полагают, что это вариант Константиновой христогограммы, но на самом деле он совершенно иного про-

исхождения. В ранних манускриптах писцы использовали его в качестве аббревиатуры, стенографической замены слова «крест».

Эбби задумалась.

— То есть вы хотите сказать, что мы, сами того не подозревая, обнаружили истинный крест — тот самый, на котором был распят Христос.

Николич на мгновение наморщил лоб, затем улыбнулся.

— Кто знает? Вы ведь сами сказали, что в саркофаге не было ничего, кроме пыли. В конечном итоге вся история превращается в прах. — С этими словами он помахал официанту, чтобы тот принес еще кофе. — Может, в один прекрасный день вы вновь спуститесь туда и посмотрите еще раз?

При этой мысли Эбби поежилась.

— Это невозможно. Когда Драгович взорвал гробницу, он уничтожил не только часть катакомб. Наверху стоял жилой дом. Так вот: он обрушился. Владелец дома, чтобы как можно скорее заново его отстроить, залил место взрыва бетоном. Вывалил едва ли не миллион тонн. Его участок не является собственностью Ватикана, и никто не смог ему воспрепятствовать.

— Может, оно даже к лучшему. — Николич усмехнулся. Впрочем, за его усмешкой явно что-то скрывалось. — Дар воскрешать из мертвых — страшная вещь. Пусть даже мы все время от времени о нем мечтаем.

Эбби закрыла глаза. Солнце передвинулось, и если до этого она сидела в тени зонтика, то теперь его лучи беспощадно били ей в лицо.

— Там, в катакомбах, — она на минуту умолкла, не зная, рассказывать или нет то, что она не сказала никому. Но в конце концов решилась. — В самом конце, когда Драговича застрелили. Карabinieri уже вошли в тоннели, но до той части катакомб они еще не дошли. И пуля, которой он был убит, — мне сказали, что она не того калибра и не могла быть выпущена из их винтовок. Вы не думаете... — Эбби развернула стул спинкой к солнцу и решительно трянула головой. — Впрочем, нет. Из мертвых еще никто не восставал.

— Разве что на Балканах. — Николич развернул газету. На первой странице была помещена фотография мужчины. Жестокое

лицо, всклокоченные седые волосы. Злоба, с какой он смотрел в камеру, ничуть не ослабла с тех пор, когда восемнадцать лет назад его кровавые «подвиги» в Боснии снискали ему сомнительную славу одного из самых страшных преступников во всем мире.

— Два года назад родственники этого человека обратились в суд, чтобы его официально признали мертвым. Вчера полиция обнаружила его в добром здравии, в квартире на другом берегу Савы.

Эбби знала, чем закончится эта история.

— Завтра его посадят на самолет и отправят в Гаагу, где он предстанет перед международным трибуналом по обвинению в преступлениях против человечества. Кстати, я лечу тем же рейсом.

Николич довольно улыбнулся.

— Это стало возможным из-за того, что случилось с Драговичем?

— Секрет, — Эбби расплылась в лукавой улыбке. — Впрочем, да. Как только баланс власти сдвигается, начинают происходить самые разные вещи. И если удача оказывается на нашей стороне, к нам в руки попадают, пусть не все, но отдельные нехорошие личности.

Из рюмки, куда его сунул официант, Эбби вынула счет и положила на стол несколько динаров.

— Вот увидите, вскоре появится кто-то другой, новый Золтан Драгович, который подберет то, что осталось от старого. Такие вещи просто так не проходят.

— Но пока существуют такие люди, как вы, которые не дают им окончательно распоясаться, на победу им рассчитывать не приходится.

Эбби смутилась его комплименту. Оба встали и пожали друг другу руки.

— В ближайшие месяцы я буду часто навещать в Белград. Думаю, неплохо было бы пообедать как-нибудь вместе.

— С удовольствием.

Эбби наклонилась и поцеловала Николича в щеку.

— Спасибо, что спасли меня.

— Счастливого пути, как говорили римляне.

Мёзия, август 337 года

Огонь в очаге догорает. Рабы ушли спать. На потолке бани крупными бусинами оседает остывающий пар и капает на пол. Под ногами натекли уже целые лужицы. Моя туника насквозь промокла. Может, сегодня убийцы не придут ко мне.

Но рано или поздно они придут. Улыбка Флавия Урса бес-
 сильна ввести меня в заблуждение. Я знаю, что дни мои сочте-
 ны. Я слишком многое знаю — не только о том, что случилось
 за последние три месяца, а за последние тридцать лет. И пока
 я жив, во мне будут видеть угрозу.

*Сначала они меня отправят в изгнание, затем подошлют
 наемных убийц.*

Я смотрю на свое отражение на дне пустого бассейна: раз-
 мытый портрет, покачивающийся над нимфами и богами. Это
 я. Я прожил свою жизнь среди людей, которые возвышались
 над нами как боги. Когда меня не станет, их имена и лица оста-
 нутся жить в камне. Мое — исчезнет навсегда.

Если только...

Так восстал ли Крисп из мертвых? Правдива ли рассказан-
 ная Порфирием история или же это просто ложь, призванная
 оправдать государственный переворот? Я задаюсь этим вопросом
 каждый день, вот уже два месяца. И до сих пор не знаю ответа.
 Иногда, вспоминая те мутные глаза, я говорю себе — нет, это-
 го не может быть, но стоит вспомнить его прощальную улыб-
 ку, как я непоколебимо верю в то, что это мог быть только он.

Неужели я прожил целую жизнь, поклоняясь не тем бо-
 гам? Я ощущаю себя путником, который, приближаясь к кон-
 цу своих странствий, неожиданно обнаруживает, что все время
 шел неверной дорогой. Я прошагал слишком далеко от начала
 пути. И как мне идти дальше, как сделать хотя бы шаг, если
 я знаю, что этот путь ведет не туда.

Но неужели это так важно? Если Крисп действительно вос-
 стал из мертвых, что ж, это действительно чудо, но чудо не от-
 личное от того, что проповедуют христиане: что человек был
 убит, а Бог вернул его к жизни. Если это подарок Бога, то мы
 вряд ли его заслужили. Такие люди, как Евсевий и Астерий, ис-

пользуют свою веру как оружие, чтобы разделять мир на тех, кто с ними, и кто против них. Константин, несмотря на все его ошибки, более чем кто-либо другой пытался подарить империи мир. Он полагал, что новая религия поможет ему достичь этой его высокой цели. На мой взгляд, его ошибка заключалась в том, что он был склонен полагаться на христиан, а не на их Бога.

Симмах: *христиане темная, злобная секта, запутавшаяся в собственных взглядах.* С этим не поспоришь. А если учесть, какие черные дела на совести Астерия и Евсевия, то это еще мягко сказано.

Но неужели в этом мире нет ничего доброго, ничего истинного лишь потому, что дурные люди становятся на путь зла? Должны ли мы пасовать перед жестокими гонителями и палачами, такими как Максенций, Галерий, старый Максимиан?

Я вспоминаю мысль, которую вычитал в книге Александра. *Человечность надобно защищать, если мы хотим быть достойны имени человека.*

В дверь стучат. По моей спине пробегает неприятный холодок, но это скорее рефлекс. Я готов. В лесу за домом моя гробница уже вырыта, в саркофаге ждет запечатанный сосуд. В нем несколько секретов, которые я хочу унести с собой в могилу — свиток с моими записями, ожерелье Порфирия. Если кто-то когда-то меня найдет, пусть поломает голову над тем, что все это значит. Я достиг конца жизни, и я ничего не знаю.

Стук повторяется, громкий и настойчивый. Подозреваю, что в последние дни, пока Флавий Урс зачищал концы, его люди не сидели без дела. С моей стороны нехорошо заставлять их ждать.

Я поднимаюсь на ноги и даже не смотрю по сторонам. Мой взгляд прикован ко дну бассейна. Внезапно мне в глаза бросается любопытная деталь, которую я не замечал раньше: два побега водорослей сплелись друг с другом на белом фоне, образовав крест. Такая простая форма — ее можно увидеть повсюду.

Я готов. Нет, я не боюсь умереть, как не боюсь того, что будет потом. Я отвечаю на стук, и мой голос звучит ясно и четко.

— Входи.

Исторический комментарий

Мое первое знакомство с Константином Великим состоялось в университете, когда я взялся за бакалаврское сочинение на тему «Считал ли Константин, что выполняет божественную миссию, и если да, то была ли она христианской?». Настоящая книга — своего рода попытка исследовать этот же самый вопрос.

Недавно написанная Полом Стивенсоном биография императора Константина предупреждает нас о том, насколько сложно быть уверенным в реальных подробностях жизни древнеримского монарха. «Письменных источников практически нет, а те, что сохранились — неполны и внушают сомнения, поскольку либо могли быть намеренно искажены, либо в них вкрались ошибки переписчиков; потому они не содержат сколько-нибудь надежной информации».

Самый лучший из дошедших до нас источников — это «Жизнеописание Константина», принадлежащее перу Евсевия. Ее автор — церковник со своим особым взглядом на главную тему повествования и описываемые события. Выполненная по заказу Константина редакция отдельных событий его жизни, о которой рассказывается в моем романе, действительно имела место. Сделав подобное уведомление, я пытаюсь быть по возможности более точным в отношении того, что говорят источники об истории, изложенной в моем произведении.

Большинство главных действующих лиц этого исторического романа — реальные личности. Поэт Публий Оптациан Порфирий был в свое время отправлен в изгнание. Он дважды был префектом Рима и на самом деле сочинял стихи, содержавшие тайные послания и которые дошли до наших дней. Евсевий из Никомедии был одним из главных церковников в эпоху правле-

ния Константина, главным лицом секты ариан, а позднее епископом Константинополя. Вы можете получить представление о том, как он проводил силовую политику, из того факта, что за десять лет, прошедших после Никейского собора, все главы соперничающих фракций были физически уничтожены или отправлены в изгнание. Софист Астерий был христианином, предавшим единоверцев во время преследований и отлученным от церкви. Тем не менее, он играл активную роль в церковных кругах в качестве серого кардинала секты ариан.

Аврелий Симмах, философ-неоплатоник и политик, происходил из знатной семьи язычников. Флавий Урс стал консулом через год после смерти Константина и предположительно занимал высокий пост в военном командовании.

Биографические подробности всех этих людей неполны, и я воспользовался правом писателя заполнить эти лакуны.

Члены семьи Константина, которые фигурируют в романе, также являются реальными людьми, и их постигла примерно та же судьба, которая описана на его страницах. Правило *damnatio memoriae*, к которому прибегнул биограф Константина, было настолько действенным, что истинная участь Криспа и Фаусты навсегда останется тайной. То, что написал об этом я, отражает широко распространенную версию тех давних событий.

Небольшое отступление от стандартной исторической традиции, которое я допустил, касается второго сына Константина. Его знают главным образом под именем Константина II, но поскольку в романе действует сам Константин, два Констанция, Констант и Констанциана, то я решил, во избежание путаницы, называть его первым именем, Клавдий. Епископ Александр — вымышленный персонаж, в котором я соединил черты Евсевия Кесарийского и христианского автора Лактанция, который был учителем Криспа. «Цитаты» из книги Александра, приведенные в 18-й главе, я позаимствовал из труда Лактанция «Божественные установления». Гай Валерий — еще одна вымышленная личность, чья жизнь перекликается с биографиями других людей.

Что касается Константина, то он является одной из самых выдающихся и ярких личностей в истории человечества. Его

заслуги в объединении Римской империи неоспоримы, хотя результат его деяний просуществовал недолго. Основанный им город, Константинополь, оставался имперской столицей вплоть до двадцатого века. То, что Константин сделал из христианства — гонимой в ту пору секты — мировую религию, сегодня столь же важно, как и тогда, при его жизни. Почти семнадцать веков после битвы при Мульвиевом мосту принятая им вера остается крупнейшей мировой религией. И в какую церковь вы ни войдете, непременно услышите в ней символ веры, принятый на Никейском соборе. Он до сих пор служит великим объединителем всех христиан.

Вопрос, поставленный в моей бакалаврской работе — имел ли Константин божественную миссию? — остался без ответа. Образы и нарратив христианства, имперский Рим, Геракл, Аполлон, культ Непобедимого Солнца, равно как и другие культы того времени, накладываются один на другой, и невозможно прочертить между ними четкие границы. Сомневаюсь, что это мог сделать и сам Константин.

Состарившийся Константин раздражает нас по той же причине, по которой и христианство возбуждает гнев у своих ненавистников. Это мучительный разрыв между благородными идеалами и низменной реальностью. Константин в этом разрыве прожил всю свою жизнь. Наша оценка этого человека зависит главным образом от того, как мы оцениваем сами себя.

От автора

При подготовке и написании этой книги мне помогало много людей. Елена Миркович познакомила меня с Белградом, и благодаря ей я написал на три главы больше, чем предполагал. В Косове бесценную помощь в понимании жизни представителей международного сообщества в Приштине мне оказали Ник Хоутон и его коллеги из пресс-службы EULEX, в особенности Ирина Гудельевич. Капитан Дэниэл Мерфи любезно познакомил меня с лагерем Кэмп-Бондстил и подарил мне один из самых запоминающихся дней, что очень помогло мне при подготовке этой книги. Он также любезно ответил на ряд интересующих меня вопросов, когда я приехал к нему в Северную Дакоту. Я чрезвычайно благодарен полковнику Джерри Андерсону, майору Роберту Фуджери и первому сержанту Рiku Маршанеру — все они из Национальной гвардии Северной Дакоты — за то, что они уделили мне немало времени, рассказывая о своей службе в Косове. Выражаю благодарность полковнику Патрику Морану из армии Ирландии, майору бундесвера Хагену Мессеру и лейтенанту марокканской армии Туфику Баблаху за возможность побывать в Кэмп-Филм-Сити в Приштине.

Роман, подобный этому, не может обойтись без отрицательных персонажей и их злодеяний.

Стоит отметить, что все люди из числа персонала Евросоюза и НАТО, с которыми мне довелось встретиться в Косове, произвели на меня впечатление серьезных, вдумчивых профессионалов, несущих трудную и важную службу вдали от дома. Я уехал оттуда, искренне восхищаясь этими людьми и их делами.

Когда я вернулся в Англию, моя сестра Иона поведала мне немало интересного о МИДе. От Эммы Дэвис я узнал многое о

военных преступлениях. Кевин Андерсон рассказал мне об огнестрельных ранениях, Сью и Дэвид Хокинс — о Стамбуле, а доктор Тим Томпсон — о костях. Доктор Линда Джонс направила меня в нужном направлении в работе над образом Порфирия.

Для каждого романа находится пара книг, служащих бесценным кладом информации. При работе над этой книгой такими справочниками для меня стали превосходная биография «Константин» Пола Стивенсона (издательство «Quercus») и подробнейший труд Тимоти Д. Барнса «Новая империя Диоклетiana и Константина» (издательство «Harvard University Press»).

Мои коллеги по Ассоциации писателей-криминалистов, особенно Майкл Ридпат, сделали все, чтобы я комфортно провел год на посту председателя. Их стараниями я избежал традиционного проклятия «потерянной книги». Мой агент Джейн Коуэй-Гордон поддерживала нормальный уровень сахара в моей крови. Мои издатели Кейт Элтон и Кейт Берк и их талантливые коллеги из издательства «Рэндом Хаус» проделали превосходную работу по улучшению, печати и продвижению романа на книжном рынке.

Мой сын Оуэн ползал вместе со мной по катакомбам и совершил памятное путешествие на поезде в Остию. Его брат Мэтью появился на свет в самый разгар моей работы над книгой и вместе того, чтобы сорвать мои планы, сделал те месяцы, когда я писал этот роман, истинным удовольствием.

Моя супруга Эмма, как всегда, довела все до совершенства.

Оглавление

Глава 1.....	9
Глава 2.....	20
Глава 3.....	25
Глава 4.....	34
Глава 5.....	41
Глава 6.....	50
Глава 7.....	57
Глава 8.....	66
Глава 9.....	73
Глава 10.....	84
Глава 11.....	89
Глава 12.....	101
Глава 13.....	110
Глава 14.....	119
Глава 15.....	125
Глава 16.....	132
Глава 17.....	139
Глава 18.....	148
Глава 19.....	154
Глава 20.....	165
Глава 21.....	175
Глава 22.....	184
Глава 23.....	193
Глава 24.....	200
Глава 25.....	207

Глава 26.....	220
Глава 27.....	229
Глава 28.....	239
Глава 29.....	243
Глава 30.....	253
Глава 31.....	260
Глава 32.....	270
Глава 33.....	281
Глава 34.....	289
Глава 35.....	298
Глава 36.....	306
Глава 37.....	320
Глава 38.....	327
Глава 39.....	341
Глава 40.....	354
Глава 41.....	363
Глава 42.....	369
Глава 43.....	381
Глава 44.....	391
Глава 45.....	399
Глава 46.....	410
Глава 47.....	429
Исторический комментарий	437
От автора	440

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Том Харпер

СЕКРЕТ ПОКОЙНИКА

Ответственный редактор *А. Крымов*

Редактор *А. Поярков*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *М. Мавриной*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания

согласно законодательству РФ о техническом регулировании

можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.03.2015. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № О-729.

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-699-79364-8

9 785699 793648 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*

E-mail: international@eksmo-sale.ru
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса
«Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге, ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru
Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ГЕН АТЛАНТИДЫ

А. Дж. Риддл

— роман, покоривший весь мир!

«Ген Атлантиды» — книга, которая произвела настоящую революцию в секторе электронных продаж на «Амазоне», ворвавшись в список абсолютных бестселлеров!

Автор повествует о величайшей из затерянных цивилизаций прошлого Атлантиде, о глобальных генетических экспериментах, древних заговорах и тайне человеческой эволюции, что в итоге представляет собой потрясающий сюжет в духе Дж. Роллинса и Д. Брауна.

Зона Икс
misterium

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР АННИГИЛЯЦИЯ

**СЕНСАЦИОННАЯ ТРИЛОГИЯ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО МАСТЕРА ПСИХОДЕЛИЧЕСКОГО УЖАСА!**

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ.

Стивен Кинг

Одна из самых искусных,
САМЫХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
блестящего писателя.

Питер Страуб

Неожиданно
и **КРАСИВО ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ.**

Уоррен Эллис

**КОГДА РИСКОВАННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОВАЛИВАЕТСЯ,
КАЖДЫЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ САМ ЗА СЕБЯ В ЭТОМ
ВОСХИТИТЕЛЬНО ЖУТКОМ СМЕШЕНИИ ФАНТАСТИКИ С КОШМАРОМ.**

Никто не знает, откуда взялась Зона Икс — смертельно опасная территория, кишащая аномальными явлениями. Там не бегают чудовища, оттуда не приносят трофеев, и охотники за наживой там не промышляют. Тайная правительственная организация отправляет в Зону одну исследовательскую экспедицию за другой, но чаще всего те не возвращаются — или возвращаются, но неуловимо и страшно изменившись. Сможет ли новая, двенадцатая экспедиция в Зону добиться того, что не удалось предшественникам, и раскрыть тайны этого проклятого места? Оставив позади имена и прежние жизни, четыре женщины — психолог, биолог, топограф и антрополог — отправляются навстречу чуждой, нечеловеческой тайне...

КОНЕЦ СВЕТА НЕ ПРОСТО ВОЗМОЖЕН. ОН НЕИЗБЕЖЕН

Сенсационная серия романов от новой звезды остросюжетной литературы! На студии Lionsgate создателем «Блэйда» снимается блокбастер по первой книге!

ЭТО ДОЛЖНЫ ПРОЧИТАТЬ ВСЕ!

ПАТРИК ЛИ родился в штате Мичиган в 1976 году. Еще в юношеские годы он начал писать киносценарии для Голливуда. Когда ему исполнилось тридцать, Патрик решил попробовать себя на поприще остросюжетной литературы — и не прогадал. Первый же его роман «Брешь», открывающий серию книг о Трэвисе Чейзе, стал супербестселлером, самой продаваемой книгой 2010 года по версии издания New York Times.

Очень ярко и пугающе, **ПОЧТИ НЕВЕРОЯТНО.**

Ли Чайлд

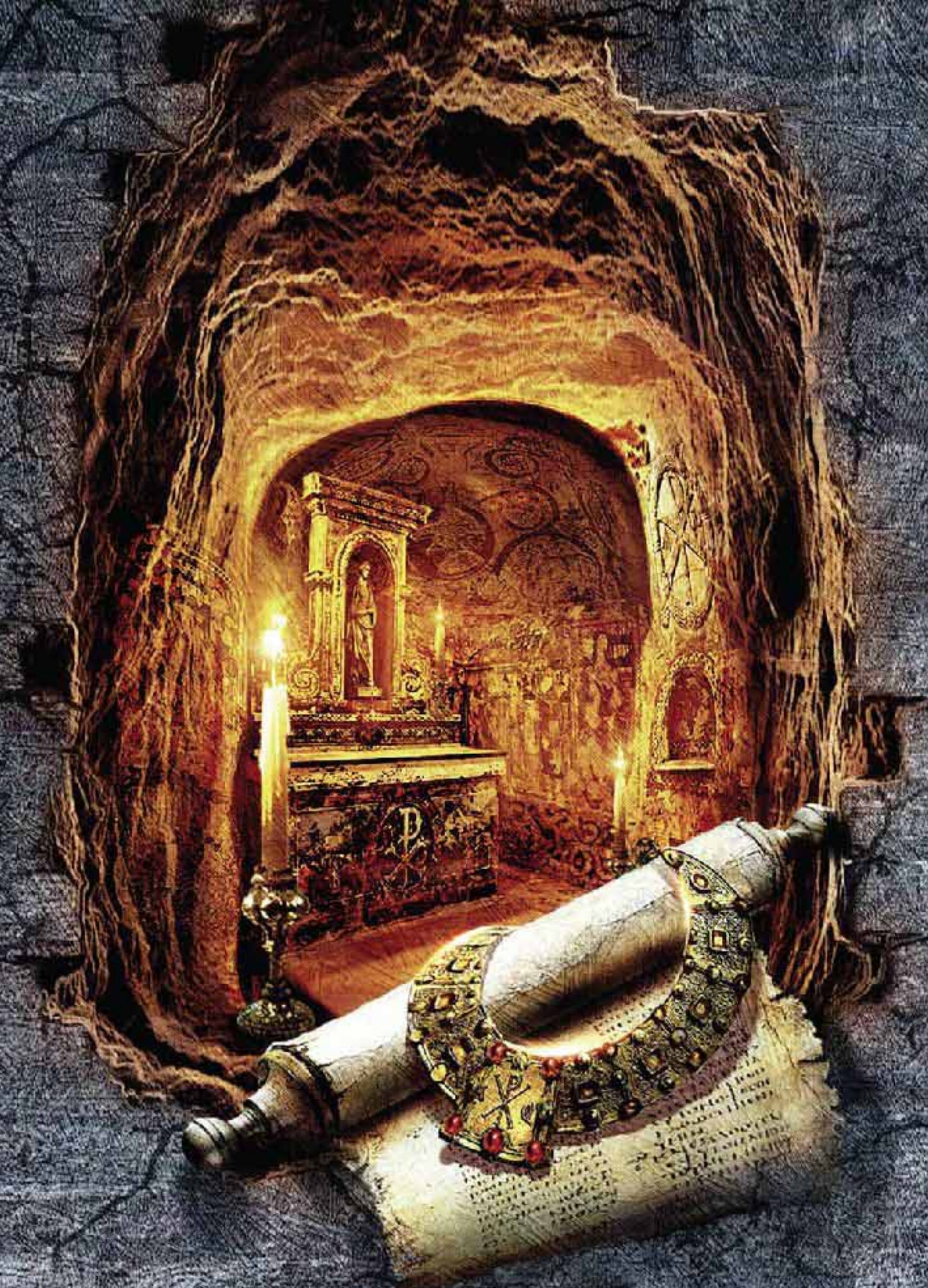
Одно слово: **БЛЕСЯЩЕ...** у меня **ДЫХАНИЕ ПЕРЕХВАТИЛО.**

Джеймс Роллинс

У **ЛИ** **БЕЗУСЛОВНЫЙ ТАЛАНТ РАССКАЗЧИКА...**

По-настоящему здорово.

Стив Бейли

Святой равноапостольный император Константин навсегда изменил мир, сделав христианство господствующей религией Римской империи. Но даже у святых есть секреты, особенно у тех, кто наделен неограниченной властью. Спустя столетия тайны мертвых возвращаются из тьмы забвения, чтобы преследовать живых. Современным грешникам и святым, убийцам и миротворцам предстоит выяснить правду о злодеянии, вычеркнутом из истории, об убийстве, оставшемся неотмщенным, и реликвии, казавшейся утерянной навсегда...

ISBN 978-5-699-79364-8

9 785699 793648 >